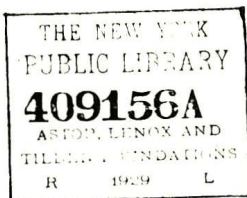

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XIV

1926

I.—СТАТЬИ.

ЗАКОН ЦЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ¹⁾.

Общие замечания.

При анализе предпосылок первоначального социалистического накопления мы уже показали, что закон социалистического накопления не является единственным основным законом советской экономики. Особенность существующей у нас товарно-социалистической системы хозяйства в том и заключается, что в ее пределах действуют одновременно два закона с диаметрально противоположными тенденциями. Вторым из этих двух законов является закон ценности. Если в первом законе находят свое выражение тенденции будущего нашей экономики, то во втором на нас давит наше прошлое, упорно стремящееся задержаться в настоящем и повернуть назад колесо истории. В законе ценности концентрируется вся сумма тенденций товарного и товарно-капиталистического элементов нашего хозяйства, а также вся сумма влияний на нашу экономику мирового капиталистического рынка. Нам предстоит рассмотреть, в чем проявляется в нашем хозяйстве закон ценности, каков удельный вес его, как протекает борьба двух законов и какие социальные продукты порождают борьба, взаимодействие и вынужденное сожительство двух основных тенденций в хозяйственном организме страны.

В главе о законе социалистического накопления мы только мельком затронули этот вопрос. Теперь нам предстоит последовательно и систематически проанализировать действие закона ценности в нашем хозяйстве. Это лучше всего сделать, если мы, после нескольких общих замечаний, проанализируем основные категории политической экономии и установим ту или иную степень значимости их для нашего хозяйства.

Закон ценности есть закон стихийного равновесия товарно-капиталистического общества. В обществе, лишенном головных центров планового регулирования, благодаря действию этого закона, прямому или косвенному, достигается все то, что нужно для относительно нормального функционирования всей производственной системы данного типа: и распределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства, состоящее из распределения людей и средств производства, и распределение продукта годового производства общества между рабочими и капиталистами, и распределение прибавочной ценности для

¹⁾ Глава из подготовленной к печати теоретической части книги „Новая экономика“.

расширенного воспроизводства между отдельными отраслями или странами, и распределение ее между другими эксплуататорскими классами, и технический прогресс, и победа экономически передовых форм над отсталыми и подчинение последних первым. То, что мы называем категориями политической экономии, есть логически чистые, идеальные описания тех реальных отношений производства, обмена и распределения, которые складываются на базе товарного и товарно-капиталистического производства. При этой системе хозяйства мы имеем, если можно так выразиться, затвердевшие группировки людей в процессе производства и распределения, какими они складываются на почве стихийного саморегулирования хозяйства, благодаря закону ценности; при всей текучести личного состава эти группировки постоянно воспроизводятся на каждой новой ступени капиталистического развития, образуя определенные типы производственно-распределительных отношений. Научное описание этих типов отношений людей к людям (а не вещей к вещам или людей к вещам) на базе товарного и товарно-капиталистического производства и называется Маркс категориями политической экономии, которые адекватны, следовательно, реальным отношениям при капитализме в сфере бытия, но в науке воспроизводят эти отношения абстрактно, в их чистом виде¹⁾. Рента, как категория капиталистической экономики—это не те реальные ценности, которые платит капиталистический арендатор собственнику земли, а такое распределительное отношение между арендатором и собственником, которое гарантирует систематическое перекачивание части прибавочной ценности от одного к другому. Зарплата, прибавочная ценность суть производственно-распределительное отношение между рабочими и капиталистами. Категория прибыли, как иная форма прибавочной ценности, есть отношение распределения между капиталистами, переходящее благодаря механизму уравнивания нормы прибыли и всему механизму капиталистического общества в отношении распределения труда и средств производства. В этом случае это производственное отношение капиталистов к капиталистам, взятым не в качестве потребителей (как выше), а организаторов производства. Категория цены—это есть, с одной стороны, производственное отношение, резюмирующее как уровень производительности труда внутри отдельных отраслей и распределение рабочих сил между различными отраслями производства, так, с другой стороны, отношение распределения, поскольку уровень цены определяет уровень того потока ценностей, который перетекает из рук одних групп людей в руки других. А в-третьих, это опять производственное отношение, п. ч. через механизм отклонения цен от ценности происходит перераспределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства. Наконец, товар есть самая общая категория политической экономии, характеризующая в целом производственные отношения людей рассматриваемого типа, как отношения отдельных неза-

¹⁾ Не надо, разумеется, здесь пояснять, что отношение между категориями бытия и категориями мышления в политической экономии понимается так же, как и во всей общеполитической концепции диалектического материализма.

висимых товаропроизводителей, связанных в единое хозяйственное целое системой рыночных отношений. Логически категории могут быть выведены из закона ценности.

Мы делаем эти предварительные замечания вот почему. 90% всех ошибок, непонимания и мозговых мучений при изучении Маркса происходит у нашей молодежи от натуралистического понимания закона ценности. Формально усвоив, что категории—это отношение людей к людям, многие упорно возвращаются к пониманию их, как вещных категорий, особенно когда объясняются не на языке цитат из Маркса, а на своем собственном. За потоком вещей, текущих, допустим, от эксплуатируемых рабочих к капиталистам, от капиталистов к банкирам или землевладельцам, из одной отрасли производства в другую, покупаемых, продаваемых на рынке и затем потребляемых и т. д., часто не видят постоянства группировки людей, от которых и к которым происходит это движение, постоянства производственных отношений между людьми при системе товарного хозяйства, которые как раз и изучает политэкономия. Эта материализация в голове людских отношений, которые внешне материализованы и в реальной жизни, приводит и к неправильному пониманию многих отношений в нашем хозяйстве. И здесь за движением материальных ценностей, которые *in natura* те же, что и при капитализме, и движутся часто внешне по тем же линиям (зарплата, «накопление», «рента»), за тождеством отношений людей к природе (та же техника, «те же» рабочие) не видят происшедших изменений в производственных отношениях.

Поэтому так особенно важно приступить к намеченному анализу с совершенно правильным представлением читателя о том, как нужно по-марксистски понимать категории капиталистического общества, чтобы выдержать это понимание и при анализе производственных отношений в советском хозяйстве. Попутно, при нашем анализе, сам собой решится вопрос о том, правильно ли все наше хозяйство или по крайней мере господствующий тип отношений в нем называть термином «государственный капитализм».

Закон стоимости и монополистический капитализм.

Что является предпосылкой для возможности действия закона ценности? Недостаточно ответить на этот вопрос общей фразой: предпосылкой является существование того общества, на почве которого действует этот закон, т.-е. товарного производства. Экономика общества независимых и самостоятельных производителей, работающих на рынок, есть тоже товарное производство. Классический капитализм периода свободной конкуренции—тоже товарное производство. Монополистический капитализм, капитализм, трестированный в национальном, а кой-где и в интернациональном масштабе,—тоже товарное производство. Наконец, государственный капитализм Германии 1914—1918 г.г. и очень сильные тенденции в том же направлении в хозяйстве стран Антанты во время войны—все это тоже было формально товарное хо-

зьяство. Но разве кто-либо возьмется утверждать, что при всех этих четырех типах товарного производства закон ценности мог одинаково развернуть свое действие и выявить все свои наиболее характерные черты? Я не говорю уже о раннем капитализме, который еще страдал от остатков цеховой регламентации производства и от вмешательства в производственный процесс феодального государства.

Поскольку закон ценности есть стихийный регулятор производственного процесса в товарном обществе, постольку, для наиболее полного, наиболее характерного действия этого механизма регулирования, нужен наиболее стихийный тип производственных отношений, с минимальными искажениями такой стихийности путем организующих начал в производстве и обмене. Морскую бурю лучше всего сфотографировать в открытом океане. Также и закон ценности лучше всего теоретически сфотографировать в чистом виде в его родной стихии, т. е. в период свободной капиталистической конкуренции, что Маркс и выполнил в «Капитале».

Для наиболее полного проявления закона ценности надо, чтобы существовала полная свобода товарооборота как внутри страны, так и между странами на мировом рынке. Надо, далее, чтобы рабочий был свободным продавцом, а капиталист — ничем не стесняемым покупателем рабочей силы, как товара. Надо, чтобы вмешательство государства в производственный процесс и количество собственных предприятий государства свелось к минимуму, а также отсутствовала регламентация цен со стороны монопольных организаций самих предпринимателей и т. д. Таких идеальных условий для свободы конкуренции в масштабе мирового хозяйства никогда не было, потому что и таможенные барьеры между национальными хозяйствами, и вмешательство государства в производственный процесс, и невозможность свободного приложения капитала в сельском хозяйстве без дани частной собственности за землю, и, наконец, организация в профсоюзы продавцов рабочей силы — все это означало известные ограничения свободы конкуренции. Однако относительно наиболее идеальным периодом для свободы конкуренции в масштабе мирового капиталистического хозяйства, следовательно, максимально благоприятным периодом для действия закона ценности, была эпоха классического капитализма, предшествовавшая переходу его в стадию империализма. «Порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»¹⁾.

С развитием монополистических тенденций капитализма кончается идеальный период свободной буржуазной конкуренции. Ряд важнейших отраслей производства в крупнейших капиталистических странах захватывается мощными трестовскими объединениями или в худшем случае создаются не чисто производственные объединения, а объединение по реализации продукции, т. е. синдикаты и картели. Происходит сращивание крупнейших трестов с банковским капиталом, либо бан-

ковские центры делаются исходными пунктами далеко идущего контроля над производством. Свобода конкуренции либо совсем ликвидируется внутри данной страны в полностью трестированных или синдицированных областях, либо серьезнейшим образом урезывается, благодаря контролю банковского капитала, не заинтересованного в ожесточенной борьбе предприятий, которые он кредитует или контролирует. Монополистические тенденции простираются за национальные пределы, начинаются и отчасти увенчиваются успехом попытки создания в некоторых отраслях единых международных капиталистических трестов, либо вся свобода конкуренции сводится к соперничеству на мировом рынке двух-трех гигантских трестов данной отрасли производства. Ограничение свободы конкуренции приводит также к ограничению действия закона ценности, к тому, что он встречает ряд препятствий для своего проявления и частично замещается той формой организации производства и распределения, до которой вообще может подняться капитализм, оставаясь капитализмом. В сфере регулирования цен законом ценности происходит изменение в следующем. При трестировании или синдицировании важнейших отраслей внутри данной страны цены систематически (хотя и не обязательно всегда) отрываются от ценности в сторону повышения. При «бросовом» экспорте на внешнем рынке цены систематически отрываются от ценности в сторону понижения, внутри же страны в сторону повышения. Чрезвычайно затрудняется возможность выравнивания нормы прибыли между трестированными отраслями производства, которые превращаются в замкнутые миры, в феодальное царство отдельных капиталистических объединений. Очень важно для будущего отметить здесь, что и экономическая необходимость пробивает себе здесь дорогу в значительной степени иначе, чем при законе ценности, а следовательно — и политическая экономия открывает при анализе этих форм новую главу, поскольку начинается трансформация самого понятия «закон», с каким приходится иметь дело при свободе конкуренции.

Во время мировой войны, под влиянием тех изменений, которые эта война внесла в экономику борющихся государств, в особенности же в экономику почти оторванной от мирового рынка Германии, монополистические тенденции капитализма получили мощный толчок к дальнейшему развитию, доведя экономику, например, такой страны, как Германия, до системы государственного капитализма. Потребности обороны принудили государство провести учет всех производственных возможностей страны, распределять по определенному плану военные заказы между трестами и вызвали принудительное картелирование до того необъединенных предприятий. Началось форсированное развитие одних отраслей, сжатие других, началось перераспределение производительных сил страны по определенному плану. Цены назначались государством, а тем самым государство же регламентировало уровень прибавочной ценности, т. е. фактически распределяло ее между классом капиталистов. Недостаток сырья побудил централизовать снабжение и вызвал к жизни знаменитый комитет по снабжению сырьем промышленности, руководимый Ратенау. Регулирование всего капиталистического произ-

¹⁾ Ленин. „Империализм“. т. XIII. стр. 249—250.

водства буржуазным государством достигло небывалой в истории капитализма глубины. Формально товарное производство превратилось фактически в важнейших отраслях в производство плановое. Свободная конкуренция была ликвидирована, действие закона ценности во многих отношениях было почти полностью замещено плановым началом государственного капитализма.

В странах Антанты система хозяйства периода войны была в значительно меньшей степени системой госкапитализма, но и здесь тенденции в этом направлении были очень сильны. В частности, в Англии, руководимое Ллойд-Джорджем министерство снабжения добилось весьма далеко идущего регулирования почти всей крупной промышленности и не только военной.

В общем период войны с полной ясностью обнаружил, куда растет система монополистического капитализма, он показал с полной очевидностью, что современная система хозяйства объективно вполне созрела для социалистического планового производства и что все дело лишь за приходом хозяина, т.-е. за рабочим классом.

Когда кончилась война, когда для буржуазии кончился «кошмар принудительного хозяйства», и ее экономисты приветствовали возрождение эры свободной конкуренции, оказалось, что монополистические тенденции мирового капитализма не только не кончились, а лишь вступили в новую более решающую стадию.

Когда во время войны произошел частичный распад мирового хозяйства, как относительно связанного хозяйственного целого, когда был сделан большой шаг назад от того мирового разделения труда, которое было достигнуто перед 1914 годом, ярко выявилась хозяйственная автаркия отдельных национальных экономических единиц. Эта автаркия поддерживалась еще ликвидацией золотого обращения и переходом всех стран, кроме Америки, к системе бумажных валют. Стоимостные отношения производства мирового хозяйства пробивали себе с трудом дорогу к хозяйствам отдельных стран не только вследствие сокращения абсолютных размеров мировой торговли, но только вследствие усиления таможенных преград в ряде государств, но также и вследствие того, что уменьшилось соприкосновение товарных масс отдельных стран с мировыми деньгами, с золотом, как мерилем ценности на мировом рынке. Постепенное восстановление мировых связей, подъем производства от послевоенного уровня, увеличение оборота мировой торговли, частичное восстановление старых пропорций в мировом разделении труда, наконец, необходимость американских кредитов для истощенного войной хозяйства Европы привели к уменьшению автаркии. В лице Швеции и Англии начался даже переход к золотой валюте.

Однако почти достигнутое восстановление довоенного положения в размерах мирового производства и обмена отнюдь не является вместе с тем восстановлением всех закономерностей довоенной экономики и старых пропорций в распределении производительных сил между отдельными странами. Ограничение закона ценности, начавшееся при монополистическом капитализме, не только не приостановилось в результате

войны, но приобрело после войны и большую силу и чрезвычайно своеобразную форму.

До войны страной наибольшего трестирования промышленности была Америка, наибольшего сращивания банковского капитала с промышленным — Германия. Перерастание национальных рамок монополистическими тенденциями, т.-е. тенденциями к образованию мировых трестов, больше всего пробивало себе дорогу именно из этих стран. Война закончилась разгромом Германии, и хозяйство этой страны не играет теперь былой роли в мировой экономике. Наоборот, начавшееся еще до войны выдвижение на первый план в мировом хозяйстве Америки продолжалось с громадной быстротой во время войны и после войны. Но если Америка приобретает доминирующую роль в мировом хозяйстве, то тем самым приобретают в нем доминирующую роль монополистические тенденции американского капитализма, бурно вырывающиеся на этом этапе за пределы национального хозяйства Америки. Возможность такого оборота дела Ленин предвидел еще в своей книге «Империализм» и т. д., и в частности особенно отчетливо в одном месте своей статьи «О картине на марксизм и об империалистическом экономизме». Ленин писал здесь: «Империализм есть экономически монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли экономическая возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство — финансовая зависимость и скупка источников сырья, а затем и всех предприятий конкурента» (Ленин, т. XIII, стр. 354). Если под финансовой зависимостью понимать также и захват через систему кредита, то это и будет в основном и в самых общих чертах картина того, что мы видим в настоящий момент во взаимоотношениях американского монополистического капитализма с Европой и со всем миром.

Во-первых, подчинение всего мирового хозяйства ценностным отношениям Америки выразилось в том, что только Америка оставалась страной золотой валюты, а следовательно, только на ее территории золото вступало, как и раньше, в непосредственное соприкосновение с миром товаров. Разумеется, американский доллар играл и играет свою доминирующую роль, как мерило ценности, потому что он связан со своим золотым основанием. Не порвал же он с этим основанием вследствие совершенно исключительной хозяйственной мощи Америки, не пострадавшей, а выигравшей от войны. Валютная диктатура есть отражение общего экономического господства Америки над другими странами¹⁾.

¹⁾ Интересно вспомнить, что на протяжении истории валютная диктатура принадлежала обыкновенно той стране, которая играла доминирующую роль в каждый данный момент в мировой торговле и в мировой экономике. В период господства финикийской и греческой торговли в Средиземном море огромную роль играет греческий и финикийский талант. Флорин господствует в период господства итальянского торгового капитала в Средиземном море. Торговая роль Испании выдвигает на первый

Во-вторых, подчинение идет по линии кредита. Это—самый мощный рычаг подчинения всюду и везде. Отказ в кредитах есть самое могучее средство давления в руках американского капитала как на прайвильства, так и на капиталистические круги других стран. Если страна попадает в орбиту американского давления с этого конца, одновременно давление идет на определенные отрасли промышленности данной страны со стороны соответствующих трестов. Тот или иной американский трест, монополизировавший производство и сбыт внутри своей страны, втягивает в орбиту своего влияния трестированную же или нетрестированную промышленность других стран. К общему давлению американского капитализма, как целого, в общеполитической и финансовой областях, присоединяется давление отдельных трестов.

Третий метод — это прямое вытеснение с мирового рынка своих конкурентов превосходством качества, дешевой продукцией, а главным—кредитными выгодами для покупателей. А вместе с тем движение в том же направлении идет и самым прямым путем и без всякой борьбы, поскольку все большая и большая часть всего мирового производства *in natura*, тем самым и товарной массы его, концентрируется на территории Америки.

Все растущая тенденция к единодержавию Америки в мировом хозяйстве, при уже достигнутом единодержавии капиталистических монополий в трестированных областях самой американской промышленности, автоматически влечет за собой распространение монополистических тенденций из американского центра по всему миру. Но рост монополистических тенденций, несмотря на формальное существование свободной конкуренции, неизбежно влечет за собой дальнейшее ограничение и трансформацию действия закона ценности, но уже не внутри отдельных национальных хозяйств с высокой степенью развития монополий, а на арене всего мирового хозяйства. В этом особенно сильна послевоенная экономика. Я не буду здесь останавливаться на всей этой проблеме, и, быть может, вернусь к ней в особой работе по мировому хозяйству. Остановлюсь лишь на выводах, имеющих значение для данной темы.

Не случаен тот факт, что в период расцвета свободной конкуренции господствующая страна в мировой экономике, т.-е. Англия, была сама страной свободы торговли. И наоборот, не случайно, что в период монополистического капитализма господствующей страной в мировом хозяйстве делается классическая страна монополистического капитализма. Но если в период господства свободы конкуренции отсталые страны боролись с английской экспансией, воздвигая таможенные барьеры и развивая свою промышленность, то борьба с Америкой и ее монополистическими тенденциями отнюдь не происходит в форме борьбы за сво-

плав в интервалюторных отношениях пиастр, Голландия господствует не только своим флотом, сукном и торговлей вообще, но и гульденом. С переходом центра тяжести мировой экономики и торговли к „владычице морей“, выдвигается роль английского фунта. Наконец, экономически господство Америки в мировом хозяйстве приводит в валютной области к диктатуре доллара.

боду конкуренции против монополий. Американский капитализм превосходит другие капитализмы не только своей общеэкономической мощностью и огромными кредитными ресурсами в товарной и денежной форме, но и своей техникой, своей более высокой производительностью труда. Борьба с американской конкуренцией апеллирующей к свободе конкуренции* остальным капиталистическим странам совсем не под силу. Совсем наоборот. Не Европа борется с американским монополизмом на базе свободной конкуренции, а американский монополизм часто апеллирует к свободе конкуренции для победы монополии. Европейские страны борются против наступления Америки весьма жалким образом: либо таможенным покровительством не растущим (как в XIX веке), а падающим, либо застывшим в движении индустриям, т.-е. монополистическими же искажениями свободы конкуренции, но ради закрепления за своей страной государственно-огражденной монополии на отсталость, либо путем вымаливания кредитов для восстановления хозяйства, т.-е. Европа здесь так же борется против американской эксплуатации и монополистического давления, как бедняк борется с ростовщической эксплуатацией, занимая новую, еще большую сумму. В сущности Америка подчиняет себе весь мир тоже, отчасти, если не в большей части, на основе закона ценности. Но тем интересней весь исторический переплет. Закон ценности переходит в стадию своей трансформации и постепенного отрицания тоже на основе же закона ценности.

Американская экспансия не может встретить ни в одной стране капиталистического мира непреодолимого сопротивления, пока подвергающиеся атаке и давлению страны остаются капиталистическими. Это чрезвычайно важно заметить. Сама экономическая структура современных капиталистических стран исключает возможность серьезного сопротивления американским захватам, потому что уже достигнутая степень мирового разделения труда, мирового обмена, при наличии огромного и все растущего экономического, технического, финансового превосходства Америки над всем остальным миром, с неизбежностью подчиняет стоимостным отношениям Америки этот мир. Ни одна капиталистическая страна, не переставая быть капиталистической, не может вырваться из действия закона ценности, хотя бы и трансформированного. А здесь как раз на нее обрушивается лавина американского монополизма. Сопротивление возможно лишь разве на политической почве, в частности на военной, но именно вследствие экономического превосходства Америки оно вряд ли обещает быть победоносным.

В период войны, в особенности современной войны, хозяйство даже капиталистической страны подвергается известному принудительному объединению внутри и вынуждено вести единую линию не только в сфере политических взаимоотношений с другими странами, но и в области соприкосновения своей экономики с национальными хозяйствами других стран. В мирное же время добиться единой политики со стороны отдельных капиталистических трестов, банков, всяких иных объединений представляет для буржуазной системы задачу непомерной трудности, потому что осуществление задачи требует: либо согласования всех основных интересов крупнейших капиталистических организа-

ций и отдельных предприятий, интересы которых никогда не совпадают, либо господства внутри страны какой-либо одной группировки трестов и банков, доминирующей над всем хозяйством и подчиняющей себе целиком всю экономическую, в том числе таможенную политику государства. Но последний вариант оказывается неосуществимым для современной Европы. Развитие монополистических тенденций в довоенной Германии и развитие в еще большей степени этих тенденций в Америке опиралось и базировалось на огромной, естественной концентрации производства, которая в свою очередь опиралась на быстрое развитие производительных сил. В современной же Европе, с ее бедностью капиталами, с ее застоём в производстве, когда исключение представляют лишь Франция и Бельгия, и то, вероятно, ненадолго, концентрация производства американского типа и американского темпа исключена. А следовательно, экономический организм европейских капитализмов не в состоянии оказать сильного сопротивления напору американского монополизма и сдает то на одном участке, то на другом. В сущности уже теперь американский капитал мог бы произвести в Европе гораздо больше завоеваний, чем он это осуществил до сих пор, осуществил, если можно так сказать, по приглашению просящей кредитов Европы. Не надо забывать, кроме того, что Америка не реализовала еще вполне и всех возможностей давления в другом отношении, а именно давления на таможенную политику европейских стран. Америка стоит за политику открытых дверей там, где может бить своих конкурентов на основе свободного экономического соперничества. Но она может перейти и к системе насильственного взламывания именно для нее, для Америки, тех дверей, которые прикрывают захудалую промышленность отдельных отстающих стран от ее конкуренции. Там, где система кредитного внедрения в европейское хозяйство со всеми ее последствиями для распространения американского монополизма на весь мир окажется недостаточной, он может двинуться вперед и с этого конца. Борьба с американским монополизмом возможна лишь путем изменения всей структуры той или иной страны, т.е. путем перехода к социалистической экономике, которая делает из страны монолитный организм и не даст американскому капитализму растаскивать по частям одну отрасль за другой, подчиняя их американским трестам или банкам, как это имеет место при «естественном» соприкосновении современного американского капитализма с экономикой других капиталистических стран. Надор капиталистического монополизма может встретить преграду лишь в социалистическом монополизме. Страна, которая перейдет к социализму, будучи и экономически и технически слабей американского капитализма, в период незаконченной перестройки своего хозяйства на новой базе, будет бороться с ним не экономическим превосходством своих рестрированных же отраслей хозяйства, а более высокой организацией и структурой всего хозяйства. А это в свою очередь означает, что дальнейшая ликвидация закона ценности, т.е. ликвидация его за историческими пределами американского монополизма, пойдет по пути плановой, социалистической организации хозяйства в странах, которые покончат с капиталистиче-

ским режимом. Для современной Европы ни в каких смыслах старая свобода конкуренции невозможна. Ей приходится выбирать между капиталистической же, но внешне навязываемой монополией Соединенных Штатов, либо внутренней социалистической монополией.

Из сказанного читатель может видеть, что нам приходится иметь дело с законом ценности в нашем хозяйстве в такую историческую эпоху, когда этот закон в достаточной степени подорван в самом буржуазном обществе, благодаря мощному развитию монополистических тенденций современного капитализма, переходящих в своеобразную монополию на монополию со стороны Америки. Это важно нам еще и с той точки зрения, что наше хозяйство вынуждено усиливать свои экономические, прежде всего торговые связи с мировым капитализмом, с мировым рынком. Мы должны знать, что этот мировой рынок уже не тот, который наблюдал Маркс, работая над «Капиталом». Его стихийность носит совсем иной характер, чем раньше, свобода конкуренции в нем ограничена гораздо больше, чем раньше. И чем дальше, тем отчетливей вырисовывается на горизонте этого рынка огромный гигантский силуэт американского капитализма, пустившего уже свои щупальцы почти во все большие капиталистические страны и превращающегося в законодателя цен на мировом рынке.

Закон ценности при социализации промышленности в крестьянской стране.

Если товарное хозяйство оказывается «подорванным», как выразился Ленин, уже в период монополистического капитализма, то еще дальше должен продвигаться этот процесс там, где вся крупная промышленность находится в руках пролетарского государства. Но поскольку дело идет о национализации промышленности не в типично промышленной стране, а в стране, где большая часть ценностей создается в мелком производстве, прежде всего в мелком крестьянском хозяйстве, постольку здесь, наряду с дальнейшим движением вперед по пути монополизма, более сильны, чем, допустим, в теперешней Америке, тенденции домонополистического характера. В этом особенность советского хозяйства. Нам необходимо поэтому в нашем анализе этого хозяйства не только проследить историческое перерастание капиталистического монополизма в монополизм социалистический, но и взвесить все последствия существования огромнейшей области простого товарного производства. Особенность нашего советского хозяйства как раз и состоит в том, что послекапиталистические формы производства противостоят 22 миллионам крестьянских хозяйств, плюс ремесло и кустарная промышленность, при относительной слабости чисто капиталистических или государственно-капиталистических форм. При таких условиях закон ценности и плановое начало вступают в состязание в крайне своеобразной обстановке, в обстановке весьма сильного отрыва в области производства и в сфере обмена объединенного кулака государственного хозяйства от неорганизованного моря простого товарного производ-

ства. Своеобразие положения увеличивается еще и потому, что крупное социалистическое производство противостоит мелкому, как промышленность земледелию, т.-е. социалистические формы противостоят простому товарному производству, как две разные сферы приложения труда.

И американский монополизм до войны и теперь, и монополизм германский до войны выросли на базе мощной концентрации производства и огромного преобладания промышленности над земледелием. И американский и германский капитализм достигли весьма большой степени подчинения мелкого и среднего производства страны и в промышленности и в земледелии небольшому количеству мощных организаций торгового капитала, трестов и крупнейших банков. В частности, в Америке фермерское хозяйство, несмотря на его относительную раздробленность, в сравнении, например, с крупным сельскохозяйственным производством Англии и Германии, оказалось полностью подчинено и по линии кредита, и по линии снабжения, и по линии сбыта крупнейшим торговым фирмам, банкам, пароходным, элеваторным и холодильным компаниям и т. д. Несмотря на то, что американский фермер, как производитель хлеба, конкурирует на мировом рынке с фермером Канады, Аргентины, с крестьянином Румынии, Украины и т. д., несмотря на то, что сельскохозяйственное производство Америки не является производством единого земледельческого треста, тем не менее оно достаточно подтянуто организационно к торговому, промышленному и банковскому капиталу Америки, который перехлестывает за барьер, отделяющий земледелие от промышленности, и достигает известной связанности обеих отраслей (в капиталистических пределах) прежде всего в сфере обмена и кредита.

Наоборот, в советском хозяйстве связь трестированной государственной промышленности с самостоятельным крестьянским хозяйством бесконечно слабее и по линии обмена, и по линии кредита, тогда как организационная структура промышленности исторически более высокого типа, чем в любой капиталистической стране. В результате такого своеобразного положения мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству, как единому целому. Этим обстоятельством, как увидим ниже, объясняется господствующий тип всех потрясений и депрессий, с которыми нам пришлось уже, приходится и придется еще иметь дело в нашем хозяйстве, плюс те осложнения, которые должны возникнуть от связей нашей экономики с мировым рынком.

С другой стороны, вследствие общей экономической и технической слабости государственного хозяйства, социалистический характер производственных отношений в нем более ясно может выступать лишь на определенном уровне развития производительных сил, как и плановое руководство хозяйства часто срывается, благодаря недостатку запа-

сов для хозяйственных маневров¹⁾ и вопреки достаточно высокой структуре государственного хозяйства, как хозяйства коллективного. Отсюда очень большая опасность при теоретическом анализе советской экономики скатиться от анализа производственных отношений к измерению уровня нашего богатства, т.-е. скатиться к вульгарно-натуралистической точке зрения. Примеры этому бывали не раз.

После этих предварительных замечаний я перехожу теперь к конкретному анализу того, какие категории капиталистического хозяйства и в какой степени применимы к нашей экономике.

Товар, рынок, цены.

Я начинаю анализ сразу с этих трех наиболее общих категорий, потому что их невозможно разделить при исследовании. Товарное производство мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок—бухгалтерии социалистического общества, цены—трудовым издержкам производства, товар—продукту. Насколько ясно мы можем теоретически противопоставить одни понятия другим, настолько трудно анализировать все эти понятия, когда дело идет о переходных формах от капитализма к социализму. С какого момента здесь количество переходит в качество, на какой стадии развертывания социалистического хозяйства происходит рассасывание тех производственных отношений, которым в науке соответствуют категории политической экономии?

Обратимся к рассмотрению отдельных участков нашего хозяйственного поля. Вот перед нами железнодорожный транспорт, целиком находящийся в руках пролетарского государства. Народный Комиссариат Путей Сообщения заказывает паровозы, вагоны, рельсы и т. д. Главметаллу. Определяются ли цены на заказы рыночными отношениями? Цены не определяются рыночными отношениями внутри страны постольку, поскольку в стране нет частно-капиталистического паровозного и вагоностроения, нет и частной металлургии. Эти цены не определяются и рыночными отношениями мирового хозяйства, поскольку заказы даются для изготовления внутри, совершенно независимо от соответствующих цен мирового рынка. В основе размещения заказов внутри страны лежит не закон ценности мирового хозяйства. Цены строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах Главметалла, с калькуляцией известной прибыли для заказчика, без прибыли, или же с предвидением убытка, поскольку государство сознательно идет на цены ниже себе-

¹⁾ В своей брошюре („Осенние замки и проблемы хозяйственного развертывания“ изд. НКФ) тов. Сокольников, с которым я не согласен по ряду коренных вопросов экономической политики и теоретической оценки нашего хозяйства, вполне правильно и своевременно отметил этот факт. Сам по себе этот факт есть лишь новый веский аргумент в пользу моих взглядов относительно того, что закон первоначального социалистического накопления есть, наряду с законом ценности, коренной закон нашего хозяйства.

стоимости и дает заводам дотацию из своего бюджета. Все это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансового плана отдельных отраслей с бюджетом всей промышленности, во-первых, и бюджетом государства, во-вторых. Влияние мирового рынка при этих условиях сказывается лишь в том, что мы постоянно сравниваем наши внутренние цены с заграничными и получаем отсюда стимул к тому, чтобы налечь на снижение себестоимости там, где она наиболее высока, в сравнении с заграничной. Это тоже влияние закона ценности мирового рынка, но проявляется оно своеобразно, мировой рынок давит здесь на весь организм нашего государственного хозяйства, как на единую организацию. Таким же образом он давил бы на нас и в том случае, если бы нам пришлось в тот или иной момент ввезти некоторую долю железнодорожного оборудования, при недостаточности собственного производства его.

Если мы пойдем дальше и случай с заказом транспорта Главметаллу присоединим ко всей массе случаев, когда само государство является и монопольным производителем и единственным монопольным покупателем какой-либо продукции своих трестов, то мы будем иметь перед собой участок государственного хозяйства с минимальным действием закона ценности на цены. В том случае, где государство выступает и монопольным производителем и единственным покупателем своей монопольной продукции, отношения между государственными трестами приближаются к внутренним отношениям единого комбинированного треста. Здесь категория цены носит чисто формальный характер, это лишь титул на получение из котла общегосударственного хозяйства определенной суммы средств на дальнейшее производство и на определенный уровень расширенного воспроизводства. Как количественно велика эта сфера государственного хозяйства и как она меняется из года в год, это мы увидим в той части работы, которая будет посвящена нашей промышленности. Лишь с одного единственного конца здесь можно говорить о значительном влиянии закона ценности—со стороны рабочей силы и ее оплаты. К этому вопросу мы скоро подойдем по отхождению ко всему нашему государственному хозяйству в целом. В приведенном нами примере роль рынка за пределами государственного хозяйства сведена к минимуму, и понятие товар по отношению к паровозу Сормовского завода отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства.

Идем дальше, по степени возрастания действия закона ценности. Вот перед нами текстильное машиностроение. Часть станков и прочего оборудования мы делаем сами, часть привозим из-за границы. Влияние мирового рынка сказывается в том, что мы можем получить, в зависимости от конъюнктуры капиталистического машиностроения, станки и дороже и дешевле. Если мы их получаем дешевле, то можем или купить их больше или высвободим средства на другие нужды государственного хозяйства. Закон ценности встречается здесь с зако-

ном первоначального социалистического накопления, но не влияет на уровень цен станков нашего производства, потому что цены внутреннего производства не определяются ценами мирового рынка. Под защитой социалистического протекционизма мы сохраняем, развиваем или создаем отдельные отрасли производства средств производства, исходя из соображений экономической целесообразности для всего государственного хозяйства. И здесь действие закона ценности крайне ограничено и, помимо сказанного, может влиять прежде всего со стороны амортизации на цену текстильных изделий на внутреннем рынке. Совершенно так же влияет мировой рынок на наши внутрихозяйственные отношения, когда мы ввозим оборудование, совершенно не производимое внутри страны. Здесь мировой рынок может влиять или на размеры нашего накопления, или на амортизационные надбавки к ценам предметов потребления, которые производятся при помощи ввезенного оборудования. Закон ценности мирового хозяйства может оказать свое действие не только в качестве фактора распределения материальных средств, но и в качестве фактора распределения труда внутри нашего хозяйства в том случае, если не спорадически, а систематически и на долгий срок пришлось бы задержать, сократить или совсем ликвидировать производство некоторых средств производства в тех отдельных областях, где, при данных ценах на мировом рынке и при данном уровне развития нашего машиностроения, нам было бы нецелесообразно поддерживать или развивать собственную выработку. Но и в этом случае вопрос решался бы прежде всего на основе балансового учета всего производства средств производства, необходимых для этого ресурса и перспектив совершенствования и удешевления собственной продукции. Области ввоза средств производства, вообще говоря, могут меняться и не только в зависимости от движения цен на соответствующую продукцию за границей и у нас, но и вследствие факторов, вытекающих из очень сложно складывающегося оптимума по общехозяйственному плану. Возьму такой пример. По состоянию импортных возможностей мы, допустим, можем ввезти оборудование на 300 милл. в год. Из соображений оптимума для всего процесса переоборудования нам в данном году может оказаться выгодным вместо 150 миллионов, предназначенных для импорта средств производства, с наибольшей разницей в ценах внутри и за границей, ввезти данных машин только на 100 милл., а на 50 милл. расширить внутреннее производство, выплачивая за него в червонцах значительно больше и расширяя импорт менее дешевых машин другого типа. В этом случае действие закона ценности будет совершенно искривлено интересами хозяйственного плана в целом, т.-е. интересами расширенного воспроизводства в хозяйстве социалистического типа—случай, как правило совершенно невозможный в условиях капиталистического воспроизводства. Вообще же мы чем дальше, тем больше вынуждены в максимальной степени рационализировать импорт, добиваясь максимального использования выгод мирового разделения труда, т.-е. ввоза больше таких машин, конструкция которых

внутри наименее выгодно при данных хозяйственных условиях¹⁾.

Что касается импорта для государственного хозяйства средств производства, совершенно не изготовляемых в стране, то закон ценности мирового рынка колебанием цен влияет, следовательно, только на накопление и на амортизацию, не внося изменений в распределение рабочих сил.

Перейдем теперь к производству средств производства, когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем. Дело идет как о таких средствах производства, которые по своей сущности могут фигурировать только как средство производства, так и о таких, которые, в зависимости от их использования, могут фигурировать одновременно и как средства производства и как средства потребления. Пример первого рода: оборудование и металл для частного хозяйства. Пример второго рода: керосин, спирт, топливо, которые идут и на техническое потребление и на индивидуальное потребление. В той части продукции этого рода, которая идет в государственное хозяйство, мы имеем уже разобранный нами случай. Государство производит здесь само на себя, и цены, назначаемые государством, например, цена на металл для Гомзы, цены на нефть для железных дорог и т. д., имеют лишь внешнее формальное сходство с ценами капиталистического рынка. По существу же здесь в форме цен происходит плановое распределение ресурсов внутри единого организма государственного хозяйства. Мы знаем, что очень часто государство назначало для продажи нефти железным дорогам и керосина заводам и автотранспорту одну цену, для внутреннего частного рынка другую, для экспорта третью. Однако нельзя целиком эту часть производства относить к рассмотренному нами выше случаю, когда государство выступало и монопольным производителем и монопольным покупателем. В тех случаях, когда главная масса продукции идет не в государственный круг, производящие организации находятся уже под сильным влиянием основных потребителей. Возьмем, например, производство с.-х. машин, которые лишь в небольшой части идут в совхозы и в подавляющем количестве сбываются крестьянству. Правда, поскольку государство является монопольным производителем, поскольку никакая внутренняя конкуренция ему не угрожает, оно и здесь может назначать цены; руководствуясь своим хозяйственным планом, который может быть построен, исходя не только из соображений расширенного воспроизводства, но и из соображений восстановления оборудования крестьянского хозяйства (как это имеет место в практике нашего сельскохозяйственного машиностроения, с его чрезвычайно льготными для

1) Тов. Троцкий вполне своевременно привлек наше внимание к проблемам нашей связи с мировым хозяйством в своей работе „К капитализму или социализму“. Нам до крайности необходимо на каждый данный конкретный год, ввязываясь со всеми его особенностями, научно составленный план импорта, а не механическое суммирование и урезывание „заявок“ отдельных трестов. Такое суммирование есть не импортный план социалистической промышленности, а грубое приспособление ввоза к валютным возможностям, без установления хорошо продуманного импортного оптимума.

крестьянства и иногда убыточными для государства ценами). Однако здесь для планирования есть определенные пределы, а, именно, размеры платежеспособного спроса на данную продукцию у покупателей из сферы частного хозяйства, а также, где дело идет об экспорте, емкость и цены внешнего рынка. Забастовка покупателей, вот тот предел, который поставлен государственному планированию в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка. В этом случае не только процесс расширения, но и процесс простого воспроизводства в соответствующих отраслях государственного круга может приостановиться. Закон ценности влияет в данном случае не только на размеры накопления в государственном круге, но и на распределение производительных сил в нем, т. е. прежде всего на распределение рабочих сил. При отсутствии возможности добиться понижения цен путем организации конкурирующих предприятий, с более низкой себестоимостью производства, чем у государства, или с более медленным темпом накопления, давление на государственное производство идет по линии сокращения спроса и прямого отказа от покупок вообще. Такой пример мы имели в нашем хозяйстве, как известно, осенью 1923 года. Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса).

Из приведенных примеров читатель видит, что когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем средств производства, то категория цены приобретает здесь двойственный характер: с одной стороны, это попрежнему калькуляционный метод, псевдоним планового распределения ресурсов внутри государственного круга, а с другой стороны, где дело касается обмена веществ между государственным и частным хозяйством, это — функция первоначального социалистического накопления, ограниченная действием закона ценности. И в этом вторая двойственность роли цены в рассматриваемом нами случае. Если частное хозяйство получает меньше средств производства, это влияет и на размеры его основного капитала и на распределение и приложение рабочих сил. То же и в государственном хозяйстве. Иными словами тот или иной результат от столкновения закона первоначального социалистического накопления с законом ценности влечет за собой иное распределение производительных, в том числе рабочих, сил. Если на капиталистическом рынке при свободе конкуренции цена есть функция ценности, то цена государства-монополиста на частном рынке есть функция первоначального социалистического накопления, ограниченного законом ценности. Но более подробно об этом ниже. Там мы рассмотрим также, как закон ценности пробивает себе дорогу и путем роста надбавок в розничной

торговле, действуя при товарном голоде как фактор капиталистического накопления.

Идем дальше. Рассмотрим положение, когда государство не является ни монополистом в деле производства средств производства, ни монополистом, как покупатель. Пример. Веялки, кузнечные изделия, как топоры, гвозди, далее, ремонт оборудования, производимые как в государственном хозяйстве, так и в частном, покупаемые как государственным хозяйством, так и частным. Я умышленно беру средства производства, которые в своей натуральной форме являются орудиями труда, а не сырьем для дальнейшего производства, о чем будет речь ниже. Вообще эта часть продукции в количественном отношении невелика, потому что ремесло и арендованная промышленность не могут играть здесь, за исключением разве ремонта, сколько-нибудь значительной роли. Если доминирующая часть продукции приходится здесь на государственное производство, то, естественно, рыночные цены будут в общем и целом ценами, которые назначает за свою продукцию государство и назначает, исходя из своей себестоимости и своего уровня накопления. При таких условиях конкурирующие предприятия или самостоятельные производители, если у них себестоимость ниже, смогут накапливать больше, торгуя по ценам государства, либо сбывать продукцию быстрее, продавая ниже государственных цен. Если их себестоимость относительно растет в сравнении с государственной, конкуренты будут гибнуть. Не они здесь командуют на рынке, цены государства в данном случае будут играть совершенно такую же роль, как и в только что рассмотренном случае, и только в тех немногочисленных и по удельному весу незначительных производствах, где конкуренты будут производить дешевле государства (например, мелкий ремонт разнообразного типа), там возможно сокращение государственных предприятий с передвижкой рабочих сил в другие производства. Здесь закон ценности случайно действует в одном и том же направлении, что и закон социалистического накопления. Но рассматриваемые отрасли так немногочисленны и роль их в производстве средств производства так невелика, что мы остановились на них лишь в интересах полноты классификации.

Перейдем теперь к отраслям, несравненно более важным, прежде всего к производству и сбыту таких средств производства, которые служат сырьем для государственной промышленности, вырабатываются же в подавляющем количестве в частном, точнее в крестьянском хозяйстве. Сюда относятся все технические культуры, как хлопок, лен, пенька, масличные семена всех видов, сахарная свекла, винокурный картофель и т. д., а с другой стороны, животноводческое сырье: кожи, шерсть, овчина и т. д. Как обстоит здесь дело с действием закона ценности?

Совершенно очевидно, что влияние его здесь должно быть несравненно сильнее, чем в том случае, когда, допустим, государство производит машины из металла, выплавленного в собственных доменных печах, с употреблением руды и угля, добытых также в собственных коях.

Технические культуры и животноводческое сырье лишь в ничтожном количестве производятся в государственных совхозах, а основная масса производится на территории крестьянского, т. е. простого товарного хозяйства. С другой стороны государство отнюдь не является здесь и монопольным покупателем. Если хлопок и лен в подавляющем количестве закупаются государством, то, например, кожи в большом количестве перерабатываются на обувь, сбрую и т. д. ремесленным, кустарным и полукустарным путем. Это значит, что здесь государственные заготовители выдерживают очень сильную конкуренцию со стороны частного хозяйства. Однако было бы совершенно неправильно думать, что рассматриваемая нами ветвь средств производства является арендой полного господства вольного рынка и стихии закона ценности. На этот счет мы имеем достаточно богатый опыт за последние годы, говорящий совсем другое. Посмотрим поближе, как обстоит здесь дело.

Начнем с технических культур и сырья, где государство является или монопольным, или, по крайней мере, преимущественным покупателем. Таковы хлопок, лен, пенька, масличные семена, сахарная свекла и т. д. Деятельность хлопкового комитета, с одной стороны, и заготовительных организаций по закупке льна, с другой, является блестящим экспериментальным доказательством того, какое мощное воздействие может оказать на частный рынок, а затем и на все мелкое производство государственная промышленность там, где она является преимущественным покупателем и выступает организованно, как единый экономический организм. Не рынок здесь диктует цены государству, а скорее государство рынку. Известно, что цены на хлопок назначались до сих пор и назначаются не на вольном рынке Ташкента, а в Москве, плановыми хозяйственными органами государства. И до сих пор срыва назначаемых государством цен не было, несмотря на то, что эти цены всегда и на очень значительный процент были ниже цен мирового рынка. Государственные заготовительные цены на перечисленное сырье являются чрезвычайно интересным случаем известной равнодействующей между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления.

В чем прежде всего проявляется здесь закон ценности?

Он проявляется в том, что государственное планирование в области заготовительных цен натывается на две границы, налагаемые законом ценности: одну в сторону максимума, другую в сторону минимума. Границей в сторону максимума является средняя цена мирового рынка, поскольку дело идет об экспортных культурах, как лен и пенька, и импортных, как хлопок, мягкая шерсть и т. д.

Государству нет смысла покупать, например, хлопок внутри страны выше цен мирового рынка, если только оно не будет вынуждено к этому ограниченностью импортных возможностей, вследствие недостатка иностранной валюты. Точно так же государство не может закупать лен для собственной льняной промышленности и для экспорта по ценам, которые вместе с расходами на транспорт и прочими на-

торговле, действуя при товарном голоде как фактор капиталистического накопления.

Идем дальше. Рассмотрим положение, когда государство не является ни монополистом в деле производства средств производства, ни монополистом, как покупатель. Пример. Веялки, кузнечные изделия, как топоры, гвозди, далее, ремонт оборудования, производимые как в государственном хозяйстве, так и в частном, покупаемые как государственным хозяйством, так и частным. Я умышленно беру средства производства, которые в своей натуральной форме являются орудиями труда, а не сырьем для дальнейшего производства, о чем будет речь ниже. Вообще эта часть продукции в количественном отношении невелика, потому что ремесло и арендованная промышленность не могут играть здесь, за исключением разве ремонта, сколько-нибудь значительной роли. Если доминирующая часть продукции приходится здесь на государственное производство, то, естественно, рыночные цены будут в общем и целом ценами, которые назначает за свою продукцию государство и назначает, исходя из своей себестоимости и своего уровня накопления. При таких условиях конкурирующие предприятия или самостоятельные производители, если у них себестоимость ниже, смогут накопить больше, торгуя по ценам государства, либо сбывать продукцию быстрее, продавая ниже государственных цен. Если их себестоимость относительно растет в сравнении с государственной, конкуренты будут гибнуть. Не они здесь командуют на рынке, цены государства в данном случае будут играть совершенно такую же роль, как и в только что рассмотренном случае, и только в тех немногочисленных и по удельному весу незначительных производствах, где конкуренты будут производить дешевле государства (например, мелкий ремонт разнообразного типа), там возможно сокращение государственных предприятий с передвижкой рабочих сил в другие производства. Здесь закон ценности случайно действует в одном и том же направлении, что и закон социалистического накопления. Но рассматриваемые отрасли так немногочисленны и роль их в производстве средств производства так невелика, что мы остановились на них лишь в интересах полноты классификации.

Перейдем теперь к отраслям, несравненно более важным, прежде всего к производству и сбыту таких средств производства, которые служат сырьем для государственной промышленности, вырабатываются же в подавляющем количестве в частном, точнее в крестьянском хозяйстве. Сюда относятся все технические культуры, как хлопок, лен, пенька, масличные семена всех видов, сахарная свекла, винокурный картофель и т. д., а с другой стороны, животноводческое сырье: кожи, шерсть, овчина и т. д. Как обстоит здесь дело с действием закона ценности?

Совершенно очевидно, что влияние его здесь должно быть несравненно сильнее, чем в том случае, когда, допустим, государство производит машины из металла, выплавленного в собственных доменных печах, с употреблением руды и угля, добытых также в собственных копах.

Технические культуры и животноводческое сырье лишь в ничтожном количестве производятся в государственных совхозах, а основная масса производится на территории крестьянского, т.-е. простого товарного хозяйства. С другой стороны государство отнюдь не является здесь и монопольным покупателем. Если хлопок и лен в подавляющем количестве закупаются государством, то, например, кожи в большом количестве перерабатываются на обувь, сбрую и т. д. ремесленным, кустарным и полукустарным путем. Это значит, что здесь государственные заготовители выдерживают очень сильную конкуренцию со стороны частного хозяйства. Однако было бы совершенно неправильно думать, что рассматриваемая нами ветвь средств производства является ареной полного господства вольного рынка и стихии закона ценности. На этот счет мы имеем достаточно богатый опыт за последние годы, говорящий совсем другое. Посмотрим поближе, как обстоит здесь дело.

Начнем с технических культур и сырья, где государство является или монопольным, или, по крайней мере, преимущественным покупателем. Таковы хлопок, лен, пенька, масличные семена, сахарная свекла и т. д. Деятельность хлопкового комитета, с одной стороны, и заготовительных организаций по закупке льна, с другой, является блестящим экспериментальным доказательством того, какое мощное воздействие может оказать на частный рынок, а затем и на все мелкое производство государственная промышленность там, где она является преимущественным покупателем и выступает организованно, как единый экономический организм. Не рынок здесь диктует цены государству, а скорее государство рынку. Известно, что цены на хлопок назначались до сих пор и назначаются не на вольном рынке Ташкента, а в Москве, плановыми хозяйственными органами государства. И до сих пор срыва назначаемых государством цен не было, несмотря на то, что эти цены всегда и на очень значительный процент были ниже цен мирового рынка. Государственные заготовительные цены на перечисленное сырье являются чрезвычайно интересным случаем известной равнодействующей между законом ценности и законом первоначального социалистического накопления.

В чем прежде всего проявляется здесь закон ценности?

Он проявляется в том, что государственное планирование в области заготовительных цен натывается на две границы, налагаемые законом ценности: одну в сторону максимума, другую в сторону минимума. Границей в сторону максимума является средняя цена мирового рынка, поскольку дело идет об экспортных культурах, как лен и пенька, и импортных, как хлопок, мягкая шерсть и т. д.

Государству нет смысла покупать, например, хлопок внутри страны выше цен мирового рынка, если только оно не будет вынуждено к этому ограниченностью импортных возможностей, вследствие недостатка иностранной валюты. Точно так же государство не может закупать лен для собственной льняной промышленности и для экспорта по ценам, которые вместе с расходами на транспорт и прочими на-

кладными расходами превышают продажную цену на европейском рынке. Закон ценности мирового рынка кладет, таким образом, предел со стороны максимума.

Каким же образом тот же закон определяет линию минимума?

Очевидно, линия минимума определяется степенью выгодности данной культуры для производителей, в сравнении с другими культурами крестьянского хозяйства. Если государство будет назначать настолько низкие цены на лен, что крестьянству льянных губерний будет выгодней заменять лен зерновыми культурами, если низкие цены на плантаторскую свеклу и декханский хлопок повлекут за собой увеличение за их счет посева пшеницы и т. д., то мы будем иметь перед собой границу со стороны минимума, налагаемую законом ценности в простом товарном производстве. Всякий, кто знаком с деятельностью нашего Главного Хлопкового Комитета, знает, как много усилий пришло ему предпринять, чтобы соответствующей политикой заготовительных цен на хлопок, с одной стороны, завозом пшеницы в Туркестан—с другой, заставить декхан, перешедших за время войны от культуры хлопка к культуре пшеницы, перейти снова к посевам хлопка и поднять площадь хлопковых плантаций снова почти до довоенного уровня. С другой стороны катастрофическое падение посевов льна в северо-западных губерниях в голодные годы и смена льна зерновыми культурами прекратились, и крестьянство постепенно снова вернулось к посеву льна лишь потому, что политика заготовительных цен государства всучески поощряла этот процесс. Если бы этого не было, рожь и теперь еще сеялась бы там, где снова появился лен.

Из приведенных примеров мы видим, как проявляется на данном участке в хозяйстве СССР действие закона ценности. Теперь посмотрим, в чем проявляется здесь одновременно действие закона социалистического накопления, ограничивающего закон ценности или, если хотите, ограниченного законом ценности.

Как уже было сказано, пределы господства планового начала государства в политике цен заключены между ценами мирового рынка с одного конца, между ценами, стоящими на грани сокращения данной культуры,—с другого конца. Площадь для маневрирования здесь весьма обширна, вероятно не менее 50% вниз от мировой цены. Государство держит заготовительные цены на уровне, достаточном для расширения данных культур, но ниже тех цен, которые сложились бы при свободе конкуренции иностранных заготовителей и внутренних заготовителей, если бы промышленность у нас была не государственная, а частная, и, следовательно, не выступала бы организованно на рынке сырья. Все, что отличает заготовительные цены от тех цен, которые сложились бы на основе свободы конкуренции буржуазных заготовителей, целиком должно быть отнесено за счет действия закона первоначального социалистического накопления. Когда государство на основе организованной системы заготовок держит цены на определенном уровне и даже понижает их вопреки росту спроса, обгоняющего предложение, как это имело место в 1925 году со льном и хлопком (цены на них несколько сниже-

ны по сравнению с 1924 годом), то мы имеем перед собой блестящий пример ограничения закона ценности плановым началом, в данном случае в форме закона первоначального социалистического накопления. В то же время мы на этом примере можем видеть, в каком смысле можно говорить здесь именно о законе. Если в буржуазном обществе закон ценности пробивает себе дорогу лишь как средняя равнодействующая стихийно сталкивающихся процессов, как равнодействующая напора и отталкивания, то в данном случае государство исходит из предвидения действия отталкивания, не доводит до него, но в то же время и сознательно ограничивает свой темп накопления, ограничивая определенным уровнем и рост цен и их насильственное снижение. Если стихийный закон товарного производства, закон ценности, можно противопоставлять бухгалтерии вполне сложившегося планового хозяйства, где действие этого закона сменилось сознательной калькуляцией социалистической статистики производства и распределения продуктов (а не товаров), то иначе обстоит дело в период борьбы за плановое производство, в период скручивания, ограничения закона ценности. Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных ресурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости. Есть ли это закон в общепринятом смысле слова? В гораздо большей степени да, чем нет, если брать все хозяйство страны в целом, а не только его наиболее организованную часть. С такой же двойственностью, впрочем, с такими же противоречиями развития мы встретимся и почти при всех категориях капиталистического хозяйства, которые анализируем на почве нашей системы хозяйства.

Чтобы покончить с промышленным сырьем, производимым в крестьянском хозяйстве, мы упомянем еще вот о чем. Огромную роль в деле овладения рынком технического сырья начинает уже играть система государственного кредита, система выдачи авансов заготовителям. Эта система, знакомая и капиталистическим отношениям, у нас в сильнейшей степени будет ограничивать действие закона ценности, поскольку задатки выдаются не конкурирующими заготовителями сырья, а единым организованным государственным хозяйством. С другой стороны, совершенно очевидно, что политика цен государства, как преимущественного заготовителя, может оказать глубочайшее воздействие на распределение производительных сил в крестьянском хозяйстве, поощряя одни культуры за счет других и внося элементы плана в терри-

ториальное распределение культур в крестьянском хозяйстве ¹⁾. Система плановых цен превращается здесь в мощный рычаг воздействия промышленности на крестьянское хозяйство, и чем быстрее будет расти наша промышленность, тем сильнее она будет экономически подтягивать к себе крестьянское производство сырья, подчиняя его социалистическому плану. Здесь и цена трансформируется из категории товарного хозяйства, из функции закона ценности в нечто переходное к социалистической калькуляции при обмене веществ между городом и деревней, хотя товар крестьянского хозяйства, оплачиваемый по твердой цене государства, в сфере производства еще не тронулся с места по пути своего превращения в продукт. Здесь, наконец, и деньги, как и внутри государственного круга, несколько меняют свои функции. Это особенно интересно проследить на калькуляциях Главхлопкома в области цен на хлопок в их отношении к ценам на пшеницу.

Что касается заготовок такого сырья, которое в большом количестве покупается также и частными производителями, либо идет на переработку в самом крестьянском хозяйстве, то здесь регулирующая роль государства значительно меньше, а действие закона ценности значительно сильнее. Сплошь и рядом предельные цены государства срываются здесь частными заготовителями, что вынуждает государство или менять свои лимиты или прекращать заготовки с опасностью оставить без сырья свои предприятия. В свою очередь колебания заготовительных цен неизбежно отражаются на калькуляции готовых изделий, ограничивая здесь плановые возможности государства. Кроме того, если, допустим, цены на грубую шерсть кажутся крестьянству невыгодными, оно усиливает собственную выработку валенок, домоткацкого сукна и т. д. И с этого конца закон ценности давит на соответствующие отрасли государственного хозяйства. Ослабление действия закона ценности здесь будет, достигнуто лишь удешевлением государственного производства и его расширением, что усилит влияние государства, как главного заготовителя, и сделает невыгодным для крестьянства домашнюю переработку собственного сырья. Но такое движение вперед, разумеется, целиком зависит от успехов на всем фронте первоначального социалистического накопления.

Перейдем теперь от производства и заготовок средств производства к производству средств потребления. Совершенно очевидно, что здесь влияние закона ценности в общей сумме значительно больше, чем в области производства средств производства. Отвлекаясь пока, как и раньше, от методов оплаты рабочей силы, т.-е. от рынка труда (если позволительно употреблять этот термин), проследим влияние за-

¹⁾ См. об этом более подробно мою брошюру «От нас к социализму» стр. 99—103. Кстати, мне хочется отметить здесь в качестве курьеза такой факт. С. В. Членов, написавший на эту работу весьма неодобрительную рецензию в 3-й книжке «Печать и революция» за 1923 г., в числе недостатков отметил совершенно бездоказательное, с его точки зрения, предсказание насчет того, что Донбасс через 5 лет после окончания гражданской войны (значит в 1926 г.) достигнет довоенного уровня продукции угля. К несчастью для рецензента, как раз именно в 1926 г. Донбасс должен подойти к довоенной выработке.

кона ценности с другого конца. Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства являются с рассматриваемой нами точки зрения: 1) более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, 2) более значительное влияние закона ценности со стороны колебания цен на сырье, 3) более значительная и более непосредственная зависимость* от платежеспособного спроса частного хозяйства на государственную продукцию, 4) более значительное влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением.

Что касается конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, то оно совершенно очевидно из прямого перечисления отдельных отраслей. Пищевая промышленность, с огромной ролью частного хлебопечения, колбасного производства, рыболовства и переработки продуктов рыболовства, кондитерского производства, частного пивоварения, вплоть до деревенского самогона. Это все отрасли, не требующие ни большого оборудования, ни больших оборотных средств, с быстрым оборотом капитала, наиболее доступные мелкому производству и мелкому капиталу. Здесь есть такие гиганты государственного монополизма, как сахарная промышленность, а рядом промышленность мукомольная, с преобладанием, наоборот, частного производства. Точно так же огромную роль играет мелкое производство в обработке кожи, шерсти, дерева, пеньки, изготовлений одежды. Самая большая отрасль государственного хозяйства, мануфактурная промышленность, также сталкивается со значительной конкуренцией мелкого производства, которое делается неопасным лишь на определенной стадии развития производительности труда при высокой технике крупного производства.

Государственное производство средств потребления подвергается далее влиянию закона ценности постольку, поскольку сырье государство получает или от частного производства внутри страны или импортирует в больших количествах из-за границы. Как обстоит дело с заготовками внутри—мы уже говорили. Здесь действие закона ценности сильно ограничено благодаря организованности государственного хозяйства. Что же касается импортного сырья, то тут по государственной промышленности, через импортную дверь, бьют волны мирового закона ценности, изменяя в известных пределах калькуляцию продукции в зависимости от мировых цен на хлопок, мягкую шерсть, каучук и т. д. Ослабление влияния мирового рынка достигается на этом участке лишь развитием внутреннего производства сырья, для чего в области хлопка и мягкой шерсти наша страна имеет, как известно, богатые перспективы.

Третий тип зависимости от частного хозяйства, это зависимость от платежеспособного спроса вне государственного круга. Мы имеем здесь в виду почти исключительно платежеспособный спрос частного хозяйства, поскольку регулирование размеров платежеспособного спроса государственных рабочих и служащих, если не говорить о конкуренции сбыта из кустарной и мелкой промышленности, зависит от самого рабочего государства, от его политики заработной платы. Если цены государственной продукции будут слишком высоки, то это может

подвести либо к уклонению от покупок, с усилением выработки ряда изделий домашним путем,—о чем мы уже говорили,—либо к покупательской забастовке. Первый метод более возможен как раз в отраслях производства средств потребления. Если крестьянство не в состоянии само делать плуги и при их дороговизне усилит использование до отказа и ремонт старого инвентаря, то в производстве средств потребления, т.е. одежды, обуви, продуктов питания, у него гораздо более широкая возможность обхода с тыла государственной промышленности. Однако, как уже было сказано, такой обход может иметь место лишь при весьма высокой себестоимости изделий промышленности¹⁾. Он тем трудней, чем дальше уходит производительность труда в крупной промышленности от производительности домашнего производства. А это значит, что с ростом производительности труда в городской промышленности автоматически растут также и возможности планового маневрирования государства, растут возможности первоначального социалистического накопления за счет частного производства.

Иначе проявляется действие закона ценности при товарном голоде, вообще говоря, тот товарный голод, о котором идет речь, т.е. голод на промышленные товары, есть следствие диспропорции между промышленным производством и платежеспособным спросом страны. В условиях свободы конкуренции диспропорция преодолевалась бы нормальным путем, т.е. путем сначала повышения цен в отраслях недостаточного производства и, следовательно, повышения прибылей вложенного в эти отрасли капитала, что затем немедленно вызвало бы приток сюда новых капиталов, новое строительство и в конце-концов расширение производства до размеров и может быть больше размеров, соответствующих платежеспособному спросу. Таким путем был бы ликвидирован товарный голод, и повышение цен, сыгравши свою роль в деле новой расстановки производительных сил, должно было бы прекратиться. Вопрос мог быть решен и другим путем, на ряду и вместе с описанным, т.е. путем расширения ввоза иностранной продукции, если таможенные ставки это позволяют. Так, на основании действия этого закона, могли бы быть ликвидированы диспропорции в распределении производительных сил и товарный голод.

Наоборот, когда промышленность принадлежит на 80% государству, ликвидация диспропорции, если исключить увеличение импорта, возможна лишь на основе планового расширения государственной промышленности, в уровень с возросшим спросом. Лишь частично и в весьма скромных размерах рост цен может привести к расширению мелкого кустарного и ремесленного производства в охваченных товарным голодом отраслях. Товарный голод есть предостережение руководящему промышленностью государству, это требование установления пропорциональности, о котором кричит весь экономический организм страны. Но допустим, либо вследствие ошибочной экономической поли-

¹⁾ Огромное влияние оказывает на этот процесс огромная скрытая безработица в деревне,—продукт аграрного перенаселения, но и здесь лечение—в более быстрой индустриализации страны.

тики государства в данном году, либо вследствие ошибочной политики предыдущего года, последствия чего проявляются годом позже, либо, вследствие недостатка нового капитала и ограниченности импортных возможностей, государство не расширяет производства, в соответствии с ростом платежеспособного спроса. Что мы будем тогда иметь? Мы будем тогда иметь, с одной стороны, резкое увеличение розничных цен в отраслях с сильно выраженным товарным голодом по всей линии частной торговли, т.е. повышение фактически в половине всего розничного оборота, если говорить о 1925 году. С другой стороны, кооперация, под давлением рыночной стихии, неизбежно подается по линии наименьшего сопротивления, т.е. будет срывать лимиты розничных надбавок к оптовым ценам государства. Закон ценности будет перешибать и в этом пункте политику твердых плановых цен государства. Понижение же отпускных цен трестов в отраслях резкого товарного голода не имело бы никакого положительного эффекта в смысле снижения цен в рознице и было бы совершенно бессмысленным практически и безграмотным с точки зрения экономической теории¹⁾.

В общем же и целом мы имели бы, как имели фактически в 1925 году, недоеденное до своего конца, а потому совершенно уродливое и извращенное действие закона ценности, потому что этот закон в состоянии вызвать увеличение цен в рознице, но бессилён привести через этот инструмент возросших цен к перераспределению производительных сил страны в сторону ее более быстрой индустриализации. Если употреблять физиологическое сравнение, перед нами здесь задержанный рефлекс закона ценности, который не переходит из сферы распределения в сферу производства. Частный торговый капитал загребает сотни миллионов, но на производство это почти не влияет. Можно сказать, что усиленное накопление частного капитала прямо пропорционально силе действия урезанного закона ценности.

Приведенный факт является также классическим примером того,— этот пример надо изучать во всяком курсе по теории советского хозяйства,—к каким экономическим последствиям может приводить положение, когда действие одного основного закона, в данном случае закона ценности, парализовано или, точнее говоря, полуликвидировано, а действие другого закона, сменяющего исторически закон ценности, не может по тем или иным причинам развернуться и при том развернуться пропорционально степени и темпу ликвидации закона ценности. Совершенно очевидно, что если б первоначальное социалистическое накопление промышленности, в том числе прежде всего накопление за счет частного хозяйства, на основе налогов и политики цен, соответствовало уровню уже достигнутых новых произ-

¹⁾ Напоминаю читателю, какой град возражений, непонимания и искажений пришлось выдержать автору этих строк за эту мысль, высказанную в главе той книги о социалистическом накоплении. Теперь, разумеется, возражений уже не будет, после того как за обратный опыт государство выплачивало десятки, если не больше, миллионов. Но в публичного сознания в своих ошибках со стороны возражателей тоже не будет. До этого мы еще не доросли.

водственных отношений, т.е. коллективизации промышленности и предъявляемых к ней требований со стороны всего хозяйства—требований, которые по самой структуре государственного хозяйства могут быть удовлетворены не стихийным путем,—то товарного голода не было бы и задержанный рефлекс закона ценности не клал бы десятки, если не сотни миллионов в кубышку капиталистического накопления.

Оставляя пока в стороне общий вопрос о том, поскольку самый факт социализации промышленности требует с железной необходимостью известной пропорции в социалистическом накоплении в каждый данный год, я подведу пока некоторые итоги сказанному во всем этом параграфе. Мы видели, что закон ценности, отвлекаясь от проблемы рабочей силы, оказывает наименьшее влияние в сфере производства средств производства, когда государство является и монопольным производителем и монопольным заказчиком средств производства. А это значит, что тяжелая промышленность является наиболее социалистическим звеном в системе нашего государственного хозяйства, звеном, где наиболее далеко продвинулся процесс замены рыночных отношений системой твердых плановых заказов и твердых цен внутри единого организма государственного хозяйства. Здесь наиболее далеко продвинулся процесс трансформации цены в плановое распределение ресурсов внутри государственного круга и больше всего произошло превращение товара в продукт. В области государственного производства средств потребления влияние закона ценности значительно больше. Оно тем больше, чем меньше государственная промышленность является монопольной, чем больше играет роль в калькуляции себестоимости продукции сырье, изготовленное в тех отраслях мелкого производства, которые наиболее подвержены действию стихии рыночных отношений. Наконец, поскольку мы переходим к частному хозяйству, т.е. прежде всего к крестьянскому хозяйству, закон ценности наиболее ограничен законом социалистического накопления в отраслях крестьянского производства средств производства для крупной промышленности, т.е. в сфере производства технического сырья, в подавляющей массе заготавливаемого государством.

Теперь, идя по степени возрастания действия закона ценности, обратимся сначала к производству в крестьянском хозяйстве средств потребления, покупаемых государственным кругом, а затем к отраслям междукрестьянского обмена.

Посмотрим сначала, каков удельный вес этой части крестьянского производства во всей продукции страны и товарной части всей крестьянской продукции. Согласно контрольным цифрам Госплана в 1924—1925 хозяйственном году из общей массы товарной продукции крестьянства, выбрасываемой на рынок, т.е. из 2.857 млн. рублей по довоенным ценам, на долю технических культур приходилось 631,4 млн. или 22,6%. Из этих цифр мы видим, что доля технических культур с ограниченным действием закона ценности весьма значительна. Однако доля средств потребления значительно больше. Кроме того, надо иметь в виду, что из продаваемых на рынке средств потребления, выбрасываемых

крестьянским хозяйством, государством покупается не вся масса, а только часть. Например, в 1924—1925 году из 833,7 млн. пудов товарного хлеба городской рынок и экспорт поглотили лишь 305,7 млн., или 36,8%. Спрашивается теперь, как же обстоит дело с действием закона ценности на этом участке нашей экономики?

Совершенно очевидно, что при ничтожном количестве собственного производства в области зерновых культур и животноводства, т.е. при ничтожном удельном весе продукции совхозов, государство не в состоянии оказывать воздействие на рынок средств потребления со стороны производства, т.е. с того фундамента всякого регулирования, который играет большую роль в сфере советской промышленности. Регулирование при таких условиях, вообще говоря, возможно лишь в сфере обмена и кредита. Влияние государства на крестьянское хозяйство через систему кредита пока еще так мало, что говорить об этом рычаге регулирования почти не приходится. Остается лишь сфера обмена. Государство является здесь массовым организованным заготовителем для внутреннего городского потребления и монополистом в сфере внешней торговли хлебом, маслом и другими продуктами питания. В этом—его преимущество. Но в то же время его свобода маневрирования в сфере политики цен ограничена здесь больше, чем в какой-либо иной области массового обмена. Первая грань налагается мировым хлебным рынком. Мировые хлебные цены лишь в незначительной степени зависят от нашего Внешторга, поскольку из огромного количества продаваемого на мировом рынке хлеба мы поставляем пока лишь очень небольшой процент. Колебание мировых цен на зерновые культуры всей силой давит на нашу политику, как внешняя, объективная, от нас почти независимая сила. С другой стороны внутренний хлебный рынок в весьма ограниченной степени находится под нашим влиянием постольку, поскольку большая часть товарного хлеба идет на покрытие крестьянского же спроса на хлеб и на неорганизованную часть городского рынка помимо государственных заготовителей. Наконец, надо учесть и тот очень важный факт, что наше крестьянство, вследствие резкого уменьшения налогового обложения, в сравнении с довоенным временем, а также вследствие ликвидации арендных плат за помещичью землю, стоит перед необходимостью гораздо меньшего количества вынужденных продаж, чем до войны¹⁾. Это дает крестьянству больше возможности маневрировать с хлебными излишками, накапливать большие хлебные запасы, увеличивать потребление хлеба, а главное—больше скармливать хлеба на корм скоту и птице. Возможность расширения животноводства, в том числе товарного животноводства, делает крестьянство менее зависимым от твердых заготовительных цен государства. Однако здесь не надо слишком преувеличивать и обобщать сезонных явлений, явлений, характеризующих отдельные годы восстановительного периода, необходимо учитывать также и длительно действующие тенденции развития. Страховые запасы можно накапливать

1) См. об этом мою статью о товарном голоде в „Правде“ от 15-го декабря 1925 г.

лишь до известного предела. Употребление хлебных излишков для расширения животноводства также упирается в известный предел, поскольку внутренний рынок, например, для мяса растет сравнительно медленно, а внешний еще предстоит с большим трудом и большими затратами капитала (холодильники, баковые заводы и т. д.) завоевать. Основная же тенденция в рассматриваемой области пролегалает в сторону не сокращения, а увеличения регулирующей роли государства, если крестьянское хозяйство будет развиваться. В самом деле, чем быстрее будут расти товарные излишки продуктов потребления в крестьянском хозяйстве, тем большую роль будет играть их экспорт, а, следовательно, тем большую роль будет играть в сфере заготовок монополичный проводник на внешний рынок крестьянской продукции—государство. Ограниченный ценами мирового рынка в сторону максимума—в сторону минимума он получит больше возможностей маневрирования, а тем самым увеличивается общая зависимость крестьянского товарного хозяйства от государства. Здесь влияние государства не может скоро логнать его регулирующей роли в деле заготовки технических культур, но несомненно будет расти по мере роста товарности и экспортных возможностей нашего земледелия: Если в неурожайные годы закон ценности бушует гораздо сильнее и может встретить регулирующее ограничение лишь со стороны государственного импорта хлеба из-за границы, то, наоборот, волна падения хлебных цен в периоды урожаяев может быть с гораздо большим успехом задержана путем своевременного развертывания государственных хлебозаготовок и расширения хлебного экспорта. Регулирующая роль государства в сфере обмена будет увеличиваться по мере роста тех ресурсов, которые государство в состоянии будет выделять на образование своих плановых резервов в денежной и натуральной форме. С другой стороны большую роль как раз в деле регулирования через обмен суждено сыграть нашей кооперации, в особенности, по мере кредитного охвата с.-х. обмена, не говоря уже о влиянии кооперации в сфере производства.

Наконец, областью наименьшего планового регулирования является область внутрикрестьянского обмена, а также область обмена крестьянской продукции на ту часть ремесла и кустарной промышленности, которая или совсем не захвачена или очень мало захвачена крупным коллективным производством. Как известно, емкость деревенского рынка на крестьянскую продукцию средств потребления, прежде всего на хлеб, очень велика. Количество крестьянских хозяйств, покупающих хлеб, огромно. В 1924/25 г. внутрикрестьянские покупки хлеба достигали 528 млн. пудов, или 63,6% всего товарного хлеба. Казалось бы, что влияние государства на хлебные цены должно автоматически влиять и на цены внутрикрестьянского хлебного рынка. Это влияние несомненно существует, но оно ограничено следующим обстоятельством. Покупает хлеб по преимуществу беднейшее крестьянство. Оно покупает как продовольственный хлеб, так и семена. Платит же оно не всегда деньгами и далеко не всегда по рыночным ценам, вследствие своей кабальной зависимости от зажиточного крестьянства и ку-

лаков. Очень часто расплата совершается путем отработки, т. е. в форме обмена хлеба на труд крестьянской бедноты, что при огромном количестве избыточной рабочей силы в советской деревне означает очень высокую расценку продаваемого бедноте хлеба. Государственное регулирование хлебных цен идет мимо этих отношений эксплуатации. Рынок рабочей силы и отношение скрытой эксплуатации срывают регулирующее влияние государства на хлебные цены в значительной области внутрикрестьянского обмена.

Что же касается таких сфер внутрикрестьянского обмена, как торговля рабочим скотом, а также торговля не изготавливаемыми на государственных фабриках изделиями кустарей и ремесленников, то здесь полностью и безраздельно господствуют отношения простого товарного производства, здесь—безраздельная область господства закона ценности¹⁾. Тут перед нами та часть нашей экономики, которая является полным антиподом области производства средств производства в государственном хозяйстве. XVI—XVIII века сожигательствуют с наивысшим завоеванием XX века, с планоно руководимой промышленностью социалистического государства.

Прибавочная ценность, прибавочный продукт, заработная плата.

Вопрос о том, существует ли в государственной промышленности прибавочная ценность, или же прибавочный продукт, возбуждал и возбуждает чрезвычайно много споров среди наших экономистов и среди учащейся молодежи. Уже из сказанного выше читатель может отчасти видеть, что с точки зрения экономической теории это орех довольно крепкий. Ни в коем случае нельзя правильно решить этого вопроса изолированно, вне общей оценки всей системы нашего хозяйства, вне систематического анализа всех категорий политической экономии в их применении к советской экономике.

Если товару в законченной системе планового социалистического производства противостоит продукт, стоимости—калькуляция рабочего времени, заработной плате—потребительский рацион коллективного работника, то прибавочной ценности противостоит прибавочный продукт. Нам предстоит поэтому, следуя взятому нами методу, рассмотреть, в какой степени в нашем государственном хозяйстве мы продвинулись по историческому пути от прибавочной ценности к прибавочному продукту и какой термин является здесь более правильным. Я должен заметить еще здесь, что разногласия в исследуемом здесь вопросе встречаются двух типов: разногласия терминологические, а, следовательно, второстепенного характера; во-вторых, разногласия принци-

¹⁾ Мы говорим здесь о безраздельном господстве в сфере простого товарного производства, потому что, как говорил не раз Маркс, закон ценности „достигает свободного развития как раз на основе капиталистического производства“, т. е. когда рабочая сила является товаром на ряду с прочими товарами.

нального характера, связанные с различной теоретической и исторической оценкой нашей системы государственного хозяйства вообще. Разногласия второго типа не могут поэтому ограничиться лишь областью рассматриваемой проблемы и пройдут неизбежно по всем другим проблемам теоретического анализа нашего хозяйства.

Начнем сначала с точного определения понятия прибавочной ценности, каким мы находим его у Маркса. Категория прибавочной ценности неотделима от следующих основных предпосылок. Чтобы существовала прибавочная ценность, нужно, чтобы существовала вообще ценность, т.-е., чтобы продукт человеческого труда был товаром. А это значит, что дело идет об исторической категории, присущей лишь товарному производству. Но этого мало. Продукт человеческого труда приобретает форму товара не только в капиталистическом, но и в простом товарном производстве. Необходимо, следовательно, второе основное условие, а именно, чтобы форму товара приобретала рабочая сила, т.-е., чтобы существовал свободный рынок особого товара, товара рабочей силы. Но существование рабочей силы, как товара, предполагает существование пролетариата, отделенного от орудий производства, на одном полюсе, и существование класса покупателей рабочей силы, обладающего монополией права собственности на орудия производства, на другом. Следовательно, понятие прибавочной ценности предполагает не просто отношение эксплуатации, но отношение эксплуатации между предпринимателями и наемными рабочими. Наконец, последняя предпосылка связана с прилагательным «прибавочный», т.-е. необходима такая ступень развития производительности труда вообще, чтобы производительно занятые работники производили больше того, что минимально необходимо для восстановления их рабочей силы. Это значит, что понятие прибавочной ценности предполагает существование в обществе прибавочного продукта, который лишь на определенной стадии развития товарного хозяйства приобретает форму прибавочной ценности.

Прежде, чем перейти к анализу категории прибавочной ценности в нашем хозяйстве, мы считаем полезным заглянуть назад на историю развития этой категории. Поскольку в нашем хозяйстве происходит трансформация производственных отношений капиталистической экономики в исторически более высокую форму производственных отношений социализма, поскольку мы должны исследовать диалектическое перерастание одних отношений в другие, постольку интересно и обратное, в данном случае процесс такого же диалектического перехода от прибавочного продукта к прибавочной ценности в начальный период развития капитализма.

Маркс не раз предостерегал от смешения понятия прибавочного продукта с понятием прибавочной ценности. Прибавочный продукт — это понятие несравненно более широкое, чем понятие прибавочной ценности. Прибавочный продукт существовал задолго до развития капиталистического производства и будет существовать после уничтожения буржуазной системы общества, но уже не как отношение эксплуата-

ции. Лишь на одном только историческом перегоне прибавочный продукт принимает форму прибавочной ценности. В натуральном рабовладельческом хозяйстве нет прибавочной ценности в марксовом смысле, хотя есть и эксплуатация и прибавочный продукт. Поскольку в натуральном рабовладельческом хозяйстве рабы создают лишь предметы потребления для своих господ, и целью эксплуатации является выколачивание этих предметов потребления. Прибавочной ценности нет также в натуральном крепостническом хозяйстве, где, например, господствует барщина, как средство создания предметов потребления для крупных феодальных землевладельцев. Дело изменяется лишь тогда, когда созданный трудом эксплуатируемых классов продукт принимает форму товара, превращается в ценность, а тем самым и прибавочный продукт превращается в прибавочную ценность. Тогда и целью эксплуатации делается систематическое выколачивание прибавочной ценности. В этом случае Маркс переходит от одного термина к другому. Так, например, в III томе «Капитала» Маркс говорит о превращении «патриархальной системы рабства, рассчитанного на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости»¹⁾. В первом томе «Капитала» Маркс говорит тоже не только об эксплуатации негров, но и о переходе прибавочного труда крепостного крестьянина в прибавочную ценность. Он пишет: «труд негров в южных штатах американского союза носил сравнительно мягкий и патриархальный характер до тех пор, пока целью производства было главным образом непосредственное удовлетворение собственных потребностей. Но по мере того, как экспорт хлопка приобретает характер жизненного интереса для этих штатов, чрезмерный труд негра, доходивший в отдельных случаях до потребления его жизни в течение семи лет труда, становится фактором рассчитанной и рассчитываемой системы. Тут дело шло уже не о том, чтобы вышибать из него известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве прибавочной стоимости. То же самое происходило с барщинным трудом, например в Дунайских княжествах»²⁾ (курсив мой. Е. П.).

Однако перед нами здесь лишь неразвитые, переходные формы прибавочной ценности, не вполне характерные для развитого капиталистического способа производства. Дело в том, что тут перед нами налицо все предпосылки прибавочной ценности, кроме последней, характерной именно для развитого капитализма, кроме превращения рабочей силы в товар, «свободно» продаваемый его владельцем на рынке труда. Раб прикреплен к рабовладельцу на основе права собственности рабовладельца на его личность, потребление его рабочей силы в производстве происходит не по специфическим законам развернутого товарно-капиталистического производства, а на основе изъятия из законов товарного хозяйства купли, продажи и воспроизводства его рабочей

1) «Капитал», т. III, I часть, стр. 316, перевод Степанова.

2) «Капитал», т. III, стр. 214, пер. Степанова.

силы. То же надо сказать и о крепостном крестьянине, где возможность эксплуатации не возникает «свободно» и стихийно из монополии одного класса на средства производства, а существует на основе юридической зависимости крестьян от помещиков.

Наконец, в качестве последней переходной инстанции к подлинно капиталистической прибавочной ценности можно привести работу кустарей надому на скупщика, когда они перерабатывают сырье заказчика, работают его инструментами и в сущности уже являются фактическими наемными рабочими, несмотря на внешние атрибуты самостоятельных производителей. Еще один шаг, и перед нами отделенный от средств производства пролетарий, на противоположном полюсе—владелец средств производства, капиталист, выколачивающий прибавочную ценность как раз на основе развернутого действия закона ценности вообще, в данном случае на основе обмена капитала на рабочую силу, как товар.

Перейдем теперь к анализу категории прибавочной ценности применительно к нашему хозяйству, прежде всего, к государственному хозяйству пролетариата. Если в предкапиталистический период экономической истории мы имели, если возможно так выразиться, нарастающие элементы этой категории, по мере развития товарного производства и перерастания его в товарно-капиталистическое, то у нас мы видим как раз обратный процесс, процесс отмирания элементов категории прибавочной ценности, по мере развития производительных сил в социалистических формах. Там диалектика нарастания, здесь процесс отмирания. Разберем этот процесс более конкретно, анализируя отдельные предпосылки категории прибавочной ценности.

Как мы уже говорили, первой предпосылкой превращения прибавочного продукта в прибавочную ценность является превращение продукта в товар. В нашем же государственном хозяйстве, как мы видели выше, развивается обратная тенденция — превращения товара в продукт, наиболее быстро прогрессирующая и наиболее далеко продвинувшаяся в сфере государственного производства средств производства. Важность этого факта читатель может видеть из следующих обстоятельств. Как известно,—и на этом очень много останавливался Маркс—развитие производительных сил капиталистического общества, развитие техники приводят, как общеправильно, к повышению органического состава капитала, что с точки зрения распределения труда во всем обществе означает все более и более возрастающее значение производства средств производства. Возможность расширения производства средств потребления и удешевление их достигаются относительно еще большим расширением производства средств производства. Этот закон не зависит от специфических черт капиталистических отношений производства, он должен действовать и в социалистическом обществе, поскольку производительные силы общества будут развиваться. Он целиком применим и к нашей системе хозяйства. А раз это так, то развитие производительных сил

неизбежно должно означать увеличение удельного веса производства средств производства, а это увеличение совершенно автоматически ускоряет тенденцию отмирания товарного производства в государственном хозяйстве и с этого конца подкапывается под категорию прибавочной ценности. Если взять всю продукцию нашей государственной промышленности за данный год и спросить, есть ли это масса товаров в обычном смысле этого термина у Маркса, то мы должны будем ответить на этот вопрос: и да, и нет. Да, поскольку мы производим для рынка и воспроизводим, опираясь на рынок. Нет, поскольку мы монополично производим для самого государственного круга, сохраняя лишь форму рыночных отношений внутри государственного круга, отчасти нет постольку, поскольку тенденции социалистического монополизма приводят к подрыву товарного хозяйства, ликвидации во многих случаях конкуренции и к трансформации самого существа товарного рынка. Если в крестьянском хозяйстве товарность производства возрастает по мере развития производительных сил деревни, встречаясь с ограничениями рыночных отношений, описанными в предыдущем параграфе, то в государственном хозяйстве товарный характер производства как раз сокращается по мере роста абсолютной суммы продукции и по мере роста плановости и организованности внутри всего хозяйственного организма его. Итог, следовательно, такой. Категория прибавочной ценности в государственном хозяйстве со стороны рассматриваемой нами ее предпосылки подкашивается и в некоторой степени уже подкошена развитием социалистических отношений производства.

Возьмем теперь вторую предпосылку понятия прибавочной ценности—отношение эксплуатации между двумя классами, систему присвоения прибавочного продукта работниками собственниками средств производства. Здесь мы несомненно продвинулись вперед несравненно дальше, чем в рассмотренном только что отношении и продвинулись не эволюционным путем, а путем скачка, путем социалистической революции, путем ликвидации капиталистической собственности на средства производства и передачи их в руки организованного в государство пролетариата. По этому признаку мы в гораздо большей степени можем говорить о трансформации прибавочной ценности в прибавочный продукт, чем по другим. Этот пункт вообще является основным. Рабочий класс не может эксплуатировать сам себя¹⁾. Деление же пролетариата на рабочих, находящихся на организаторских функциях

1) Полевно здесь будет напомнить следующее замечание Маркса, прямо относящееся к данной теме. В I томе Маркс говорит: «Если средства производства и существование являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не составляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплуатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена в голове экономиста столь тесными супружескими узами с их материальной субстанцией, что он при всяких обстоятельствах называет их капиталом, даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала» («Капитал», т. I, стр. 791, перевод Степанова).

и тучше оплачиваемых, и на остальную их массу есть деление внутри одного класса, ничем принципиально не отличающееся от деления того же класса на квалифицированных и неквалифицированных работников. Такое положение связано с неоднородностью рабочего класса в деле управления промышленностью, неоднородностью в технической подготовке, организаторских способностях и т. д. Эту неоднородность новая система получает в наследство от капитализма и может ликвидировать ее лишь постепенно, по мере роста производительности труда, поднятия культурной и технической подготовки всей массы на основе новой системы образования, на основе развития системы рабочей демократии во всех областях руководства и управления и на основе, наконец, совершенно сознательной борьбы с тенденциями консерватизма и застойности. Существующее материальное неравенство и сравнительная медленность подрастания общей массы рабочего класса до уровня организующих кадров вытекают не из теперешней структуры производственных отношений, а держатся несмотря на эту структуру и будут ликвидироваться по мере отмирания затвердевшего деления по профессии, по мере ликвидации отрыва науки от труда, по мере исчезновения той «холопской иерархии индивидуумов», унаследованной от буржуазного общества, о которой говорил Маркс в «Критике готской программы». Развитие производительных сил в государственном хозяйстве, систематический рост заработной платы, охват социалистической системой общего и технического образования всей пролетарской и полупролетарской молодежи, на ряду с переобучением взрослых, приведут к быстрому увеличению квалифицированных рабочих за счет неквалифицированных и готовят для организаторских функций такую массу работников, которая будет во много раз превышать количество организаторских и управленческих постов. А это и будет означать рассасывание затвердевших профессиональных делений и постепенный переход к настоящему социалистическому решению проблемы кадров и массы путем сближения массы с кадрами, с превращением профессий, как затвердевших группировок одних и тех же лиц на данных функциях, в по очереди выполняемые всей массой функции. Необходимые функции остаются, люди, их выполняющие, меняются. В данном случае, как и во многих других, дальнейшее социалистическое развитие, при наличии обобществления орудий производства, зависит уже от чисто количественного роста и темпа этого роста производительных сил внутри государственного хозяйства. И, наоборот, затверждение кадрового и профессионального деления может быть следствием приостановки или медленного развития производительных сил.

Таким образом указанное нами неравенство в сфере распределения материальных средств, а также сохранение профессиональных делений и фактическое неравенство в деле овладения наукой, техническими знаниями и организационным опытом вытекают отнюдь не из монополии небольшой части пролетариата на орудия производства. Никакой монополии на средства производства, допустим, крас-

ные директора, пролетарские инженеры и хозяйственники не имеют. Все они являются служащими рабочего государства и так же, как все остальные работники, ведут производство, используя коллективные средства производства государства. В этом—принципиальная разница в самой структуре производственных отношений в государственной промышленности, в сравнении с соответствующими отношениями капитализма, и здесь же заложены и предпосылки преодоления тех буржуазных черт в системе распределения вознаграждения и ответственности, которые еще остаются в периоде первых шагов социалистического строительства.

Однако мы не можем ограничиться при рассмотрении проблемы эксплуатации в государственном хозяйстве только взаимоотношениями внутри пролетариата. Ведь пролетариат может подвергаться до известной степени эксплуатации и со стороны других классов, хотя бы он сам господствовал в сфере крупного производства. В зависимости от соотношения классовых сил, от слабости и незрелости новой формы производства и силы товарного и товарно-капиталистического хозяйства, может получиться такое отношение эксплуатации, которое не укладывается в обычные рамки производственных и распределительных отношений между капиталистом и рабочим в буржуазном обществе. И тогда в меру существования этого нового типа эксплуатации будет существовать и прибавочная ценность.

Рассмотрим существующие реально и теоретически возможные виды такой эксплуатации.

Во-первых, часть прибавочного продукта, правда относительно очень небольшая, идет на ту часть вознаграждения специалистов, которая превышает плату за высококвалифицированный труд. Эта форма эксплуатации рабочих государственной промышленности вытекает из недоразвитости социалистических отношений в области новой системы образования, системы, имманентно присущей коллективному производству в качестве его неотделимой части.

Во-вторых, та часть прибавочного продукта, которая улавливается в форме торговой прибыли частным капиталом. Здесь эксплуатация вытекает из недоразвитости той системы распределения, которая вытекает из социализации средств производства. Это несомненно самая большая в количественном отношении часть прибавочного продукта государственной промышленности, которая присваивается враждебным классом.

В-третьих, процент по внутренним займам, покрываемый крестьянством, нэпманом, городской мелкой буржуазией и т. д., а также возможная уплата процентов и погашения по старым иностранным займам и процентов по новым. Сюда же надо отнести тот теоретически возможный случай, когда, вследствие неправильной политики в области первоначального социалистического накопления, получаемый государством прибавочный продукт от частного хозяйства на общественные нужды будет превышать ту часть прибавочного про-

дукта государственного хозяйства, которая в той или иной форме идет в частное хозяйство.

Переходим теперь к последнему пункту, а именно, к вопросу о том, в какой степени рабочая сила работников государственного хозяйства фигурирует как товар, продаваемый на рынке труда. Существует или нет у нас во всем хозяйстве продажа рабочей силы, как товара? В целом на этот вопрос приходится ответить утвердительно. По отношению же к государственному хозяйству, как и в целом ряде других отношений производства, мы имеем отношение переходного типа и на поставленный вопрос приходится ответить и да, и нет.

Мы отвечаем на поставленный вопрос утвердительно, поскольку дело идет о всем хозяйстве в целом, во-первых, потому, что у государства, местных советов и в кооперации занято рабочих и служащих не больше, чем в частной промышленности, в частной торговле и сельском хозяйстве, особенно если принять во внимание не только батрачество, но и все прямые и скрытые формы эксплуатации рабочей силы в деревне. Во-вторых, воспроизводство всей вообще рабочей силы происходит таким образом, что половина или большая половина среднего рабочего бюджета покрывается за счет покупки средств потребления частного, прежде всего крестьянского производства, и таким образом самый процесс воспроизводства рабочей силы теснейшим образом связан с товарным хозяйством. Что же касается рабочих и служащих государственного хозяйства, то особенность ситуации, которая складывается здесь, заключается в начавшемся и прогрессирующем по мере развития производительных сил процессе ликвидации рабочей силы, как товара. Это связано прежде всего с самим методом калькуляции фонда заработной платы. В капиталистическом обществе цена рабочей силы тяготеет к ее стоимости, складывающейся в данных исторически сложившихся условиях, и отклонения зависят от конъюнктуры рынка труда, т. е. связаны с соотношением спроса и предложения рабочей силы. В государственном хозяйстве пролетариата уровень всего фонда заработной платы регулируется законом первоначального социалистического накопления, и только градации тарифной сетки определяются еще в значительной степени, если не преимущественно, спросом и предложением квалифицированного и неквалифицированного труда. Если в целом фонд заработной платы, при приближении всей продукции к довоенному уровню, также близок к довоенному, то это количественное совпадение является скорее случайным и определяется требованиями накопления, а не действием того же самого закона заработной платы, что и до войны. Чрезвычайно характерно для наших условий, что, во-первых, рост зарплаты неквалифицированных рабочих у нас в значительной степени оторвался от состояния рынка труда. Увеличение заработной платы чернорабочих, начиная с перехода на нэп, происходило при росте безработицы, происходило больше в зависимости от роста производительности труда и темпа накопления во всем государственном хозяйстве, и, следовательно, отрывалась от действия спроса и предложения необученной рабочей силы. Затем очень важно также

отметить здесь и правильно оценить тот факт, что пропорции заработной платы в отдельных отраслях сильно отошли от довоенных (пищевика, кожевника, текстильщика, с одной стороны,—металлисты, горнорабочие, транспортники и т. д.,—с другой) и менялись прежде всего в зависимости от темпа восстановления и накопления в отдельных отраслях, с одной стороны, во всем государственном хозяйстве, с другой. И здесь действие рынка труда подвергалось очень большим изменениям под влиянием изменения системы производственных отношений. В легкой промышленности, таким образом, зарплата повышалась быстрее не потому, или верней не столько потому, что здесь была меньше безработица, зарплата чернорабочих росла не потому, что уменьшалась безработица среди неквалифицированных рабочих, а по всей совокупности условий, в которых развертывал свое действие закон первоначального социалистического накопления. И в дальнейшем повышение заработной платы всех рабочих вообще и неквалифицированных в частности будет прогрессировать все менее и менее в зависимости от рынка труда и все более и более в зависимости от развития производительных сил в государственном хозяйстве. Это отнюдь еще не приступ к системе распределения, внутренне присущей социалистическим отношениям производства. Это только лишь начало подготовки предарительных условий к такому распределению, одной из предпосылок которого является отрыв всего фонда заработной платы от действия закона ценности. Этот отрыв уже начался и будет дальше прогрессировать. Здесь перед нами снова крайне интересный пример того, как при социализации орудий производства чисто количественные изменения, в данном случае рост производительных сил и материального богатства в государственном хозяйстве, автоматически усиливают процесс рассасывания категорий капиталистического общества.

Что же касается распределения внутри общего фонда заработной платы, то оно остается еще почти полностью буржуазным, как остается капиталистической и сама форма заработной платы. Наша тарифная сетка не имеет ничего общего с социализмом и не может иметь ¹⁾). Пока подготовка квалифицированных работников не будет приспособлена к социалистическим производственным отношениям государственного хозяйства, тарифная сетка будет означать приспособление к тому буржуазному наследству, которое получает Советская власть и в сфере профессионального деления рабочих и в сфере сохранения многих (если не большинства) элементов буржуазных, а не социалистических стимулов к труду. Последние не падают с неба, их нужно развить путем длительного перевоспитания человеческого характера, сложившегося в товарном хозяйстве, перевоспитания в духе коллективных отношений производства. Впрочем я не хочу этим сказать, что наша теперешняя тарифная сетка полностью адекватна условиям труда в государственном хозяйстве, и что ее нельзя уже теперь начать реформировать по мере общего

¹⁾ Необходимо также иметь в виду, что сельщина и тарифные сетки связаны с действием закона первоначального социалистического накопления, накопления с вынужденным темпом быстроты.

наступления на фронте социалистического строительства. Мы несомненно часто копируем капиталистические отношения даже там, где это не только не нужно для поднятия производительности труда, но где такая копия прямо вредна с экономической и культурной точек зрения.

Что касается формы заработной платы, то в связи с чрезмерным увеличением сдельщины не бесполезно вспомнить, что говорил на эту тему Маркс. «Поштучная плата», писал Маркс, «есть форма заработной платы, наиболее соответствующая капиталистическому способу производства»¹⁾. Если это так, то естественно возникает вопрос, какая же форма заработной платы наиболее соответствует условиям труда в развивающемся государственном хозяйстве пролетариата? Как известно, мы начали с системы пайка в период военного коммунизма и очень скоро убедились, что этот метод распределения, резко и сразу разрывавший с мелкобуржуазными, индивидуалистическими стимулами к труду, кончился полной неудачей, если не говорить о неизбежности этой системы в условиях голода и гражданской войны. Так называемое коллективное снабжение и коллективное премирование, к которому перешли затем, имело несколько больший успех потому, что было переходной мерой к современной системе заработной платы. Теперь у нас широко господствует сдельщина, а где она невозможна по техническим условиям,—поденная или помесечная плата. Система сдельщины позволяет выжать все возможное из индивидуальных, буржуазных стимулов к труду, которые при социализации средств производства, означают, вообще говоря, отставание от новой формы собственности на целую эпоху. Само развитие техники, увеличение роли транспорта, электрификация и т. д. сокращают область труда, где возможна сдельщина. С другой стороны, она с известного момента может начать тормозить новую систему организации труда и воспитание новых стимулов к труду даже там, где она применима технически. Несомненно, по мере усиления социалистических элементов в нашем хозяйстве, мы столкнемся с необходимостью перейти к комбинированному методу индивидуальной и коллективной оплаты, а в дальнейшем можно считать обеспеченным переход к оплате «коллективного рабочего», вместо оплаты индивидуального рабочего по индивидуальной выработке. Однако движение в этом направлении теперь еле-еле только начинается. На этом участке, следовательно, мы как будто продвинулись вперед гораздо меньше, чем на других, если не считать роста ряда общественных учреждений, как рабочие клубы, ясли, детские дома, заводские столовые и т. д., развитие которых есть в сущности частичная трансформация старой системы заработной платы в одну из форм коллективного снабжения.

Что касается последней предпосылки для возможности существования прибавочной ценности, а именно, чтобы мог существовать самый прибавочный продукт *in natura*, принимающий при капитализме форму прибавочной ценности, то в существовании такого продукта можно было сомневаться разве по отношению к некоторым отраслям в период военного коммунизма.

¹⁾ Карл Маркс. „Капитал“, т. I, стр. 561, пер. Степанова.

Подведем теперь итоги по совокупности всех «за» и «против» и решим вопрос о том, какой термин правильной употребить по отношению к тому избыточному фонду, который отлагается в государственном хозяйстве после удовлетворения потребительских нужд рабочих госпромышленности: прибавочная ли это ценность или прибавочный продукт? Я лично считаю более правильным термин прибавочный продукт, поскольку дело идет о характеристике не только того, что есть, но и характеристике тенденций развития. Как мы видели, Маркс употреблял термин «прибавочная ценность» по отношению к таким отношениям эксплуатации, которые еще не включали всех элементов этого понятия в их классическом, чистом виде. Он антиципировал это название по отношению к производственным отношениям, которые только лишь развивались в направлении к капиталистическим формам эксплуатации рабочей силы. С тем же правом и мы антиципируем термин прибавочный продукт применительно к таким отношениям производства и распределения, которые имеют в себе элементы и категории прибавочной ценности и элементы прибавочного продукта коллективно-расширенного воспроизводства, при нарастающем преобладании последних.

Так обстоит дело в государственном хозяйстве, которое имеет максимальный теоретический интерес для исследования как раз потому, что именно здесь происходит отмирание старых производственных отношений, вытеснение их новыми отношениями, а вследствие этого приходится изучать переплетение тех и других на данном этапе строительства социализма. Что же касается частной промышленности и всех других пунктов применения наемного труда в разных видах, то по отношению к этим областям нашей экономики остается в силе все то, что Маркс писал о наемном труде, о прибавочной ценности и т. д. с учетом, разумеется, тех изменений внешне принудительного характера, которые вносит существование в стране диктатуры пролетариата.

Заканчивая с категорией прибавочной ценности, я хочу еще подчеркнуть одно крайне важное обстоятельство. Закон первоначального социалистического накопления, поскольку он регулирует уровень заработной платы в государственном хозяйстве, таит в себе внутреннее противоречие. Как закон, в котором находят свое выражение все сознательные и стихийные тенденции к усилению темпа расширенного воспроизводства в коллективном государственном хозяйстве, он является тем самым законом развертывания социалистических производственных отношений вообще. Но, с другой стороны, как закон ограничения зарплат в интересах социалистического накопления, он, по этой своей тенденции, ограничивает темп превращения заработной платы в потребительский рацион работника социалистического хозяйства, потому что, с тех пор как орудия труда социализированы, как раз быстрый рост зарплат приводит и к отрыву ее от стоимости рабочей силы и к материальным предпосылкам развертывания социалистической, пролетарской культуры. Это внутреннее противоречие закона целиком вытекает из его исторически переходного характера. Тенденция преодоления катего-

рии зарплаты, т.е. тенденция к усилению социалистического качества производственных отношений вступает в противоречие с тенденцией количественного расширения территории государственного хозяйства и его производственных отношений в их теперешнем виде, т.е. производственных отношений на весьма низкой ступени их социалистического качества. Уже самый термин «первоначальное социалистическое накопление» отражает эту двойственную природу закона: прилагательное «социалистический» вступает в противоречие с существительным «накопление», к которому оно привязано не только грамматически, но и в реальном историческом процессе.

Перейдем теперь к другим категориям, анализ которых отнимет у нас гораздо меньше времени.

Категория прибыли в государственном хозяйстве.

По отношению к этой категории вопрос стоит в некоторых отношениях значительно проще и прозрачней, чем по отношению к другим, за исключением только терминологии, которая одинаково нигде не годится. Ни термин капитал, ни термин накопление, ни термин прибыль, ни, как мы видели, термин прибавочная ценность, строго говоря, не годятся безоговорочно для характеристики отношений внутри государственного хозяйства. Приходится либо употреблять их в условном смысле, либо делать к существительным прибавки в форме прилагательных: государственный капитал, социалистическое накопление, либо антиципировать тенденцию развития, как мы сделали с термином прибавочная ценность, заменяя его термином прибавочный продукт.

При господстве капиталистических отношений производства уравновешивание нормы прибыли на равновеликие капиталы играет огромную роль в деле распределения производительных сил между различными отраслями производства. Спрашивается, какой же инструмент регулирования выполняет ту же самую функцию в государственном хозяйстве? Чем определяется норма прибыли для государственных трестов, во-первых, и какая система действует при размещении новых капиталов между отдельными отраслями государственного хозяйства, во-вторых? Чем замещено здесь действие закона ценности в системе государственного хозяйства?

Насколько понятие «нормы прибыли» трансформировалось в государственном хозяйстве в новое отношение производства и распределения, делается очевидным, когда мы сравним любой наш трест с соответствующей группой капиталистических предприятий в условиях полной или ограниченной свободы конкуренции. Допустим вместо нашей Гомзы действует несколько капиталистических обществ, как общество Брянских, общество Сормовских заводов и т. д., а вместо текстильных трестов, возглавляемых в сфере обмена текстильным синдикатом, функционируют мануфактурные фирмы Морозовых, Корзинкиных и т. д. Капиталистические машиностроительные и текстильные предприятия не

могут даже приблизительно знать, начиная свой хозяйственный год, ни того, сколько они произведут сверх имеющихся у них твердых заказов, ни цен сырья, ни сюрпризов, которые их ожидают на рынке труда, ни продажных цен их собственных изделий, а следовательно не могут знать ожидающей их нормы прибыли. Огромная часть элементов «капиталистического плана» есть величина неизвестная. Новые конкуренты могут взбить цены на сырье, сбить продажные цены, рабочие—месяц бастовать и т. д. Поэтому баланс предприятия может принести после окончания операционного года большие неожиданности. В графе прибыли он может известить либо о том, что в данном году в данной отрасли вложено капитала больше, чем нужно, и это известие найдет свое выражение в понижении нормы прибыли или же прокричит дефицитом; либо же, наоборот, резкий скачок нормы прибыли, благодаря росту рыночных цен на изделия предприятия и другим причинам, сообщит о недостаточном приложении капитала в данной отрасли. Стихия рынка, составными элементами которого и являются наши Морозовы, общества Сормовских заводов и т. д., благодаря действию закона ценности, и в данном случае через инструмент стихийного распределения прибыли, будет способствовать установлению равновесия в распределении производительных сил, отмечая в графе прибыли отдельных отраслей и предприятий различные величины. Несмотря на различные пропорции постоянного и переменного капитала в различных отраслях капиталистического производства, равновесие будет достигнуто на основе закона цен производства, благодаря действию которого предприятия с более высоким органическим составом капитала и соответственно более низкой нормой прибавочной ценности получают в конечном счете, вследствие выравнивания нормы прибыли, среднюю прибыль, как и предприятие с низким органическим составом капитала.

В государственном хозяйстве дело обстоит совсем иначе. Гомза знает свою производственную программу заранее и знает ее именно потому, что свою программу знают и все ее заказчики. Текстильные тресты также знают свою программу, хотя колебаний при ее выполнении у них может быть больше, потому что и реализация мануфактуры идет не только внутри государственного круга и его рабочих и служащих. Но при сколько-нибудь верной статистике платежеспособного спроса города и деревни эта программа не может сильно разойтись с плановыми предположениями, при наличии же товарного голода вся эта проблема отпадет, поскольку отпадает опасение за возможность реализовать всю продукцию. Все дело будет тогда заключаться в размерах основного и оборотного капитала, каковая величина вполне доступна плановому учету. Далее Гомзу не могут ждать сюрпризы со стороны цен на металл, потому что цены определяет само государство. Текстильные тресты не могут ждать сюрпризов ни со стороны цен на оборудование, изготовляемое внутри государственного круга, ни со стороны цен двух третей количества хлопка внутреннего производства, льна и пеньки, цены на которые диктует не рынок, а плановые органы государства, ни со стороны зарплаты, уровень которой плановым образом определяется на основании

ресурсов государственного хозяйства в данном году и закрепляется коллективными договорами. В результате такого усиления планового начала во всем государственном хозяйстве, а также и на внутреннем рынке промышленного сырья, изменяется и само существо прибыли и инструмента выравнивания нормы прибыли. Если частные предприниматели могут лишь гадать на основе разных косвенных признаков, каков будет у них баланс,—баланс советских трестов на $\frac{4}{5}$ уже составляется перед началом хозяйственного года в форме производственных программ, где нормируются и отпускные цены трестов на их продукцию. Эта нормировка приводит к тому, что и цены и соответственно норма прибыли теряют свой регулирующий характер для распределения производительных сил, поскольку это распределение достигается не обходным, косвенным, стихийным путем, а прямо предусматривается общехозяйственным планом данного года. Это уже не норма прибыли в капиталистическом смысле этого слова, которая в дальнейшем распадается, кроме того, на капитализируемую и потребляемую капиталистами часть, что также сильно осложняет достижение равновесия в системе воспроизводства, а это норма социалистического накопления для каждой данной отрасли производства. Соответствующая норма дана уже в элементах производственной программы и прежде всего в уровне отпускных цен. В результате социализации промышленности и развития планового начала в государственном хозяйстве, прежде всего планового начала в сфере социалистического накопления, категория прибыли не только исчезает, как распределительное отношение буржуазного общества вместе с ликвидацией класса капиталистов, но и почти полностью исчезает и как вырастающий на основе действия закона ценности регулятор распределения производительных сил между отдельными отраслями коллективного государственного хозяйства.

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса: метод размещения в производстве новых капиталов, или лучше сказать, поскольку дело идет о государственном хозяйстве, новых средств, новых элементов производства.

В капиталистическом обществе та часть прибавочной ценности производительного назначения, которая не может быть просто присоединена к капиталу функционирующих предприятий, размещается между различными сферами производства в форме акционирования. Для нового строительства создаются при содействии банков или банками акционерные общества, которые выпускают акции, размещая их среди торговых, промышленных или иных предприятий, имеющих свободные капиталы, или среди отдельных лиц. Форма акционирования является чисто стихийной формой соединения и производственного размещения новых капиталов и с этой стороны отвечает всей структуре капиталистического общества. Изменения, которые вносятся в практику акционирования производственными отношениями монополистического капитализма, мы не будем здесь рассматривать. Как же решается та же проблема в советском хозяйстве?

Как известно, мы имеем уже довольно много акционерных обществ чисто государственных в первую голову и небольшое число смешанных и частных. Казалось бы, что мы идем в деле распределения и вложения новых производительных средств по стопам капитализма.

Однако такое утверждение было бы восприятием внешней формы вместо существа дела. Не говоря уже о том, что через систему акционирования у нас проходит очень небольшая часть нового капитала, сама структура и метод работы акционерных обществ с государственным капиталом почти ничем не отличаются от деятельности любого треста, а метод собирания капитала есть метод подписки государственных учреждений для государственного или коммунального (что одно и то же) предприятия или группы предприятий. Нечто новое возникает лишь там, где акционируются и государственный и частный капиталы.

Основной формой распределения новых капиталов, не присоединяемых к капиталу функционирующих предприятий, за исключением одного лишь и, надо думать, недолговечного, акционерного общества нового промышленного строительства, является наша банковская система: Государственный банк, Промбанк и другие банковские институты, а отчасти распределение средств на промышленность через государственный бюджет. Это распределение не может не быть плановым, потому что совершенно бессмысленно думать, что процесс расширенного воспроизводства государственной промышленности и транспорта, все новое строительство и т. д. будут идти плановым образом в сфере выполнения производственных программ и может быть неплановым, может опираться на процесс какой-то самостоятельности и стихии внутри государственного хозяйства, поскольку дело идет о собирании ресурсов для расширенного воспроизводства. Однако надо все же заметить здесь мимоходом, что наше государственное хозяйство еще не нашло вполне удовлетворительных организационных форм для обслуживания процесса расширенного воспроизводства с рассматриваемой стороны, таких форм, которые ему имманентно присущи и в то же время соответствуют данной стадии первоначального социалистического накопления.

Наконец, необходимо отметить еще и тот весьма важный факт, что наше государственное хозяйство пока еще довольно стихийно развивается по линии действия закона первоначального социалистического накопления в том отношении, что балансовый итог накопления каждого года, вытекающий из данного уровня развития производительных сил в нем и во всем хозяйстве в целом, из размеров платежеспособного спроса частного хозяйства и из необходимых размеров нового строительства, не определяется заранее и не проводится сознательно, планомерно через всю систему плановых цен, что общий уровень так сказать цен производства государственного хозяйства, как единого треста, нащупывается скорее стихийно, больше путем арифметического сложения, чем путем деления общей цифры необходимого накопления на соответствующие сферы производства. Существующая структура нашего государственного хозяйства оказывается часто прогрессивней своей системы хозяйственного руководства.

Категория ренты.

Относительно категории ренты в Советской системе, при существующей у нас национализации земли и при весьма незначительных размерах чисто капиталистической аренды, допускается очень много путаницы. С серьезным видом часто обсуждался и обсуждается вопрос, абсолютную или дифференциальную ренту (в марксовом понимании этих категорий) платит крестьянство государству в форме продналога или теперь единого налога, какую ренту платит государственное предприятие местному совету, на территории которого оно находится и т. д. Вся эта путаница происходит оттого, что категории развитого капиталистического общества некритически и ученически переносятся на отношения, где, с одной стороны, господствует государственное хозяйство, со специфическими производственными отношениями переходного периода к социализму, а с другой стороны, простое товарное производство с очень слабой прослойкой капитализма как раз в сфере производства. Между тем рента в марксовом понимании этого термина есть категория развитого капиталистического способа производства, захватившего сферу земледелия. Иными словами, Маркс анализирует в своей теории ренты производственные и распределительные отношения чистого капитализма, когда вся земля обрабатывается капиталистическими арендаторами, в то время, как право собственности на нее принадлежит другому классу, классу земледельцев. Предвидя путаницу, которая может произойти с его пониманием капиталистической ренты, и борясь с той путаницей, которую создали еще до него различные экономисты в этом вопросе, Маркс неоднократно подчеркивал разницу между капиталистической земельной рентой и теми различными формами ренты, которые существовали в докапиталистический период, носили совсем другой характер и не имеют ничего общего с капиталистической земельной рентой, кроме лишь права частной собственности на землю, как источника присвоения известной доли национального дохода страны. Приведем здесь пару цитат из Маркса, необходимых нам для дальнейшего изложения. В 3-м томе «Капитала» Маркс на интересующую нас тему писал: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам общее то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью производителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых

изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелко-крестьянскими землевладельцами.

Это общее для различных форм ренты,—то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли,—это общее ведет к тому, что различия форм не замечаются¹⁾.

Продолжая дальше развивать ту же мысль насчет смешения различных форм ренты Маркс в другой главе того же тома «Капитала» писал: «Итак, при анализе ренты вся трудность заключалась в том, чтобы объяснить излишек земледельческой прибыли над средней прибылью, объяснить не прибавочную стоимость, а свойственную этой сфере производства избыточную прибавочную стоимость, следовательно, опять-таки не «чистый продукт», а излишек этого чистого продукта над чистым продуктом других отраслей промышленности. Сама средняя прибыль есть результат, образование процесса социальной жизни, протекающего при вполне определенных исторических отношениях производства, продукт, предполагающий, как мы видели, очень сложные посредствующие звенья. Для того, чтобы вообще можно было говорить об избытке над средней прибылью, необходимо, чтобы вообще сложилась сама эта средняя прибыль в качестве масштаба и—как при капиталистическом способе производства—в качестве регулятора производства. Следовательно, при таких общественных формах, где еще нет капитала, который выполняет ту функцию, что вынуждает весь прибавочный труд и присваивает в первую очередь себе всю прибавочную стоимость, следовательно, где капитал еще не подчинил себе общественного труда или подчинил его лишь местами, вообще не может быть речи о ренте в современном значении слова, о ренте как излишке над средней прибылью, т.-е. над пропорциональной долей всякого индивидуального капитала в прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом»²⁾.

Из приведенных мест Маркса, как из всего его изложения теории ренты вытекает с полной очевидностью, что категория капиталистической земельной ренты очень мало применима для понимания советских отношений. Ниже мы объясним, что мы имеем в виду, когда говорим «очень мало», а пока посмотрим, почему неправильно говорить о ренте в Марксовом смысле по отношению к нашему сельскому хозяйству, а также в большинстве случаев по отношению к рентному обложению в городах.

Начнем с понятия абсолютной ренты. Источником абсолютной ренты является та часть прибавочной ценности, создаваемой наемными рабочими в капиталистическом земледелии, которая по своему происхождению связана с более низким органическим составом земледельче-

1) «Капитал», т. III, часть 2-я, стр. 174, перевод Степанова.

2) «Капитал», т. III, часть 2-я, стр. 319, перевод Степанова.

ского капитала и не участвует в процессе выравнивания нормы прибыли во всем капиталистическом производстве. Эта часть прибавочной ценности, как выражается Маркс, «улавливается» собственниками земельных участков, при чем капиталистическим арендаторам остается лишь обычная средняя прибыль на вложенный в обработку земли капитал. Совершенно очевидно, что даже независимо от факта национализации земли абсолютной ренты не может существовать там, где нет капиталистического земледелия, потому что в этом случае нет тех производственно-распределительных отношений, при которых вообще может существовать абсолютная земельная рента. С этой точки зрения, а также и для правильного понимания категории дифференциальной ренты, очень важно следующее место из предварительных замечаний Маркса к анализу земельной ренты: «Итак, мы исходим из того предположения, что земледелие,—точно так же, как мануфактура,—подчинено капиталистическим способам производства. Т.-е., что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов, в первую очередь, только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т. д. точно так же, как фабрикант—пряжу или машины. Предположение, что капиталистический способ производства овладевает сельским хозяйством, подразумевает, что он господствует во всех сферах производства и буржуазного общества, следовательно, что имеются в наличии и вполне развитые его условия, каковы свободная конкуренция капиталов, возможность переносить их из одной сферы производства в другую, одинаковый уровень средней прибыли и т. д.»¹⁾

Совершенно очевидно, что у нас почти нет тех предпосылок, о которых говорил Маркс, в том числе и той, чтобы капиталистический способ производства господствовал «во всех сферах производства». Это место Маркса целиком применимо также и к категории дифференциальной ренты, которую Маркс всегда понимает как капиталистическую земельную ренту. Если источником абсолютной ренты является добавочная прибавочная ценность капиталистического земледелия, то источником дифференциальной ренты, как всякой добавочной прибыли в промышленности, является общий фонд прибавочной ценности всего капиталистического общества в целом, распределение же ее, титулы на нее зависят от частной собственности на землю различного плодородия. Это значит, что дифференциальная рента вырастает не из земли, о чем Маркс повторяет постоянно, а из общего источника всякой прибавочной ценности. Из земли вырастает лишь право на ее известную часть для собственника того или иного участка разного плодородия.

Большим соблазном для применения понятия дифференциальной ренты в господствующей форме земледельческого производства при советской системе служит факт различного плодородия земельных участков и различного расстояния обрабатываемой земли от рынков сбыта

¹⁾ „Капитал“, т. III, часть 2-я, стр. 154, перевод Стенянова.

продуктов земледелия. Но ведь это различие, поскольку оно связано с различием природных и географических условий, не зависит от системы производства и распределения, а понятие капиталистической земельной ренты как раз связано с исторически определенной, специфической системой производства. Забывать об этом, значит делать ту самую ошибку натурализации, овеществление производственных отношений советской системы хозяйства и вульгаризацию марксизма, о которых я говорил в начале настоящей главы. Если финансовые агенты Наркомфина принимают во внимание разницу в доходности отдельных крестьянских хозяйств, которая связана и с разницей в плодородии почвы, то дифференциальность в обложении, допустим, двух средняцких хозяйств, одинаковых во всех остальных отношениях, кроме доходности, отнюдь не является способом «улавливания» дифференциальной ренты в марксовом понимании категории. Если бы мы мотивировали именно таким образом необходимость налогового обложения деревни и необходимость различных налоговых ставок для различных групп крестьянства, то любой хорошо грамотный экономически и знающий Маркса крестьянин мог бы разнести нас в пух и прах и был бы прав. Чтобы мотивировать необходимость обложения деревни и дифференциальности в этом обложении нам, за исключением области капиталистического или полукапиталистического земледелия, совсем не требуется трогать учение Маркса о капиталистической земельной ренте. Полезней перечитать его предупреждение насчет возможного ошибочного понимания и толкования его теории. К вопросу же о том, что мы облагаем в форме единого с.-х. налога, я скоро вернусь.

Итак, о капиталистической земельной ренте в марксовом смысле мы можем говорить лишь в меру развития капиталистических методов обработки земли и капиталистической аренды земельных участков для других целей, т.-е. отнюдь не о господствующей системе производительных отношений в земледелии в СССР.

Посмотрим ближе, как обстоит дело у нас в этой области. Капиталистическим типом земельной аренды являются у нас чистые земельные концессии, как например, известная Крупновская концессия на Украине. Рабочие концессионера создают прибавочную ценность, концессионер может улавливать здесь как ту ее часть, которую условно мы можем считать источником абсолютной ренты, так и ту, которую условно можно считать рентой дифференциальной. Отсюда и прямое право и экономическая возможность для государства в форме налогов и долевого отчисления уловить в свою очередь продукт концессионного улова. То же относится и к чистым лесным концессиям. В случаях со смешанными земледельческими и лесными концессиями перед нами будет государственно-капиталистический¹⁾ тип ренты. О капиталистической ренте можно говорить также при рентном обложении земель, находящихся под частными фабриками и заводами, арендуемых частным землевладе-

¹⁾ В том условном понимании этого термина, в каком его употреблял Ленин.

нием и т. д. Сюда же нужно отнести ренту с государственных земель, сдаваемых в обработку крупно-крестьянским хозяйствам, применяющим наемный труд. Наконец, еще предстоит (и с этим мы сильно запоздали) ввести рентное обложение всех кулацких хозяйств, применяющих наемный труд и на надельной земле. Это, правда, не совсем те фермеры-капиталисты, о которых говорит Маркс, но по существу, несмотря на весьма низкий экономический уровень кулацкого хозяйства с точки зрения капиталистической формы обработки земли, в основном и по тенденциям развития, мы имеем здесь дело с группой, которая может быть и должна быть подвергнута специальному рентному обложению, одновременно ли или отдельно от общеподоходного обложения—безразлично. Если государство не обладает права на обработку общественной земли со стороны крестьян, не эксплуатирующих чужого труда, то по отношению к эксплуатирующим такой труд этот порядок не может быть применен.

Во всех перечисленных нами случаях мы имеем основания говорить о капиталистической земельной ренте с точки зрения ее происхождения из неоплаченного труда рабочих. Но оригинальность наших отношений распределения в рассматриваемой области состоит в том, что субъектом, взимающим ренту, является не частный собственник земли, не капиталистическое государство, а государство социалистическое. Средства от рентного обложения поступают в его госбюджет и косвенно в фонд социалистического накопления. В данном случае рента является капиталистической по источнику происхождения и социалистической по назначению. А это значит, что мы имеем здесь дело с совершенно особым отношением распределения, возникающим лишь после социалистической революции, и в таком его виде совершенно не исследованным у Маркса, который дал нам только анализ классических отношений абстрактного, чистого капитализма.

Что же касается земельного обложения, которому подвергаются со стороны государства или его местных органов государственные же предприятия, то было бы смехотворно говорить здесь о капиталистической ренте с застроенных участков в смысле Маркса. Как нельзя говорить о «прибыли» Гомзы в марксовом смысле слова, так еще менее можно говорить в данном случае о ренте, хотя бы в обиходе этот термин и не считали нужным изгонять за неимением другого. Здесь перед нами не рента, а лишь одна из тех форм распределения государственных средств внутри государственного же круга, которая имеет лишь внешнюю видимость отношений капиталистического общества, которая копирует лишь форму и термин, а на самом деле является одним из видов искажения общепланового распределения. Если переставить соответствующие графы в местном и государственном бюджете, а также в балансах облагаемых государственных предприятий, то вся рента, без малейших изменений в сфере производства, а также распределения между классами (а не между ведомствами одного и того же класса), исчезнет, как дым.

В заключение нам остается остановиться лишь на налоговом обложении некапиталистического земледелия. После всего сказанного выше совершенно очевидно, что прямое налоговое обложение крестьянства, не эксплуатирующего наемного труда, и обложение доходов кулачества в той их части, в какой они создаются личным трудом кулаков, есть не земельная рента в Марксовом смысле слова, а отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Это обложение ничем принципиально не отличается, например, от обложения ремесла и кустарной промышленности. Это обложение экономически возможно постольку, поскольку существует такой прибавочный продукт. А этот продукт увеличивается по мере развития производительных сил в крестьянском хозяйстве. От такого обложения, согласно нашей торговой практики, освобождаются, и вполне правильно освобождаются, бедняцкие и маломощные крестьянские хозяйства, не создающие как правило прибавочного продукта. Это обложение экономически не только возможно, но необходимо и целесообразно, поскольку расходы по общему бюджету государства должны покрываться и крестьянами и рабочими. Оно необходимо и потому, что расширенное воспроизводство в промышленности, его достаточно быстрый темп, развитие ж.-д. сети, каналов, электрификации и т. д. чрезвычайно необходимы также и для крестьянского хозяйства, которое без поддержки быстро развивающейся промышленности не может развивать производительных сил, оставаясь мелким производством, и тем более не сможет подняться на более высокую ступень производственного кооперирования. Октябрьская революция, социализация промышленности и транспорта имеют свою логику. Если мы идем по пути ограничения и ликвидации действия закона ценности, то, если этот закон не замещается с необходимой быстротой действием закона социалистического накопления, с неизбежным при этом определенным уровнем отчуждения прибавочного продукта деревни, нормальное хозяйственное развитие страны, достижение необходимой пропорциональности в экономике страны будут невозможны.

Производственные отношения в советском земледелии являются крайне сложными. Достаточно указать хотя бы на те крайне своеобразные отношения эксплуатации примитивного характера, связанные с неразвитостью чисто капиталистических отношений, описанию которых посвящена недавно вышедшая книжка тов. Крицмана. То, что мы сказали о ренте, ни в малой мере не исчерпывает анализ всех видов капиталистических отношений в советской деревне. Мы ничего не сказали также и о той «ренте», которую получает беспосевный крестьянин за сдаваемую им в аренду кулаку землю, реализуя, продавая тем свое право на землю, гарантированное ему советской конституцией. Мы не рассмотрели также и тех своеобразных форм «найма», на которых останавливается в своей книге тов. Крицман, когда формальный наниматель является эксплуатирующим, а «нанимающийся»—эксплоататором. Эти и другие отношения эксплуатации, например, ростовщической эксплуата-

ции, многие стороны производственных отношений, связанные с аграрным перенаселением в условиях недостатка орудий производства, восстанавливающиеся отхожие промыслы, переплет домашнего промышленного производства с земледелием—все это, отчасти, в связи с проблемой ренты, мы намерены разобрать не в теоретической части работы, а в специальном томе, посвященном конкретному анализу нашей промышленности и земледелия.

Точно так же и в последнем параграфе настоящей главы, посвященном проценту и кредитной системе, мы не будем выходить из пределов лишь самого общего теоретического анализа, оставляя до следующего тома более конкретное изучение фактического материала.

Процент. Кредитная система.

Теоретический анализ категории процента в советском хозяйстве не представляет больших трудностей, потому что соответствующие отношения в той их части, где дело идет о проценте в собственном смысле, лишь воспроизводят старые, давно знакомые и в совершенстве изученные политической экономией явления, безразлично, идет ли дело о торговле деньгами, как в дальнейшем элементом производительного или торгового капитала, или о ростовщическом проценте в области крестьянского хозяйства. Что же касается процента, лишь по названию, процента, как одной из тех подделок капиталистической формы, которыми уже занимались в отношении некоторых других категорий, то здесь для анализа остается мало места потому, что фиктивность данной категории слишком бьет в глаза. За жалким занавесом капиталистической формы и буржуазной терминологии и фразеологии (которой впрочем иные «специалисты» предаются с самым серьезным и важным видом) тело сущности выпирает всей своей наготой. Сложней обстоит дело лишь с кредитной системой и тенденциями ее развития и трансформации.

Роль ростовщического процента в нашем мелком производстве, прежде всего в крестьянском хозяйстве, была огромна до войны и революции, она очень велика и все увеличивается и в настоящее время. Ростовщичество, как паразитический нарост на мелком производстве, имеет многовековую историю и изучено достаточно. Исторически оно играло двоякую роль: либо подготавливая материальные элементы обобществления труда мелких производителей, из которых высасывало и прибавочный продукт и часть минимума средств существования, либо только высасывало соки, истощало и разоряло мелкое производство, не влияя на его переход к более высокому типу организации труда. В нашей деревне ростовщичество играло и играет теперь в подавляющем большинстве случаев именно вторую роль. Мы не будем здесь останавливаться на некоторых специфических особенностях именно нашего ростовщичества и отложим исследование вопроса до конкретного анализа всей экономики советского земледелия.

Что касается капиталистического процента, то Маркс, как известно, определял его следующим образом: «Процент... является первоначально, есть первоначально и остается в действительности не чем иным, как частью прибыли, т.-е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист, промышленник или купец, поскольку он применяет не собственный, а взятый в ссуду капитал, должен выплатить собственнику и доверителю этого капитала. Если капиталист прилагает только собственный капитал, то такого деления прибыли не происходит: эта последняя всецело принадлежит ему»¹⁾.

Спрашивается, какова же та область в советском хозяйстве, к которой приложимо это определение Маркса?

Областью процента в капиталистическом смысле являются отношения купли и продажи денежного капитала на легальном и нелегальном частном денежном рынке Союза. Это, во-первых, частные кредитные институты, как общества взаимного кредита, а больше всего и главным образом нелегальный рынок ссудного капитала, с его специфическими правами, очень высоким процентом, часто юридической неувлечивостью совершаемых сделок и т. д. Особенности частного денежного рынка в СССР связаны не с иной природой процента, поскольку дело идет об области, где отношения государственного хозяйства не переплетаются с частным, а с тем фактом, что частный капитал в СССР в весьма небольшой части является капиталом промышленным. Он фигурирует преимущественно в форме капитала торгового и ссудного, при чем относительно роль ссудного капитала увеличивается, поскольку в связи с развитием сети и оборотов государственного и кооперативного капитала суживается сфера приложения частного капитала в торговле. В промышленности же он итти избегает, вследствие ряда причин, связанных с социализацией крупной и средней промышленности, налоговой политикой, законодательством об охране труда, недавно еще существовавшими ограничениями в праве наследования, более медленным темпом оборота и накопления капитала в промышленности и наконец с опасением частного капитала перевести подвижный денежный капитал в затвердевшую форму промышленных средств производства, в каком виде частный капитал поддается гораздо большему и лучшему контролю и учету со стороны классово-враждебного для него государства. Это естественное сужение сферы приложения частного капитала держит отношения частного кредита в капиталистически недоразвитом виде, что в частности отражается на ростовщически высоком уровне процента.

Несколько иное положение с теоретической точки зрения нужно констатировать в той области кредитных отношений, когда частный капитал пользуется кредитом государственного банка и других аналогичных государственных же институтов. Здесь перед нами категория процента отражает специфическую особенность нашего хозяйства, как сфере сожительства и переплета капиталистических, государственно-

¹⁾ „Капитал“, т. III, часть 1-я. стр. 355, перевод Степанова.

капиталистических и социалистических отношений переходного типа. Размеры легального¹⁾ использования денежного государственного кредита частным капиталом крайне незначительны, нелегальное использование государственных средств, вероятно, больше. Но этот вид кредита, несмотря на его крайне скромные размеры на практике, представляет известный теоретический интерес. Сущность и своеобразие этого процента состоят в том, что здесь прибавочная ценность из частно-капиталистического круга перекачивается в фонд первоначального социалистического накопления. С организационной стороны мы имеем здесь дело с таким переплетом двух типов производственных отношений, к которым больше всего может относиться условный ленинский термин государственного капитализма. С точки зрения распределения государство здесь участвует в дележе прибавочной ценности, которая нередко представляет из себя с материальной стороны ту часть прибавочного продукта самого же государственного хозяйства, которая в разных видах и разными путями, прежде же всего через частно-торговый аппарат, «улавливается» частным капиталом из фонда социалистического накопления.

Как раз обратный характер носит тот процент, который государство уплачивает по своим внутренним (и внешним) займам, поскольку подписчиками на них выступают частные торговцы, промышленники и мелкая буржуазия, т.-е. прежде всего крестьянство. В данном случае процент представляет из себя тот вычет из прибавочного продукта государственного хозяйства, который делает государство, чтобы получить на основе кредита добавочные средства для расширенного воспроизводства из частного хозяйства. Государство выступает, как заемщик, частное хозяйство как кредитор, эксплуатирующий в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочими государственного хозяйства. Когда заем делается для пополнения ресурсов казначейства и идет на общегосударственные нужды, процент платят не только рабочие из прибавочного продукта государственного хозяйства, но и крестьяне, как плательщики налогов. Если заем полностью или отчасти покрывается крестьянством и соответственно полностью или отчасти идет на поднятие крестьянского хозяйства, перед нами будет случай перераспределения через государство ресурсов частного хозяйства для частного же хозяйства, т.-е. случай кредита, если можно так выразиться, нейтрального с точки зрения непосредственного влияния на социалистическое накопление. Этот вид кредита может получить в дальнейшем большое распространение в СССР, как преимущественно пока аграрной страны.

Что же касается той части внутренних займов, которая покрывается рабочими и служащими государственного хозяйства, а также что

¹⁾ Под нелегальной эксплуатацией государственного кредита я имею в виду использование посредниками для целей частного капитала средств, отпускаемых на государственные заготовки, различные махинации с товарами, отпускаемыми кооперативами, и т. д.

касается соответствующей части процентов, которые им выплачивает государство, то это отношение распределения не имеет с принципиально-теоретической точки зрения ничего общего с предыдущим. Рабочие и служащие откладывают часть своей заработной платы и отдают ее в фонд социалистического накопления и получают за это не процент, а нечто вроде премии за сокращение личного потребления, сокращение, которое одновременно означает увеличение возможностей расширенного воспроизводства внутри круга государственного хозяйства и его работников. Перед нами здесь в сущности внутреннее перераспределение ресурсов, перераспределение между фондом потребления и фондом воспроизводства внутри единого государственного круга. Как и внутрикрестьянское распределение через государственный аппарат, это внутреннее перераспределение в социалистическом кругу может сыграть очень большую роль в будущем, по мере роста заработной платы. Однако эту систему внутреннего кредита, вместе с премией за экономию, никак нельзя подводить безоговорочно под категорию процента в обычном смысле этого слова.

Наконец в подписке на внутренние государственные займы, в частности, особенно на заем хозяйственного восстановления, участвуют и государственные же предприятия. Говорить здесь о проценте в смысле политической экономии так же бессмысленно, как бессмысленно говорить о ренте в марксовом значении термина по отношению той аренды за землю, которую платят государственные предприятия местным советам. Перед нами здесь просто перераспределение внутри государственного круга новых свободных государственных же ресурсов. Это не больше, как имитация формы капиталистических отношений, которая прекратится тогда, когда государственное хозяйство на опыте отыщет и организационно оформит новые методы планового распределения новых ресурсов, методы, которые будут наиболее соответствовать всей его внутренней структуре.

Точно так же нелепо говорить о проценте в капиталистическом смысле как раз в наиболее обширной сфере применения этой «категории» в Советской системе, т.-е. в сфере кредитования государственной промышленности, транспорта и государственной торговли в государственных же кредитных учреждениях. Это наиболее обширная сфера переодевания производственно-распределительных отношений государственного хозяйства в одежды капиталистической категории процента.

Допустим, государство имеет определенное количество ресурсов, которое оно может употребить на увеличение основного и оборотного капитала своих трестов. Допустим, какой-либо трест, нуждающийся в этих средствах, получает соответственный кредит в Государственном банке или Промбанке. Он платит «процент» за ссуженный ему капитал. Из какого источника он платит этот процент? Из своего прибавочного продукта. Кому принадлежит этот прибавочный продукт? Тому же социалистическому государству. Куда идут все суммы, полученные от процентирования ссуженного капитала государственными трестами? Тому же государству. Совершенно очевидно, что здесь перед нами совсем дру-

гое отношение в сравнении с капитализмом, когда один слой капиталистического класса, а именно предприниматели, работающие не на собственный, а заемный капитал, уступают часть своей прибавочной ценности собственникам ссуженного капитала в форме процента, размеры которого к тому же определяются на основе стихийной игры спроса и предложения на ссудный капитал. Наоборот, наше социалистическое государство, если уже в рассматриваемой области делать соответствующие сравнения с капиталистическими отношениями, находится в положении предпринимателя, который работает на свой собственный капитал и сам себе процента не платит, хотя и может для очистки бухгалтерской совести выводить сам себе по книгам процент. Если бы, допустим, мы ввели в нашей практике формально другой порядок кредитования государственной промышленности, т.-е. по определенному плану распределяли кредитные ресурсы из одного центра и его отделений и в нем бы и его отделениях концентрировали весь свой теперешний фонд кредитования и весь ежегодно создаваемый новый прибавочный продукт от всех без исключения государственных предприятий, то процент благополучно исчез бы без изменения существа производственных отношений внутри государственного круга. По существу же и теперь, при довольно неорганизованном распределении кредитов, принимаются во внимание нужды всех отраслей, их собственный прибавочный продукт, присоединяемый к уже функционирующему капиталу, необходимое новое строительство и т. д. Я не знаю, в какой степени существующая система кредитования, отражающая часто соотношение сил между... ведомствами, целесообразна. Но и в своем несовершенном виде, при ненужной, быть может, копировке капиталистических банковских форм, во всем, что касается внутривластных отношений, по сути дела она представляет из себя разновидность планового распределения ресурсов государственного хозяйства.

После всего вышеизложенного мне остается уже сказать совсем немного о нашей кредитной организации с точки зрения ее роли во всей системе товарно-социалистических отношений производства и распределения, тем более, что о роли кредитной организации государства в области первоначального социалистического накопления было уже достаточно сказано в главе о социалистическом накоплении.

Как известно, Маркс с одной стороны указывал на важную роль, которую может сыграть кредитная система буржуазного общества в деле перехода к новому способу производства, а с другой стороны он же предостерегал и от переоценки значения той системы учета и контроля, до которых возвышается капиталистическое общество благодаря кредитной организации¹⁾, когда уже дело идет о социалистическом производстве.

¹⁾ „Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако, лишь, как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзия относительно чудодейственной силы кредитного и банковского дела,

Разумеется, совершенно неслучайно мы восприняли в нашей системе не только в области переплета государственного хозяйства с частным, но и в области распределения ресурсов внутри государственного круга методы и формы кредитной организации капитализма. Одно совершенно очевидно, что если внутри круга государственных отношений формы кредитования целиком заполнены новым содержанием, то это вытекает как раз из исторически более высокого типа государственного хозяйства, как хозяйства коллективного, во-первых, и планового, во-вторых. Плановость, учет и контроль, органически вытекающие из социализации орудий производства на важнейших участках Советского хозяйства, являются по самому своему существу более высоким типом плановости и учета в сравнении с теми, до которых может подняться самая совершенная и самая централизованная капиталистическая кредитная система. Этим объясняется тот совершенно очевидный теперь факт, что нарастание элементов плановости и организованности в нашем хозяйстве за последние годы, если можно так выразиться, совершенно выщелушили все прогрессивное содержание, которое может заключаться в банковской системе капитализма, и государственное хозяйство должно было пойти дальше тех сравнительно ограниченных возможностей, которые вообще в состоянии дать этот институт для сферы именно головного участка нашей экономики, т.-е. для коллективного хозяйства пролетариата.

Другое дело сфера взаимоотношений государственного хозяйства с частным. Если при военном коммунизме обреченность системы разверстки и «планового» снабжения деревни продуктами промышленности (по принципу: кто больше дал государству излишков, тот меньше или ничего не получает от государства) заключалась в том, что мы вынуждены были в военной обстановке навязывать подобие социалистического распределения крестьянскому хозяйству, которое продолжало оставаться мелкобуржуазным в сфере производства, то при теперешней товарно-социалистической системе хозяйства государственное хозяйство, наоборот, само вынуждено приспособлять свою систему обмена (внутри формально, вне по существу) к системе обмена частного хозяйства, которая может быть лишь системой товарно-денежного распределения. А в этой сфере кредитная система должна играть огромную прогрессивную роль, потому что банковская система капитализма представляет из себя исторически гораздо более высокий тип организации контроля, учета и распределения производительных сил, чем почти средневековый, неорганизованный рынок простого товарного производства, до которого только и может подняться «без посторонней помощи» простое товарное производство в сфере стихийного регулиро-

в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла,—это и повлиял, впрочем, даже сев-симонисты“ („Капитал“, т. III, ч. 2-я, стр. 148.)

вания хозяйства. Когда Ленин много раз настойчиво подчеркивал прогрессивность государственно-капиталистических отношений производства и обмена, в сравнении с отношениями простого товарного производства, господствующими в крестьянском хозяйстве, он всегда имел в виду эту сторону взаимоотношений государственного хозяйства с частным, а тем самым и соответствующие взаимоотношения и по линии кредита. Эта «подтягивающая» роль нашей кредитной системы сказывается и еще больше должна сказываться и в области кредитования крестьянской кооперации разных видов, в том числе и кредитной, и в товарном кредите, и в мелиоративном кредите, и в системе внутренних займов, размещаемых в деревне, и в авансировании производителей (теперь пока лишь льноводов, производителей хлопка, табаководов, маслоделов, а в дальнейшем, несомненно, и производителей товарного хлеба и пр.).

В заключение надо сказать, что если деньги являются такой категорией товарного хозяйства, где достигает своего апогея овеществление производственных отношений между людьми, то в Советском хозяйстве можно констатировать и здесь известный прогресс, прежде всего в уменьшении элемента овеществления и в достижении прозрачности в производственных отношениях. Больше всего это достигается во взаимоотношениях внутригосударственного круга, где денежные отношения приобретают, главным образом, калькуляционно-счетный характер по отношению к средствам производства и средствам потребления, отмирая в своей роли одного из инструментов достижения стихийного равновесия в производстве.

Однако денежный фетишизм, изгоняемый понемногу из сферы государственного хозяйства, продолжает еще господствовать в частном и на территории связи государственного хозяйства с частным. Это приводит в сфере идеологии к тому, что работники Народного Комиссариата Финансов, комиссариата, сидящего со своими учреждениями на стыке частного хозяйства с государственным; склонны воскрешать этот фетишизм в довольно своеобразной, если не сказать дегенеративной, форме. В стране, не имеющей золотого размена и вынужденной в сфере хозяйственного руководства заменять стихийный разум золота, как инструмента регулирования при законе ценности, плановой политикой распределения средств производства и средств потребления через бумажную валюту, они систематически апеллируют к золотому разуму черной биржи и, в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки, впадают в панический страх и делают ненужные и убыточные для государства золотые интервенции, позволяя эмпанам переводить в золото бумажные червонцы. Грубейшая ошибка в области финансовой политики вытекает здесь из грубого непонимания роли золота в нашей системе хозяйства, — ошибка, в свою очередь вытекающая из непонимания роли золота вообще. Если буржуазная страна, имеющая золото в обращении, в период промышленного кризиса, который переходит в финансовый и кредитный кризис или ими сопровождается, приносит в жертву стоимости золота десятки миллионов товаров, если же сделки начинают вестись за наличные, и таким путем золото высту-

пает в роли *ultima ratio* и последней апелляционной инстанции для установления того, в какой степени правильны пропорции в распределении производительных сил между отраслями и размеры всего производства по сравнению с платежеспособным спросом, то таким стихийным путем спасается золотое обращение в обществе, которое не имеет других путей регулирования хозяйственных отношений. Наоборот, спастись на черной бирже паритет бумажного червонца на золотую десятку в стране, где нет золотого обращения, но где есть другие методы регулирования хозяйственных и в частности валютных отношений, значит не критически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще. При относительной организованности государственного хозяйства, при сосредоточении почти всей кредитной системы в руках государства, а главное при сохранении монополии внешней торговли, золото нужно нам лишь для балансирования расчетов с границей, в условиях превышения импорта над экспортом, а не для получения от черной биржи свидетельства о благонадежности для червонца. Я прибегаю в этом вопросе к поддержке Маркса и приведу из III тома «Капитала» одно место, замечательное само по себе, а главное, как бы специально написанное для нас. Вот это место.

«Обесценение кредитных денег (не говоря уже об утрате ими денежных свойств, утрате, впрочем, лишь мнимой) расшатало бы все существующие отношения. Поэтому стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустранимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей. При более ранних способах производства этого не наблюдается, так как на том узком базисе, на котором совершается их движение, ни кредит, ни кредитные деньги не развиваются. Пока общественный характер труда проявляется как денежная форма существования товаров, т.е. как вещь, существующая вне действительного производства, неустранимы денежные кризисы, независимые от действительных кризисов или являющиеся их обострением. Очевидно, с другой стороны, что, пока не поколеблен кредит данного банка, этот последний в таких случаях путем увеличения количества кредитных денег смягчает панику, путем сокращения его увеличивает панику. Вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено. Что внутри страны уже теперь не требуется металлических денег, показывает прекращение платежей наличными со стороны так называемых национальных банков, — средство, к

которому прибегают во всех крайних случаях как к единственному спасению»¹⁾.

Очень рекомендую эту цитату вниманию наших финансистов. К сожалению недостаток места мешает мне здесь развить все мои взгляды на роль бумажных денег и золота в системе Советского хозяйства, к чему я должен буду вернуться не в общетеоретической, а в конкретной части данной работы.

Кооперация.

По вопросу о кооперации в Советской системе хозяйства основное было сказано уже Лениным как в последних статьях на эту тему, так и раньше. В настоящем разделе я скажу лишь несколько слов о кооперации в связи со всем предыдущим изложением.

Отношения, складывающиеся в кооперации, не представляют из себя какой-либо особой категории в капиталистической системе производства и обмена. Производственная кооперация—это небольшие островки не общественной, а коллективно-групповой собственности на орудия производства, островки, подчиняющиеся в сфере производства основным законам капиталистической экономики и лишь постольку существующие в море капиталистических отношений. Там, где производственная кооперация не может приспособиться к закону ценности, она гибнет. То же нужно сказать и об имеющей гораздо большее распространение и значение потребительской кооперации. Этот вид кооперации, существует ли он на основе Рочдельских принципов или каких иных, точно так же подчиняется всем законам капиталистического обмена и способен только на ряду с известной рационализацией распределения достигнуть лишь частичного улавливания торговли прибыли для своих членов.

Особое значение кооперация приобретает лишь после социалистической революции и особенно в такой стране, как СССР, где организованному или вернее все более и более организуемому на основе производственного плана государственному хозяйству противостоят огромное море распыленного мелкого производства деревни, ремесла и кустарной промышленности. Особая роль нашей кооперации как раз и вытекает из сожительства этих двух систем производства, связанных обменом и кредитом в одном хозяйственном организме.

Основной вопрос, который надо здесь рассмотреть, заключается в том, какую роль играет кооперация в борьбе планового начала с законом ценности и в какой степени она сама является либо пассивным полем сражения в этой борьбе в определенной области обмена и производства, либо проводником того или иного начала.

При капитализме, как мы сказали, кооперация может существовать, лишь приспособляясь к закону ценности. При нашей системе она, неизбежно делаясь ареной борьбы двух основных законов нашего, хо-

1) „Капитал“, т. III, ч. 2-я, стр. 55—56, перевод Степанова.

зяйства, должна приспособляться к тому, который побеждает, и только на втором плане к тому, который ближе к ней по стоящему за ним типу общественной организации труда.

Сначала о первом. Так как кооперация могла существовать и в капиталистической системе, отнюдь не угрожая ее существованию, то это доказывает с полной очевидностью, что в ней самой по себе не заключается никакого активного начала, трансформирующего в сторону социализации производственных отношений. Утописты кооперации утверждали обратное, но были биты всей практикой капитализма и самой кооперации. Кооперация может сыграть социалистическую роль лишь постольку, поскольку входит одним звеном в систему, развивающуюся к социализму на основе своих собственных внутренних сил и тенденций. Такой системой является государственное хозяйство пролетариата, опирающееся в своем развитии на рост обобществленного крупного производства. Коллективное хозяйство пролетариата и по своим имманентным законам развития и по внешней обстановке должно или быстро развертываться или погибнуть. Другого ему не дано. Поскольку оно быстро развивается, постольку и кооперация, если не включается в систему государственного хозяйства, то по крайней мере образует как бы его более зыбкое, менее связанное, менее организованное, но все же (как хвост от ядра кометы) продолжение, пускающее свои щупальцы в поры обмена между мелким производством и государственным хозяйством и кой-где начинающее кооперировать мелких хозяев на производственной почве.

Что касается второго пункта, то здесь надо заметить следующее. Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности и отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической его организации. Кооперация, по общественному типу ее организации, ближе к коллективному типу организации труда. В этом смысле сращивание ее в советских условиях с государственным хозяйством представляет более естественный процесс, чем ее ориентация на частный капитал. Однако не эта сторона является решающей, как мы сказали выше. Если в нашем хозяйстве приостановилось или крайне замедлилось развертывание социалистических отношений, имеющих базу в промышленности, а капиталистические отношения стали бы расти быстрее, то, несмотря на свою общественную структуру, кооперация либо немедленно раскололась бы, либо в своем большинстве дезертировала бы со своей позиции арьергарда государственного хозяйства, чтобы перейти на сторону капитализма. Не надо забывать ведь, что за исключением рабочей кооперации, которая в сущности лишь рационализировала систему распределения внутри государственного круга и потому представляет иное отношение распределения, вся остальная кооперация опирается на мелкое товарное производство. Это мелкое производство в буржуазном обществе в лучшем случае ней-

традно по отношению к социализму, тогда как капиталистические отношения оно выделяет органически и продолжает в солидной мере выделять их и при диктатуре пролетариата.

Опыт показал, что потребительская кооперация может играть и играет важную роль в деле установления непосредственной связи между мелкими производителями и государственной промышленностью. Поскольку государство проводит политику плановых цен на свои товары и твердых цен на заготовленную им продукцию мелкого производства, поскольку следовательно оно проводит известное ограничение действия закона ценности, поскольку потребительская кооперация через свою сеть участвует в этом ограничении. Но с другой стороны, как показал опыт, она сама гораздо слабее государственных органов выдерживает напор закона ценности. Она срывает в розницу предельные накладки на оптовые цены, вопреки соглашению с государственными органами. Она перепродает частному капиталу товары, полученные в порядке «наибольшего благоприятствования» от государственных трестов, и к тому же полученные часто в кредит. Она нередко уклоняется от закупочных операций по твердым ценам и т. д. Во всех этих случаях и многих других закон ценности пересиливает плановые тенденции государственного хозяйства. Кооперирование мелкого производства в сфере обмена не встречает серьезных препятствий при диктатуре пролетариата. Как раз наоборот, если вспомнить о тех льготах кооперации, которые дает советское государство, и которых не может дать кооперации никакой другой режим. Об'единение здесь проходит довольно гладко и не только вследствие этих льгот, а также и потому, что оно не задевает пока сферы производства, которое остается мелким, раздробленным товарным хозяйством. Мелкий производитель имеет все основания поддерживать тот торговый аппарат, который продает дешевле. А когда и кооперация и частная торговля продают по одинаковым ценам, он имеет возможность выбора со стороны качества, кредита и т. д. Никогда не надо забывать, что, например, потребительская кооперация, не являясь организацией государственной, еще мало является организацией общественной как со стороны размеров паевого капитала, внесенного членами, так и со стороны организованного и систематического контроля этих членов над деятельностью правлений. Потребительское общество—это в большинстве случаев еще скорей лавка без твердого хозяина, чем устойчивая организация людей, располагающих лавкой. Сеть лавок строить легче, чем сеть общественных организаций¹⁾.

Но даже идеальным кооперированием мелкого хозяйства в сфере обмена не решается проблема его кооперации в сфере производ-

¹⁾ В статье „О кооперации“ Ленин писал, что под поддержкой кооперативного оборота „надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения... Когда кооператор при-ажает в деревню и устанавливает там кооперативную лавочку, население, строго говоря, никак в этом не участвует“. (Ленин, т. XVIII, часть 2-я, стр. 141)

ства. Кооперация в области обмена только подводит к этой основной проблеме.

Мы уже говорили не раз, что борьба закона первоначального социалистического накопления с законом ценности означает борьбу за преобладание двух разных типов организации человеческого труда— коллективного и частно-капиталистического. Если мы подведем итоги борьбы этих двух типов организации труда только на территории земледельческого производства и наши коммуны (хотя они и являются весьма примитивными формами коллективного труда) вместе с совхозами положим на одну чашку весов, кулацкие хозяйства на другую, то мы должны будем констатировать следующее. Совхозы до последнего времени сокращали свою площадь в пользу мелкого производства, коммуны и артели медленно ее увеличивали, площадь же кулацких или полукулацких хозяйств росла быстрее¹⁾. Причина заключается в том, что кулацкое хозяйство, органически вырастающее из раздробленного мелкого товарного производства, до сих пор давало больше возможностей к организации труда в земледелии по капиталистическому или полукapиталистическому типу, чем государственное хозяйство для организации его по своему типу. Соотношение может измениться не на основе каких-либо социалистических чудес на территории мелкого производства деревни, взятого самим по себе, а лишь на основе более глубокого действия крупной городской индустрии на крестьянское земледелие. В каких формах это будет происходить конкретно, сейчас можно сказать лишь в самых общих чертах. Возьмем, например, тракторизацию земледелия; там, где трактор приобретает все обществом, он будет способствовать переходу к общественной обработке земли всей деревни. Передача в массовом масштабе государственных тракторов деревенской бедноте на основе аренды или иным способом и обработка бедняками-трактористами земли у самостоятельных производителей могут означать начало отделения от земледелия и начало механизации функций вспашки и молотбы, т. е. отделения от мелкого производства операций, легче всего поддающихся обобществлению. Электрификация будет означать отделение от части земледельческих работ двигательной силы с концентрацией производства этой силы на крупных электростанциях государства. Некоторые функции земледелия кооперируются под давлением уже достигнутого перед этим кооперирования в области обмена, в частности сбыта, как это имеет место с маслодельной кооперацией.

Когда Ленин в статье о кооперации говорил о том, что кооперативные предприятия при нашей системе не отличаются от предприятий социалистических, он имел в виду не кооперацию в обмене, опираю-

¹⁾ Я не говорю здесь, конечно, о балансе в объеме всего хозяйства. Здесь побеждает государственное хозяйство, которое каждый новый год кооперирует вокруг машины гораздо больше разоряющейся крестьянской бедноты, чем на территории собственно земледелия, и, надо думать, будет кооперировать одним только этим путем больше, чем кулацкое хозяйство.

щуюся на мелкое товарное хозяйство в производстве, а производительную, являющуюся продолжением государственно-планового хозяйства. В самом деле. Он писал: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (том XVIII, ч. 2-я, стр. 143—144). Мысль Ленина здесь совершенно ясна. Кооперация вокруг средств производства, принадлежащих государству, есть организация труда, свойственная социализму и исторически и классово противоположная кооперации рабочих вокруг машины, принадлежащей классу капиталистов. Но это значит, что переход к социализму совершается в сфере производственного кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны, и конкретные формы (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем неясны. Ясно только одно: все дело в максимально быстром развертывании промышленности, которая является трансформирующим центром всего хозяйства и единственным активным началом социалистического кооперирования.

Что же касается сферы действия города на деревню через кредит, то здесь нужно заметить следующее. При систематическом товарном голоде, который означает голод на новые капиталы у развивающейся промышленности, кредит не может принять широких размеров. Он приобретает большое значение лишь при накоплении товарных запасов в промышленности, прежде всего, разумеется, в тяжелой промышленности, потому что производственное кооперирование деревни может получить наибольший толчок лишь из сферы производства средств производства для крестьянского хозяйства.

Е. Преображенский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наш безвременно скончавшийся научный сотрудник Академии и заведующий экономическим кабинетом тов. И. Иванов оставил небольшое, еще нигде не опубликованное литературное наследство. Написал он вообще мало, напечатал еще меньше. Но то, что он печатал или готовил к печати, он много раз передумывал, поправлял, сверял с новыми научными данными и в этом отношении проявлял совершенно исключительную добросовестность.

В настоящем номере мы печатаем главы работы тов. Иванова о технике, наиболее подготовленные к печати. В дальнейшем мы напечатает другую часть его литературного наследства.

Мы должны предупредить читателя, что по вполне понятным соображениям мы воздерживались от каких-либо изменений текста, хотя в нем есть некоторые повторения и кой-какие недочеты.

Редакция.

ОЧЕРКИ О ТЕХНИКЕ.

Машина и природа.

И у животных, и у человека на первых ступенях его развития процесс труда состоял в непосредственном воздействии органов тела на предметы природы. Потом у человека появились орудия труда, которые постепенно выросли в систему машин. Эта система развивается с все ускоряющимся темпом как в количественном, так и в качественном отношении. Уже теперь земля заполнена десятками миллионов машин, и число их уже в близком будущем станет измеряться сотнями миллионов. С другой стороны, эти машины, автоматизируясь, все меньше нуждаются во вмешательстве человека. Таким образом, человек в процессе труда все больше отодвигается от природы, как бы выходит из этого процесса труда, заставляя природу собственными силами обслуживать его потребности. Постепенно зреет положение, когда природа превращается в служанку человека, умножающиеся машинные органы которой, созданные человеком, требуют от него лишь руководства и высшего умственного труда.

В формуле человек—машина—природа, машина из орудия человека постепенно превращается в самодействующий аппарат природы,

жадущий только проявления воли и указаний человека. Вместе с тем на сцену выступают все более глубокие силы природы, распределенные более равномерно, так что местные различия все больше сглаживаются, чему в переходный период много помогает преодоление пространства и времени. Это постепенно устраняет вопрос о пребывании промышленности в том или другом месте, сглаживает различия между отдельными национальными системами и превращает землю в одну основу производства. Условия поверхности, климата и т. д. отступают на задний план, старые рамки цивилизации (скажем изотермы $+16, +4$) стираются. Полюс и экватор постепенно приводятся к одному знаменателю.

Внешняя картина этого прогресса выражается в чудовищном нагромождении огромных количеств все более гигантских машин, человек как бы тонет в этом море орудий труда, вся земля превращается в огромную машинную автоматически связанную систему.

Но это первый период.

Уже теперь намечаются тенденции, которые обещают резко видоизменить картину.

Человеку нужна сила, но не вещество само по себе. Нужны могучие двигатели, но не огромные по размерам и весу. Нужны крепкие сооружения, но вовсе не с сажеными стенами. Нужны теплые ткани, поглощающие возможно меньше вещества. Эволюция двигателя наиболее показательна в этом отношении. Если паровая машина Корлиса, весом в 603 тонны давала 2.500 л. с., то двигатель внутреннего сгорания, по расчету 2 ф. на 1 л. с., будучи равен по весу машине Корлиса, дал бы не меньше 700.000 л. с. Техника поставила себе целью фунт на 1 л. с. и едва ли остановится на этом. Человеку нужны миллиарды л. с., но эти миллиарды не будут представлять собой горбообразных сооружений, а легкие, незаметные по виду постройки, необъемистые, но могучие по развиваемой силе. Передаточный механизм постепенно сводится по объему и весу к нулю, рабочие машины, совершенствуясь, требуют меньше материала и дают более тонкие изделия, более тонкие ткани.

Эта тенденция все усиливается, и когда она перегонит тенденцию общего роста производства, число л. с. будет расти при одновременном уменьшении затрачиваемого вещества. И тогда и поверхность земли станет освобождаться от гигантских машинных нагромождений, человек перестанет тонуть в море организованного им вещества.

Эта тенденция к уменьшению масс вещества особенно ярко проявляется за последние десятилетия и, хотя общий рост производства и массы прикрывает ее, и теперь уже ее можно учесть по громадным достигнутым ею результатам.

Удастся ли в трехчленной формуле «двигатель—передаточный механизм—рабочая машина» свести все члены к величине близкой к нулю?

Это вопрос будущего. Для нас важно установить, что мы заметно продвигаемся (с ускорением) именно в этом направлении.

Эволюция машины в целом.

Мы рассмотрим в отдельности эволюцию трех членов триединой формулы машины: двигатель—передаточный механизм—рабочая машина. В течение каких-нибудь 50—60 лет эта троица, наполнявшая своими членами одно или несколько зданий фабрики, так выросла, что типичным становится не соединение их в стенах одной фабрики, а охват ею десятков и сотен фабрик, при чем пределом является превращение двигательной системы в единый многососудистый централизованный аппарат государства, а то и целых групп государств. Каждый из членов троицы развивался по своей особенной линии, отдаляясь от других членов, и в то же время подготавливая техническую основу для образования одной беспредельной машины, ведущей все производство той или иной отрасли промышленности и техническое слияние всех этих отраслей.

Двигатель достиг уже теперь такой мощности (до 75.000 л. с.), что даже потребности такой сверхфабрики, как завод Форда с его 36.000 рабочих, десятками тысяч рабочих машин и ежегодным производством 700—800.000 автомобилей, требовал в 1917 году меньше сил (72.000 л. с.). Устройство огромных центральных силовых станций в 300—400 и больше тысяч л. с. и слияние этих станций в одну централизованную, планомерно действующую двигательную систему, связали эту систему не с сотнями и тысячами, а с сотнями тысяч и миллионами машин.

Это было лишь возможно при наличности передаточного механизма, способного растягиваться не на десятки сажень, а на сотни верст. Всего 30 лет, как удовлетворительно решена эта задача (1891 г.), но результаты этой эволюции уже огромны.

Автоматизация рабочей машины и целых систем этих машин, все больше отдаляющихся пространственно от двигателя, но в то же время технически и экономически все больше сближающихся с ним (легкость и высокая продуктивность передачи энергии на расстояние), со своей стороны подготавливает и осуществляет техническое слияние отдельных фабрик и отдельных производств, при которых число двигательных центров должно быть не велико, и центры эти должны быть слиты в одну планомерную систему. Если двигатель шел в сторону скопления десятков тысяч л. с. в одной единице, если передаточный механизм стремится охватить десятки и сотни верст, пробивая себе возможность оперировать на протяжении тысяч верст, то рабочая машина, конечность государственного автомата, все больше развивала возможность самостоятельно, с минимальным содействием человека, справляться с многообразием перерабатываемых веществ, справляться не только в количественном, но и в качественном отношении, давая не только повышение производительности труда, но и повышение его машинной на этот раз квалификации.

Конечно, машина в своей триединой сущности не исчерпывает производственной техники. На ряду с механикой работает и химия. Но машина лежит в основе всей промышленности, даже химической. А с другой стороны, аппараты, казалось бы чисто химические, часто неотделимы от машины. Например, аккумуляторы, работающие путем химических процессов, но в то же время представляющие собой двигатели особого рода, двигатели—хранилища силы, двигатели—запасные магазины. Аккумуляторы стремятся давать возможно больше сил и в то же время уменьшить свой вес на единицу сил.

Так в базе общества создается единая техническая система, единый гигантский крепко связанный автомат, а человек превращается в надстройку, все более вытесняемую из области непосредственного производства, в рабовладельца «мыслящих машин», лучше сказать—в творца их, на долю которого выпадает высшая область умственного труда. Рождается новый термин—«*nations scientifiques*». Термин—пока еще симптом, но симптом, отражающий тенденцию развития.

Но кроме специфических особенностей развития каждого члена триединой машины, в эволюции их можно наметить и много общего.

Во-первых, систематическое уменьшение количества материи на единицу эффекта. Мы видели уже, что на протяжении 45 лет (1876—1922) вес двигателя на единицу (одну лошадиную силу) уменьшился—пока, конечно, в отдельных случаях—в триста раз (с 15 пудов до 2 фунтов).

Стал очень легким вес передаточного механизма (в беспроволочном телеграфе он равен уже 0). Уменьшается объем и вес рабочей машины. Это достигается путем выработки лучших сортов стали и всякого рода сплавов, а также путем упражнения механизмов и тщательного устранения ненужных затрат. Этот же процесс наблюдается и в области потребительных благ—стремление к удовлетворению единицы потребностей минимальным, уменьшающимся количеством вещества.

Во-вторых, уменьшение объема и занимаемого машиной места. Эта тенденция парализуется пока быстрым абсолютным возрастанием механизмов, вследствие концентрации производства и вообще быстрого роста машинного производства за счет ручного. Но когда все производство на земле станет машинным, а концентрация достигнет высших пределов, первая тенденция станет все сильнее пробивать себе дорогу в сторону «крепчайших, ничем неразрывных», но и невидимых не только оку человека, но и взорам «вечных богов неприметных» проволочек.

Как электричество облагораживает энергию, делая ее более пластичной и послушной воле человека, так и техника вообще вырабатывает все более высокие сорта веществ, соединяющих нужные качества

с уменьшающимся количеством вещества. Современные дома из стали и стекла, ажурные мосты и т. п.—этапы на этом пути. Эйфелева башня на Парижской выставке 1889 г. воплотила в себе первые шаги в этом направлении.

До каких пределов может пойти это развитие, пока невозможно говорить, но уже скачок двигателя от 15 пудов до 2 фунтов на лошадиную силу показывает, что движение идет вперед стремительным шагом.

Значение этого процесса особенно ярко проявляется в сфере транспорта, земледелия и передвижения тяжестей на близкие расстояния.

Передаточный механизм.

Пока двигатель был сравнительно не велик, а таким он был до последней четверти XIX века, пока он приводил в движение небольшое число мелких машин, передаточный механизм не бросался в глаза, оставался на заднем плане. Зато по мере роста двигателя, числа и величины машин, приводимых им в движение, передаточный механизм стал заполнять огромные здания, иногда целые группы зданий. Размеры валов и ремней увеличились в огромной степени, поглощая не малую часть энергии двигателя, требуя больших расходов на свое оборудование и движение. До каких размеров может доходить передаточный механизм, видно из следующего.

В одном из отделений автомобильного завода Форда в Соединенных Штатах, где работало в 1917 г. 11.000 машин, требуется около 75 верст ремней (Бородин и Волков—«С.-хоз. Америка во время войны». Москва, 1908 г., стр. 65).

Таким образом с ростом двигателя и рабочих машин вопрос о передаточном механизме становился все более острым. Требовалось не только сократить расходы на оборудование и движение этой огромной массы, но и создать условия, при которых увеличение пространственных размеров не наталкивалось бы на технические препятствия со стороны передаточного механизма.

Переворот в этом отношении произвела электротехника. Она не только выработала тип мотора, крайне простого по устройству и дешевого, без потери, почти, переводящего электрическую энергию во вращательное движение, но и стала передавать электрическую энергию с небольшими потерями (на 400 клм. не больше 28%) на все большие расстояния. Этим она сделала возможным отдалять двигатель на десятки и сотни верст от рабочих машин. Двигатель-гигант получил возможность приводить в движение машины не одной фабрики, а десятков и сотен, часто очень крупных. Это и дало толчок к развитию центральных станций. Передавая энергию сначала в телеграфе, а затем в сетях, электричество скоро распространило свою работу и на промышленность. Передача электрической энергии на большие расстояния—недавнего происхождения—с 1891 г. Но она уже успела

развиться в огромной степени и перебрасывает энергию иногда на 400 км., т.е. при достаточной мощности одна станция могла бы обслуживать площадь в 500.000 кв. км., т.е. целое государство величиной с Германию или Францию. Передаточный механизм получил совершенно новый вид—вместо гигантских валов, колес и леса ремней—сеть проволок, на конце которой обыкновенно при каждой машине небольшой мотор, который сразу и не заметишь. Проволоки в отдельных зданиях так расположены, что их и не видно. Расходы на передачу сведены к минимуму, технические препятствия для удаления двигателя от рабочей машины исчезли.

Передаточный механизм вдруг материально сжался до неузнаваемости, открыв совершенно новые перспективы для развития промышленности. Необходимость иметь двигатель на каждой отдельной фабрике ограничивала его размеры. Теперь он может расти до максимума, определяемого машиностроительной техникой момента и наличием топлива. И возможно, что уже в близком будущем появятся двигатели в сотни тысяч лошадиных сил и центральные станции в миллионы лошадиных сил.

Но вместе с тем нанесен смертельный удар технической автономности отдельной фабрики. Трехединая машина (двигатель—передаточный механизм—рабочие машины) придавала фабрике техническую законченность, обособленность, технически как бы изолировала ее от остального мира, превращая ее в единый автомат. Вот как Маркс описывал такую фабрику: «В расчлененной системе рабочих машин, получающих свое движение посредством передаточного механизма, лишь от одного центрального автомата, машинное производство приобретает наиболее развитую форму. На место отдельной машины выступает здесь механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания, и демоническая сила которого, сначала почти замаскированная торжественно размеренным движением его исполинских членов, прорывается в лихорадочно бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов в собственном смысле этого слова» (Капитал, т. I, стр. 372). Эта «наиболее развитая форма» 50—60 лет тому назад пока еще не отмерла, но уже во всяком случае отступила на задний план. Правда, много еще отдельных фабрик и заводов с собственными двигателями. В некоторых случаях, например, автомобильный завод Форда, такая единица имеет свою центральную станцию (в данном случае в 72.000 л. с.). Но это уже отживающая форма.

Прогресс техники вырвал двигатель и передаточный механизм из недр фабрики. Двигатель он отбросил на десятки, иногда сотни верст, а передаточный механизм превратил в металлическую паутину, охватывающую целые области, способную охватить целые государства.

Фабрика из технически автономного механизма превратилась в рабочую часть более обширного, все расширяющегося автомата, быстро вовлекающего в свою сферу наибольшую часть промышленности целых стран. Ибо передаточный механизм нового типа служит для связи

не только двигателя с рабочими машинами, но и двигателя с двигателем, центральной станции с центральной станцией. Как двигатели связаны в один коллектив на отдельной станции, так станции связаны в единый силовой коллектив страны. В каждой стране все больше оформляется единое многососудистое двигательное сердце, отдельные сосуды которого приучаются к планомерной работе, сливают свою энергию в одно, направляя ее сообразно потребностям момента. Так как на то же количество л. с. мелкие двигатели и мелкие станции поглощают в 4—5 раз больше топлива, то в интересах экономии и конкуренции все больше выдвигается мысль о создании определенной сети центральных станций максимального размера с принудительным закрытием мелких станций. Центральный двигательный механизм страны переходит в руки государства.

Теперь уже не отдельная фабрика—автомат, а вся промышленность страны сливается в единый государственный автомат, и не только промышленность, но и транспорт (электрификация железных дорог) и сельское хозяйство. Зародыш такого захвата земледелия можно видеть в центральных станциях, питающих энергией деревню. В Саксонии одна из таких станций (в Гребен) снабжает энергией свыше 800 деревенских обществ (Neudeck, 224—225). Двигатель, получивший в свое распоряжение новый, полувоздушный передаточный механизм, способный охватывать целые страны, создает основы для общественного производства в государственном масштабе, по крайней мере в государствах, с площадью не более 500.000 кв. км., вроде Германии и Франции.

Как быстро идет процесс выдергивания двигателей и передаточных механизмов из отдельных фабрик и заводов, видно из данных статистики Соединенных Штатов. На фабриках и заводах работало лошадиных сил:

Г.г.	Всего л. с.	На них арендованных электр. л. с.	%
1904	13.487.707	441.589	3%
1914	22.547.574	3.917.655	18% ¹⁾

В десять лет число электрических лошадиных сил, получаемых со стороны, увеличилось почти в 9 раз и составляло в 1914 г. почти пятую часть всех л. с., работавших в промышленности. И это в стране, где промышленность расположена на площади в 20 раз большей самого большого из западно-европейских государств, где передаточный механизм, ограниченный пока 400 км., не может охватывать промыш-

¹⁾ Statistical Abstract of United States, 1918, стр. 125.

ленность так легко, как в небольших по пространству западно-европейских государствах.

Любопытно, что за электричеством тянется и газ, пытаюсь создать ему конкуренцию. Появились газовые центральные станции, которые передают отдельным предприятиям сжатый газ часто на расстояние до 30 км.

Но переворот, происходящий с передаточным механизмом, как видно, не остановится на этом. Как проволочный телеграф опередил беспроводный всего на 50—60 лет, а проволочный телефон—даже всего на 30—40 лет беспроводный телефон, так можно ожидать и нового переорождения передаточного механизма, который откроет перед ним неограниченные пространством перспективы, создав базу для превращения промышленности всей земли в единый автомат.

Но это пока предположение. Фактически остается то, что фабрика, как техническая единица, как «высшая форма развития» эпохи Маркса отмирает и отмирает с неслыханной стремительностью. Создаются технические основы для организации общественного производства в государственном масштабе, мощная техническая база для коммунистического производства. Как крупное производство явилось базой для акционерных обществ, а гигантские предприятия—для картелей и трестов, так скачок в сторону технического объединения всей промышленности той или другой страны создает базу для коммунизма.

Передающий механизм из тормоза развития превратился в одно из орудий дальнейшей централизации хозяйственной жизни страны, облегчающих рост двигателей и слияние отдельных производственных частей в единый автомат, все более совершенствуемый и расширяющийся.

В дальнейшем можно ожидать ускорения, а не замедления этого процесса. Передаточному механизму суждено было историей стать первым ближайшим вестником коммунизма.

Рабочая машина.

Рабочая машина имеет непосредственное отношение к обрабатываемым веществам. Это она взяла из рук человека орудие труда, инструмент.

Рабочие машины (наприм., жернова) появились гораздо раньше промышленной революции XVIII века, но их было очень мало, и сфера их работы расширялась очень медленно. Рабочая машина, особенно, на первых ступенях своего развития, работает по раз заведенному шаблону, не имеет способности приспособляться к изменчивости отдельных единиц вещества. Поэтому она могла захватить лишь обработку таких веществ, отдельные единицы которых мало уклоняются друг от друга, либо ожидать, пока предварительная сортировка и подготовка вещества сделает его пригодным для машинной обработки.

Если взять волокнистые вещества—хлопок, шерсть, лен, шелк, то окажется, что волокна наиболее однородны у хлопка, менее однородны у шерсти, еще меньше у льна и тем более шелка. Таким образом, хлопок должен был стать местом прорыва. И, действительно, промышленная революция началась с него, постепенно охватывая более трудные ступени. Но даже у хлопка волокна все-таки не безусловно однородны. Зато здесь подготовка требовала меньше усилий. С другой стороны, обработка началась с самых легких задач: готовились самая грубая пряжа и самые грубые ткани, уступавшие по чистоте работы и по совершенству лучшим образцам ручной работы. Лишь постепенно рабочая машина захватывала все более высокие номера пряжи и тканей, выбивая ручной труд из одной позиции за другой. Распространение машины шло, таким образом, по двум направлениям—горизонтальному и вертикальному. Победное движение было вначале шествием и лишь постепенно превратилось в стремительный полет. Даже в хлопчатобумажной промышленности потребовался длинный ряд десятилетий, чтобы вытеснить ручного ткача. С середины XVIII ст. началась борьба машинного труда с ручным, но лишь к 30-м годам XIX ст. была уничтожена тысячелетняя позиция ткачей Дакки («равнины Индии белеют костями ткачей»). Ткачи Дакки работали на вывоз—до промышленной революции их ткани массами шли в Европу и даже в Америку, проделывая для этого громадный путь вокруг Африки (Суэцкий канал начал действовать лишь с 69 года XIX ст.). Их ткани являлись в Европу, отягощенные большими расходами по перевозке, тут легче было одержать победу. Индия потеряла европейский и американский рынок, а тысячи ткачей Дакки погибли. Но с ручными ткачами самой Англии борьба затянулась на более продолжительный срок, в Европе на материке даже на фабриках долго еще держались ручные станки, в России до 90 годов XIX ст. В глуши, в деревне, вдали от путей сообщения можно насчитать на земле еще не одну сотню тысяч ручных ткацких станков для хлопка. Медленно шло продвижение рабочей машины в обработке шерсти, льна и особенно шелка. И если к XX ст. можно установить полную победу ее в хлопчатобумажной, шерстяной и льняной промышленности, где ручные ткацкие станки играют ничтожную роль, то в шелковой промышленности даже в XX ст. ручной станок играет заметную роль, а в Японии в 1913 г. их насчитывалось свыше 500.000 (о Китае точных сведений нет). Даже во Франции сплошь и рядом встречаются еще ручные станки, и лишь в Соединенных Штатах к 1900 году они на фабриках совершенно исчезли.

В прядильном деле движение было быстрее, так как эта операция гораздо проще и легче поддавалась преобразованию. Здесь и производительность труда поднялась в более резкой степени. Ручной прядильщик был способен работать лишь с одним веретеном, прядильная же машина быстро перешла к десяткам (12—18 веретен), сотням, а затем тысячам веретен. Теперь есть машины с 1.300 веретен. Правда, число веретен на одного рабочего росло не так быстро. Еще в начале 60-х годов XIX ст. в среднем на одного рабочего приходилось от

14 веретен во Франции до 78 в Англии. Но уже и тогда в Англии были фабрики, где на одного рабочего приходилось до 700 веретен. Теперь в Англии в среднем один рабочий на прядильне имеет свыше 300 веретен, в отдельных случаях число обслуживаемых одним рабочим веретен далеко превышает эту цифру.

Ткацкий станок даже в эпоху Маркса далеко отстал от веретена. У Маркса в «Капитале» на одного рабочего в среднем приходится 2 станка, и лишь редко—4. К концу XIX ст. число ткацких станков доходило на одного рабочего до 8. И лишь с началом XX ст., с появлением автоматического ткацкого станка Нортропа, число их стало быстро расти. В Америке ставят на одного рабочего по 14—20—30 таких станков, на одной из южных фабрик в Соединенных Штатах цифра дошла до 34 уже в 1909 г. Но опять-таки автоматический ткацкий станок завладевает сперва грубыми сортами ткани и лишь постепенно завоевывает более тонкие.

Конечно, цифры веретен и станков еще не определяют вполне разницы в производительности труда. И прядильные машины, и машинные ткацкие станки работают гораздо быстрее ручных веретен и станков, так что производительность гораздо больше.

Одновременно с улучшением прядильных и ткацких машин совершенствуются и машины, охватывающие: 1) подготовительные к прядению операции; 2) операции между прядением и тканьем; 3) операции по окончательной отделке.

Все эти операции также постепенно механизуются и автоматизируются, вытесняя ручной труд и совершенствуя качество продукта. В итоге машина не только захватывает все более высокие номера, но и улучшает качество изделий, повышает все больше производительность труда и вытесняет ручной труд.

Успехи машинного производства в одной отрасли облегчают проникновение машин в родственные области—в шерстяное, льняное и, наконец, шелковое производства. И как в начале XIX века начался процесс умирания хлопчатобумажного ручного ткача, так теперь быстро отмирает ручное шелковое ткачество, что должно особенно тяжело отразиться на Японии и Китае с их сотнями тысяч ручных шелковых ткачей.

Охватывая текстильную промышленность горизонтально и вертикально, машина проникает в подступы к ней и в операции, следующие за ней. Обработка земли под хлопок, сбор хлопка, выделение волокон, стрижка овец, первые операции над льном и т. д. механизуются. Механизируется и приготовление одежды из тканей (швейная машина) и пряжи (вязальные машины).

Затем наступает очередь других отраслей промышленности, куда техника является, уже богатая опытом и способная быстрее решать очередные задачи. Особенно важны, конечно, металлообрабатывающая промышленность и машиностроение. С увеличением сферы машинного производства и числа машин, растет машиностроение.

Число машиностроительных рабочих увеличивается с огромной быстротой, в десятки раз, несмотря на усовершенствование машиностроительных машин и повышение машиностроительной производительности труда. В Англии число машиностроительных рабочих с 1861 года увеличилось в 10 раз (1861—61.000 чел., 1911—около 600.000 чел), в Германии в десятки раз, в Соединенных Штатах еще более и т. д. Массовое производство машин высоко усовершенствованными машинами резко уменьшило общественно-необходимое время на производство машин, а следовательно, и стоимость их; дешевая машина быстрее и быстрее завоевывает все новые области труда, захватывая даже низшие сферы умственного труда (пишущие машины, счетные машины и т. д.).

По отношению к количеству материала рабочая машина, эволюционируя, идет по той же линии, что двигатель и передаточный механизм. С одной стороны, быстро увеличиваются ее размеры (напр., прядильная машина с 12 до 1.300 веретен), с другой, — она стремится выполнять определенное количество функций с возможно меньшей затратой материала, с возможно меньшей сложностью, меньшим количеством частей. Эти два процесса идут рядом—первый при этом до сих пор перевешивает второй—величина машин быстро возрастает, часто доходя до циклопических размеров. Но и вторая тенденция дает себя знать. И в общем намечается цель, которую наметили еще греки в мифе о Гефесте—«сети сковал из железных, крепчайших, ничем неразрывных проволок» и при том настолько тонких, что «были не только невидимы от людей, но и взорам вечных богов неприметны они». При чем сети эти работали автоматически (Одиссея, песнь VIII).

Таков идеал. Мы видим, что двигатели сумели в 300 раз за 45 лет уменьшить вес материала на одну лошадиную силу, а передаточный механизм в телеграфном деле и совсем сбросил с себя материал и формы. Насколько продвинулось это в рабочей машине, трудно сказать, нет точных данных даже относительно отдельных машин, но и здесь процесс заметно продвигается вперед, раскрывая перед человеком необъятные перспективы для прогресса. Более легкая (относительно) машина требует меньше расхода силы на ее работу, а, следовательно, с удешевлением ее производства удешевляет и ее эксплуатацию. В общем же разница между производительностью машин и ручного труда растет неудержимо и быстро (физический и ремесленный труд человека все больше теряет свой смысл) и ставит ребром вопрос не только о судьбах рабочего класса, но и о задачах человечества.

Этот эффект рабочей машины крайне обостряется двумя идущими параллельно линиями ее развития. С одной стороны, машина все больше увеличивает число своих функций (переход от частичной машины к комбинированной с все большим числом операций), с другой, — она все больше автоматизируется, сводя к минимуму вмешательство человека (автоматизация машины). От само-регистрирующихся они переходят к само-регулирующимся, решают все больше число задач собственными усилиями, превращаются как бы в «мыслящие машины». И если

в начале машинного века частичная машина требовала за собой ухода отдельного рабочего, то теперь все чаще и чаще на одного рабочего приходится по 10, 15, 20, 30 и даже 34 сложных, комбинированных машин. Но автоматизируется не только отдельная машина. Автоматизируются системы машин—каждая не только автоматически выполняет свою работу, но и автоматически же передает заготовленный материал следующей машине, так что одному рабочему все чаще приходится наблюдать за удлиняющимися рядами не только однородных, но и разнородных машин.

«Мыслящие машины» подобны автоматическим «прислужникам» Гефеста:

«Вышел, хромая. Прислужники, под руки взявши владыку, шли золотые, живым подобные девам прекрасным, как исполины разумом, силу имеют и голос, и которых бессмертные знанию дел научили». (Илиада, песнь XVIII, 417—420).

Они привыкают даже приспособляться к особенностям обрабатываемого материала. В случае же неудачи подают голос о постигшем их, чаще же всего просто останавливаются, заставляя человека обратить внимание на их «болезнь». Но и такие остановки постепенно сокращаются; чем совершеннее машина, тем легче она обходится без помощи, тем меньше она требует ремонта, места, материала, тем бережливее она обходится с обрабатываемым продуктом, тем более точными, изящными становятся их произведения, оставляя далеко за собой руку человека. Рождается машинная эстетика и самой машины, и ее изделий. Машина начинает пробиваться даже в область искусства, оставляя человеку только область высшего творчества.

И. Иванов.

ОТЧУЖДЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ.

(Социологические очерки ¹⁾).

ГЛАВА IV.

Хронологически, об'ективная психология во всех своих ветвях, как европейских, так и американских, возникла во второй половине XIX века и даже, точнее, около 80—90-х гг. этого столетия. Ее расцвет приходится уже на XX век. И любопытно, что если можно найти ее предшественников в первой половине минувшего столетия и около его середины, соответствующие их идеи не получили тогда распространения и разработки. Тиченер, американский критик бихэвиоризма, указал, что точка зрения последнего предвосхищена О. Контом и Курно ²⁾. Упоминание о Конте вполне уместно. Действительно, автор «Курса положительной философии» высказался в духе об'ективной психологии еще в I томе этого труда, относящемся к 1829 году. Но взгляд его, в существенном, сложился еще раньше. В одном письме, написанном в 1819 году, Конт уже указывал, что психология, основанная на методе внутреннего («суб'ективного») наблюдения, является наукой, по существу противоречивой ³⁾. В «Курсе» он повторил это соображение, развил его и дополнив мыслью, что психология должна быть упразднена и заменена физиологией и социологией ⁴⁾. Как известно, фактического построения в духе этого замысла Конт не дал. Его современники, единомышленники и последователи отнеслись к нему и вовсе отрицательно. Вслед за Миллем, даже в кругах позитивистов утвердилось мнение, что пренебрежение психологией является очевидным и грубым упущением Конта. Таким образом, соответствующая мысль Конта пала на каменистую почву. Тиченер указывает еще на Курно, как продолжателя мысли Конта. С этим невозможно согласиться ⁵⁾. Правда, в двух философских сочинениях этого французского мыслителя, математика и экономиста, вышедших последовательно в 1851 и 1861 г.г., высказываются сомнения в достоверности «эмпирической психологии», как науки. Но он не отрицает, что она когда-нибудь разовьется, и не думает заменять ее физиологией.

¹⁾ Главы I—III см. в кн. 13.

²⁾ На Тиченера ссылается Roback, цитир. соч., стр. 31—32.

³⁾ См. Mentre, «Cournot et la renaissance du probabilisme au XIX sc», 1908, стр. 344, примеч. 3.

⁴⁾ «Cours de philosophie positive», I, первая лекция.

⁵⁾ Это положение обстоятельно доказано в цитированной книге Mentre, стр. 329—364.

Не имела в свое время успеха и попытка построения объективной психологии, предпринятая, может быть, не без связи с Контом нашим физиологом Сеченовым. На эту попытку указывает называя Сеченова в числе своих предшественников. Речь идет, собственно, о книжке «Рефлексы головного мозга», вышедшей первым изданием в 1863 году. «В этой брошюре,—говорит Павлов,—была сделана—и внешне блестяще—поистине для того времени чрезвычайная попытка (конечно, теоретическая, в виде физиологической схемы) представить себе наш субъективный мир чисто физиологически»¹⁾. В основу этой попытки положена идея рефлекса, понятого физиологически. Но едва ли Сеченов ставил себе последовательно ту же задачу, что и современные представители «объективной психологии». Скорее всего, она искушала его, как теоретическая возможность, довольно отдаленная и не стоящая лично у него на очереди.

В самом деле,—вот свидетельство самого Сеченова. «Психическая деятельность человека,—говорит он,—выражается, как известно, внешними признаками, и обыкновенно все люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся духом, судят о первой по последним, т.е. по внешним признакам. А между тем, законы внешних проявлений психической деятельности еще крайне мало разработаны, даже физиологами, на которых... лежит эта обязанность. Об этих-то законах я и хочу вести речь»²⁾. Таким образом, Сеченов не собирается изучать физиологически самое «психическую деятельность», а только «законы ее внешних проявлений». Современные же теоретики объективной психологии идут гораздо дальше, считая, что физиология откроет им законы самой «психической деятельности», прямым изучением которой они пренебрегают. Сеченов, впрочем, поддавался соблазну вступить на эту дорогу. Например, он утверждает, что «все без исключения качества внешних проявлений мозговой деятельности, которые мы характеризуем, например, словами—одушевленность, страстность, насмешка, печаль, радость и пр., суть не что иное, как результаты большего или меньшего укорочения какой-нибудь группы мышц—акта, как всем известно, чисто механического»³⁾. Приведя еще несколько подобных соображений, Сеченов замечает себя стоящим перед перспективой задачи, действительно близкой к современной «объективной психологии». «Чувствуете ли вы после этого, любезный читатель,—говорит он,—что должно притти, наконец, время, когда люди будут в состоянии так же легко анализировать внешние проявления деятельности мозга, как анализирует теперь физик музыкальный аккорд или явления, представляемые свободно падающим телом»⁴⁾. И в дальнейшем Сеченов нередко редактирует свои мысли в духе этой перспективы. Мы читаем у него, напр., что «мысль есть пер-

1) Павлов. 1 изд., стр. 8.

2) «Рефлексы головного мозга», изд. 2, 1866 г., стр. 3—4.

3) «Рефлексы» и т. д., стр. 6.

4) Там же, стр. 7.

... (теоретический психический рефлекс)»¹⁾, или что «страсть, с точки зрения своего развития, принадлежит к отделу усиленных рефлексов»²⁾. Однако, Сеченов отдает себе отчет, что намеченная им задача у него не на очереди: «до этих счастливых времен,—пишет он,—еще далеко, и вместо того, чтобы гадать о них, обратимся к нашему существенному вопросу и посмотрим, каким образом развиваются внешние проявления деятельности головного мозга, поскольку они служат выражением психической деятельности»³⁾. Заметим это: поскольку они служат выражением психической деятельности,—следовательно, изучение рефлексов не представляется Сеченову изучением самой психической деятельности. В заключении он еще раз прямо указывает на это, говоря: «Я должен сознаться, что строил все эти гипотезы, не будучи почти вовсе знаком с психологической литературой. Специалисты, т.е. психологи по профессии, вероятно, и укажут мне вытекающие отсюда недостатки моего труда»⁴⁾. Нельзя, конечно, ожидать этого от психологов, собираясь упразднить их науку. Сеченов на это не шел ни в 60-х годах, ни позже, когда он еще раз обратился к вопросам психологии. Он—несомненный предшественник современной «объективной психологии» в рамках второй половины XIX века. Но он еще очень далек от той ее редакции, которая начала складываться на границе между XIX и XX веком и получила окончательное выражение уже в наши годы.

Но и теперь рассматриваемое движение является очень ограниченным по своим размерам. Конечно, его представители, названные выше, еще не исчерпывают всех сторонников «объективной психологии». Можно бы привести еще несколько, но и в этом случае популярность «объективной психологии» не окажется значительной.

В Германии Бетэ, Циглер и др. авторы, мыслящие в их духе, остались довольно изолированными. К ним присоединились очень немногие (напр., Цур-Штрассен)⁵⁾.

Во Франции к точке зрения объективной психологии близки Ньюэлл⁶⁾, Бон⁷⁾ и Бувьё⁸⁾. Но и эти авторы являются на родине Конта скорее исключением, чем правилом. К тому же они—особенно Бон, идейный вождь этой небольшой группы—далеко не безусловные сторонники «объективной психологии». Бон, например, признает принципиальную равноправность обоих «языков»—физиологического и психологического⁹⁾.

1) Там же, стр. 146.

2) Там же, стр. 151.

3) Там же, стр. 7. Курсив наш.

4) Там же, стр. 184.

5) «Die neuere Psychologie», 1908.

6) «La psychologie comparée est-elle légitime?» („Archiv d. Psycholog.“, 5, 1906).

7) «La naissance de l'intelligence», 1910.

8) «La vie psychique des insectes», 1918 (в духе Бона).

9) Бон, стр. 108 и след.

В России школа Павлова довольно многочисленна (свыше 100 работ). Но в ней следует различать руководящий идейный кадр и группу экспериментаторов. Первый очень малочислен и, по правде сказать, почти исчерпывается самим Павловым (сюда отчасти можно отнести еще Зеленого, Орбелли, опирающегося также и на А. Введенского, немногих других, скорее популяризаторов, чем самостоятельных теоретиков). Формально вне «школы» стоит такой автор, как Энчмен, выступивший у нас уже после революции с рядом очерков, доводящих идеи Павлова до последней крайности (в духе Леба). Тем не менее, и он должен быть причислен к теоретикам школы, хотя и не ортодоксальным. Что касается экспериментальной группы, примыкающей к Павлову, она значительна, но идеологическая ее физиономия чаще всего отличается неопределенностью. Дело в том, что эксперименты, методика которых разрабатывается Павловым и его учениками, значительны и независимо от их истолкования в духе объективной психологии. С их результатами охотно считаются и принципиальные противники последней. С точки зрения этих противников, опыты школы Павлова вскрывают только нервно-физиологический механизм жизни, не освещая, однако, ее выразительного смысла, ее духовного содержания. Ввиду такой «беспартийности» этих опытов, не нужно быть непременно сторонником «объективной психологии», чтобы ставить и проводить их. Вот почему экспериментальная группа школы Павлова не может быть включена обязательно в число идеологических сторонников Павлова. Теоретическая физиономия ее, повторяем, остается неопределенной, невыраженной.

Американский бихевиоризм также не отличается большою популярностью ни у себя дома, ни за границей. Робэк, составивший лучшую до сих пор систематику бихевиоризма, делит его американских представителей на чистых, последовательных бихевиористов и на примыкающих к движению с разными оговорками, которые нарушают чистоту его идеологии. И вот, чистых бихевиористов Робэк насчитал всего 16, других же, менее последовательных, едва свыше 10¹⁾. За пределами Америки, бихевиоризм был почти неизвестен до самого недавнего времени. Лишь после войны, да и то изредка, в немецких и французских журналах стали появляться отзывы о сочинениях бихевиористов. В последние же годы начали выходить и переводы этих сочинений. При этом встретились затруднения в передаче специфического американского термина behavior. Один французский автор сетует на неуклюжесть слова comportement, которым пришлось перевести этот термин по-французски. Немецкое слово Verhalten, представляющее эквивалент американского термина, все-таки существенно отклоняется от технического смысла последнего. Робэк указывает, впрочем, что и в английском языке слово behavior, как обозначение поведения, рассматриваемого только с внешней стороны, сделалось употребительным не раньше начала нашего века²⁾.

¹⁾ „Behaviorism and Psychology“, 1923, стр. 41—61 и таблица в конце книги. Робэк приводит и подробную библиографию движения в Америке.

²⁾ Roback, цитир. соч., стр. 39—40.

В России, где возник свой собственный бихевиоризм, с американским начали знакомиться (не специалисты) тоже совсем недавно. Статьи и книжки, о нем или в связи с ним, появились только после 1921 года. Русский термин «поведение», которым у нас передают английское behavior, не имеет технического смысла последнего. Попытка обручить название термина behaviorism, переведя его словом «поведенчество» (Корнилов), едва ли удачна.

Итак, «объективная психология», в своей исключительности и прямолинейной последовательности, насчитывает пока мало сторонников. Уже одно это говорит об ее малой популярности. О том же говорят и отзывы ее противников, очень многочисленных и принадлежащих к разным лагерям.

Зоопсихологи, среди которых, по данным одной американской анкеты, сторонники объективной психологии встречаются сравнительно часто, в общем не соблазняются ее рецептами. Как указывает Люц, «работы Губера, Леббока, Фабра, Фореля, Васманна, Пекгама, фон-Бюттеля, Эмери, Эшериха, Фильда, Веелера, Гробера, Дала, Моргана, Иеркса, Торндайка, Дженнингса, Лекрильона, Юнга и т. д., приобретшие для новейшей зоопсихологии наибольшее значение, пользуются языком субъективной психологии»¹⁾. Некоторые из этих зоопсихологов (особенно Торндайк, Иеркс) стараются, правда, наблюдать поведение животных «объективно», то-есть чисто внешним образом. Но они делают это условно: установив «объективно» факты поведения животных, они переходят затем к их психологическому истолкованию. Так получается методологическая формула Иеркса: «психология животных строит духовную жизнь организма, изучая его функции», его поведение²⁾. При такой оценке «объективной психологии» большинством зоопсихологов не удивителен и следующий факт. Когда в 1912—1913 г. потребовалось составить статью о психологии животных (Tierpsychologie) для соответствующего тома знаменитой энциклопедии естествознания (Handwörterbuch der Naturwissenschaften), естественно-научная редакция этого издания обратилась за нею не к представителю «объективной психологии», а к швейцарскому психологу Клапарэду, одному из энергичнейших критиков «объективной психологии»³⁾.

В общей психологии последняя встретила тоже резкую критику. Библиографию ее (для американской литературы) приводит Робэк, книга которого о бихевиоризме в психологии является тоже выражением весьма критического отношения к «объективной психологии». И в европейской литературе последняя получила суровую оценку. Теперь никто не оспаривает необходимости «объективного» изучения душевной жизни, в том числе и с физиологической точки зрения. Но к стремлению выдавать это изучение за единственно-научное большинство психологов относится отрицательно. Например, в новейшем кол-

¹⁾ „Психология животных“, 1925, стр. 30. Ср. у Люца еще стр. 29.

²⁾ См. доклад Иеркса: „Scientific Method in animal psychology“ в „VI Congrès internat. de psychologie“, 1910, стр. 819.

³⁾ См. Band XI, статья Tierpsychologie.

лективном труде авторитетнейших французских психологов, посвященном основам психологии, на ряду с признанием заслуг Павлова и Бехтерева в нервной физиологии, мы находим заявление, что в своей исключительности, в своем стремлении реформировать психологию, сведя ее к физиологии, сторонники «объективной психологии» не пошли дальше новой терминологии, «более узкой у Павлова или несколько более широкой у Бехтерева, но во всяком случае бесполезной»¹⁾. Этот отзыв, выражающий, очевидно, не только личное мнение, принадлежит Riégon'у, редактору одного из лучших психологических журналов, известному, кстати, и своею склонностью к физиологическому трактованию психологии. Тем не менее при всем своем уважении к трудам Павлова, Riégon находит, что «объективный» метод в психологии не совпадает с физиологическим, и указывает, что, не видя этого, Павлов плохо осведомлен (mal informé) о действительных возможностях объективного метода в изучении психической жизни²⁾. Такую же, в общем, позицию занимает и видная группа немецких психологов, выступившая недавно с трехтомной сводкой данных сравнительной психологии³⁾.

В русской литературе «объективная психология» получила сходную оценку. Притом—с разных сторон. Если одно время могло казаться, что «объективная психология» вполне соответствует принципам марксизма, то скоро именно марксистами было замечено, что это преувеличение. В недавнем сборнике о марксизме и психологии, изданном под марксистской редакцией Государственным Институтом Экспериментальной Психологии, мы находим указание, что «объективная психология» есть «психология без психики» и что марксизм требует «признания значимости за методом самонаблюдения, который должен, конечно, дополняться и методом объективного наблюдения»⁴⁾. Такова же оценка, исходящая из медицинских кругов⁵⁾, нередко склонных к некритическому увлечению простотой объективной психологии. Наконец, нужно отметить и остроумную статью Н. Бухарина, посвященную «энчмениаде», этому откровенному и последовательному выводу из учения Павлова⁶⁾. Если так реагируют марксисты, нет ничего неожиданного в том, что и представители не-марксистской психологии, как проф. Челпанов, относятся резко отрицательно к притязаниям «объективной психологии»⁷⁾.

Необходимо заметить, что к уступчивости своим противникам начинают склоняться нередко и самые строгие представители объек-

¹⁾ „Traité de psychologie“, под ред. Dumas, 1923—1924. т. I, стр. 272. Ст. II, стр. 638.

²⁾ „Le cerveau et la pensée“, 1923, стр. 325.

³⁾ „Handbuch der vergleichenden Psychologie. Herausgeg. von G. Kaffka“, 1922. См. особенно статью самого Кавфка в I томе, стр. 15, 25 и др.

⁴⁾ „Психология и марксизм“, Сб. статей под ред. К. Н. Корнилова, 1925, стр. 15, 18.

⁵⁾ Д-р Сапир, статья „Рефлексология и марксизм“, в „Вестн. Совр. Медицины“, 1925, № 1.

⁶⁾ „Энчмениада“, 1924.

⁷⁾ Г. И. Челпанов: „Объективная психология в России и в Америке“, 1925.

ной психологии. Напр., даже Watson готов допустить метод самонаблюдения («метод словесного отчета») там, где недостаточен или бессилен метод «объективный»¹⁾. Еще дальше в уступках идет другой, более умеренный бихевиорист, Warren. Мы читаем у него: «нужно проводить различие между психологией поведения и психологией интроспективной. Большинство исследований, касающихся животных, старается установить характер их поведения при тех или других обстоятельствах, тогда как прежние труды по психологии человека строились главным образом на основании данных самонаблюдения. Но оба эти метода находятся между собою в тесной связи, и в настоящее время психологи понимают, что один из них дополняется другими; пользование ими обоими необходимо всякому, желающему понять душевную жизнь»²⁾. Впрочем Warren не из числа строгих бихевиористов, как у нас Бехтерев, тоже допускающий субъективный метод в дополнение к объективному³⁾.

Все это указывает, что объективная психология—далеко не популярное течение наших дней, несмотря на то, что она характерна именно для них. Оговорки и колебания ее представителей тоже говорят о том, что их мысль развивается в неблагоприятной атмосфере. Притом, атмосфера эта такова не только внешне, но и внутренне. Сторонникам объективной психологии приходится преодолевать свое собственное сопротивление духу этого учения. В лаборатории Павлова нужно было назначить штраф за употребление субъективной терминологии. Но если она была скоро изжита на словах, она долгу давала (и дает?) о себе знать в мышлении. Павлов признался, что даже в 1910—1911 г.г., т. е. спустя несколько лет после объективирующей реформы, лично он еще испытывал приливы сомнения в законности этой реформы. На ряду с ободряющими успехами,—говорит он,—«нарастали и сомнения, и даже до недавнего времени не оставляли меня, хотя я их не обнаруживал окружающим меня»⁴⁾. Можно себе представить, что эти окружающие были защищены от подобных сомнений еще меньше вождя. Американским бихевиористам такие искушения, повидимому, знакомы так же хорошо, судя по тому, что они, «как видно из их сочинений, не могут обходиться систематически без понятий, включающих момент сознания»⁵⁾.

Заканчивая, скажем еще, что «объективная психология» существует только в наше время и никогда не существовала до того. Правда, иногда ссылаются на Декарта и Мальбранша, отрицавших одушевленность животных еще в XVII веке. Но эта ссылка—недоразумение. Ведь совре-

¹⁾ Watson: „Psychology, from the standpoint of a behaviorist“, 1919, стр. 38—42.

²⁾ Howard Warren, цитируем по франц. пер.: „Precis de psychologie“, 1923, стр. 20—21.

³⁾ Главное из многочисленных сочинений этого автора — „Общие основы рефлексологии человека“, 1922.

⁴⁾ Павлов, стр. 108.

⁵⁾ Myers: „Some present tendencies of psychology“, Journ. of Psych., 1925, стр. 55.

менная «объективная психология» тем и характеризуется, что, несколько не отрицая в принципе одушевленности животных, она практически обходится с ними так, как если бы они были бездушными. Ничего подобного не знали Декарт и Мальбранш, учившие, что бог так устроил животных, что им вовсе не нужно одушевленности, чтобы существовать и стремиться к самосохранению: оттого они совершенно неодушевлены¹⁾.

ГЛАВА V.

Обозревая пройденный путь, мы можем формулировать следующее впечатление. В условиях мышления о жизни во второй половине XIX века и в начале нашего было нечто, внушившее некоторым философам неизвестные ранее сомнения в нашем праве рассматривать поведение живых существ, как совокупность действий, т. е. выразительных процессов, а самые эти существа—как одушевленные организмы. Среди этих сомнений бесспорным казалось им только то, что поведение складывается из физико-химических процессов, ничего не выражающих, и что организм есть механизм, машина, производящая эти процессы. Никого из философов не удовлетворяет этот бесспорный минимум. Они пытаются превзойти его, отыскивают доказательства одушевленности и обычно находят их. Но, по большей части, доказательства эти не представляются им самим научно достаточными, и к чему бы они ни изывали, к вере ли, к совести ли, к сверхчувственному ли общению душ—всегда остается осадок теоретической неуверенности, отравляющей сознание добросовестного мыслителя. В это самое время, и, вероятно, под давлением тех же условий, ряд психологов и физиологов, не отрицая психики животных и человека, испытывают потребность трактовать их жизнь, не привлекая этой психики, и замещать организмы механизмами, машинами. Наконец, некоторые художники, в общем не связанные друг с другом ни общей школой, ни однородностью дарований, среди привычного для них изображения жизни во всей ее осмысленности и одушевленности, вдруг чувствуют себя захваченными какою-то необходимостью превращать живые действия в бездушные процессы, а выполняющих их людей—в какие-то механические куклы, в автоматов и манекенов. Ни для одного из них эта необходимость не становится единственной изобразительной манерой. Она не получает у них даже значения преобладающего приема. И по всему видно, что они пользуются ею скорее, как соблазнительно-новым, так сказать, пикантным приемом, чем как методом, призванным заменить обычное для искусства трактование жизни. Но вот,—пришел же им на ум именно этот странный прием, столь сходный с тем, что мы находим у некоторых современных им философов и психологов! Видно, что, в вечных поисках новых изобразительных средств, художники нечаянно, неожиданно на-

¹⁾ Такое же недоразумение рассматривать Гоббса, как предшественника бихевиоризма Гоббс—материалист и считает все „внутренние“ состояния материальными движениями. Но никогда не говорил он, что эти состояния непознаваемы или несущественны для познания.

пали на то, что как-то носилось в воздухе, отравляя не одних деятелей искусства, но и ученых, и философов. Точно все они заразились одновременно одной и той же «болезнью», и мы слышим их странный «бред» в смешении языков искусства, науки и философии¹⁾.

Для стороннего наблюдателя этот «бред» может быть интересным с разных точек зрения. Та, с которой он занимает нас, заключается в наблюдении, что между действием и выполняющим его индивидуумом— в атмосфере этого систематического «брёда»,— нет внутренней связи, осмысливающей действия, как выражение индивидуального единства и своеобразия их носителей. Действие, воспринятое и понятно не через призму этого брёда, а непосредственно, всегда уводит нас в глубь индивидуальной жизни. Там, в сплетении ее мотивов и влечений, ее чувств и настроений, ее сознательных или бессознательных прозрений—каждое действие является реальностью, полной жизни, реальностью, действительно, подлинно «жизненной». В том и богатство, и радость действия, в том его великая космическая ценность, что, легкое или напряженное, простое или сложное, оно отражает, в индивидуальной перспективе и в динамическом сокращении, судьбу индивидуума в мире, его роль в скрещении сил и вещей, ту внешнюю необходимость, которую накладывает среда на индивидуума, и ту внутреннюю неизбежность, печать которой налагает и он, в свою очередь, на среду. И всего этого лишается действие, оторванное от питающей и осмысливающей его связи с тем источником выразительности, одушевленности, который бьет в недрах индивидуальности. Из явления, в котором открываются осмысленная полнота и глубина, одухотворенная светотень жизни, оно становится столь же бедным, столь же невыразительным и безличным, как и любой безжизненный процесс.

Наше время—та же вторая половина XIX и начало XX века— порою склонно отчуждать действия подобным же образом не только от одиночного индивидуума, но и от собирательного, коллективного, общественного. Общественная группа «действует», как и одиночный организм. Конечно,—с тою разницей, которая вытекает из ее организационного своеобразия, из ее *собираемости*. Разница эта, пусть немалая, не мешает, однако, тому, чтобы действие группы, действие социальное являлось—в некоторых отношениях—выражением ее своеобразия, ее характера не меньше, чем оно— в другом отношении—отражает характер индивидуума. И ведь, в сущности, все наши действия, взятые с известной стороны, представляются социальными, выражая наше место в обществе, наши интересы в зависимости от той или другой групповой принадлежности, нашу роль в общественных производственных процессах и нашу судьбу в перспективе исторических судеб общества. В обществе мы создаем хозяйство, право, науку, искусство, нравственность,—и вот эту обширную сферу социального действия в наше время тоже подвергают в теории отчуждающей обработке. И тогда перед нами встают

¹⁾ Конечно, «бред» не является здесь психиатрической характеристикой. Это—только удобное сравнение. Оценки в нем не содержится.

наука, искусство, хозяйство и право—как совокупность действий, оторванных от коллективных деятелей, как раньше мы видели изображение действий, отторгнутых от деятелей единичных. А сами коллективные деятели, общественные организмы, превращаются в какие-то тени, в фантастически заоблачные формы, в которых разгравается беспощадная игра социально-отчужденных действий.

Впрочем, теория социально-отчужденного действия несравненно беднее, слабее теории индивидуально-отчужденного действия. Однако, есть немало значущие примеры и в этой области.

Одним из вариантов этой теории является «формальная» или «морфологическая» школа в литературоведении. Виднейший ее представитель у нас—Б. Эйхенбаум.

С его точки зрения, «морфологический» метод—не один из нескольких методов изучения литературы, дополняющих друг друга. «Рядом с ним, говорит Эйхенбаум, само собою разумеется, не может стоять другой—что литература должна изучаться, как психологический или биографический документ, как эманация души поэта, или что литература есть отражение жизни и т. д. (я говорю,—поясняет Эйхенбаум,—конечно, не о вспомогательном пользовании литературой в других науках, а о содержании литературной науки, как таковой)»¹⁾.

Для этого единственно-законного метода литературоведения характерно, прежде всего, нежелание ставить художественное творчество в связь с конкретными, единичными деятелями искусства—с поэтами, живописцами, музыкантами в их плоти и духе. Существует,—говорит Эйхенбаум,—много фактов, которые компрометируют традиционную точку зрения на поэзию, как на выражение индивидуального «мироощущения» или «непосредственную эманацию души поэта»²⁾. И еще: «Душа художника, как человека, переживающего те или иные настроения, всегда остается и должна оставаться за пределами его созидания»³⁾. «Художественное творчество,—узнаем мы далее,—по самому существу своему, сверхпсихологично, оно выходит из ряда обыкновенных душевных явлений и характеризуется преодолением душевной эмпирики»⁴⁾.

Итак, художественное творчество оторвано от индивидуального художника.

Но, может быть, оно связано с коллективным художником, с тою общественной группой и средой данного времени, представителем которой является отдельный художник?

Вот заявление, которое может быть истолковано в этом духе: «Любители биографий недоумевают перед «противоречиями» между жизнью Некрасова и его стихами. Загладить это противоречие не удается, но оно—не только законно, а и совершенно необходимо.

1) «Вокруг вопроса о формалистах», «Печать и Революция» 1924, кн. 5, стр. 4.

2) «Дермонтов», 1924, стр. 61.

3) «Сквозь литературу», 1924, стр. 189.

4) «Молодой Толстой», 1922, стр. 11.

именно потому, что «душа» или «темперамент»—одно, а творчество. нечто совсем другое. Роль, выбранная Некрасовым, была подсказана ему историей и принята, как исторический поступок. Он играл свою роль в пьесе, которую сочинила история,—в той же мере и в том же смысле «искренно», в каком можно говорить об «искренности» актера. Нужно было верно выбрать лирическую позу, создать новую театральную эмоцию и увлечь ею «не внемлющую пророчествам» толпу. Это и удалось Некрасову»¹⁾.

Кажется, отсюда можно было бы заключить, что художественное творчество—выражение социальной индивидуальности, взятой в определенной стадии ее истории.

Но такое толкование стоит в очевидном противоречии с прямыми заявлениями Эйхенбаума. Об искусстве он говорит категорически: «Н и к а к о й причинной связи с «жизнью», ни с «темпераментом» или психологией оно не имеет»²⁾. Отрицание связи искусства с темпераментом или вообще личной психологией не дает ничего нового. Но вот отторжение искусства и от «жизни», всякой жизни, в том числе, значит, и социальной—это ново и знаменательно. Для Эйхенбаума не может быть и речи о том, что совокупность действий, из которых складывается художественное творчество, выражает в каком-нибудь смысле судьбы, интересы или потребности общества или его отдельных групп. Сверхиндивидуальное, «сверхпсихологичное», оно и сверхсоциально.

Мы можем все-таки спросить: но кто же, однако, действует, творит в искусстве, если оно не выражает собою жизни индивидуума, единичного или коллективного?

Ответ Эйхенбаума довольно смутен по смыслу. Источником искусства он считает «творческое сознание». «Это сознание,—поясняет он.—по существу своему не только сверхпсихологично, но и сверхлично, хотя от этого не менее, а еще более индивидуально»³⁾.

Для нас сейчас безразлично, существует ли такое сознание. нас интересует только, как представляет себе Эйхенбаум его отношение к творчеству. Есть ли это сознание, которое он именует сугубо индивидуальным—индивидуум, способный выражать себя в творчестве? Если бы это было так, мы могли бы утверждать, что художественное творчество в изображении Эйхенбаума не есть действие, отчужденное от индивидуума. Может быть, нам пришлось бы сказать, что его «творческое сознание»—индивидуум фиктивный, вымышленный,—но в замысле все-таки фигурировал бы индивидуум.

Но дело в том, что его нет и в замысле. «Творческое сознание» Эйхенбаума вовсе не индивидуум, не деятель, выражающий себя в действиях. Он говорит о нем, что оно вырабатывается в человеке лишь постепенно, «в поисках нового творческого начала»⁴⁾. Сле-

1) «Сквозь литературу», стр. 260.

2) «Сквозь литературу», стр. 256. Курсив наш.

3) «Молодой Толстой», стр. 13. Курсив наш.

4) «Молодой Толстой», стр. 13.

довательно, оно не столько деятель, сколько результат деятельности или, лучше, просто другое название для самой деятельности. «Творческое сознание» художника состоит просто в «творческом отношении к жизни», как говорит еще Эйхенбаум¹⁾, и, следовательно, оно вырабатывается в нечто законченное только с остановкой, завершением творчества. Вот почему не может быть и речи о том, чтобы видеть в нем действующего индивидуума, создающего искусство.

Искусство в изображении Эйхенбаума—сфера независимого, автономного действия без деятеля. «Искусство,—резюмирует он,—живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смешения, сдвига...»²⁾. Так, потеряв смысл выразительных процессов, творческие действия ведут отчужденное существование, сочетаясь и расходясь по особым законам, не зависящим от судеб какого бы то ни было индивидуума, единоличного или собирательного. Как говорит об этом В. Шкловский, другой представитель «формальной» школы,—«искусство развивается разумом с в о е й техники. Техника романа создала «тип». Гамлет создан техникой сцены»³⁾. А художники, в какой бы перспективе ни брать их, в индивидуальной или социальной,—только механизмы выполнения соответствующих технических операций. До их «жизни» этим операциям нет дела...

В этой концепции искусства, как сферы отчужденного действия, нельзя видеть возрождения старой теории, сводящей роль художника к роли простого регистратора идеальных образов, существующих предвечно и вступающих в его сознание во время вдохновения. В этой теории роль индивидуума умалена за счет возвеличения роли творческого результата, продукта творчества. В современных же построениях формалистов индивидуум приносится в жертву действию,—оно становится в искусстве первичной реальностью, поглощая и деятеля, и продукт.

Аналогичные построения мы имеем и в современных теориях науки или научного мышления. Самым характерным примером теории науки, как абсолютно отчужденного действия, является теоретическая философия Г. Когена.

В центре ее стоит понятие мышления. Но его нельзя смешивать с теми процессами мышления, которые происходят в индивидуальном сознании. Это совсем не психический процесс⁴⁾. Мышление, каким описывает его Коген, является метафизическим, космическим процессом. Коген говорит о нем, что перед ним существует только то, что оно создало само⁵⁾, и самые основы бытия, реального, объективно-существующего, создаются тем же мышлением⁶⁾. В сущности, повторяет не раз Коген, в этом мышлении процесс совпадает с результатом, твор-

¹⁾ Там же.

²⁾ „Сквозь литературу“, стр. 256.

³⁾ „Сентиментальное путешествие“, 1924, стр. 131.

⁴⁾ „Logik der reinen Erkenntnis“, 1902, стр. 4—10, 510.

⁵⁾ Там же, стр. 11, 68.

⁶⁾ Там же, стр. 18.

чество с сотворенным: оно—тот же объективный мир, рассматриваемый в процессе его созидания¹⁾. Последнее происходит не во времени и только раскрывается нам исторически. Коген подробно описывает основные операции мышления, создающего бытие, а в нем—самого себя. В настоящей связи это не интересует нас. Отметим только, что «мышление» Когена может быть всего лучше усвоено в том образе «скачка», изначального прыжка (Ursprung), модификациями которого являются все отдельные операции мышления²⁾.

Философия научного познания Когена является, таким образом, философией познавательного действия. Но кто же у него действует? Кто является носителем того мышления, которым создается бытие? Что он—не единичный индивидуум, мы уже видели. Что он не индивидуум социальный—это не требует доказательств: общество—само часть бытия, впервые создаваемого мышлением. Может быть, это какой-нибудь «абсолютный дух», наконец—бог? Для философии Когена в высшей степени характерно, что даже и такого индивидуума, как носителя мышления, он не признает. Мышление—действие абсолютно самостоятельное, не требующее деятеля или носителя. Правда, Коген называет его иногда одною из сфер «культурного сознания»³⁾. О последнем Коген собирался написать специальную работу, так и оставшуюся невыполненной. Но если бы он и написал ее, можно быть уверенным, что в ней мы не нашли бы утверждения, что «культурное сознание»—индивидуум, хотя бы и космический. Из разных замечаний Когена можно видеть, что его «культурное сознание» свелось бы только к единству тех действий, которые создают культуру в науке, нравственности и в искусстве. Например, он говорит, что субъект всех этих действий есть именно «единство человеческой культуры»⁴⁾. Это—просто другое имя для совокупности всех культурных действий, как «творческое сознание» Эйхенбаума—особое наименование для совокупности процессов художественного творчества.

Необходимо подчеркнуть своеобразие этой концепции научного мышления, как действия без всякого деятеля. Прошлое знает многочисленные попытки превращения научного мышления в метафизический космический процесс. Но никогда в европейской философии не было случая, чтобы это мышление не имело носителя, как бы он там ни назывался—абсолютным духом, богом или иначе.

Правда, учение Юма, сводившего субъект к связке восприятий и повлиявшего в этом же смысле на некоторых философов XIX века (напр., Д. С. Милль, Э. Мах и др.), кажется родственным этой конструкции действия без деятеля. На самом деле, идеи Юма—в другой плоскости, чем философия Когена. Упразднение субъекта является у философа XVIII века следствием отрицания объективного, реального существования каких бы то ни было вещей. Он стремился свести их к го-

¹⁾ Там же, стр. 50.

²⁾ Там же, стр. 33, 76.

³⁾ Cohen, стр. 15, 21.

⁴⁾ Cohen, назв. соч., стр. 16.

дой комбинации наших субъективных состояний. Он отвергал бытие вещей («субстанций»), потому что они противоречили субъективно-идеалистическому принципу его философии. Реальный субъект был бы одною из таких вещей. Из последовательности Юм должен был объявить связкою восприятий и самый субъект. Таким образом, специального интереса к живому «действию без деятеля» у Юма не было. И в действительности, его субъект, предаваясь непрерывно восприятиям, из которых он строит мир, лишь то и делает, что действует; и другого действия, кроме этого, выполняемого субъектом, Юм и не знает.

Как известно, философия Юма оказала сильнейшее влияние и на Канта. Место субъекта, как связки восприятий, у последнего занимает «первоначальное единство восприятия». Кант чувствовал неловкость, пробуя мыслить субъект, начало всех вещей, такую же связкою восприятий, как и все вещи. Не смея прямо выйти за пределы юмовского субъективного идеализма, он и пытался отличить субъект от прочих вещей, придав ему «первоначальное единство» и подчеркнув при этом, что оно действительно «первоначально» и не образуется ни из какой комбинации восприятий. Напротив, оно накладывает свою объединяющую печать на все подобные комбинации, сообщая им таким образом единство. В своей «Этике» Кант еще более развил это учение о реальности субъекта, об'явив его вещью в себе, только непознаваемой в рамках «спыта».

Ближайшие же преемники Канта—Фихте, Шеллинг и Гегель—подхватили мысль учителя о «первоначальном единстве», лежащем в основе всякого восприятия. В их руках оно выросло до размеров абсолютного я, абсолютного духа, наконец—бога. Во всех этих редакциях перед нами—метафизическая модификация индивидуума, деятеля, субъекта, творящего бытие. И только в наше время была выдвинута идея миротворящего мышления, не принадлежащего никакому деятелю и являющегося функцией, отчужденной от всякого субъекта.

Прибавим, что эта теория научного мышления, как и вышеизложенная «формальная» теория искусства, имея некоторых сторонников, далеко все же не пользуется широкой популярностью.

Философия Когена является вершиной развития неокантианства второй половины XIX века. Характерною особенностью этого развития (в Германии, его родине) было стремление заменить философию бытия философией мысли о бытии. Отсюда возникла потребность—освободить мышление от подчинения объекту мышления. Мышление должно было «автономно» создавать представление о бытии, иначе оно зависело бы от последнего, о котором, как о «вещи в себе», мы ничего не знаем. При этом мышление должно было функционировать общеобязательным образом, то-есть оно не могло зависеть от субъективного произвола. Для этого же его следовало сделать независимым и от личного субъекта, от индивидуального сознания. Таким образом, все неокантианское движение вступило на путь отчуждения мышления, как действия, от выполняющего его деятеля. Мы говорим только «вступило», потому что большинство неокантианцев

не решалось освободить мышление от связи со всяким субъектом. Отбрасывали обыкновенно психофизическое я, сохраняя так называемое «гносеологическое я». Под ним разумели «я вообще», «родовое я». Мышление, понимавшееся, как функция такого я, не могло уже быть психическим процессом. Поэтому его начали понимать, как процесс сверхпсихический. Отсюда оставался только один шаг до освобождения этого процесса от связи со всяким я. Этот шаг и был выполнен Когеном. В его философии мышление, отчужденное от всякого субъекта, сделалось миротворящим процессом. Но Когену не удалось увлечь на этот путь многих. Его философия является достоянием так называемой марбургской школы, крупнейшими представителями которой были и отчасти остались Натопф, Кассирер, Н. Гартман и др. Даже у себя на родине эта школа не могла добиться популярности, сравнимой хотя бы с успехом, недавно выпавшим на долю Шпенглера, или с тем значением, какое получил Бергсон, влияние которого чувствуется во всей современной философии, во многих областях психологии и даже политической теории и практики.

Что касается формальной школы в искусствоведении, и она тоже представляет заостренный конец движения, развитие которого приходится в значительной степени на вторую половину XIX века. Впрочем, его прецеденты восходят к более раннему времени. В одном направлении их можно проследить до античной риторики. Через средние века, в течение которых ею занимались очень усердно, она дошла до эпохи возрождения, когда ее разработка сделалась одним из элементов литературного неоклассицизма. Через посредство французского неоклассицизма XVI—XVII веков интерес к риторике, обогащенный интересом к поэтике, дожил, главным образом, во Франции вплоть до второй половины XIX века. Здесь он осложнился еще раз влиянием эволюционного метода, и мы видим ряд ученых, во главе с Брюнетьером и Лансоном, рассматривающих историю литературы, как изучение развития литературных форм. Впрочем, интерес к форме никогда не приводил в истории этого движения к последовательному «формализму» в духе вышеизложенного.

Генезис формализма можно проследить далеко назад еще в одном направлении. Со времени возникновения новой музыки в XVI—XVII веках, музыкальная теория начала включать в себя анализ и систематику важнейших музыкальных форм. С развитием и усложнением приемов и средств музыкального выражения, эта теория подверглась подробной разработке, хотя редко кто сводил к этой «алгебре» музыки все существо искусства Баха и Бетховена. В последних стадиях своего развития (XIX в.) наука о музыкальных формах вступила в связь с теорией архитектурных форм. Ко второй половине XIX века систематический анализ формы был перенесен в исследование живописи и скульптуры (Вельфлин, Гильдебрандт и др.). Успехи его в этих областях тоже побуждали к формальным изучениям в литературоведении. Несмотря на эту европейскую свою генеалогию, последовательный формализм, пре-

вращающий литературу в комбинацию действий, отчужденных как от личного, так и от коллективного деятеля, развила почти исключительно на русской почве. Здесь он имел и отчасти еще сохранил успех — из тех, которые у французов называются «успехом скандала». Но подавляющее большинство исследователей отнеслось к формализму резко отрицательно¹⁾.

ГЛАВА VI.

Чтобы покончить с идеологией отчужденного действия, как она раскрывается в современном искусстве, в философии и в науке наших дней, заметим еще, что ни в одной из названных областей эта идеология не явилась выражением чисто внутренней ее инерции, последовательным результатом только одного ее собственного закономерного развития. Дело имеет такой вид, точно в известных стадиях этого развития обнаруживается действие какого-то отклоняющего и направляющего фактора. Без его вмешательства все движение получило бы иной вид.

Здесь мы можем только иллюстрировать эту мысль* несколькими соображениями.

Например, в искусстве отчуждение действия и обездушение деятеля можно отчасти рассматривать, как результат последовательного развития приемов изображения жизни в форме тропов. Троп является приемом изображения одного ряда предметов и отношений с помощью другого ряда. Искусство заботится о свежести и красноречивости тропов. Его движение вперед невозможно без создания новых и новых тропов взамен старых, изнашивающихся от привычного употребления. И вот, искусство наших дней, по крайней мере, в лице некоторых своих представителей, ощущает потребность в новых тропах для изображения жизни. Тропы, заимствованные из области живого, кажутся некоторым уже не говорящими, немymi. Чтобы они вновь заговорили, нужно брать их из области «мертвого».

Андреевский Иуда, сходный с камнем, гулко катящимся с горы, — и есть такой оживший троп из «мертвого» материала. Геометризованные фигуры Пикассо — новый способ заставить нас думать о живой прелести человеческого тела на языке «мертвых» форм. Другими способами некоторые художники нашего времени не умеют выразить своего впечатления от жизни.

Если войти в дальнейшие подробности, можно еще точнее определить род и степень той внутренней необходимости, с какою в искусстве наших дней проникла эта манера представления живого посредством мертвого.

Например, творчество Андреева позволительно рассматривать — и это делалось не раз, — как продолжение и развитие некоторых художественных задач Достоевского. Углубленный анализ перипетий духовной жизни, наиболее сложных, противоречивых и мучительных — такую тему оставил Достоевский в наследство своим преемникам. Чтобы по-

¹⁾ См., напр., отзывы исследователей разных направлений в журнале «Печать и Революция», 1924, кн. V.

двинуться вперед в разработке этой темы, последним нужно было показать глубины душевной жизни с новых сторон. Достоевский сделал привычными и, следовательно, неговорящими приемы живописания жизни психологизированными тропами. Следовало распсихологизировать их. Настала пора, чтобы о душе заговорили камни.

Нечто*аналогичное относится и к Пикассо. Он складывался художнически в обстановке торжествующего импрессионизма. В конце концов, изобразительные приемы импрессионистов сделались банальными. Переливающиеся, расплывчатые мазки перестали выражать определенность форм. Чтобы снова увидеть последние, нужно было возродить мужественную, энергичную манеру моделирования. Но при этом нельзя было возвращаться к приемам до-импрессионистического периода. Жизнь, изображенная в духе вылощенных форм Энгра и Курбе, предстала бы застывшей в заколдованном сне. Нужны были новые приемы, новый чекан. В лице Пикассо кубизм нашел его в языке геометризованных форм.

Так или приблизительно так (дело было, конечно, сложнее) можно представить себе внутреннее развитие, приведшее к приемам отчуждения действия и обездушения деятеля в искусстве наших дней. Мы не настаиваем на конкретном содержании этих соображений. Важно не оно, а метод рассуждения. Он сводит искусство к серии приемов изображения и видит развитие искусства в смене этих приемов.

Допустим, что вышесказанное верно намечает генезис приема отчуждения действия в искусстве. Но возникший таким путем прием был, ведь, не необходимостью, а только одной из возможностей. Освежение средств изображения жизни включением в их число языка «мертвых» форм было самою крайнею, наиболее экстравагантною среди этих возможностей. Между нею и манерой психологизирующего изображения жизни лежало бесчисленное множество приемов промежуточных. Эти последние, более или менее одухотворяющие жизнь, были наиболее вероятными. Потому что в них очевиднее, яснее сквозила живая плоть, чем через непрозрачные одежды из камня. Ими и должно было пользоваться большинство художников. Язык же «мертвых» форм, как наименее вероятный, мог бы — как все маловероятное — остаться нереализованною возможностью. Если она все-таки осуществилась, нужны были для этого какие-то благоприятствующие, содействующие условия побочного характера. Ими и определился выбор и переход к бытию маловероятной манеры изображения.

Что это были за условия? Очевидно, они из числа тех, которые вообще могут влиять на выбор изобразительных средств. Всякое средство подбирается в соответствии с целью, которой оно служит. Такою целью в искусстве являются оценки, практические суждения о жизни и мире. Художественное произведение — или всякая его относительно самостоятельная часть — как бы двуслойно: на поверхности — изображение, под ним — оценка, которую оно подсказывает. Поэтому мало сказать, что искусство — троп: оно — троп, скрывающий и выражающий оценку. Иногда он больше скрывает, чем выражает ее. И

при восприятии тоже нередко случается, что мы схватываем один из моментов в ущерб другому: то троп, то оценку. Но в искусстве всегда есть оба. При том именно оценкой и обусловлено то направление, в каком ищут изобразительный прием.

Так и в данном случае. Редкий изобразительный прием, хотя и лежавший на путях развития средств изображения, каким является прием отчуждения действия, был как бы выхвачен из ряда маловероятных возможностей и осуществлен в действительности,—потому, что нашлась оценка, для выражения которой потребовался именно этот прием.

Чтобы вскрыть эту оценку, приведем пример для сравнения. У Пушкина читаем:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жен и дев блестит одна.

Здесь тоже троп, и вместе с тем—с его помощью—оценка. Это очевидно. Так и в наших случаях отчуждения действия в искусстве. Отрывая в своем изображении действие от деятеля и представляя последнего безжизненным автоматом или голой схемой, лишенной элементов внутреннего своеобразия, художник не только изображает жизнь: он и оценивает, судит ее—и осуждает. Даже больше. Он не столько изображает, сколько осуждает. Баба Апрося, как автомат выполняющая механические процессы вместо живых действий; Христос, перебрасываемый как кукла и ведущий себя куклой; женщины Пикассо, бессмысленно глядящие на нас из-за груды геометрических форм, под которыми похоронил их живописец: все это—не столько образы, сколько вердикты, приговоры над человеком. В один голос художники, занимающие нас, говорят нам: вот каков видимый нами человек и достойная нам его деятельность—и вот чего стоит этот человек-машина, эти действия, выполняемые им автоматически и бессмысленно.

Искусство всегда есть суд над человеком, даже над всей жизнью, над миром в целом. Но есть суд и суд. Есть суд исправительный и суд просто карательный. Так и в искусстве. Одни художники осуждают, чтобы воскресить и благословить подсудимую жизнь. Они говорят ей: вот ты какова—иди и стань другой! Когда мы видим леди Макбет: дошедшую в своих преступлениях и страданиях до сознания:

Что пользы нам желать и все желать?
Где ж тот покой, венец желаний жарких?
Не лучше ли в могиле тихо спать,
Чем жить среди души волнений жалких.—

мы чувствуем, что в лице преступника жизнь все-таки оправдана. Другие художники осуждают, чтобы покарать, и только покарать. Они как бы говорят жизни: вот ты какова—и то тебе по заслугам! Так поступает, напр., Эврипид по отношению к Фезде (в «Ипполите»). Уходя из жизни с мыслью:

Пускай же я отвергнуто умру,—
Но смерть моя погубит и другого,—

она возбуждает в нас впечатление, что художник обрек ее смерти безусловной. В ее лице он только покарал жизнь, не озарив ее даже искрою очищения, отняв у нее всякую возможность возрождения.

Художники, интересующие нас,—в последнем роде. Они осуждают жизнь на смертную казнь. Их своеобразие заключается лишь в том, что они умерщвляют своих героев и убивают их действия, механизмируя первых и отчуждая от живых лиц—вторые. Смертная казнь посредством отчуждения действия: вот их вердикт. Перед лицом смерти, унесшей партнера в карточной игре, герои Андреева думают только о том, что покойный не узнает о бывшем у него большом шлеме, и о том—где же они возьмут теперь четвертого игрока. Чугунного своего мастера Краггса Замятин преследует неутомимо, делая его то смешным, то гнусным, то жалким, и не давая нам заметить хотя бы вспышки человеческой и человечной жизни в этом «монументике». Каменнобразный «Барыба» того же автора, механически-заведенные герои Сологуба, миллиардер и прочие персонажи Кайзера из его «Коралла» и других пьес—все они проходят перед нами, умерщвленные, с механическими гримасами вместо страдания, не возбуждая и тени сочувствия и сострадания—точно бы речь шла не о живом.

Почему эти художники судят так и м образом? Мы никогда не поймем этого, оставаясь только в пределах искусства. Оно придает оценкам художественную форму, конкретизируя и усиливая их. Но оно заимствует их готовыми из обширного резервуара социальной практики, создающей потребность в оценках и, в противоборстве интересов, страстей, побед и поражений дающей сменяющиеся ответы на эту потребность. Очевидно, где-то в недрах социального бытия возникает в наше время необходимость трактовать действия, как процессы, а деятелей, как машины. Необходимость, повидимому, не очень развитая, а, напротив—локализованная, сосредоточенная. И в числе прочих форм выражения эта необходимость пользуется искусством, которое умеет придать особую яркость и чистоту оценкам, циркулирующим смешанно в нашей общественной атмосфере. В свою очередь и сама эта необходимость подбирает себе среди различных возможностей художественного изображения ту манеру, которая лучше всего, отчетливее всего ее выражает.

Очевидно, та же общественная потребность в отчуждении действия влияет направляющим образом и на философию наших дней, занимающуюся проблемой чужой одушевленности, чтобы разрешить ее в духе методического скептицизма.

В самом деле. Пробуя разобраться в той философской обстановке и традиции, на путях которой философы обратились в конце прошлого века к этой проблеме, мы найдем, что это, в общем, среда и традиция субъективного идеализма. Почти вся философия второй половины XIX века была проникнута им. В разных видах и формах, аргументируя то принципами теории познания Канта, то данными физиологии органов чувств, то примерами из истории наук, естественных и общественных, европейские философы внушали себе и другим убеждение, что, объективно, внешний мир нам не дан, что мы замкнуты в рамках нашего сознания, что мы, вольно или невольно, сами строим мир из явлений этого сознания, и что, наконец, этот мир только «может быть» и только «отчасти» похож на объективный мир, у врат которого мы бьемся, бессильные в него проникнуть.

Прямым и необходимым следствием отсюда был солипсизм, т. е. учение, что на верное, заведомым образом существую только я один, все же прочее—только мои представления, вольные и невольные. Философия второй половины XIX века на деле и кружила около солипсизма, стараясь смягчить его, усложнить или, по возможности, его преодолеть.

Все мыслители конца прошлого и начала текущего века, занимавшиеся проблемой чужой одушевленности, в большей или меньшей степени стояли на почве субъективного идеализма. Следовательно, и для них в обязательной перспективе существовал солипсизм.

Но—странное дело! Солипсизм, последовательно проводимый, исключает даже и возможность постановки проблемы чужой одушевленности—в том смысле, в каком она ставится в последние десятилетия. Вспомним, что для этой проблемы обязательны две предпосылки, все равно—высказываемые или только предполагаемые: признание объективного бытия внешнего мира и допущение, что в нем заведомо существуют материальные тела особого рода—организмы. В нашей проблеме речь идет о том, должно ли приписывать последним также и одушевленность, или можно без этого обойтись. С этими предпосылками и, следовательно, вопросом, основанным на них, решительно несогласим солипсизм, утверждающий, что вне меня нельзя доказать никакого объективного существования, не только духовного, но и материального.

Итак, уже одна постановка проблемы чужой одушевленности мыслителями нашего времени, стоявшими и стоящими на почве субъективного идеализма, более или менее выдержанного и последовательного, представляет решительное отклонение от возможной линии развития на путях субъективного идеализма. Признание объективного существования материального мира, включая и организмы, является ударом в лицо любой редакции субъективно-идеалистической философии, раз это признание соединяется с сомнениями в существовании чужой одушевленности.

Эта резкая непоследовательность, с точки зрения субъективного идеализма ставящая вещи на голову, была отмечена уже в литературе.

В оживленной полемике, вызванной у нас выступлением Введенского с типической работой о чужой одушевленности, один из его критиков, Э. Радлов, заметил, что, исходя из принципов критической философии, Введенский должен был бы усомниться в объективном бытии всего внешнего мира, а не только одушевленных существ в нем: материальный мир не более несомненен для критика, чем духовный. И Радлов предлагал рассуждать не просто о чужой одушевленности, а о бытии всего внешнего мира, стремясь доказать его объективность¹⁾.

Совет пропал попусту. Кто заинтересовывался проблемой одушевленности в смысле, установленном нами, для того вопрос о бытии всего внешнего мира заслонялся и заменялся вопросом о существовании мира одушевленного в рамках несомненно существующего материального мира.

Откуда эта непоследовательность? Почему идеалист, вероятно, незаметно для себя самого, признавал несомненным материальное бытие, в котором он должен был усомниться в первую очередь, и сомневался в бытии духовном, во всяком случае более бесспорном с точки зрения идеализма? Для этого отклонения мы должны допустить отклоняющее влияние. Мы обязаны предположить, что вне философии, из которой исходили наши мыслители, существовал какой-то убеждающий, внушающий фактор, располагавший к пониманию жизни в духе отчужденного действия и обездушенного деятеля. Что-то в обыденной социальной обстановке, действуя вопреки школьной философии, заставляло оценивать познаваемость материального мира выше бытия духовного. По образу и подобию первого, без внимания ко второму, это «мирское», не школьно-ортодоксальное влияние рекомендовало воспринимать и описывать жизнь вообще и человеческую—в частности.

Мы встретимся с этим влиянием, обратившись и к попыткам «отчуждающего» трактования жизни в науке.

Можно представить себе несколько оснований, толкавших психологию в сторону «объективизма» и лежавших при этом в существе дела, на линии внутреннего развития этой науки. Прежде всего, это—принципиальная трудность психологического исследования. Она, действительно, очень велика. Всякое психическое явление имеет тройкую характеристику. Оно играет роль в судьбах и функциях организма. Оно концентрирует в себе, затем, закономерности и влияния социальной среды. Наконец, в каждом психическом явлении заключено определенное и осмысленное отношение к предметам объективного мира. Эти характеристики, притом, как бы вливаются друг в друга: Как функция организма, психическое явление участвует в социальных отношениях. Как средоточие и узел последних, оно вступает в связь с объективным миром. Все это обуславливает страшную сложность психической жизни. Исследователи невольно стремятся упростить ее, и отсюда возникают многочисленные ошибки, компрометирующие психологию. Начиная с середины XIX века, наиболее употребительным и компрометирующим

1) Статья „Неудачный метафизик“ в „Вестнике Европы“ за 1893 г.

было «упрощение», суживавшее психику до роли биологической функции организма. В результате, вместо психологии получалась испорченная физиология. Все эти рассуждения об «ощущениях» и «ассоциациях», о «способностях» и «центрах» гораздо больше относятся к физиологии, чем к психологии, но и в физиологии они требуют серьезнейшей критики и очистки. Такое плачевное состояние господствующей психологии второй половины XIX века возбуждало и возбуждает во многих законную неудовлетворенность. Не было недостатка и в предложениях реформы. Одной из самых естественных и популярных попыток такой реформы должна была сделаться та, которая советовала перестроить психологию по образцу естествознания. И поскольку господствующая психология уже сбивалась на испорченную физиологию, естественнонаучная реформа психологии могла стремиться к превращению ее в настоящую, доброкачественную физиологию. Но, во-первых, это не было единственным путем преобразования психологии. На ряду с такою реформой, приводившей к «объективной психологии», были возможны и фактически осуществлялись и другие. А затем, и это самое главное, «преобразование» психологии, сводившее ее «просто» к физиологии, никак не лежало на путях развития психологии: ведь при этом получалась «психология без психики», т. е. никакая психология. Бывает и такое «развитие», но «естественным», но внутренним и автономным его назвать, конечно, нельзя. Оно требует насильственного вмешательства какого-то постороннего фактора. Нельзя ли усмотреть последний в том, что рассматриваемая реформа выполнялась физиологами? Не могли ли они задуть психологию из одной любви к физиологии?

Едва ли. Целый ряд сторонников «объективной психологии» не являются физиологами: таковы, напр., американские бихевиористы. Таков и Арнхарт, один из родоначальников всего движения, психолог и педагог по специальности. А, с другой стороны, немало физиологов и биологов, вовсе не одобряющих позиции объективной психологии. Мы называли выше ряд натуралистов, стоящих на этой точке зрения. Список этот можно было бы увеличить без труда.

Очевидно, «фактор», убивающий психологию во славу физиологии, лежит не просто в сфере последней. Он только пользуется селвкой на физиологию, пользуется и самими физиологами, как глашатаями, проводящими идеологию, от которой собственно физиология ничего выиграть не может.

В этой идеологии мы узнаем ту же пренебрежительную оценку психической стороны жизни, которая, циркулируя в общественной среде наших десятилетий, побуждает некоторых художников изображать мертвые процессы вместо действий и механические куклы вместо людей. Та же оценка сворачивает с пути философов-идеалистов, заставляя их подменивать проблему солипсизма только проблемой чужой одушевленности.

Наконец, чтобы покончить с обзором явлений, физиономию которой придает тот же «фактор», остановимся в нескольких словах на

генеалогии социально-отчужденного действия в науке и философии. Из кратких соображений о происхождении формализма в литературоведении мы знаем, что, несмотря на древние корни этого движения, оно не явилось логически-последовательным шагом в развитии этой науки. Из преимущественного, даже исключительного интереса к форме в искусстве никак не следует утверждение, что эта форма не стоит ни в какой причинной связи с жизнью, индивидуальной или социальной—все равно. Здесь мы имеем скачок, из тех, которые на гимнастическом языке называют *salto mortale*—смертельно опасными. Такие скачки вовсе не находятся на линии «нормального», внутреннего развития науки. Побуждением к их совершению служат посторонние толчки—вроде того, как для отклонения кометы с ее орбиты нужны возмущающие влияния других тел. Без подобного внешнего влияния мы не поймем и того, как, развивая принципы неокантианской философии, Коген пришел к учению о миротворящем действии без всякого деятеля. Ведь вся кантовская философия исходит из понятия о субъекте («коперниканское деяние» Канта) и лишь приходит к объекту. Как бы ни толковать природу этого основоположного субъекта, суживая его до пределов нашего личного я или расширяя до того, что оно совпадает с «родовым сознанием», даже с богом, нельзя «внутренним» путем дойти до упразднения действующего субъекта, как это сделал Коген. Правда, от той концепции субъекта, при которой он сводится к идеально-мыслимой противоположности всякого объекта («гносеологический субъект»), до идей Когена—один шаг, потому что остается лишь объявить субъект только другим названием для «единства культурной деятельности». Но этот шаг должен быть совершен над бездной, по ту сторону которой обрывается все, приведшее к этой бездне по сю сторону. Такой прыжок требует особого толчка из сферы, лежащей вне закономерного, внутреннего развития кантианства.

Так везде—в искусстве, в философии, в науке—«отчуждающая» идеология получается в результате направляющего влияния одного и того же фактора, каким является пренебрежительная оценка выразительной, духовной стороны жизни, циркулирующая в общественной среде не широкой, но пронизывающей струей. В итоге, живые действия, отторгаясь от осмысливающей их связи с действующим субъектом, становятся невыразительными процессами, а сам субъект превращается в машину, куклу или бессодержательную схему живого существа.

ГЛАВА VII.

Перед нами прошел ряд примеров отчуждения действия и умерщвления деятеля, осуществляющихся в плоскости идеологической, в сфере изображения и толкования жизни.

Но этой «теории» соответствует и своя «практика». «Идеи» существуют бок о бок с «бытием». Хотя последнее отстоялось в духе отчуждения только ко второй половине XIX века и начала нашего, мы проследим становление явления издаека. Таким путем мы лучше осветим его смысл и корни.

Хозяйственное «бытие» нового времени, интересующее нас здесь, является капиталистическим—в разных системах и стадиях, последовательно проходимых. Непосредственно ему предшествовала ремесленная система, которая, как все более вытесняемое переживание, долго сопутствовала и первоначальным стадиям его развития. В этой ремесленной системе нас занимает здесь не столько то, что при ней производитель, ремесленник, является собственником средств и орудий производства. Это важно и для нас, но не само по себе, а тем, что на основе такого отношения к орудиям производства ремесленник организует производственный процесс в соответствии со своими собственными интересами, привычками, вкусами, навыками и знаниями. Работает ли он непосредственно на себя или—как правило—на заказчика, он сам задается тою, а не другою производственной задачей, сам придумывает или путем личного общения перенимает и выполняет операции, необходимые для достижения данной цели. По выражению Зомбарта, его «техника» носит «эмпирически органический» характер. Она основана на личном опыте ремесленника, на приемах, усвоенных эмпирически, осязательно, и представляет собою применение его индивидуальных, органических данных к той или другой работе. Конечно, личный опыт ремесленника питается традицией, довольно устойчивой, малоподвижной, но, усваивая эту традицию, он придает ей каждый раз индивидуальный, своеобразный характер. Что ни портной, то своя манера шитья, что ни кузнец—свой способ ковать или закалять железо. Разумеется, ремесленник не работает голыми руками. У него уже есть порядочное количество орудий. Но они являются еще довольно близким и наглядным продолжением, дополнением его органов и тесно к ним приспособлены. Вот почему, как говорит тот же Зомбарт, продукт ремесленного производства есть «верное выражение личности своего творца». «Ему есть что порассказать о радостях и горестях своего создателя»¹⁾. Еще больше, конечно, связан с ремесленником процесс производства этого продукта, являющийся тем каналом, через который своеобразие ремесленника переливается в своеобразие его изделия. Между производителем и действием здесь есть та внутренняя связь, которая одухотворяет действие, делая его единством психического выражения и механического осуществления. Ремесленное действие—насквозь выразительный процесс. Здесь очень трудно отделить «внутреннее», субъективное от «внешнего», объективного. И недаром ретроспективные утописты, вроде Карлейля, Рескина и Морриса, превозносили ремесленное производство, как образец одухотворенной работы, делающей труд личным делом работника.

Но вот в ремесленную систему производства начинает вторгаться, все более превозмогая ее, капиталистическое производство.

Простейшую форму последнего, с которой мы здесь начнем (хотя, вообще, она не самая простая), Маркс назвал гетерогенною

¹⁾ Характеристику ремесленного производства см., напр., у Зомбарта: „Der moderne Kapitalismus“, 3 изд., т. I, полутом I, 1919, стр. 192 в след., 200 в след. Отсюда взяты и приведенные слова Зомбарта.

мануфактурою. Под руководством предпринимателя несколько ремесленников соединяются вместе таким образом, что каждый из них изготовляет целиком весь продукт и каждый делает при этом то же, что и любой другой (простое или сегментарное разделение труда). В этой стадии капиталистического производства отдельный работник связан с выполняемым им делом почти так же, как самостоятельный ремесленник—со своим производством. Он проделывает свою работу, руководствуясь своим умением и вкусами. В этой мере она попрежнему носит отпечаток его личности, являясь ее выражением. Но уже появляются некоторые ограничения связи работы с производителем. Не сам он выбирает себе рабочую цель,—ему ее навязывает хозяин. Не сам он устанавливает, когда эта цель может считаться достигнутой,—это определяет хозяин. Не он один регулирует темп своей работы,—ему приходится сообразовываться с ее темпом у товарищей, и это согласование выполняет опять хозяин. Все это можно резюмировать словами Маркса: «Функции управления, наблюдения и гармонизации делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным»¹⁾. И ровно на сумму этих функций, переходящих к предпринимателю, труд мануфактурного рабочего становится беднее связями с его личностью. Ровно настолько этот труд делается для него чужим,—вот где появляется оттенок отчужденности действия от производителя, вот где замутняется его выразительный характер, и оно начинает обнаруживать относительную независимость от внутреннего мира работника. Еще слабо и мало заметно возникает в нем акцент внешности, и уже предчувствуется возможность противопоставления его, как чего-то «объективного»—субъективному миру производителя.

Но здесь есть и еще одна сторона. Рабочим, от которых начинает внутренне отдаляться трудовое действие, противостоит хозяин, к которому переходят указанные руководящие функции. Но хозяин, в данном случае является представителем и заместителем общества. Организуя совместную работу ремесленников и управляя ею, он вносит в нее момент социальности, он содействует ее обобществлению. Допустив, что это произошло бы без его участия, мы увидели бы, что вышеупомянутые «функции управления, наблюдения и гармонизации», отделившись от единичного работника, перешли бы к их коллективу, работающему на началах кооперации. И тогда каждый из них, в меру своего участия в коллективном несении этих функций, почувствовал бы их возвращенными себе, через коллектив, и его работа снова прониклась бы тем, что она потеряла, снова ощутилась бы сполна, как «своя». Но, фактически, в гетерогенной мануфактуре обобществление работы происходит при участии предпринимателя. Не коллективу работающих достаются «функции управления, наблюдения и гармонизации», а именно хозяину-капита-

¹⁾ „Капитал“. т. I, пер. под. ред. В. Базарова и И. Степанова, 1923, стр. 245.

листу. Благодаря этому они уж не возвратятся к непосредственному производителю, ибо не станут и достоянием коллектива, данной общественной организации. Отдаляясь от единичного рабочего, труд его, лишенный указанных функций, в такой же мере отдаляется и от рабочего коллектива. Становясь индивидуальным отчужденным, труд делается одновременно отчужденным и социально: это — две стороны одного и того же процесса.

Гетерогенная мануфактура переходит обычно в мануфактуру, которую Маркс называет «органической». Здесь рабочие выполняют совместно разные, частичные функции при изготовлении одного, общего всем, изделия, и, вместо прежнего простого разделения труда, господствует сложное, «органическое». Что касается отдельного рабочего в такой мануфактуре, то «привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с решительностью отдельной части машины»¹⁾. Действия, выполняемые таким рабочим, все еще останутся в значительной внутренней связи с ним. Выделявая какую-нибудь часть всего изделия, он работает посвоему — в пределах этой частичной работы. Еще очень многое в механизме этой работы зависит от его вкуса, ловкости и искусства. И в меру этого он накладывает на нее печать своей личности, выражает в нее свое внутреннее своеобразие. Но во многих других отношениях он уже не в состоянии делать это. Задача, темп работы, ее направление и согласование с работой в мастерской — целиком в руках хозяина. «Духовные потенции (движущие силы) производства, — говорит Маркс, — на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции, материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и поработавшая их сила»²⁾. Труд, остающийся на долю рабочего, теряя эти «духовные потенции», все более становится только «материальным процессом производства». Иначе говоря, он все более отчуждается от работника, противопоставляясь его внутреннему миру, как нечто относительно внешнее.

Создание органической мануфактуры, деляя рабочих зависимее друг от друга на основе сложного разделения труда между ними, знаменует шаг вперед в обобществлении их труда. Но и здесь обобществляется только то, чего не захватывает в свои руки капиталист, т. е. обобществляется труд, все более лишаящийся тех «духовных потенций», которые переходят к капиталу. Эти «потенции» так же мало принадлежат рабочей ассоциации, как и отдель-

1) Маркс, цит. соч., т. I, стр. 261.

2) Маркс, цит. там же, стр. 270—271. *Курсив наш.*

ному работнику, и потому, взятый с общественной стороны, труд мануфактурных рабочих так же отчужден от тех потенций, как отчужден он в индивидуальном аспекте. И здесь отчуждение действия одновременно носит и социальный, и личный характер.

Дальнейший этап в увеличении отчужденности действия от производителя обнаруживается в период введения машинной системы производства. Как известно, оно происходит начиная со второй половины XVIII века (в Англии), но упрочившимся, окончательно созревшим его можно считать не ранее середины XIX века. Дело в том, что точный расчет при построении и употреблении машин мог начаться не раньше, чем были формулированы основные физические законы, касающиеся работы. Из них закон сохранения энергии был установлен в общей форме только в конце 40-х годов XIX века, а так называемое второе начало, термодинамически очень важное для теории паровой машины и только намеченное в 1824 году, получило первоначальную редакцию только между концом 40-х и началом 50-х годов. И лишь после этого настала действительная эра машинного производства.

Работая теперь с помощью машины, не являющейся уже простым продолжением органов человеческого тела, а их заменой, производитель выполняет ряд действий, еще менее прежнего связанных с ним внутренне. «В мануфактуре и ремесле, — указывает Маркс, — рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему, как живые придатки»¹⁾. Разница, действительно, существенная. Труд мануфактурного рабочего, при всей своей значительной отчужденности от работника, состоит из действий, хотя бы отчасти выполняемых в связи с индивидуальностью, привычками, манерой рабочего. Фабрично-заводской рабочий должен почти отказаться и от этого. Машину невозможно приспособить к его индивидуальности. Она работает безлично, однообразно и автоматически. Обслуживая ее, рабочий, вольно или невольно, должен выработать умение к столь же безличным, однообразным, монотонно-автоматическим операциям. В этом смысле его труд подвергается новому обездушиванию, новой машинизации. Можно, правда, и при машине выполнять действия, символизирующие, что не мы ей служим, а она нам. Но для этого нужно владеть ею, а не быть «приставленным» к ней другим владельцем, сохраняющим за собою все «духовные потенции», необходимые для управления машиной, и рабочему предоставляющим почти один «материальный процесс» ухода и обслуживания. Благодаря этому, работа в условиях капиталистического производства ведет к почти полному отчуждению действия от непосредственного производителя, и опять, конечно, это отчужденное действие является таковым в обоих

1) Маркс, цит. соч., т. I, стр. 319.

аспектах—и в личном, и в общественном: причины этого указаны выше, не будем их повторять снова.

Как ни далеко продвинулось в машинном производстве отчужденные действия от деятеля, индивидуального и социального сразу, все-таки деятель еще кое-чем внутренне связан и здесь со своей работой. Связь эта поддерживается лишь одной тонкой нитью, но нить эта еще не порвана. Труд рабочего еще одухотворен и субъективно осмыслен хотя бы на ту небольшую дробь, которая выражается для него возможностью выбрать ту, а не другую манеру механического обслуживания машин. Этот выбор предоставляется еще усмотрению рабочего. И почти только в нем и сказывается еще связь трудовых процессов с внутренним миром рабочего. Но как слава уже эта связь, и как мы далеки при ней от того единства «внутреннего» и «внешнего», каким характеризуется ремесленная работа. Здесь перед нами почти одно «внешнее», которое почти не требует «внутреннего» мира рабочего для своего осуществления, а от наблюдателя—для своего понимания.

Все это было уже фактом во второй половине XIX века, когда хозяева машинного производства начали находить недостатком даже и ту небольшую долю «духовных потенций», которые требовались еще от рабочих, а потому им и предоставлялись предпринимателями. В конце века была начата и в XX веке развита попытка освободить труд рабочих даже и от этого микроскопического остатка «духовных потенций» и сделать его максимально чуждым производителю, а следовательно—и обществу. По имени своего инициатора, американского инженера Тэйлора, эти попытки называются системой Тэйлора.

Последний начал заниматься этим вопросом практически еще в 1880—1882 годах. С первым печатным изложением результатов своих опытов он выступил в 1895 году. Окончательное завершение предложенная им система получила в 1911 году, когда появилась его книга: «Принципы научной организации предприятия». Тем временем, отчасти в связи с идеями и практикой Тэйлора, отчасти независимо от них, возникла огромная литература о «научной организации труда».

Не находя никакой надобности входить в изложение тэйлоризма, к тому же ставшего теперь общеизвестным, мы подчеркнем в нем лишь те стороны, которые имеют отношение к нашему предмету.

Одним из главных недостатков системы производства, принятой до него, Тэйлор считал то, что в ней «почти вся работа» и большая часть ответственности за нее возлагалась на рабочего. «Вся умственная работа при старой системе,—писал он,—выполнялась рабочим и была результатом его личного опыта»¹⁾. Тэйлор безмерно преувеличивал. На деле уже труд фабрично-заводского рабочего 60—70-х годов XIX века был «освобожден» от большей части элементов «умственной работы». Небольшой их остаток выражался только в возможности не-

¹⁾ Здесь и далее цитаты берем из основного труда Тэйлора в немецком переводе: „Die Grundsätze wissenschaftlicher Betriebsführung“. 1917, стр. 39 и 40.

которого (весьма ограниченного) выбора приемов обслуживания машины. В практике и теории тэйлоризма не должно быть и этой доли умственной работы, духовных потенций, достаточно уже микроскопической. «В новой системе,—указывает Тэйлор,—работа и ответственность распределяются почти равномерно между управлением и рабочими. Управление берет на себя все работы, к которым оно приспособлено лучше рабочих...»¹⁾. «При новой системе,—говорит он еще,—умственная работа необходимым образом выполняется управлением в соответствии с научно-установленными законами»²⁾. «Новое и великое в этой системе,—подтверждает и тэйлорист Коллин-Росс,—это принципиальное проведение той основы, которая заключена во всех этих (нами не приводимых. Т. Р.), мелочах. Это—полное отграничение умственного труда от физического...»³⁾. «Умственный труд,—читаем мы у талантливейшего из преемников Тэйлора, Джильберта,—организуется совершенно обособленно, и рабочему вовсе не предоставляется выбор метода работы...»⁴⁾.

Соответственно всему этому мы и видим на одном из тэйлоризированных предприятий в Америке, что «распорядитель работой заботится о том, чтобы для каждой работы была приготовлена инструкционная карточка, где бы точно было написано, что делать и как делать, какие инструменты нужны и в какое время должна быть выполнена каждая работа. В обязанность распорядителя входит также следить за сроком, выставленным в листке успешности, и заботиться о том, чтобы каждый рабочий процесс и начинался и кончался в определенное время...»⁵⁾. Инструктированный таким образом рабочий связан по рукам и ногам. Для предупреждения его попыток как-нибудь освоить и индивидуализировать выполняемую им работу, его подстерегает замаскированный штраф. А на случай, что он не побоится убытка, над ним учрежден строгий надзор и сложное (тройное) руководство⁶⁾. И в то время, как рабочие, а в значительной мере и служащие поставлены, таким образом, в необходимость выполнять действия, связанные с их внутренним миром, чисто внешним образом, есть в предприятии лицо, в котором сосредоточены все «духовные потенции» производства,—управляющий, «единственное должностное лицо на фабрике, обыденная деятельность которого не регулируется определенными правилами: его рабочая сила используется для решения вопросов, от которых зависит судьба предприятия»⁷⁾.

Конечно, в тэйлоризированных предприятиях работают все еще живые, одушевленные люди. И действия их не могут не быть одушевлен-

¹⁾ Taylor, стр. 39.

²⁾ Taylor, стр. 40.

³⁾ Предисловие Коллин-Росса к книге Джильберта „Азбука научной организации труда“. 1924 г., стр. 14—15.

⁴⁾ Джильберт, назв. соч., стр. 62.

⁵⁾ Друрри-Витте. „История и критика ПОТ в Америке“. русск. пер., 1924, стр. 115.

⁶⁾ Друрри-Витте, стр. 116.

⁷⁾ Seubert. „Aus der Praxis des Taylor-System“. 4 изд., 1920 г., стр. 36.

ными. Но все направлено к тому, чтобы сделать эти действия живыми только абстрактно, «вообще». Все ведет к их отрыву от конкретного, индивидуального человека. И, поскольку эти действия, рассматриваемые со стороны организационной, имеют характер обобществленного труда,—и этот последний, за извлечением из него руководящих, организующих функций, является социальным только вообще, социальным только по общей форме, лишенной духовного, осмысливающего содержания, присвоенного себе предпринимателем или лицом, его заменяющим. Так действие и в индивидуальном, и в социальном отношении достигает в тэйлоризированном производстве максимальной отчужденности от конкретного производителя. Оно противостоит внутреннему миру последнего, как нечто, совершенно внешнее. Мало и того. Согласованное с теми духовными потенциями, которые перешли целиком к предпринимателю, это внешнее действие даже не намекает на внутренний мир производителя. Поведение рабочего, как рабочего, ничего не говорит об его душевной жизни,—не говорит даже о том, что она у него есть. Ибо если она и есть, между нею и поведением рабочего нет никакой конкретной связи. «Душа» его труда живет не в нем, а в предпринимателе; и если рассматривать рабочего сквозь его обездушенные, отчужденные действия, нельзя увидеть в нем никакой собственной души. Он предстанет только, как аппарат для выполнения известных операций, и вместо того, чтобы усмотреть в нем организм, мы увидим только механизм.

Критики и апологеты тэйлоризма вполне сходятся на том, что он стремится превратить рабочего в бездушную машину. Ленин, один из непримиримейших противников тэйлоризма, давно указал на это. «Система Тэйлора — порабощение человека машиной», — озаглавлена одна из его статей¹⁾. В том же духе судят и позднейшие критики. Американский исследователь тэйлоризма Хокси так формулирует отношение самих заинтересованных рабочих к этой системе. «Научное управление в ее духе обрекает рабочего на монотонную рутину; стремится подавить его мысль, инициативу, чувство активности и радость труда; умаляет и вовсе подавляет его интеллект, стремится разрушить его индивидуальность и изобретательность»²⁾. Того же мнения и Фрей, один из профессиональных деятелей в Америке: «Когда прогресс этот (тэйлоризация предприятий. Т. Р.) закончится, то рабочий уже ни, в чем не будет являться профессионалом. Тогда он будет просто живым инструментом, живой машиной предпринимателя...»³⁾. «В этой системе, — вторит и Лян, французский ее исследователь, — рабочий рассматривается только, как один из винтиков промышленного механизма. Если он хорошо обучен и вышколен, он представляет из себя вполне пригодную к употреблению машину...»⁴⁾. И русский критик тэйлоризма.

1) „Сочинения“, т. XII, ч. 2, стр. 406 (ср. там же, стр. 51).

2) R. Hoxie, „Scientific management and labor“, 1920, стр. 17.

3) Фрей и Бреслауэр. „Система Тэйлора и рабочий класс“, 1924, стр. 70-71.

4) Ж. Лян, „Система Тэйлора и физиология труда“, русск. пер., 1924, стр. 34.

Ерманский, усматривает в нем «стремление эксплуатировать живого человека тем же способом, как и бездушную машину или станок»¹⁾.

Сторонники тэйлоризма не только не отрицают этого, — они этим хвалятся. У Тэйлора был грузчик Шмидт, которого он инструктировал так: «Вот, если вы, действительно, человек первого сорта, вы будете делать завтра и каждый день то, что вам скажет этот человек (инструктор. Т. Р.). Если он велит — поднимите болванку и идите, — вы поднимаете и пойдете. Если он скажет — садитесь и отдыхайте, — вы усаживаетесь. И так — весь день. И что бы там ни было, — не противоречить. Человек первого сорта, — тот, кто делает, что ему приказывают, и не противоречит. Вы понимаете меня? Если вот этот человек скажет вам — идите, — вы пойдете, а если он прикажет — садитесь, — вы сядете, — и ни слова»²⁾. У Джилберта мы читаем: «Научная организация труда заставляет рабочих работать с точностью машины... Какое дело... рабочему — машина ли он, или нет. Предприятие обучает его, а он зарабатывает больше, чем прежде. Это для него главное»³⁾. Друри же уверяет, что система Тэйлора больше других систем «подходит к современному, мало самолюбивому и не слишком интеллигентному рабочему. Огромная масса рабочих до сих пор нуждается в проворливых вожжах»⁴⁾. Один из этих «вождей», знаменитый Форд, на предприятиях которого заведен особый, своеобразный тэйлоризм, объясняет нам гораздо вернее, кто в ком тут нуждается: «Теперь мы располагаем не свыше 5% основательно обученных формовщиков и литейщиков; остальные 95% — необученные или, правильнее говоря, они должны научиться только одному движению, которое может постигнуть самый глупый человек в два дня»⁵⁾. Что такой спрос на «самых глупых» создает и соответствующее предложение, показывает тот же Форд на примере одного из своих рабочих, входящего в число 95%. «Одна из самых тупых функций на нашей фабрике состоит в том, что человек берет стальным крючком прибор, болтает им в бочке с маслом и кладет его в корзину рядом с собой. Движение всегда одинаково. Он находит прибор всегда на том же месте, делает всегда то же число взбалтываний и бросает его снова на старое место. Ему не нужно для этого ни мускульной силы, ни интеллигентности. Он занят только тем, что тихоноcko двигает руками взад и вперед, так как стальной крючок очень легок. Несмотря на это, человек восемь долгих лет остается на том же посту. Он так хорошо поместил свои сбережения, что теперь обладает состоянием около 40.000 долларов и упорно противится всякой попытке дать ему другую работу»⁶⁾.

Смысл процесса, прослеженного нами, состоит в том, что, с развитием капитализма, трудовое действие все более

1) Ерманский, „Научная организация труда и производства и система Тэйлора“, стр. 211.

2) Taylor, стр. 48-49.

3) Джилберт, цит. соч., стр. 62-63.

4) Друри Витте, цит. соч., стр. 181.

5) Форд, „Моя жизнь. Мои достижения“, 1924, стр. 127.

6) Форд, наив. соч., 152-153.

теряет связь с внутренним миром индивидуума, как единоличного, так и коллективного. Оно становится отчужденным и в единоличном, и в социальном отношении. И если затем посмотреть сквозь ткань таких действий на их непосредственного производителя, он неизбежно явится только механизмом, выполняющим обездушенные процессы. За личиной этих последних исчезает образ одушевленного индивидуума,—вернее: он стремится исчезнуть для стороннего наблюдателя и, прежде всего, для предпринимателя. Сам индивидуум продолжает ощущать себя, свою «самость», но и он только внешне может поставить ее в связь со своим трудовым поведением. Оно не исходит из него, а только исполняется им по чужому замыслу, плану и назначению. В конце концов, поместив себя мысленно в свои действия, и он тоже воспримет себя, не как живой их источник, а как пассивный, заводной механизм.

Этот смысл прослеженного нами явления, к сожалению, легко может быть усвоен ошибочно и представлен в превратном виде.

Не сводится ли отчуждение действия к общеизвестным результатам социального разделения труда? Тэйлор и его единомышленники были и остаются убежденными в этом. С их точки зрения все дело в том, чтобы распределить производство между специалистами: одним—всего умственный труд, другим—только физический. Ничего нового тэйлористы этим не говорят. Со времен Адама Смита, обратившего впервые особое внимание на общественное разделение труда, апологеты капитализма не перестают повторять, что всякий прогресс в хозяйстве основан на возрастающем разделении труда. Последнее упорно представляется ими как разделение чисто технического, профессионального. Другого они не видят. И они отождествляют разделение труда между сапожником и портным—с разделением труда между предпринимателем и рабочим. Но это разные вещи. Первое явление, действительно, носит технический, профессиональный характер. Шитье обуви и шитье одежды—технически разные операции, притом они разные только технически. Экономически, социально они однородны. Если сапожник и портной—ремесленники, они одинаково владеют орудиями производства, одинаково получают за свои изделия «полную» их цену и т. д. Если они оба рабочие, они пользуются чужими орудиями производства, получают от хозяина заработную плату, составляющую только часть полной цены, и пр. Между предпринимателем и рабочим тоже существует своеобразное разделение труда,—но не только техническое, но и социальное, основанное на том, что первый владеет орудиями производства, а второй продает ему свой труд, откуда вытекает возможность для предпринимателя регулировать в своих интересах труд рабочего. Из этого-то социального разделения труда и вытекает, в конечном счете, явление отчуждения действия от рабочего, благодаря особому регулирующему вмешательству предпринимателя в производственный процесс. Но не получилось бы такого отчуждения действия, не будь этого

социального разделения труда. Могло бы установиться самое подробное техническое разделение труда. Оно, конечно, потребовало бы какого-нибудь регулирования сверху. В пользу руководящей верхушки пришлось бы, вероятно, поступиться вкусами и произволом отдельных лиц. Но так как эта верхушка была бы только организационной, технической и так как она была бы представительницей тех же отдельных лиц, взятых в совокупности, то, повинаясь ей, они повиновались бы себе же. Отчужденное от них в порядке индивидуальном, их поведение возвращалось бы к ним же в порядке социальном¹⁾. Но отчуждение, абсолютное и бесповоротное, появляется, как только руководящая верхушка из чисто технической превращается в особую экономическую группу. В ней отдельные производители, у которых она отняла орудия производства, чтобы использовать их своекорыстно, уже не могут видеть своих представителей. Эта группа—капиталисты; производители противостоят ей, как наемные рабочие,—и дальше все разыгрывается с необходимостью в направлении того отчуждения действия, которое мы охарактеризовали в его последовательном развитии.

Говоря о нем, мы указывали, что оно пошло особенно быстрым темпом с введением машинного производства. Путем обратного рассуждения можно прийти к ложному выводу, что, не будь последнего, не было бы и отчуждения действия. Отсюда иногда заключают, что если рабочий при машинном производстве и страдает, становясь чужим своему делу, это неизбежно, раз мы хотим иметь такое производство. Это рассуждение ошибочно в корне. Верно только то, что механизация производства ускорила процесс отчуждения действия, дав несколько новых поводов для развития этого процесса. Но ведь он, мы видели, начался еще до введения машин, еще в мануфактурный период. Следовательно, не машина лежит в его основе. Она только помогла ему развиваться. Но это случилось не потому, что такковы зловерные свойства машины. Сами по себе машины совершенно безобидны. Все зависит от их социального употребления. Ведь машина не делает же предпринимателя механизмом. Напротив, благодаря ей он удаляется от возможности и необходимости самому играть роль машины. Это потому, что он распоряжается машиной. Иначе обстоит дело с рабочим. Он представляется, по выражению Маркса, только живым придатком машины. Он не распоряжается ею, а только «ходит» за нею, обслуживает ее, являясь вместе с нею предметом распоряжения со стороны предпринимателя. И если, благодаря этому, действия рабочего все более удаляются от связи с его внутренним миром, в этом виновата не машина, а социальное обусловленное отношение рабочего к ней. Таким образом, из необходимости машины еще не вытекает отчуждения действия. Ссылка на эту необходимость в данном случае—только способ замаскировать истинную причину явления, но-

¹⁾ Следовательно, отчуждение действия, но ослабленное и почти обезвреженное, неизбежно и при социалистическом производстве. Я должен сделать это замечание под влиянием одного из моих критиков.

сящего чисто социальный характер. Вот почему так наивны были мечты Рескина и других ретроспективных утопистов, воображавших, что отказ от машины вернет нас к связи производителя с производством. Эта связь нарушена не машиной и восстановить ее можно не машинным бунтом, а преодолением того строя, при котором машина становится орудием пеработления человека и отчуждения его действий, вместо того, чтобы содействовать освобождению первого и одухотворению вторых.

Сторонники тэйлоризма и их единомышленники пытаются еще замаскировать действительный смысл явлений отчуждения указанием на то, что в истории производства происходит постепенная и последовательная замена индивидуальных, субъективных приемов работы более и более безличными, объективными. Ремесленник, рассуждают они, техника которого носила органически-эмпирический характер, не знал еще наиболее рациональных, самых целесообразных трудовых приемов. Он работал так, как ему было удобно, недостаточно приспособляясь к объективным свойствам материала, к объективным возможностям орудий производства и т. д. В конце концов, он получал бесконечно меньше того, что мог бы получать. Секрет большого успеха заключался в умении повиноваться законам природы и техники, а не собственным субъективным вкусам. Повинуясь природе, мы научаемся действительно распоряжаться ею. Движение, последним словом которого является тэйлоризм, требует соблюдения именно этого правила, давно формулированного Ф. Бэконом. Чего добивается тэйлоризм? Того — продолжают защитники тэйлоризма — чтобы руководство производством основывалось на точно познанных законах природы. Но рабочий, неспособный понять и усвоить их надлежащим образом, тем самым теряет возможность судить о наилучших способах производства и управлять им. Эта функция неизбежно переходит к администрации. Рабочему только и остается машинальный труд по указаниям объективно-ориентированной администрации. Таким образом — можно было бы возразить нам — в истории капиталистического производства происходит не отчуждение действия от производителя, а только возрастающая объективизация действия, т. е. проникновение его все более и более объективными моментами. Производство теряет связь с лицами, чтобы приобрести более тесную связь с вещами.

В этих соображениях опять упущено самое существенное, именно — смысл процесса. Верно, что с течением времени общественный человек научается господствовать над природой, привыкая повиноваться ее законам. Верно и то, что при этом он освобождает свои трудовые действия от случайной связи со своими личными особенностями, т. е. от связи, не имеющей отношения к цели действия, к объективному составу ожидаемого эффекта. Некогда требовалось очень много «личного» искусства, чтобы зажечь огонь. Теперь всякий делает это «безлично» посредством спичек. Это потому, что к законам получения огня вовсе не относилось непременно личное искусство, с каким дикарь сверлил одну деревяшку другою. Этот эффект можно получить также иными путями, не требующими особого личного усилия. Эволюция состояла в

том, что процесс добывания огня постепенно освободился от случайных связей с личностью того или другого производителя. Но это не значит, что этот процесс потерял всякую связь с общественным человеком, выступающим в роли такого производителя. Ведь огонь зажигается только тогда, когда это нужно последнему, и для цели, которую себе ставит этот же производитель и т. д., — разве это не выражает связи действия с деятелем? И никакая рационализация, объективизация производства, сама по себе, не способна порвать этой связи между действием и общественным человеком, как производителем этого действия.

Но предположим, что этот общественный человек вследствие экономической (не технической) дифференциации разделился, раздвоился на хозяина и наемного рабочего. Допустим, что первый присвоил себе функции постановки трудовых задач, их регулирования во времени, в числе, в качестве и т. д., предоставив рабочему машинальное повиновение не только объективным законам природы, но и ему, хозяину, который, ставя рабочему цели, отнимает у него возможность выдвигать их с своей стороны. Допустим, что рабочий при этом не знает и не может знать, зачем он делает то-то и то-то, таким-то и таким-то образом, до каких пор ему это делать и в каком количестве, — допустим, одним словом, что необходимая личная связь производителя с действием «отчуждена» капиталистом в свою пользу и все «духовные потенции» производства перенесены с рабочего на хозяина, — и мы найдем, что у рабочего наступит не простой процесс проникновения труда объективными моментами, а совершенно особый процесс отчуждения этого труда от всякой связи с внутренним миром рабочего. И попытка подменить понятие о последнем процессе понятием о первом представится нам, как способ затемнить истинное положение дела и, заменив глубокий социальный вопрос — вопросом технологическим, молчаливо устранить первый бесспорными рассуждениями о неизбежном решении второго. Это — софизм, вольный или невольный — все равно. Однажды вскрытый, он не может помешать установлению того, что явление отчуждения действия есть факт несомненный, который невозможно смешивать с какими бы то ни было другими.

Возвратимся же к непосредственному рассмотрению этого факта.

Т. Райнов

(Окончание следует).

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЕМОКРИТА¹⁾.

Основная идея философского материализма состоит в том, что материя есть объективная реальность, существующая вне нашего сознания. Эта идея целиком была развита и обоснована Демокритом. Само наше сознание, все наши ощущения и восприятия суть продукты определенного видоизменения материи. Материя есть единственная действительность, подлинно существующая, и материальный процесс есть единственный процесс, лежащий в основе всех других естественных процессов жизни. Материя, как философская категория, не может устареть, как не может устареть борьба идеализма и материализма в истории философии. Основная идея философского материализма Демокрита является неразрывною частью диалектического материализма.

Но за два тысячелетия развитие науки шагнуло вперед настолько, что многие из высказанных Демокритом мнений, конечно, могут показаться нам наивными до смешного. Теперь мы знаем многое из того, чего не знал Демокрит, и нам доступны такие орудия наблюдения (спектроскоп, микроскоп, телескоп), которые были неизвестны Демокриту. Следовательно, это вполне понятно, что понимание материи должно изменяться — развиваться и усовершенствоваться с тем, чтобы полнее и правильнее схватить природу материи. Что же остается неизменным в материи? В материи остается неизменным ее свойство быть объективной реальностью вне нас, данной в наших ощущениях и существующей независимо от них; в этом состоит философское понятие материи. Но материя как бы меняет свою природу, потому что мы постоянно приближаемся к познанию ее, постоянно углубляемся в нее, и такие понятия, как атом, электрон, эфир суть не что иное, как вехи, пределы нашего приближения к познанию материи; в этом состоит научное понятие материи.

Особенность философии Демокрита состоит в том, что специальные проблемы теории материи, геологии, физики, психологии истории, и даже логики в ней значительно преобладают над «натурфилософией».

Материя есть все, вселенная, бесконечная полнота (πληθύνει ὅν²⁾). Это — бытие в непосредственном собственном смысле (χωρῶς). Как всеохватывающая полнота мира, оно не может быть единым (ἕν).

¹⁾ Сокращенное изложение двух глав из книги о Демокрите.

²⁾ Arist. de gen. et. corr. A 325 a 24.

потому что, если бы оно было едино, не было бы разнообразия явлений, существующего в природе¹⁾. Между тем, в природе существует движение и множественность вещей. Следовательно,²⁾ в основе всей природы вещей, вселенной, лежит материя, которая состоит из бесчисленного множества мельчайших частиц, находящихся в вечном движении и разделенных между собою пустыми пространствами. Вследствие их мельчайших размеров эти материальные частицы невидимы и в силу своей материальности неделимы («неделимый» по гречески — «атом»).³⁾ Атом сам по себе, один, не существует. Один атом еще не создает того, что называется материей. Если даже представить себе один атом, то он или должен быть бесконечно великим, вне которого ничего нет, и тогда невозможно объяснить ни изменения, ни движения, — или же он должен быть вневременным и внепространственным существом, которое выступило бы в роли прежнего «бога». Атом создает то, что называется «материей», только благодаря пустому пространству, в котором он находится. Пустота есть основное условие движения атома⁴⁾. Стоит допустить бесконечное множество движущихся в пустоте атомов, как объясняется «все». вся «вселенная», и наблюдениям нашего ежедневного опыта, наших восприятий, ощущений, впечатлений, более ничто не противоречит в наших суждениях⁵⁾.

Но и пустота не есть нечто безусловное, самостоятельное и независимое от атомов, подчиненное иным законам, чем они. И в каком деле, ведь пустота существует не менее реально, чем атомы⁶⁾, и, когда атомы носятся в пустоте, то и пустота существует только потому, что в ней носятся атомы. Ничего абсолютно пустого, в смысле бестелесного, не существует⁷⁾. Если бы мы даже умственно представили абсолютную пустоту, она или должна быть бесконечно великой, потому что, раз все пусто, ведь нет ничего, что могло бы заключать ее или находиться вне ее, и тогда невозможно объяснить ни изменения, ни движения, — или же она должна быть абсолютно бестелесным «духом», заменяющим прежнее божество. Это нелепо, потому что ничего из ничего не возникает и в ничто ничего не переходит⁸⁾. Пустота становится носительницей жизни только благодаря тому, что она есть основное условие движения⁹⁾. Когда вы смотрите в огромную темную пропасть и вы не видите дна, вам кажется, что пустота вас тянет. Атомы не «смотрят», но они охвачены пустотою, и они летят.

Демокрит тут же дает философское объяснение своему исходному тезису. Пустота и атомы — это небытие и бытие, τὸ ὄν, τὸ δὲ—οὐκ ὄν. Их неразрывная связанность — это единство небытия и бытия. Ни-

¹⁾ Ib. A 8 325 b met. Z 13. 1039 a 9.

²⁾ Arist. de coelo Γ 4. 303 a 4.

³⁾ Simpl. de coelo p. 242, 15.

⁴⁾ Arist. phys. Θ 9 265 b 24.

⁵⁾ Arist. de gen. et corr. A 8 325 a 23.

⁶⁾ Arist. de gen., et corr. 325a 23 cp. Diels. FVS², 344, 25.

⁷⁾ Arist. de coelo A 7 275 b 29.

⁸⁾ Diog. L. IX, 44.

⁹⁾ Arist. phys. 6.213b.

чего из ничего не происходит и ничего не переходит в ничто.—это значит: нечто ($\tau\acute{o} \delta\epsilon\upsilon\upsilon$) происходит только из ничего и в ничто переходит нечто. Нечто существует не менее реально, чем бытие¹⁾. потому что небытие имеет и положительное значение: оно имеет определенную природу и свое особенное основание ($\phi\upsilon\sigma\iota\upsilon\tau\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma\ \iota\delta\iota\alpha\iota$). Атомы и пустота—причины всего существующего, но чтобы стать ими, атомы нуждаются еще в пустоте, т.-е. в своем «отрицании»²⁾, а пустота в атомах. Противоречие между бытием и небытием порождает все существующее. Такова исходная мысль Демокрита. Аристотель не понял философской основы демокритовского материализма и отождествил атом с плотным, а пустоту с разреженным³⁾. Что Аристотель неправ, видно уже из того, что Демокрит для характеристики «небытия» употребляет два термина — «ничто» и «бесконечность». Всякое бытие для него есть нечто конечное и постольку существующее, поскольку конечное в самом себе переходит в бесконечное; как пустота есть отрицание атома, так атом есть выражение предела, а пустота есть беспредельность. Интересно, что бесконечное Демокрит рассматривал как непрерывное ($\sigma\upsilon\upsilon\gamma\chi\eta\varsigma$ ⁴⁾), но такое непрерывное, которое, как мы сейчас увидим, осуществляется в прерывных мировых системах.

Итак, в действительности существуют только атомы и пустота⁵⁾. Вместе с атомами дана пустота, а с пустотою даны и атомы. Это элементы материи⁶⁾, не сущность вещей, но элементы. Материя есть неразрывное единство атомов и пустоты. Каждая частица материи содержит и то и другое⁷⁾. В этом смысле материя действительно едина, потому что существует только одна материя, как лежащая в основании вещей «сущность» ($\tau\acute{\iota}\nu\ \delta\pi\omicron\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\upsilon\tau\eta\ \theta\upsilon\sigma\iota\alpha$) бытия в подлинном «собственном» смысле ($\chi\alpha\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\varsigma$). Но оставаясь одною и тою же во всем и всюду, материя, как единство атомов и пустоты, бесконечно разнообразится благодаря движению ее составных частей. Движение составных элементов происходит вечно⁸⁾, поэтому материя — вечно подвижна⁹⁾: атомам в пустоте движение присуще так же, как и твердость, как материальность, но в то же время материя неподвижна, потому что, раз все есть материя, то вне материи ничего нет, куда бы она могла передвинуться, т.-е. нет такой пустоты, которая была бы выше атомов, существовала бы независимо от них, как некоторая божественная воля, «толкнувшая» материю первый раз и сообщившая ей первое движение. Это значит, что и среди атомов нет ни одного,

1) Plut. adv. Colot. 4 p. 1109.

2) Them. par. Arist. phys. VI, 8.

3) Arist. met. I 4. 985 b.

4) Arist. phys. 203a 19.

5) Gallen de medic. empir. fr. ed. Schoene (1901) 1259, 8. Sext. Empir. adv. math. VII, 135.

6) T. e. $\alpha\rho\chi\iota\varsigma$ στοιχε\iota\alpha.

7) Arist. met. 1009a.

8) Arist. metaph. A 6.1071b31.

9) $\alpha\epsilon\iota\kappa\iota\upsilon\eta\tau\omicron\varsigma$. Herm. irris. 12 (Dox. Diels 654) $\alpha\epsilon\iota\ \kappa\iota\upsilon\omicron\mu\epsilon\upsilon\mu\epsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$. Simpl. ph. s. 28. I (Dox. 483).

который не был бы подчинен тем же естественным законам, каким подчинены остальные атомы. Если каждый из них испытывает воздействия другого, то среди них нет ни одного, который только оказывал бы сам действия и не испытывал их на себе. Возможность иной силы, чем атомов и пустоты, исключена. Следовательно, сама материя атомов и пустоты несет в себе начало жизни, силы, движения. Спрашивать, что является причиной движения или силой, преобразующей материю в мир реальный и полный содержания, бессмысленно уже потому, что так, как теперь совершаются в природе явления, все совершалось и раньше и так совершалось всегда¹⁾. Материя есть все, вселенная, всеобъемлющая полнота именно потому, что она существовала всегда ($\alpha\epsilon\iota$). О том же, что существует «всегда», нельзя спрашивать «начала» или «причины»²⁾. То, что материя существует всегда, есть ее неотъемлемое свойство, и поэтому, по справедливому выражению Маркса, «спрашивать о причине, превращающей атом в принцип, — вопрос, очевидно, лишенный смысла для того, для кого атом есть причина всего, следовательно, сам не имеет причины».

Итак, материя есть единство атомов и пустоты, «полного» и пустого. Так как все есть материя, то атомы—бесконечное множество ($\alpha\pi\epsilon\iota\rho\alpha\ \tau\acute{o}\ \pi\lambda\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$), а пустота—бесконечно велика по величине ($\alpha\pi\epsilon\iota\rho\omicron\nu\ \tau\acute{o}\ \mu\epsilon\gamma\epsilon\theta\epsilon\iota$). Следовательно, материя, из которой произошла вся вселенная, бесконечна ($\alpha\pi\epsilon\iota\rho\alpha\ \tau\grave{\alpha}\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ ³⁾). Итак, материя подвижна вечно ($\alpha\epsilon\iota\kappa\iota\upsilon\eta\tau\omicron\varsigma$): бесконечное множество атомов движется в бесконечной пустоте.

Чтобы представить себе все характерные особенности этого движения и я,—его направление, его скорость, его замедление и ускорение,—надо вспомнить, где оно происходит. Оно происходит в пустоте и притом бесконечной. В бесконечной по величине пустоте нет, конечно, ни низа, ни верха. Поэтому говорить, что атомы падают или движутся вниз, бессмысленно⁴⁾. В бесконечной по величине пустоте нет, конечно, ни середины, ни края, и говорить, что они вращаются вокруг центра или движутся горизонтально, также не имеет смысла. Поэтому Демокрит не говорит ни об одном из этих направлений⁵⁾. Для него бессмысленно спрашивать о направлении движения так же, как и о причине движения атомов. Движение атомов в пустоте, бесконечной по своей величине и обуславливающей собою движение, не может иметь места ни одно из направлений, известных нам на земле, где направление движения и его скорость определяются совершенно иными причинами. Представить, в каком направлении и с какою скоростью движутся атомы в пустоте также трудно, как трудно нам видеть глазами атомы. Было бы смешно не соглашаться с этим только потому, что на земле, у нас, движение возможно или от собственной тяжести, или от толчка

1) Arist. met. A 6.107b31.

2) Alt. 118,3 (Dox. Diels 316) Arist. met. I 4-985b. ($\pi\acute{\omega}\varsigma\ \eta\ \theta\epsilon\upsilon\omicron\upsilon$).

3) Arist. phys. θ 1.252a32 $\tau\acute{o}\ \delta\epsilon\ \alpha\epsilon\iota\ \sigma\upsilon\chi\ \alpha\iota\omega\iota\ \alpha\rho\chi\eta\upsilon\ \epsilon\gamma\gamma\epsilon\iota\upsilon$.

4) Simplic. de coelo 300a.

5) Arist. met. I 4.985b.

другого тела, а между тем нет ни того, ни другого в бесконечном.

Поэтому в действительности, не имея ни одного из известных нам направлений, движение атомов и по скорости и по линии направления может бесконечно меняться. Один и тот же атом может двигаться в любом направлении, «всячески», *παντοδαπός*, потому что в бесконечной пустоте нет причины, которая заставила бы атом двигаться так, а не иначе: ведь это самое движение есть причина всего. Но отсутствие одного определенного направления означает то, что движение столь же естественно для атомов, сколь и необходимо, а бесконечное множество движущихся атомов предполагает бесконечное множество направлений. Таким образом, если единство пустоты и атомов обусловливало собою движение атомов, то движение атомов становится носителем бесконечного разнообразия явлений. Многокрасочная трепещущая полнота мира реального и живого происходит от того, что бесконечное множество материальных частиц движется в бесконечно различных направлениях. Следовательно, атомы различаются по тому, как они движутся. А так как атомы, как материальные частицы, различаются по величине, положению и форме, то и форма, и величина, и положение атома зависят от того, как он движется, — т. е. в каком направлении и с какою скоростью он движется.

Люди, туго соображающие и неспособные мыслить абстрактно, еще при жизни Демокрита могли думать об атомах только по аналогии с твердыми видимыми нами на земле телами¹⁾, а так как последние, если брать тела из одинакового вещества, различаются по величине (и след., по весу), по форме и по положению, то они перенесли все эти различия и на атомы. Между тем, в действительности, не падающие вниз атомы не имеют тяжести²⁾, потому что в бесконечном пространстве каждый атом является центром и не может падать вниз, и вся эта бесконечная совокупность «равновесящих» (*ισορροπῶν*) атомов-семян находится в равновесии³⁾.

Но и о величине и формах атомов нельзя говорить в том смысле, в каком мы говорим обычно о величине видимых тел. Величина и фигура мельчайших материальных частиц, несущихся в бесконечной пустоте, неразрывно связаны с их непрерывным движением. Форма атома заключена в «форме» его движения. В ней же заключена его величина. Это и понятно, потому что неподвижных атомов нет. Для того, чтобы выразить эти совершенно своеобразные различия недоступных нашему зрению атомов, Демокрит вводит новые термины — *ῥυθμός*, *διαίτησις* и *τροπή*, которые потом объяснились в словарях, как термины абдеритского происхождения и значения⁴⁾. Демокрит хотел сказать этим следующее.

1) Науп, Arist. de coelo III, 4 303a, 8.306b.

2) Act. 126 (Dox. 311).

3) Act. III 15.7 (Dox. 330).

4) Suida ῥυθμός ср. Mullach Dem. Op. Fr. 132.

Атомы различаются прежде всего по «ритму» движения. Движение атома имеет определенную «скорость» («такт» — «меру» — «соразмерность» — «стройность» — «фигуру» — *ῥυθμός*) или «стремительность» («натиск» — «силу» — *ῥέω*, корень *ῥ*), которая как бы в самом «течении» или «потоке» (*ῥοαίς*¹⁾) образует определенную линию или «русло» (*ῥέϊλον*). Это «русло» материальной среды и есть наружный вид, т. е. в данном случае «ритм» (*ῥυθμός*) движения или ритм атома (так как движение невозможно без атома и атом не бывает без движения). Ритм атома и есть его форма (*σχήμα*²⁾). Бесконечное множество атомов наделено бесконечным разнообразием форм³⁾, из которых каждая вечно изменяется (*ἀεὶ μετατρέμεῖν*⁴⁾) в силу непрерывного движения, именно, меняет или направление, или положение, или последовательность между другими, и в то же время материя, как единство атомов и пустоты, остается неизменной (*ἀναλλοίωτα*⁵⁾) — неуничтожаемой и невозникаемой (*ὑνεσίς; δὲ καὶ ψιθράς αὖ τρωίως*). Противоречие, лежащее в основе строения материи, как единства атомов и пустоты, повторяется, таким образом, в каждой из ее составных — материальных — частиц.

Затем, атомы различаются «направлением» движения. Движение меняет «положение» атомов, а бесконечное разнообразие в направлениях движения бесконечно разнообразит атомы и в этом отношении. Атомы «поворачиваются» (*τρέπω*) в разные стороны, повинувшись направлению и силе движения, и тем самым «изменяются» (*τρέπω*). Движущиеся атомы различаются по своим «поворотам» (*τροπή*), т. е. направлениям⁶⁾. Так как атомов бесконечное множество, то каждый из них находится в неразрывном отношении к другому: пустота, обуславливая собою движение, обуславливает все их соприкосновения (*διαίτησις*). Существует бесконечное множество способов прикосновений, потому что материя «внутри себя» «устроена» (*διαίτηγίω*) так, что ни одна ее частица не сочетается с другою так, как сочетаются все остальные: частицы вечно движутся, и поэтому вечно меняется форма их взаимного соприкосновения. Форма взаимного соприкосновения и есть «расположение» (или «порядок» — «строй» — *τάξις*) атомов. Это третье основное свойство атомов, которым они отличаются друг от друга. Но и здесь надо твердо помнить, что, говоря о «формах взаимного соприкосновения», меньше всего мы должны думать по аналогии с видимыми земными предметами. «Соприкосновений» в том виде, в каком окружающие нас предметы соприкасаются между собою, в мире атомов не существует. Правильнее было бы сказать, что атомы друг друга никогда не касаются. Отграниченность, замкнутость атома уже дана в пустоте, его охватывающей. Чтобы, так сказать, осязать, «почувствовать»

1) Arist. de anima. A. 2404a.

2) Philop. de anima p. 68.3 (Diels. FVS². 344.13).

3) Simpl. phys. 28.4 (Dox. 483).

4) Термин, подчеркивающий, что всякое изменение сводится к движению. См. Diog. L. IX, 47 (tit.) и Hesych. lesic. s. v.

5) Diog. L. IX. 44.

6) Arist. met. 985b4.

свои границы, осязая себя конечной материальной частицей, атому вовсе не нужно входить в соприкосновение с другим атомом. Даже толчки и столкновения нескольких атомов происходят не в результате непосредственного воздействия друг на друга, а, так сказать, на некотором, хотя и бесконечно малом, расстоянии. Нам трудно понять, как это может происходить в действительности, потому что бесконечно малая частица материи, в которой движутся атомы и пустота, недоступна нашему зрению. Вот почему, говоря о «формах взаимного соприкосновения», надо иметь в виду форму последовательности, порядка между атомами. И если в дальнейшем мы будем говорить о соединениях, раз'единениях и сцеплениях атомов, то надо иметь в виду, что речь идет лишь о разных формах последовательности в движении атомов, а не о формах непосредственного телесного касания.

Отсюда ясно, что составные элементы материи, пустота и атомы, лишены (*χωρίζε*) качеств и в этом смысле тождественны (*ταὐτὸ ὄν*) и неизменны (*ἀταλλοίωτα*). Материя есть количество, ее составные элементы входят в количественные сочетания (*κατὰ δὲ τὸ ποσόν*) и определяются чисто количественными свойствами. Но в то же время из количественного строения материи—из соединения и раз'единения атомов—благодаря бесконечному разнообразию атомов в формах взаимного соприкосновения, в ритме и в поворотах, образуется качественное разнообразие окружающего нас мира. Каким же образом количество переходит в качество? Каким же образом эта бесконечная вечно подвижная, словно волнующееся море, и вечно равновесящая, словно невесомая ткань, сама себя охватывающая, лежащая в основе всего существующего, всюду полная и всюду пустая материя может стать причиной всего этого видимого и ощущаемого нами обилия цветов и звуков, разнообразия зрительных впечатлений, вкусов и запахов, наших страхов, радостей, движения солнца, луны, звезд, рождения и смерти людей? Ответить на этот вопрос, значит ответить на вопрос: как одна форма материи переходит в другую? Так из области теории строения материи мы переходим к вопросам происхождения мироздания, образования звезд, земли, появления жизни на земле и т. д.

Мир наш возник не из ничего, а из вещества, из материи. Образование мира произошло не по плану или замыслу, какого-либо божества, а в силу естественной необходимости. И тут начинается самое трудное для понимания и, на первый взгляд, быть может, фантастическое, хотя и логически безупречное.

Материя, единая и бесконечно множественная, пустая и бесконечно полная, вдруг раскалывается на «куски», разрывается в силу того, что бесконечность материальной массы и, следовательно, непрерывность этой материальной массы внутренне состояла из неделимых частиц, т.-е. была прерывной. Другими словами, непрерывность, т.-е. бесконечность, материальной массы была количественного характера, а не качественного. Бесконечное разнообразие атомов во всех указанных выше отношениях создавало благоприятные

условия для неравномерного распределения атомов в материальной среде. Неравномерное распределение атомов в бесконечной материальной среде создает, в свою очередь, преобладание одних форм, т.-е. ритмов, и одних направлений в одном «месте» и других форм или «ритмов» и других направлений в другом «месте». Но если мы говорим о «местах» различного движения в бесконечной среде, то процесс неравномерного скопления атомов в бесконечной среде не может остановиться: он вечно длится, постепенно развивая не только своеобразные формы и законы движения атомов в одном «месте», но и тяготение самой пустоты к атомам данного определенного места. От неравномерного распределения атомов меняются не только атомы, но и те бесконечно малые промежутки пустого пространства, которые все время находятся между ними и заставляют их двигаться.

Но как же может меняться пустота от движущихся в ней атомов? Пустота становится «чувствительной» к определенным формам движения, его ритму, его направлениям, благодаря тому, что вместе с определенным распределением атомов определенным образом группируются различные ритмы движения.—ведь атом и есть движение, ведь его нет вне движения,—а так как пустота есть основное условие движения, то, очевидно, должно быть изменено и условие движения, если в данном «месте» изменены ритм движения, его направление, сила, формы взаимного «соприкосновения». Если бы, например, атом из «места» (или «области» — «сферы» — «местности» — *χωρῶν*), где господствуют одни формы движения, попал в «местность», где господствуют другие формы движения, то он устремился бы обратно в «свою» «местность» (*χωρῶν*). Ясно, что такое понимание рисует материальную среду, как бесконечное место (*τόπος*),¹⁾ которое готово распасться от неужившихся вместе атомных масс различного распределения. Различное (*διαφέρων*) в вечно движущейся массе и есть враждебное («спорное» — «несогласное» — *δι' ἄφορον*), и «враждующие» области разрывают бесконечное на части (куски — *τομῆ*).

Когда количественное скопление атомов, т.-е. другими словами, группирование определенных форм движения образует в определенных местах «центры», вокруг которых начинают группироваться однородные по ритму движения атомы, то пустота теряет свое первоначальное значение основного условия движения в о б щ е и «заражается», «смешивается» с массой бесконечно малых атомов настолько, что придает различным «местностям» качественное значение, именно, значение единства, цельного неделимого в этом смысле куска: но раз это так, то он не мыслим без первоначальной «чистой» («настоящей» — «несмешанной» — *εἰληκτικῆς*) и «великой» (*μέγας*) пустоты. «Рождение» жизни, возникновение, начало образования мира поэтому могло быть лишь тогда, когда возникла бы вновь прежняя пустота. Это и происходит в тот момент, когда бесконечная материя разрывается на части, т.-е. когда атомные массы «частей»

1. de coelo p. 294. 33 Dfels, FVS² p. 359. 10.

как бы сами «отрезают» себя (*ἀποτέμνω*) от (*ἀπό!*) бесконечного (*τῷ ἀλείρου*): в этот момент сразу возникает между «отрезками» (*ἀποτέμνη*) пустота, и в (*εἰς!*) эту великую (*μέγας*) чистую, несмешанную ни с чем (*εἰλιχρινή!*) пустоту «отрезки» проваливаются. «оттекают», как говорит Демокрит, впадают, устремляются. но, в тот же момент оказавшись в пустоте, сейчас же само собою начинают двигаться, атомы в них еще теснее собираются вместе (*ἀθροισθῆναι*), отделяются (*ἀποκρίσθηναι*) от всеобъемлющей пустоты (*εἰ τῷ περιέχοντι*) от прежнего всеобъемлющего целого, и в силу механической необходимости принимают вращательное движение вокруг центра своего «отрезка». Так образуется «вихрь» атомов данного отрезка вокруг его центра, и этот «вихрь» есть причина возникновения нашего мира». Каждый «отрезок» носит в себе, как в зародыше, целую мировую систему, а так как «отрезок» бесконечного сам бесконечен и «отрезков» бесконечного также бесконечное множество, то возникает бесконечное множество «вихрей» или другими словами, бесконечное множество бесконечных мировых систем¹⁾.

Таким образом, новая мировая материя построена так же, как и первичная: она также подвижна, потому что «отрезки» ее движутся в пустоте непрерывно, она так же прерывна, потому что «отрезки», подобно атомам, не делимы, неразрывно связаны одним центром. Но мировая материя, в отличие от первичной, уже приносит качественные формы движения: она, например, в одном «отрезке» создает одно время, а в другом — другое, в одном «отрезке» — одни пространственные измерения, в другом — другие. Но выяснить, почему и какие качественные формы движения возникают на каждом «отрезке», и, значит, выяснить, как образуется земля, откуда появляются звезды, растения, люди... История постепенного, длящегося множество тысячелетий процесса механического преобразования «отрезка» из движущегося скопления атомов в мировую систему начинается образованием земли и всех небесных тел.

Итак, «разрыв» бесконечной материи происходит сразу. Она вдруг обламывается и в образовавшуюся пустоту падают «обломки» (выражение Лукреция) или «отрезки» (выражение Демокрита) в виде вихреобразно движущихся атомных масс, уже имеющих свой центр. Как только «отрыв» совершился, сейчас же меняется движение атомов. Из неопределенного множества форм движения выступает прежде всего одна — именно, вращательная, т. е. прежде всего можно установить, что атомы принимают участие в движении всего «отрезка». В самом деле, вихреобразное движение «отрезка» может быть только движением атомов вокруг центра данного отрезка. Кругообразное движение атомов, возникшее вместе с отрывом от бесконечной материи, есть, таким образом, одна форма движения, которая выделяется из неопределенного множества форм, присущих атомам в первоначальной бесконечной пустоте. В то же самое

¹⁾ Diog. L. X. 88 IX. 31. Simpl. phys. 327, 14 Diog. L. IX, 44 Hippol. refut. I 13 (Dox. 563) ref. I 12 (Dox. 564) см. eme Diels FVS², 383, 18 (περὶ οὐρανοῦ).

время прежняя неопределенная множественность пространственных измерений становится более определенной и даже определимой нашими употребляемыми нами на земле терминами, поэтому и кругообразное движение атомов удается определить более точным образом в пространстве. Какое же измерение пространства появляется прежде всего в «отрезке»? Так как «отрезков», несущихся в новую пустоту, бесконечно много, то все движение атомов можно охарактеризовать, как происходящие «внутри» данного отрезка. «Внутреннее и внешнее» — вот два основные измерения пространства, которые лежат в основании всей вселенной. Пространство, в котором мы находимся на земле, есть внутреннее пространство. Внешнее пространство есть все то пространство, в котором находятся и другие отрезки, другими словами, это есть «внешняя» пустота (*τὸ ἔξω κενός*), в отличие от «внутренней» пустоты (*εἰ τῷ κέντρῳ*), в которой движутся атомы данного отрезка и которая в отличие от «внешней», «чистой» (*εἰλιχρινή*) пустоты лишь более или менее «чиста», т. е. более или менее пуста (*πολύκενός*)¹⁾. Ясно, что то, что для нас является «внутренним» пространством, для обитателей других «отрезков» будет «внешним», и, таким образом, первое измерение пространства, выделяющееся из неопределенного множества их в первичной бесконечной материи, называется относительным. Мы сказали: «первое измерение». Вернее было бы сказать: не измерение пространства, а «значение пространства, как такового». И действительно, «внутреннее» можно назвать «измерением пространства» лишь в переносном смысле. Раз все в нашем мире находится во «внутреннем» пространстве, то какой имеет смысл говорить еще о «внутреннем» пространстве? Очевидно, только тот смысл, что появляется пространство, которое есть «наше» пространство, и что «вне» (*ἔξω*) нашего мира существует беспредельная пустота, в которой разбросаны бесчисленные миры (*ἀπείρους τῷ πλήθει*), т. е. бесчисленное множество различных пространств. Каждый «отрезок» характеризуется определенной системой пространственных измерений, только ему присущих и определяемых особенностями только его. Вот почему в переносном смысле можно сказать, что мировая система (*διαίτησις*), членом которой является наша земля, есть некоторое «вместилище» (*περιχώρησις*), которое обнимает («охватывает» — «вмещает в себя» — *περιέχουσα*) и землю, и звезды, и все небесные явления, и, следовательно, все протяженное в нашем мире²⁾. Но отсюда следует, что как и единичные атомы в первичной материи, так и вместилища-миры нуждаются в «пустоте», которая дает начало жизни материальному атому. И Демокрит поэтому допускает³⁾, что пустота не только в мире, но и вне мира. Он хочет этим сказать, что пространство вселенной, включающее в себя бесчисленное множество этих различных вместилищ-пространств, так же прерывно, как прерывна была материя, из которой образовалась вселенная с ее бесчисленными мирами.

¹⁾ Diog. L. X, 89.

²⁾ D. L. X, 88.

³⁾ Simpl. de coelo, p. 202, 16.

Итак, кругообразное движение атомов и протяженность внутри данного отрезка, имеющего свой центр,— вот первые следствия того, что «обрезки бесконечного» вдруг очутились в пустоте. Кругообразное движение атомов придает всему «отрезку»—или, лучше, миру, так как он теперь в зародыше уже представляет мир,— шарообразную форму (*σφαιροειδής*)¹⁾. Вращаясь, вся масса атомов увлекает за собою новые атомы, которые носятся вокруг «отрезка» после разрыва и стремятся к нему, оторвавшись от бесконечной материи. Когда в этой последней неравномерное распределение атомов создавало различные центры, вокруг которых группировались атомы определенных форм, то между этими группами должны остановиться нейтральные, не приставшие ни к одному из них атомные массы. Вращающийся «отрезок» или шарообразная мировая атомная масса увлекает эти промежуточные атомные массы за собою и тем самым увеличивает массу движущегося скопища атомов. Увеличение массы атомов, т.-е. величины всего этого вращающегося шарообразного тела, оказывает влияние на движение: те атомы, которые ближе к «краю», уже не в состоянии двигаться с той же скоростью, что и атомы, движущиеся ближе к «середине». Это и понятно, потому что увеличение массы тела вызывает его замедление, и когда весь наш шарообразный мир замедляет свое круговое движение, то замедление, в виду разнообразия форм атомов, неравномерно сказывается во всей массе: вращательное движение вокруг центра замедляется тем скорее, чем ближе к нему. Одновременно силою вращения наиболее тонкие и мелкие отбрасываются как можно дальше от центра, т.-е. двигаются по самой большой круговой линии, а наиболее тяжелые остаются вместе (*συνδέσται*) и образуют «первую сферическую систему» (*πρῶτον τι σφαιρική σφαιροειδής*). Эта «система» движется медленнее всех, пока совсем не останавливается и не начинает двигаться в одном месте вокруг самого себя. Здесь образуется вещество, из которого состоят земля и все явления природы, происходящие на земле. Таким образом земля образуется раньше других звезд²⁾. Наоборот, самые крайние атомные массы, двигающиеся по самой большой круговой линии, не перестают двигаться, так как этому способствуют не только легкость и тончайшие размеры, но и одинаковое расстояние от земли. Непрекращающееся движение крайних, т.-е. наиболее отдаленных, атомных масс постепенно развивает теплоту, которая, благодаря скорости движения, скоро превращается в огонь. На этой огненной линии, т.-е. в последней сферической системе, огненные атомные массы образуют вещество, из которого состоят звезды³⁾.

Таким образом, свет, как и пространство, зависит от того, с какою скоростью движется тело, а так как наибольшая скорость вырабатывает круглую форму атомов, то огненный свет сильнее всего испускают состоящие из тончайших круглых атомов небесные

¹⁾ Aet. II, 2, 2 (Dox. 329).

²⁾ Hippol. ref. I. 13 Diels, FVS², 360, 16.

³⁾ Diog. L. IX, 31—33.

звезды. Между первой и последней сферическими системами происходит попеременно вращательное движение атомных масс: В зависимости от скорости вращения здесь образуются различные скопления атомов, которые увлекают с собою все новые и новые атомы и в то же время не перестают отбрасывать наиболее тонкие в сторону внешнего края, как бы «просеивая» их сквозь себя (*διατρίβουσα*), и через их посредство получают от звезд сперва свет, а затем, благодаря движению, и огонь¹⁾. Эти скопления атомов воспламеняются и образуют солнце, луну и другие светящиеся небесные тела. Свет распространяется потому, что состоит из бесконечно малых атомов, движущихся по всем направлениям с огромной быстротой и поэтому имеющих круглую форму²⁾. Поток таких атомов, истекающих от звезды и солнца, никогда не прекращается. Он вечно возобновляется, потому что лучи, падающие на тела и теряющие свой блеск, не исчезают, но рассеиваются и вращаются снова, стремясь подальше от земли, вследствие своей легкости. Если же плотные тела встречаются не в конце пути, а на пути, поток световых атомов обходит их, преломляясь между ними и огибая их. Природа световых атомов такова, что они бесконечно меньше всех остальных атомов и, следовательно, охватены гораздо в большей мере пустотою, чем остальные атомы: чем больше пустоты, тем быстрее вращаются и двигаются и поэтому не поддаются ни силе тяжести, ни силе взаимного притяжения и сцепления, и быстрее, чем другие, отбрасываются в стороны силой вращения³⁾. Однако, благодаря неодинаковой скорости движения различных «сферических систем», эти бесконечно малые даже в сравнении с другими вечно движущиеся атомы распределяются внутри всей мировой системы не равномерно, но сферическими слоями различной плотности. Это и есть воздух, плотно облегающий со всех сторон землю и как бы оберегающий круговое движение небесных светил⁴⁾.

Как только «отрыв» совершился, характерные особенности атомов, становятся более определенными. Подобно тому, как из неопределенного множества форм движения атомов в структуре материи вместе с образованием «отрезка» начинает выделяться вращательное движение вокруг его центра, а из неопределенного множества пространственных измерений, заложенных в структуре материи, выделяется замкнутое пространство,— так и из неопределенного множества количественных особенностей атомов выделяются сразу все те геометрические формы тел и виды движения и т. д. и пр., которые характеризуют предметы, известные нам сейчас на земле: фигура, величина, тяжесть, толчок и т. д. Другими словами, с образованием «отрезка» в неопределенно большое множество его атомов вводится новая общая закономерность, «новый общий «ритм» движения, характеризующий данный отрезок в целом. Чтобы понять механику окружающих нас тел, мы должны быть знакомы с законами

¹⁾ Diog. L. IX, 31.

²⁾ Aet. I 18, 3 (Dox. 316) Arist. de anima A. 2, 405a 5.

³⁾ Arist. phys. Δ 6, 213a 27.

⁴⁾ Herm. irris. 12 (Diels, FVS², 346: 36). ib. 347, 35. Aet. I, 4, 3 (Dox. 289).

движения атомов, очутившихся в «самостоятельно» существующем «отрезке». Но еще важнее это знать для того, чтобы понять, как из движущегося вихря атомов «отрезка» образовались звезды, солнце, земля, луна и все явления природы и жизни.

Когда атомы, вместе с пустотой, из бесконечного пространства, где каждый из них был центром, вокруг которого носились все остальные, попадают в область, где центром является только определенная масса атомов, то они сразу попадают под влияние новой силы, которая тянет их к центру и благодаря которой они не рассыпаются в межмировом пространстве. силы тяжести ¹⁾. Отныне все атомы тяжелы и будут таковыми, по крайней мере, до тех пор, пока существует наш мир. Одни атомы тяжелее других, другие легче. Наименее тяжелыми являются атомы, составляющие огонь. Абсолютно легких тел, которые при всех обстоятельствах стремились бы вверх, не существует ²⁾. Тело поднимается вверх в том случае, если атомы, составляющие его, легче атомов, составляющих среду, в которой находится тело. Тяжелые атомы среды падают вниз и стремятся занять место, занимаемое легким телом: этим движением они дают легкому телу подняться вверх. Огонь кажется телом, почти не имеющим тяжести, только потому, что окружающая его среда гораздо тяжелее чем он, и поэтому всячески стремится занять его место и тем гонит его наверх. Можно, однако, возразить (и это возражение делает себе сам Демокрит), что нередко тонкие металлические пластинки плавают в воде, в то время как по нашему предположению, они должны идти ко дну, так как находятся в легкой среде. В ответ на это Демокрит допускает, что в воде, как и в воздухе, непрерывно движется вверх поток легчайших теплых атомов, — в воде он выступает более плотно, чем в воздухе, плоские пластинки ими поддерживаются, а узкие и острые нет, оттого последние не плавают (если, впрочем, к тому же они не легче воды). Эти теплые атомы не уплотняются в воздухе, и в воздухе они не могут поддержать металлических пластинок, в нем они движутся вверх медленнее, чем в воде, так как вода тяжелее, чем воздух, и скорее стремится вниз занять место этих теплых атомов, от чего последние быстрее поднимаются вверх. Тело тем быстрее поднимается, чем оно легче окружающей его среды и чем окружающая среда плотнее его ³⁾.

Тяжесть направляет движение вниз по отвесной линии. Все тела падают всегда по направлению к центру нашего мира ⁴⁾, т.-е. к земле ⁵⁾. Так как атомы падают не с одинаковой скоростью, тяжелые — быстро, легкие — медленно. — то они наталкиваются друг на друга и могут двигаться от толчка или вперед, или вниз, или вверх, или назад. Таким путем в различных местах могут происходить различные видоизменения первоначального стремления вниз по тяжести.

¹⁾ Theophr. de sensu 68.

²⁾ Simpl. de coelo 712, 27, 314 b.

³⁾ Arist. de coelo Δ 6, 313a 21.

⁴⁾ Simpl. de coelo 569, 5.

⁵⁾ Diog. L. 14, 30 (FVS², 342 38).

Так как атомы одинаковы по природе (*ὁμοφυής*), то тяжесть их определяется их величиною. «Чем атомы меньше, тем они менее тяжелы и, чем они больше, тем они более тяжелы» ¹⁾. Современная физика различает вес и тяжесть. Понятие «тяжести» было еще неизвестно ни Демокриту, ни последующим за ним ученым (*βάρος* — тяжесть и вес). Современная физика определяет тяжесть, как отношение веса к массе. Так как масса у атомов одна и та же, то, очевидно, и тяжесть им присуща также одинаковая. Следовательно, было бы правильнее теперь сказать: что атомы одинаково тяжелы и различаются только весом.

Сложные тела весят тем больше, чем больше заключается в них атомов, другими словами, вес тела зависит от того, сколько пустоты содержится в нем в промежутках между атомами (*τὸ πλεον ἔχον κενόν*). На вес тела не влияет твердость. Железо очень твердо, но свинец тяжелее его; это объясняется тем, что в них неодинаково оставлена пустота между атомами; в железе плотность велика, но в целом в нем гораздо больше пустоты, чем в свинце ²⁾.

Прямой вывод, который сам собою напрашивается из всех предидущих рассуждений о тяжести, тот, что все тела в пустоте должны падать с одинаковой скоростью. Делал ли этот вывод сам Демокрит, установить трудно. Достаточно отметить, что эта мысль ясно содержится в его взглядах на массу, вес и тяжесть атомов.

Итак, все виды движения, известные нам на земле, обуславливаются образованием «самостоятельно» существующего «отрезка» атомной массы, несущего в себе, как в зародыше, нашу мировую систему. Эти виды движения зависят от замкнутого пространства и действующей в нем силы вращения вокруг центра. Скорость движения, его направление, сила тяжести, криволинейное движение от толчка зависят в конечном счете от того, с какою скоростью движется «крайняя», — а с нею и вся мировая, — система, каким образом распределены массы в разных сферических системах, наконец, от того, увеличивает ли вообще в массе вращающийся вихрь атомов. А так как мировых систем, вроде нашей, бесконечное множество, то вместе с своеобразием материальных условий бесконечно разнообразятся законы движения, т.-е., другими словами, законы, которым мы подчиняем движение окружающих нас тел и тел, движущихся в небесных пространствах, годны только для нашего мира, членом которого является наша земля.

Движение атомов производит то разнообразие явлений, которое теперь поражает наш взор. Соединение атомов кладет начало вещи, распад атомов — ее разрушение ³⁾. Смотри по тому способу, каким атомы входят в соединения, образуются формы и величины вещей. Так как неподвижных атомов нет, и движение происходит вечно, то нет определенных и твердых границ для вещей: они меняются, все течет, все изменяется. Всякое возникновение есть измене-

¹⁾ Theophr. de sensu 61.

²⁾ Theophr. de sensu 61—62.

³⁾ Arist. de gen. et corr. 315b 6 Simpl. de coelo (Diels, FVS², 359, 28).

ние ¹⁾. Все ежеминутно разрушается и в то же время все вновь образуется. Например, некоторая часть земли, до гола выжженная палящими лучами солнца и попираемая ногами, испускает пыль клубами и летучими облаками; облака пыли ветром рассеиваются в воздухе, частью же комья земли увлекаются силою ливня, и берега размываются бурными потоками, и в то же время почва отчасти возвращает к себе то, чем питает других. Так что, будучи общей матерью, наша земля вместе с тем становится общей могилой. Земля убывает и снова растет, обновляясь. «Нужно ли доказывать еще, что реки и моря всегда восполняются свежими притоками воды, так что она убывает в них и снова пополняется. Суровые ветры, бороздящие море, убавляют ее, солнце похищает ее в воздух своими лучами, а другая ее часть течет под землею повсеместно и, сквозь нее просочившись, снова притекает к речным истокам». «И воздух меняется в своем составе ежеминутно; тонкие материальные частицы истекают от вещей и льются в великое море воздуха, в котором вещи давно бы растворились и сами превратились бы в воздух, если бы воздух не возвращал некоторых частиц обратно к предметам, восполняя в них убыль» ²⁾.

Таким образом, сколько бы ни менялись вещи, количество атомов в мире постоянно. Нам только кажется, что некоторые вещи разрушаются и исчезают, что люди умирают и исчезают. Когда погибает живое существо, то смерть еще не означает полного исчезновения всей материальной массы, из которой состояло оно при жизни; нет, вся его материальная масса в своем количестве остается присутствовать неизменной; изменяется лишь форма сочетания атомов: именно, смерть означает лишь распадение атомов данной материальной массы, которые по численности своей вполне равны атомам до распадаения данной материальной среды. Таким образом, материя вечна, вещество, из которого состоят все окружающие нас вещи и мы сами, не уменьшается и не увеличивается, не исчезает и не улетучивается: и в самом деле, ведь из ничего ничего не возникает и ничего не переходит в ничто.

Итак, материя постоянна. Если бы она исчезла, то откуда мог бы возникнуть мир? Постоянство материи есть неиссякаемый источник всего длящегося веками процесса изменения вещей. Это есть основной закон—закон вечности вещества,—который позволяет нам объяснить процессы жизни на земле. Но изменение вещей подчинено и ряду других законов. Закон причинности является наиболее общим из этих законов. Ничего не возникает без причины. Все, что происходит в явлениях, в человеческой жизни и истории, в развитии животных и в падениях твердых тел, происходит в силу причинной необходимости ³⁾.

Те из людей, которые не знали до сих пор, что существует причинная необходимость в природе, создавали такие понятия, как «про-

¹⁾ Simpl. de coelo cp. Diels, FVS², 359, 30—31.

²⁾ Lucret. II, 67 сл. сл.

³⁾ Act. I 25, 4 (Dox. 321) Arist. de gen. anim. V, 788b 95.

видение», «судьба», «творец мира», «создатель» и т. д. На самом деле, все эти понятия или ничего не говорят, или говорят только то, что все явления в природе связаны причинной необходимостью и что эта необходимость неотвратима и неумолима. Причинность имеет всеобщее или, так сказать, вечное значение. То, что в природе все происходит в силу причинной необходимости, само не имеет причины: так происходит теперь и так происходило всегда ¹⁾.

Однако если в нашем мире все подчинено закону причинной необходимости, то это не значит, что иных законов, чем наши, не может быть, что существующие в нашем мире законы природы абсолютны. То, что в данной части бесконечного материального пространства образовался вихрь, из него наш мир, является делом случая (τύχη) ²⁾: он мог образоваться и в другом месте, и с другим распределением атомов, и организация всего существующего сама по себе случайна,— хотя и проявляется с необходимостью, потому что в другом месте она была бы иною. Никакой целесообразности, никакого заранее предначертанного «разумного» плана в природе нет ³⁾. Мир наш и другие миры могут погибнуть, потому что все, что возникает, должно погибнуть, все, имеющее начало, должно иметь конец, а миры возникают и имеют начало и, следовательно, должны рушиться и погибнуть, и на их месте, из их обломков могут образоваться новые миры, и устройство природы в новых мирах будет также «случайным», как и в прежних и в силу той же «необходимости», как и раньше.

Когда первоначальная бесконечная материя разорвалась, то «отрезков» ее, естественно, бесконечное множество, и, следов., бесконечное множество миров блуждает в великой пустоте. Некоторые из них схожи с нашим, другие—больше нашего, третьи—меньше нашего. На некоторых нет ни растительности, ни человека, другие не имеют ни солнца, ни луны, а в иных существует солнце, во много раз превышающее по своим размерам наше солнце, наконец, на многих из них существуют и растительность и животные. Поэтому наш мир не представляет собою ничего выдающегося, по сравнению с другими мирами. Если земля стоит в центре нашего мира, то не следует забывать, что наш мир есть только небольшая часть вселенной, в которой, на неодинаковом расстоянии друг от друга, движутся другие миры, миры, где, может быть, земле предоставлено теми же механическими законами более скромное место, чем у нас, или где, может быть, земля и вовсе отсутствует в системе небесных тел. Таким образом, так называемая геоцентрическая точка зрения, т.-е. точка зрения, ставящая землю в центр вселенной, Демокритом, строго говоря, в принципе преодолена. Он не только не видел ничего противоречивого в этом, но, напротив, думал, что возможность такой мировой системы, где земля движется вместе с другими небесными телами, вполне до-

¹⁾ Act. I, 25, 3 Hippol. ref. 1, 12, 2 (Diels, FVS², 345, 27: τίς, ὅτι εἰς ἡ ἀνάγκη, ἢ διόρισεν) и Arist. de gen. anim. или Simpl. phys 327, 14 πῶς δὲ καὶ ὅπο τίς αἰτίας μή λέγεται. Euseb. Dox 581 (Plut.).

²⁾ Simpl. phys. 327, 14. Arist. phys. 34.195a 36.

³⁾ Stob. ed. Wachsmuth I p. 183.

пустима ¹⁾. Но эта мысль у него не получила последовательного развития. Во всяком случае история сохранила нам лишь геоцентрическую теорию Демокрита.

Итак, нетрудно понять, почему земля стоит на одном месте (μῆκειν) и движется вокруг своей оси ²⁾, а все небесные тела движутся вокруг него. Благодаря тому, что земля отстоит отовсюду на одинаковом расстоянии (διὰ τὸ πανταχοῦ ἐν ἴσῳ ἀφεστῶσαν), она находится на одном месте, в равновесии (ἐπὶ τῆς ἰσορροπίας), она не двигается (μὴ κινεῖσθαι; δέ): в бесконечном пространстве нет причины, которая отклонила бы ее более в одну сторону, чем в другую (δι' ἣν δεῦρο μάλλον ἢ ἐκεῖσε ῥέψεται ἄν) ³⁾; если бы расстояние земли «отовсюду» было неодинаково, то мир не имел бы формы шара (σφαίρωσιν τὸν κόσμον) ⁴⁾, земля двигалась бы в ту сторону, откуда расстояние меньше: точно так же, если бы небесные тела не располагались вокруг земли во время своего движения «сферическими системами», т.-е., другими словами, если бы пути движения их были не круговыми, а кривыми линиями, то земля устремлялась бы к тем телам, которые были ближе к ней. Сила притяжения и есть та причина (αἰτία!), которая заставляет все одинаковое сходиться вместе (τὰ ὅμοια πρὸς τὰ ὅμοια) ⁵⁾, все небесные тела — падать на землю и все падающие тела — стремиться к центру земли. Таково учение Демокрита о тяготении.

Мысль о всеобщем притяжении еще до Демокрита носилась перед Эмпедоклом. Эмпедокл допускал два вида тяготения вещей: притяжение и отталкивание: «притяжение» он назвал «любовью», а «отталкивание» — «ненавистью», которая все разделяет на два враждующие лагеря. Демокрит признал, что достаточно допустить лишь одну силу — всеобщее притяжение, и мировая система объясняется со всеми своими своеобразными отношениями и явлениями. Именно, нетрудно понять, почему в «отрезке», оторвавшемся от бесконечной материи, образуется вращательное движение, которое продолжается и в мировой системе. Солнце, луна, звезды и воздух движутся по круговым линиям потому, что сила притяжения, заставляющая их падать на землю, встречается с силой вращения, заставляющей их двигаться прямо в сторону «внешнего края», и, соединяясь с ней, направляет небесное тело не прямо и не вниз, а по круговой линии. Демокрит приводит пример вращения чаши с водой, которая привязана за веревку и быстро вращается в воздухе рукою. Вода не разливается, говорит Демокрит, потому что сила вращения развивается быстрее, чем сила тяжести, которая тянет воду вниз ⁶⁾. Подобно этому и движущиеся по небу звезды и планеты не падают вниз, но уносятся вращением, и так продолжается вечно, пока вся мировая

¹⁾ Сравни Diog. L. IX, 44—45 ἀπειροὺς τε εἶναι κόσμους καὶ γενήτους καὶ φθαρτοὺς.

²⁾ Diog. IX, 30: ὀυεῖσθαι περὶ τὸ μέσον διανομένην.

³⁾ Aet. III 15, 7 (Dox. 380).

⁴⁾ Aet. II 2, 2 (Dox. 329).

⁵⁾ Ср. FVS², 343, 7; 368, 39 (καὶ ὡς ἐν τῷ παντί), 383, 18.

⁶⁾ Philop. in Arist. phys. ed. Vitelli, Brl. 1884, p. 262 отвечает у Дильса.

См. по этому поводу у Löwenheim, Die Wissenschaft Demokrits, S. 94.

система (κόσμος), со всеми светилами и землей, не натолкнется на другую мировую систему, разрушится и погибнет ¹⁾.

Движение небесных сил вокруг земли неодинаково всюду по своей скорости. Скорость движения данного тела увеличивается по мере удаления от центра, т.-е. от земли. Чем дальше отстоит оно от земли, тем быстрее движется, и чем ближе, тем медленнее. Поэтому наиболее отстоящие от земли звезды движутся быстрее, чем остальные тела, а так как солнце находится ближе к земле, чем остальные тела, то оно движется медленнее, чем звезды и луна. И так как, с другой стороны, луна совершает свой путь ниже, чем звездное небо, и больше, чем оно, приближаясь к земле, то и она не поспевает за звездным небом. Отсюда становятся понятными многие явления, наблюдаемые нами днем и ночью на небе. Например, мы видим, что солнце движется медленнее, чем остальные светила. И если мы видим, что луна быстро движется к звездам, то это только кажущееся движение, так как, на самом деле, звезды быстрее, чем она, возвращаются к ней ²⁾.

Так образовались постепенно все небесные тела. Все они прошли неопределенно длинный путь развития, прежде чем они приняли ту форму, какую они имеют сейчас. В частности, земля изменяла свою форму в течение тысячелетий, и это следует прямо из механики движения атомов, составляющих землю.

Земля образовалась, как мы знаем, из первой сферической системы, т.-е. из центральной атомной массы, все более и более замедляющей свое круговое движение. Так как сила вращения, кругообразно увлекавшая атомы вокруг центра, становилась все слабее и слабее, то поэтому в тех местах, где над силой вращения, начинает преобладать сила тяжести, направляющая тела вниз к центру земли, — а такими «местами» являются места прохождения над землею, — земля придавливается сверху теми атомными массами, которые благодаря ослаблению силы вращения скорее опускались вниз, чем двигались вперед по круговой линии. Поэтому в тот момент, когда земля остановилась, она оказалась уже не шарообразной: она имела уже форму диска, таза, т.-е. полушария, выпуклой стороной вниз, и с углублением, вроде котловины (κοίτης), на верхней плоской стороне ³⁾. Однако образованием котлообразной поверхности развитие земли еще не закончилось. Атомные массы, покрывающие верхним слоем земную поверхность, захваченные остановившимися нижними атомными массами, имеют такие особенности внешней формы и силы тяжести, что образуют все еще продолжающую двигаться массу воды. Однако, моря высыхают благодаря тому, что суша увеличивается, восполняется массами атомов земли, которые несут с собою воды при движении. Напр..

¹⁾ Ср. Cicer. Fin. 16, 21. Hippol. ref. 1 13 (у Diels'a 360, 14). Simpl. de coelo, p. 310, 5.

²⁾ Lucret. V, 620 сл.

³⁾ Aet. III 10, 5 (Dox. 377).

долина Нила в Египте раньше была занята морем, и только постепенно появлялась суша благодаря песчаным наносам воды¹⁾.

Как же возникает органический мир? Как устроены растения и животные? Можно ли мыслить развитие в мире, где все происходит по механическим законам?—По мнению Демокрита, животные произошли из воды и, прежде чем стать такими, какими мы сейчас видим их, они прошли длинный путь развития²⁾. Гниющая влага способна зарожать не имеющие членов (*ἀναρθροί*) животные существа, например червей³⁾. Так объясняет Демокрит возникновение жизни на земле⁴⁾.

Вода сперва образовала глину, и из влажности и сырости или или, как говорит Демокрит, «сока» земли, а затем—«сока» растений сперва возникали земноводные животные, «амфибии» (*ἀμφίβιος*), т.-е. существа, живущие в воде и на земле. «Амфибии»—термин, впервые введенный Демокритом в науку. Затем «земноводные» исчезают, появляются животные, живущие только на земле (растения), но от них еще долго остаются в животных рудиментарные, т.-е. грубые невыработанные органы,—кривые глаза, неправильные ноги,—не имеющие крови, лишённые внутренностей, безрогие быки и т. д. Но все виды животных существ непрерывно менялись, превращались друг в друга, и постепенно некоторые из них утвердились на земле. Рождались глухие и слепые, безрукие и безногие, и они были принуждены уйти с жизненной борьбы навсегда, чтобы уступить место тем, которые прочно утвердились в жизни. Постепенно, когда природа испробовала множество форм и путей животных организаций, появились и тот род животных, которые теперь называем людьми. Люди тогда были грубее, чем теперь, кости у них были гораздо тверже, холод и жар не донимали их так скоро, и перемена пищи не оказывала влияния на их организм⁵⁾.

Животные отличаются от других предметов способностью двигаться или, что то же самое, одушевленностью. Одушевленные тела отличаются от неодушевленных тел тем, что состоят из бесконечно малых атомов, имеющих круглую форму. Из всевозможных видов атомов круглые обладают наибольшей подвижностью; так как они никогда не бывают в покое и благодаря этому развивают теплоту; то теплота заражает все тело возбуждением и тем самым приводит его в движение. Душа, состоящая из таких шаровидных атомов, и есть то, что приводит в движение тело. Это огненная тончайшая материя, которая своим вечно движущимся потоком напоминает воздушные пылинки, носящиеся в солнечном луче, падающем через окно или отвер-

1) Aet. IV, 1, 4 (Dox. 385), ср. Arist. meteor. B. 7. 365a 1. Diodorus bibl. hist. I

2) Censor. di. nat. у Diels'a, FVS², 379, 28.

3) Aet. V 19, 6 у Diels'a FVS², 379, 30.

4) Plut. quaest. phys. I, 911 D. Arist. hist. an.; de gen. anim.; de part. an. см. у Диалса S. S. 380 и 382.

5) Lucret. — Здесь не место доказывать то несомненное после ряда новейших исследований обстоятельство, что пятая книга Лукреция — один из важнейших источников о Демокрите. См. о Посидоние в моей статье: Источники изучения Демокрита «Под Знам. маркс.», 1923, № 8—9, стр. 122 и мою рецензию на книгу И. А. Боричевского, «Печ. и Рев.», 1926, кн. 1.

стие в дверях. Процесс жизни заключается в том, что эти вечно движущиеся массы круглых атомов проникают с силою через поры в тело. Но, проникнув в тело, они снова выбрасываются наружу, так как давление окружающего воздуха сжимает тело и вытесняет их из него. Но животное противодействует воздуху, принимая посредством вдыхания новые массы атомов. Своим притоком эти новые массы атомов способствуют удалению атомов, уже находящихся в животных и сопротивляющихся давлению воздуха. В этой механике атомов и состоит дыхание, и жизнь длится до тех пор, пока животное дышит. Смерть наступает или от распада атомов, составляющих «душу», или от толчка атомов тела, рассеивающего атомы души. Другими словами, если атомные массы души двигают тело, то и они сами могут испытывать воздействия со стороны атомов тела¹⁾.

Задача человека, цель и смысл (*τέλος*) его жизни заключаются в том, чтобы поддержать эти жизненные, т.-е. подвижные атомы в том состоянии, в каком им легче всего было бы двигаться и осуществлять процесс дыхания. Прежде всего ясно, что надо заботиться о судьбе (*δαίμων*) души, а не тела. И счастье и несчастье в жизни зависят от того, в каком состоянии находится душа, т.-е. тончайшая пылеобразная материя, вечно движущаяся и движущая наше тело. Ни богатства, ни слава не поддержат жизни, потому что они питают лишь телесную сущность нашу, которая давно погибла бы без атомов души. Напротив, если бы мы проводили всюду в нашей жизни принцип гармонии душевных переживаний, мы сразу вдохнули бы в тело поток новой жизни, потому что круглые атомы души гармоничны, всегда обладают симметрией (*συμμετρία*) и, когда движение их соразмерно, умеренно по своему ритму, они обладают способностью противодействовать давлению воздуха и тем поддерживать жизнь так, как никогда. Но поддерживать жизнь, значит поддерживать дыхание (*θυμός*), и поэтому хорошее (*εὖ*) дыхание есть радость (*εὐθυμόν*) жизни, ее совершенство (*τελειότης*). Тело есть обиталище (*σκήνος*) души, и тело мы должны со всей тщательностью в течение всей жизни поддерживать в таком состоянии, чтобы атомные массы души легко справлялись с своей задачей: чтобы они не находили в нашем теле ни недостатка, ни избытка атомов, так как и то и другое препятствует правильному круговороту легчайших атомов души. «Симметрия», т.-е. соразмерность и умеренность в проявлениях нашей телесной сущности дается с большим трудом (*χαλεπόν*), но она есть основное условие хорошего расположения духа, т.-е. другими словами, дыхания, или, что то же самое, жизни. В противном случае, чрезмерные проявления, увеличения или противоположения телесных атомов возмущают и опрокинут массы душевных атомов, и последние не смогут попрежнему крепко усидеть (*ἐπιταθῆεις*) в порах тела и приведут тело к гибели²⁾.

1) Arist. de anima A 3 406b14. 409a32. A 2 405a5. Aet. (Diels Dox. Gr. 388). IV, 35. Arist. de respir. 471b30. Theophr. de sensu 58. Arist. de anima A 2 404a3.

2) Epiphani у Nator'а. Ethika des Demokr. fr. 3 Diog. L. IX, 45 Clem. Strom. II 139 p. 498 (у Диалса, FVS², fr. 4) Stob. III, 40, 56 (у Диалса, FVS², fr. 836) Demokrates, 3, у Диалса fr. 37 Stob. II 7, 3 у Nator'а. fr. 2, fr. 52. Aet. IV, 9, 6 (Dox. str. 397b1) Simpl. de coelo 242, 18. Theophr. de sensu 58.

Раз мы заговорили о душе, давайте выясним, каким образом мы ощущаем боль или радость, как различаем мы соленый или горький вкус от сладкого, красный цвет от синего и т. д. Другими словами, откуда берутся наши ощущения и восприятия? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, откуда берутся вообще качества.

Мы говорили до сих пор о количественных свойствах материи, об изменениях, исчезновениях и возникновениях. — но все это как раз настолько общие слова, что природы качеств, познаваемых нами на земле, они объяснить не могут. Откуда же берется качественное разнообразие вещей и как мы воспринимаем это разнообразие? Чтобы выяснить это, начнем изложение с механики «отрезка».

Бесконечная материальная среда «разорвалась», потому что только «отрезанием» (ἀποτομή) она могла выйти из внутреннего противоречия своей структуры: как бесконечная среда она или не могла вовсе иметь частей, или части ее должны были быть равны ей. Неравномерное распределение в ней атомных масс образовывало в ней части, которые не были ей равны. Отсюда разрыв материи и образование материальных отрезков-миров, несущихся в образовавшуюся после разрыва пустоту.

Атомы принимают участие в движении своего отрезка. В процессе движения отрезка среди атомов выделяются те массы их, которые образуют поверхность отрезка. Атомные массы, образующие верхний слой отрезка, стремятся остановиться в тот момент, когда отрезок в целом или перестал вовсе двигаться, как, напр., земля, или же перестал двигаться вокруг своей оси, как все небесные тела. Это понятно, потому что эти огромные верхние массы двигались вместе со всей массой отрезка и, так как вообще форма или фигура всякого тела движется вместе с телом, то и массы атомов, образующие формы, сразу должны были остановиться, раз остановилось тело. Однако сама структура материи такова, что она находится в вечном движении (ибо единство атомов и пустоты осуществляется только в движении) — она не может мириться с тем, чтобы верхние атомные массы останавливались, и поэтому с силой отбрасывает их. Эти атомные массы отпадают, но на их место появляются новые, которые также стремятся в первое мгновение остановиться, но этого мгновения достаточно, чтобы они также отпали, и таким образом движение не прекращается. Процесс отпадения или «истечения» (ἀπορρεῖν) атомных масс из отрезков-миров никогда не прекращается. С другой стороны, он представляет собою не что иное, как процесс отпадения от отрезков их «внешних оболочек», «форм». Эти «внешние оболочки» или «образы» (εἶδολα) отрезков-миров в межмировом пространстве, естественно, сталкиваются, смешиваются, сжимаются и вообще образуют совершенно «особую» материю, которая по своей легкости и гибкости несравнима ни с чем из известных нам на земле предметов. Из этих «образов»-миров состоят, по мнению Демокрита, боги. Ученый, экспериментатор и атеист

подводит под религиозные представления о божественных сущностях материалистический фундамент¹⁾.

Но пойдём дальше. Все сказанное об отрезках-мирах следует отнести и ко всем явлениям, находящимся внутри данного мира. И здесь составные части материи, «элементы» ее (στοιχεῖα) — атомы и пустота — находятся в вечном движении. Все течет (ρεῖ) и ритм (ρυθμός) этого потока (ῥυθμός) определяет формы каждой из составных частей материи. Но в целом своем единстве эти составные части принимают участие в движении данного тела. Это движение определяет собою форму тела, — форма есть весь тот слой атомов, который облегает со всех сторон данное тело и движется вместе с нею. Но так как структура материи «вечно подвижна» (ἀεικίνητα), то она отрывает их, и они истекают из предмета в тот момент, когда предмет останавливается. Это истечение (ἀπορροή) происходит всегда и у всякого предмета (ἅπαντος ἀεὶ γένησθαι). В свою очередь, каждое тело, если оно находится на близком расстоянии от другого, испытывает этот «приток» оболочек другого тела, или его испытывает всякая материальная среда, если нет поблизости постороннего тела. Этот «приток» (ἐπιρροή), «натиск» (ὄρυξις), «наплыв» (ἐπιρροήματα) есть легчайшее волнообразное колебание (σάλας), которое легко проходит через (διεμν) любую материальную среду и, в особенности, в тела через поры (διὰ τῶν πόρων εἰς τὰ σώματα). Очувтившись в более или менее плотной материальной среде, атомные массы непрерывно истекающих (συνεχῶς ἀπορρέοντα) из тел «оболочек» врезаются в нее (ἐμπίπτειν), сжимаются, как бы отпечатлеваются на ней и принимают более отчетливые очертания. Эти очертания, естественно, должны быть схожими (ὁμοίωμα) с очертаниями тел, из которых они истекают (ἀπορρέοντα). Таким образом посредством истекающих оболочек тела как бы «отображаются» (ἐμφαίνεσθαι) в материальной среде, и, естественно, это отображение будет тем ярче, тем явственнее, чем благоприятнее для этого данная материальная среда — тепла ли она, холодна ли она или суха, светла ли или темна, и т. д., и т. д. «Отображение» вещи в данной материальной среде есть ее наружное качественное выражение (ἐμφασις). Всякое тело, отображая свою оболочку в другой материальной среде, видит в тем самым себя. Это надо понять буквально. Материя видит. Непрерывный поток атомов, истекающих и как бы ищущих, где бы отобразиться, есть не что иное, как процесс видения: материя здесь смотрит на себя. И в тот момент, когда ее оболочка отпечатлелась в другой материальной среде, она видит себя. «Отображение», или ее «образ», есть то, что она видит (εἶδον!), и то, что она видит, есть ее качественный вид (εἶδος), и этот «вид» тем ярче и сильнее, чем благоприятнее для этого материальная среда, в которой данное тело «отображается». — другими словами, он относителен, возможен

¹⁾ Theophr. de sensu 50. 74. 80. 81. Clem. Strom. V. 88 p. 698. cp. Diog. L. IX. 34. Cicer. de deor. nat. I 12. 29 и 43, 120 Anonymi Hermippus у Дильса, FVS², 366.6. Stob. III 4,69 у Дильса. FVS². 421.19.

лишь при том условии (νόμος). если имеется на-лицо особая материальная среда¹⁾.

В числе других разновидностей подобной материальной среды в природе, возникла та материальная среда, которая теперь носит название человеческого сознания, чувств, ощущений, и т. д. Пользуясь этой средой, природа в зрении видит самое себя, в запахе обоняет самое себя, в слухе слышит самое себя, в осязании осязает самое себя и т. д. Процесс зрения состоит в том, что вещи, испускающая из себя поток атомов, составляющих их форму, отражаются через их посредство в наших глазах, и, отпечатлеваясь в них, создают «образ» видимых вещей. Таким образом, «когда мы смотрим, то наше видение (или видимое явление) исходит от видимых вещей» (τὸ ὄραν εἶναι τὸ τὴν ἔμφρασιν τὴν ἀπὸ τῶν ὁρωμένων θέξεσθαι). В этом отношении глаза наши ничем не отличаются от всех других тел, которые просвечивают сквозь себя или отражают в себе предметы вследствие своей прозрачности (ὁμοίως δὲ καὶ ἐν τοῖς ἄλλοις τῶν διαφανῶν). «Явление» (ἔμφρασις) сохраняется в наших глазах (φωλάττειν ἐν αὐτοῖς) благодаря тому, что их материальная среда такова, именно, что отражает в себе «притекающий» «образ» (ἐπιέρουσι) и помогает материи данного тела видеть самое себя, т. е. свое «отражение», свое «явление».

То же самое, что мы говорили о зрении, надо отнести ко всем остальным человеческим чувствам. Подобно тому, как для ощущения зрения должна быть налицо просвечивающая материальная среда (διαφανής), так и для каждого из остальных видов ощущения должна быть на-лицо своя особая материальная среда²⁾. Например, в слухе материя слышит самое себя следующим образом. Если при «зрении» нужна для отражения «образа» влажная и просвечивающая материальная среда, то при «слухе» необходима сухая, сжатая со всех сторон и вмещающая в себе достаточно пустого пространства. Если поток атомов, составляющих «образ» или «оболочку» данного тела, несется, впадает в это пустое пространство, стремится проникнуть (εἰσεῖναι) во все тело, его окружающее, и вталкивает (ἐμπίπτω) в эту пустоту воздух (τὸν ἀέρα). Роль такой материальной среды и играют наши уши. Под напором, под натиском тончайшей массы атомов, истекающих из другого тела, воздух сдавливается, с силой протискивается в наибольшую пустоту (διὰ πλείστον τε κενῶ διέρχεται) и еще больше сгущается, — звук и возникает в процессе сжатия воздуха и его сильного натиска во внутрь (πυκνωμένον καὶ μετὰ βίας εἰσίδντος). Таким образом, и в этом случае, как в предыдущем, ощущение звука зависит от того, с какою силою истекают из предмета тончайшие атомные массы, и достаточно ли пусто, сухо и сжато со всех сторон пространство в данной материальной среде, в частности, в наших ушах³⁾.

¹⁾ Sext. Empir. VII 137. Plut. quaest. conv. VIII 10,2 p. 735a. Simpl. phys. 327, 24: δὶνον... παντοῶν εἰδῶν. Theophr. de sensu ἐν τοῖς περὶ τῶν εἰδῶν. Simpl. de coelo p. 310,5. (Diels, FVS² 366,26).

²⁾ Arist. de sens. 438a5. Theophr. de sensu 49. 50.

³⁾ Theophr. de sensu 54,55.

Все сказанное о зрении и слухе должно отнести и ко всем остальным человеческим ощущениям: к обонянию, вкусу и запаху. Всюду, во всех формах ощущений, природа как бы познает самое себя. Материя видит, слышит, осязает самое себя. Мы говорим, что мы видим различные цвета, что мы слышим, что мы пробуем вкус, но на самом деле в природе не существует ничего белого или черного, ничего горького или сладкого, ничего холодного или теплого, — на самом деле это природа. Это материя, отражающая самое себя в другой, но такой же материальной среде, видит, слышит, обоняет самое себя в той форме, в какой это позволяет данная материальная среда: возможно, последняя будет однажды такова, что тело будет видеть себя в красном цвете, а в другой раз будет такова, что то же тело будет видеть себя окрашенным в зеленый цвет, но, возможно, материальная среда будет такова, что ничего не будет ни видно, ни слышно. Следовательно, существование белого и черного, сладкого и горького — условно (νόμος), это — условные обозначения, нами принятые сознательно (νόμοι ποιότητας), которыми мы пользуемся (νέμω) в общественной жизни, как общепринятым (νομίζω) постановлением или «обычаем» (νόμος), и этот «обычай», естественно, имеет значение «для нас» (πρὸς ἡμᾶς), поскольку «мы» его принимаем и считаем, что надо его соблюдать (νομιστέον), и, конечно, никакого значения для самой природы вообще (γενῆ) не имеет (οὐ κατὰ τὴν φύσιν τῶν πραγμάτων φύσιν). На самом деле, т. е. в действительности (ἐστῆ), всякое качество есть продукт некоторого изменения (ἑτεροίωσις) данного тела, которое само по себе лишено качества и испытывает натиск атомных масс, истекаемых из другого тела. Но истекает ведь внешняя оболочка вещей, т. е. количественная форма (ποσός), и изменение (ἑτεροίωσις), которое она вносит на пути в данную материальную среду, тоже количественного порядка: — именно, она как бы становится самостоятельной, «второю», «другою» (ἕτερος) по количеству, своей противоположностью, и это «другое» отпавшее само от себя количество становится «другим» по качеству (ἕτερος!), «киным», и вначале неопределенное количество (ποσός) становится определенным количеством, т. е. качеством (ποιός). Вот почему качества не даны в природе; природа, состоящая из чисто-количественной материи, сама создает (творит — делает — ποιῶ) свои качества, свои свойства (ποιότητας), и так как создает их она в нашем лице благодаря посредству другого тела, другой материальной среды, то, естественно, она дает источник, основу качества, но уничтожить зависимость их от другой материальной среды она не может, и не может уже потому, что вообще качество возможно при условии некоторой материальной среды. Таким образом, качества коренятся в материи, как единства атомов и пустоты, потому что они производятся ее составными элементами, но именно потому, что они производятся, они не даны в ней: материя бескачественна (ἄποιος)¹⁾.

¹⁾ Aet. IV. 8, 5 (FVS² 348, 45—48) Aet. IV, 98, IV, 9,8 (FVS² 332,19 349,9). Sext. Empir. adv. math. VII 135 Diog. IX, 72 Diog. IX, 45. (ποιότητις δὲ νόμος) Aet. I 15,8 (τὰ μὲν γὰρ στοιχεῖα ἴποια). Galen de elem. sec. Hippocr. I 2.

Выходит так, что не человек познает предметы, а предметы познают в его лице самих себя. Как же должен поступать человек? Разве не становится бессмысленным всякое стремление к знанию? Какова же может быть задача человеческого мышления? Разве в нашем мышлении мы не выступаем активными членами общества, устрояющими жизнь и покоряющими природу.

Эти вопросы не только не смущают Демокрита, но, по его мнению, правильное разрешение их только и возможно на основе его теории.

Мышление и ощущение (τὰς αἰσθητικὰς καὶ τὰς νοητικὰς) — тождественны: и то и другое возникают вследствие того, что данное тело изменяется (и то и другое есть изменение тела) благодаря притоку новых атомных масс из другого тела. Ум и душа тождественны (ταὐτὸ ψυχὴν καὶ νόον), ум так же, как и душа, состоит из легчайших шаровидных атомов, схожих с теми частицами, которые мы замечаем в солнечном луче, падающем через чуть-чуть приоткрытые дверцы. Ум работает только тогда, когда извне (ἐξ ὧθεν) притекают к нему и протискиваются через него атомные массы, составляющие внешние оболочки или «образы» других тел. Если бы не было этого притока «образов», не было бы изменения той телесной среды, которая составляет ум (ἑτεροειδέως τὸ σῶμα), не было бы, следовательно, «отображения», т. е. «мысли». Все это понятно, раз душа и ум тождественны¹⁾.

Понятно затем и то, что все познаваемое душою, т. е. ощущениями, восприятиями и т. д., — есть то же самое, что познается умом. Поэтому все познаваемое в ощущениях, т. е. всякий факт сознания, — должно быть истинно. Но оно истинно не потому, что отражает, заключает в самих себе истину, а потому, что его источником, его основой является сама природа, материальная действительность, ибо ведь «истинно» (ἔτερον) значит «действительно» (ἔτερον). Но в то же время ощущения не истинны, т. е. не заключают того, что находится в действительности, потому что качества, называемые нами в них, зависят от материальной среды наших органов, нашего тела. Поэтому, поскольку ощущения истинны, постольку мышление (νόησις) в ощущениях может привести к познанию (γνώσις), но это не будет познанием истины, потому что истина — это действительность, а действительность — где-то в глубине (ἐν βυθῷ), в которой нам нашими глазами никогда не увидеть элементов материи, атомов и пустоты. Ощущения истинны, т. е. имеют значение чего-то действительного только постольку, поскольку они определяются причинами извне, лежащими в действительности, и потому, что действительность является их причиной, но не содержанием; мы не обладаем никаким признаком (или критерием) для распознавания истинности от ложности в области ощущений (ἀραιροῦμενος αὐτῆς τὸ πρὸς διάγνωσιν τοῦ ἀληθοῦς). Они все одинаково как истинны, так и ложны. И знание, которое мы получаем от них, есть знание темное, неясное. Но, именно, потому, что причина его лежит

¹⁾ Diog. L. IX, 44. Arist. de anima 404a27 de resp. 471b30 Philop. de anima (у Дильса, FVS² 370,44). Act. IV, 8,5 (FVS² 348. 45).

в самой действительности. мы можем на него смело опереться и идти дальше к настоящему знанию природы. Для этого «темное» сознание в ощущениях надо сделать ясным для нас, понятным, из тайного и как бы «незаконорожденного» (ἐκόντου) сделать явным и открытым.

Достаточно вспомнить, что ощущения и есть «явления» (φαινόμενα). «качества» вещей, чтобы стало ясно, почему знание, получаемое от ощущений, не будет знанием истины. «Мы не ощущаем (или не воспринимаем) ничего из того, что существует в действительности достоверно, но одни лишь притекающие к нам и втискивающиеся атомные потоки, т. е. только то, что изменяется в зависимости от устройства нашего тела»¹⁾. Этими словами Демокрит выражает ту же мысль: качества относительно, они зависят от материальной среды человеческих органов.

Природа, вся пронизанная сама количественными отношениями, познает себя, как некоторое качественное разнообразие через посредство нас и в нас. Поэтому, если мы сможем удержать в себе все эти качественные оболочки вещей, то через посредство их мы можем познать себя в природе, как ее количественные отношения, точно таким же образом, каким природа познает себя в нас в виде качественного многообразия вещей. Мы должны учиться у природы, у ее явлений и окружающих нас тел, чтобы по тем же следам, которые оставляли они, истекая «оболочками» и «образами» и устремляясь на нас, мы могли бы вернуться обратно к природе и охватить ее количественные отношения. Если это нам удастся, то это будет уже настоящее — неподдельное, так сказать, «законорожденное» (γνήσιος) познание. Почему? Потому что это будет область мельчайших частиц (ἐπ' ἕλαττον), где нельзя ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни вкушать, ни осязать (μήτε ὄρῃ... и т. д.) и где мы будем, следов., свободны от всех ограниченностей и условностей ощущений²⁾. Но возможно ли такое познание? Возможно, если, удерживая в себе притекающие от предметов «образы», мы будем проникать мыслью (διὰ — в количественную сущность этих образов и путем размышления (διάνοια) перерабатывать качественные «образы» в «понятия», выражающие количество. Если в ощущениях мы не можем понять или, что то же самое, «схватить» (συνίμεν), как в действительности, т. е. истинно, существует данная вещь, но смотря по тому, как втекают в тело «образы» и изменяют его, мы составляем «мнение», то в размышлении мы как раз познаем то, что существует в действительности, вырабатывая «понятия» по аналогии с «образами». Истина вообще открывается только в «понятиях» и постигается «размышлением» (μόνα τὰ νοητὰ ἀληθῆ³⁾).

Это не значит, однако, что размышление есть какая-то сверхчувственная способность, которая, подобно горному орлу, может парить в облаках. Само из себя размышление ничего не дает, а если дает, то только фантазию и бессмысленность. Размышление

¹⁾ Diog. L. IX 72 Sext. Empir. adv. math. VII. 137, ib. VII. 136. Galen de elem. sec. Hippocr. 1 2—3 (FVS² 361. 23).

²⁾ Sext. Emp. VII, 138.

³⁾ Sext. VIII. 6. cp. Sext. VII. 349.

есть путь от качества к количеству, от образов к понятиям, от мнения к истине и протекает в телесной сущности. Образ, через нас передающий природе ее качество, есть мнение, которое создаем мы в ежедневной практике. Понятие, передающее нам через образ количественные отношения природы, есть истина, которая вырабатывается научным познанием. Ясно, что без ощущений и образов мы будем висеть в воздухе. «Понятие» должно быть выработано мышлением (*διάνοια*) по аналогии с ощущениями. Оно должно продолжаться, так сказать, их работу. Размышление должно вносить свет туда, где в темноте (*σκοτός*) остановивались ощущения. Оно вырастает из них, питаясь их соками, и в тот момент, когда возомнит себе вне времени и пространства, победителем всякой ограниченности ощущений, оно подрубает то дерево, на котором само сидит. Ощущения ему могли бы сказать, говорит Демокрит, таким образом: «Жалкий рассудок! Нас ли намерен ты победить, у которых только и заимствуешь свою достоверность. Знай, в твоей победе заключено твое поражение!»¹⁾ Мышление должно быть всегда согласовано с фактами, которые нам даны в ощущениях (*ὁμολογήσας μὲν τοῖς φαινόμενοις*). Демокрит часто упрекал своих предшественников в том, что они не считались с этим основным требованием всякого исследования, что они оставили без всякого внимания показания наших ощущений и здравого смысла (*ὑπερβάντες τὴν αἰσθητικὴν*) и даже вовсе отвергли их (*παριδόντες αἰσθητικὴν*), потому, мол, что надо следовать теоретической логике вещей. На самом деле, не теории, а ощущениям, не голым словам, а фактам наблюдения надо следовать в рассуждениях. Раньше говорили так: «бытие едино и неподвижно, потому что пустота есть нечто не существующее, а если нет пустоты, то и движения нет». Но эти слова ничего не объясняют. Если бы они что-нибудь объясняли в природе, они были бы согласны с фактами. Но факты говорят совсем другое, и эти слова уничтожают (*ἀναρρήσουσιν*) то, что для всех очевидно: они уничтожают множественность вещей, они устраняют изменения, возникновение и разрушение вещей. А раз они противоречат всем этим, для всех очевидным фактам, то, следовательно, приведенные слова ложны: «бытие» не может быть ни единым, ни неподвижным. И запомним еще раз: «надо исходить лишь из того, что в самой природе имеется налицо (*ἀρχὴν ποιητέμενον κατὰ φύσιν ἤπερ ἐστίν*)» Но это именно и должно быть исходным, начальным пунктом (*ἀρχή*) размышления²⁾. Если правильно взят исходный пункт размышления, то правильно будет и его завершение—переход к количественным отношениям. И так как задачей научного познания является установление количественных отношений в природе, то эта сложная задача может быть решена при условии тщательного знакомства с правилами научного размышления. Логика (*λογική*) и есть наука о правилах (*κλήρον*) размышления. А так как размышление есть завершение работы ощущений, то и логика опять-таки должна исходить из психологии, продолжать ее работу.

¹⁾ Galen de med. empir. fr. ed. H. Schoene. 1259,8 (FVS² fr. 125).

²⁾ Arist. de gen. et corr. 324b35—325b24.

но не бояться в то же время отвлеченности, абстрактности, не бояться таких положений, которые останутся навсегда недоступными нашим ощущениям. Это и понятно, потому что количественные отношения никогда не будут даны нашим ощущениям и могут быть схвачены только мыслью или понятием.

Для того, чтобы проникнуть и истинную природу вещей, научное размышление должно пройти три стадии познания, и в соответствии с этим логика должна делиться на три части. Первая стадия, или ступень размышления, состоит в описании «образов», которые даны нам в ощущениях. «Описать» данные предметы или явления возможно в том случае, если в материальной среде наших органов мы создадим максимум благоприятных условий для того, чтобы данные предметы или явления могли, как можно лучше, видеть сами себя (*αὐτὸς ὁπτοῦμαι*). Описание должно быть самовидением, «самосозерцанием» (*αὐτοψία*) предметов. Этой ступени познания и должна быть приписана вся сила достоверности (*τὸ κράτος τῆς πίστεως*) «для нас» (*πρὸς ἡμᾶς*). Тогда выступаем «мы» и начинаем исследовать (*ἱστορεῶ*) описанное, проверять в нем все, что может вызвать сомнение, усиливать или укреплять (*κρατύνω*) неясное и слабое и постепенно овладевать (*κρατέω*) «самосозерцающим» предметом, чтобы отграничить, отмежевать (*ὀρίζω*) от других предметов. «Отграничение» предмета есть начало количественного познания его, именно, это есть количественное определение (*ὀρίζω*), а вся вторая ступень познания есть исследование (*ἱστορία*) предмета с целью дать его количественное, логическое определение. После этого мы должны по аналогии перейти (*κατὰ τὰ ὁμοίον μεταβῆαι*) к тому, что скрыто от нас: о том, что скрыто от нас, можно судить лишь по аналогии с тем, как мы его определили. «Логика» Демокрита в соответствии с этим делится на три книги.

Приведем один пример размышления по аналогии. Мы устанавливаем прежде всего сходства и различия ряда «определений», т.-е. определенных предметов, затем приводим те признаки (знаки—черты—*σημεία*), которые повторяются как нечто общее и однозначное для целого ряда предметов, и объединяем эти наиболее общие признаки (знаки—черты) в одно понятие тел, телесных сущностей (*σώματα*). Но возможны и другие формы (или методы) размышления по аналогии. Можно исходить из взаимного отношения «определений», т.-е. определенных предметов, устанавливать, в каких формах и насколько они входят в связь друг с другом, насколько требуют друг друга (*αἰτέω*) и выводить такую форму этой взаимной связи, которая повторяется в целом ряде предметов, и эта связь будет причинной связью (*αἰτία*). Но и понятие тел, и понятие причинной связи не выражают того, что наше размышление достигло цели. Задача наша охватить умом количественную природу предметов, между тем тело ведь есть нечто осязаемое, а в причинной связи сохраняются все качественные свойства причинно-связных предметов. Поэтому размышление должно создать еще более общие понятия, и на основе единичных «определений» оно должно построить такую картину мира, ко-

торая объясняла бы эти «определения», согласовалась бы с ними, в то же время указывала бы нам наше место в природе, чтобы мы поступали, всегда сообразуясь с законами природы¹⁾.

Если мы усвоили такое понимание человеческого познания, говорит Демокрит, то сами собою рушатся все те суеверные страхи, ужасы и печали, которые смущают и обременяют нашу душу. Думают, напр., о судьбе, о провидении, о злой роковой воле богов, а на самом деле в природе ничего подобного нет. Незнание природы вещей есть причина всех наших страданий. Невежество делает наши поступки нерешительными, нашу душу наполняет суевериями и пугает видом смерти и баснями о загробной жизни.

Но невежество также является частицей природы, как и все остальное. Человек прошел длинный-длинный путь умственного развития, и история его борьбы за существование, его постепенного развития подчиняется таким же необходимым законам, как и физическая жизнь растений, животных и человека и как умственная работа человека. В продолжение многих солнечных круговращений люди вели бродячую жизнь, подобно зверям. Люди еще не умели обращаться с огнем, укрывать свое тело звериной шкурой и мехом; но они проживали в лесах, в горных пещерах и закрывали ветвями свои грязные тела; они не думали об общественном благе, а также не было у них нравственных правил и законов. Люди не знали, почему после смерти разлагается тело, почему с течением времени разрушаются органы зрения, обоняния и слуха; поэтому они всю жизнь проводили в страхе и в постоянных душевных смятениях и, вспоминая свою жизненную борьбу, выдумывали лживые басни относительно страшного суда после смерти. Величавые явления природы, зимние холода и дикие звери наводили страх. Во сне являлись какие-то странные существа, обладающие какою-то чудесной способностью исчезать и вновь появляться. Видели люди определенный порядок в явлениях, происходящих в небе, правильное чередование времен года. Они не могли объяснить, отчего все это происходит, но они знали прекрасно, что, если бы они нашли объяснение, они избавили бы себя от напрасных страхов. Таким объяснением был для них один выход—предоставить богам все и допустить, что по воле богов все на свете свершается. Этим «объяснением» они как бы оправдывали свою «беспомощность», не подозревая вовсе, что только благодаря «слепоте разума и поведению» можно приписать все происходящее в природе воле богов²⁾.

Люди затем изготовили шкуры, жилища, добыли
Силу огня. и слились тогда муж и жена воедино.
Стали известны им в браке утехе любви непорочной.

¹⁾ По этому поводу основное у Usener'a, Ein alt. Gebäude d. Philologie. Kl. Schr. и в частности Philop. de anima p. 71,19 (FVS² 371,2 cl.) tit. *χρατιστορία*. Sext. Emp. VII. 136. Cp. Sext. VIII. 327 и tit. *περί λογικῶν ἢ χαρίων* ABF Sext. VII. 138.

²⁾ Philod. de morte 29, 27 Meckler. (FVS² 385, 11) Stob. 120, (20 FVS² 438, 11) Sext. IX. 24, наконец, Lucret (в тексте перевод Н. Рачинского) Stob. II, 8,16 (FVS² fr. 119) cp. Clem. Propr. 68,1,52 (FVS² 397,30).

И они видеть могли, как от них возникает потомство. Только тогда человечество стало немного смягчаться. Тело стараньем огня восприимчивей к холоду стало. И недостаточной стала казаться небесная кровля... Начали также и дружбу завязывать те, у которых Были соседи: не стали чинить им вреда и насилий. Жен и детей оградили голосованием, защитой И выражали движеньями всякими и лепетаньями, Что состраданье должно быть доступно всем слабосильным. Правда, еще не меж всеми согласие установилось, Все же наибольшая лучшая часть договоры хранила.

Из таких «договоров» возникли государства, которые продолжают развивать свою жизнь, свои законы.

В своих привычках, в способах устройства общественной жизни, в понятиях нравственности и искусствах люди инстинктивно подражали животным: физически они унаследовали от животных определенные навыки и стали развивать их дальше, упражняясь долгое время. Подражая пауку, люди научились ткать, подражая ласточке, люди научились домохозяйству, а искусством пения обязаны певчим птицам. Посвист ветра в пустом тростнике научил людей извлекать звуки на свирели из дикорастущей цикуты. Переливы голоса птиц научили их разнообразию оттенков в пении. Когда же появился избыток и в жизнь ворвалась роскошь, когда люди уже находили время для отдыха и, в особенности, если при этом природа улыбалась им, лаская обильным солнечным светом и запахом зеленых лугов, среди игр, среди веселого шума и шуток,—тогда возникло искусство музыки. Из всех искусств музыка самое молодое, потому что оно не было известно человеку того времени, когда вся жизнь уходила на борьбу с природою¹⁾.

С тех пор культурная жизнь быстрыми шагами идет к совершенству.

«Судоустроенье, полей обработка, постройки, законы, Платье, оружие, дороги и прочее в этом же роде. Равно как прелести и наслаждения всякие жизни, Песни, картины, стихи, изваяние статуй чудесных — Все это вызвано мыслью пытливою или нуждою Смертных и мало-по-малу идет по пути к совершенству».

Если кинуть взгляд обратно на пройденный человечеством путь, надо было бы сказать, что этот «путь к совершенству» определялся, во-первых, его естественными задатками, унаследованными им от животного, во вторых, выгодами общественной жизни и, в-третьих, его собственной деятельностью. Взгляды первобытного человека, напр., его религиозные представления, были продуктом определенных исторически-сложившихся обстоятельств его жизни на лоне дикой и неприветливой природы; музыка возникла только на определенной сту-

¹⁾ Phil. de music. Δ 31 p. 108,29, Kemke. Plut. de sollert. 20 p. 974a (FVS² fr. 154). Относительно Лукреция см. выше.

пени развития, а к общественной жизни людей толкали также совершенно независимые от них, объективные условия жизни. Поэтому вся умственная жизнь человека, по мнению Демокрита, есть «теневое отражение» (*σκιή*) его деятельности, его «практики»¹⁾.

Таково мировоззрение Демокрита. Как бы мы ни относились к некоторым наивным взглядам его по астрономии, в целом пред нами — система материалистического понимания мира, вся вылитая из одного теоретического куска и в каждом отдельном вопросе обнаруживающая замечательную цельность и диалектическое единство. Диалектическое содержание демокритовой философии и ее место в истории античной диалектики могут быть предметом специального очерка.

Г. Баммель.

МАЛЫЙ ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ¹⁾.

(Изложение и критика).

Часть II. — Критика теории электромагнитизма²⁾.

В кн. 12 я закончил проблемами динамики, указав на их перво-степенную важность. В настоящей статье я с этих проблем начну. В отнесении проблемы силового воздействия на задний план, на мой взгляд, основной грех теории относительности. Чем распространяться о преобразованиях времени и пространства, следует начинать с данного на опыте закона электромагнитных сил; преобразования времени и пространства, если они реальны, получаются сами собою.

Возьму сначала частный случай. Допускаю неподвижный центр притяжения — тогда, как известно, сила от скорости притягиваемой точки не зависит; притом предполагается переменная электромагнитная масса, так что сила и ускорение не совпадают; ускорение получается из силы, если координату последней, в направлении скорости притягиваемой точки, помножить на $1-u^2$ где u величина скорости притягиваемой точки³⁾.

Далее: если, обратно, неподвижна притягиваемая точка, а центр притяжения обладает скоростью v , но не ускорением, то сила действует в направлении $\vec{R}-R\vec{v}=E$, где \vec{R} вектор, соединяющий положения центра в момент истечения из него силового воздействия и притягиваемой точки, в момент получения ею силового импульса; v — скорость центра притяжения. Итак, сила действует в этом случае по прямой, соединяющей одновременно положения обоих точек; ведь пока действие силы прошло путь \vec{R} , центр притяжения прошел как раз путь $R\vec{v}$ (в этой статье, как и в предыдущей, скорость света повсюду полагается равной единице).

¹⁾ От редакции: В порядке обсуждения.

²⁾ В настоящей, по счету третьей, работе, печатаемой в «Вестнике Коммунистической Академии», тов. Г. А. Харазов показывает, что преобразования Лоренца, лежащие в основе специальной теории Эйнштейна, могут быть истолкованы без того изменения понятия о времени, которое было введено Эйнштейном. Далее тов. Харазов показывает, что закон сложения скоростей Эйнштейна можно получить, оставаясь на почве ньютоновского абсолютного времени. Большого внимания заслуживает систематическое замалчивание всех возражений против теории Эйнштейна, наблюдающееся в научной литературе на всем земном шаре.

А. Тимирязев.

³⁾ См. «Вестник», кн. 12; § 56, все ссылки в скобках в этой статье относятся повсюду к §§-ам той I части.

¹⁾ Plut. de puer. ed. 14 (FVS² fr. 145) λόγος έργου σκίη.

Я покажу, что два частных цитированные выше случая силового воздействия переходят один в другой, в предположении, что притягиваемая точка, в отношении к волнам, приносящим к ней силовой импульс, подлжет аберации совершенно так же, как и наш глаз, при восприятии световых волн.

В самом деле, при наличии скорости \bar{u} , точка O „видит“ притягивающую точку A в B , при $AB = Ru$ обладающею скоростью $-\bar{u}$. Поэтому она должна испытать ускорение в направлении OC , отклоняющемся от OA на величину $R\bar{u} - r\bar{u}$. Так как приблизительно $R - r = Xu$, то и получаем для отклонения значение Xu^2 , откуда для силы находим, в самом деле, значение, независящее от скорости.

Если бы мы захотели уточнить полученный вывод, то нам пришлось бы выразить точнее формулу для аберации. При тех приближительных значениях, которыми мы пользовались, получается $r^2 - x^2 = (R^2 - X^2)(1 - u^2)$, вместо $R^2 - X^2$; след., надо разделить и r , и x на $\sqrt{1 - u^2}$.

Этот простой вывод преобразований Лоренца, так не понравился моему оппоненту г. Тамму, что он признал его „совершенно лишеным физического значения“. Конечно, с физической точки зрения, предосудительно переделывать формулу Брэдлея; но в этом грешен, конечно, не я, а Эйнштейн. С Эйнштейном же г. Тамм не спорил, и потому я затрудняюсь понять сущность его возражений и ответить на них должным образом. Может быть, со временем он выскажется более определенно по этому поводу?

Чтобы не грешить против формулы Брэдлея, приходится смотреть на множитель $\sqrt{1 - u^2}$ в знаменателе формулы для x , как на результат искусственного измерения пространства в направлении скорости \bar{u} единицею, в $\sqrt{1 - u^2}$ раз меньшею, чем по направлениям, нормальным к скорости \bar{u} . При таком измерении, окажется, что свет и для движущейся точки распространяется по сфере, т.е., он, собственно, распространяется для нее по эллипсоиду, сплюсненному в направлении скорости \bar{u} , как это и показано у меня подробно в §§-ах 22, 23.

Теперь: если припишем точке O такой способ измерения пространства, т.е., если допустим, что для нее световой эллипсоид играет роль измерительной сферы, то получим в точности: $\bar{r} + x\bar{u} = R\sqrt{1 - u^2}$, т.е., абсцисса ускорения для точки в точности равна $X\sqrt{1 - u^2}$, след., абсцисса силы равна $\frac{X}{\sqrt{1 - u^2}}$; переход к нормальному способу измерения даст в точности прежнее направление силы.

В вышеизложенных соображениях заключается, строго говоря, вся теория относительности, с ее слабыми и сильными сторонами, и, главное, ясно, что наука привела к ней в области законов силового воздействия, а никак не путем туманных рассуждений о времени и пространстве. Мы обобщим теперь полученные выводы и по-

кажем, что у Эйнштейна его учение о переходе электрического поля в магнитное и обратно не в достаточной степени радикально; можно утверждать гораздо определеннее: никакого магнетизма нет, а есть только аберация света (в связи с фактом переменной электромагнитной массы).

Так как геометрическое созерцание в общем случае представляется чересчур сложным, то мы здесь, ради экономии места, перейдем к аналитической трактовке проблемы. Закон силы, при неподвижной притягиваемой точке, можно выразить так: если $\bar{R} = (X, Y, Z)$, $\bar{v} = (\xi, \eta, \zeta)$: то координаты силы пропорциональны определителям, которые получаются из нижеследующей матрицы, при сочетании ее первого столбца последовательно со вторым, третьим, четвертым:

$$\begin{vmatrix} R & X & Y & Z \\ 1 & \xi & \eta & \zeta \end{vmatrix}$$

При этом сила опять понимается, как величина, непропорциональная ускорению, так как масса переменна.

А если еще к тому же и притягиваемая точка обладает скоростью $\bar{u} = (u, 0, 0)$, то к силе прибавляется еще сила магнитная, представляющая собою момент скорости \bar{u} и „магнитного“ вектора \bar{H} , который, в свою очередь, равен моменту скорости \bar{v} и вектора \bar{R} . Таким образом, вектор \bar{H} нормален к плоскости векторов \bar{v}, \bar{R} , и всякий вектор, к нему нормальный, падает в эту плоскость. Итак, добавочная сила падает в плоскость векторов \bar{v}, \bar{R} , и она нормальна к скорости \bar{u} .—Так формулирован закон Био-Савара у Лоренца.

Если припишем к первому столбцу нашей матрицы величины $-uX, -u$, то как раз и получим, по прежнему правилу, новые координаты силы, — это следует из аналитического выражения координат вектора—момента. Если, вместо силы, хотим получить ускорение, то для этого нужно помножить ее первую координату на $1 - u^2$, что достигается очень просто: нужно только приписать к элементам второго столбца матрицы величины $-uR, -u$, пропорциональные первому столбцу. Так как мы получим таким образом не самые координаты ускорения, а величины, им как-то пропорциональные, то мы в праве еще разделить первый столбец нашей матрицы на любую величину; выберем для нее значение $\sqrt{1 - u^2}$, и тогда получим окончательно:

$$\begin{vmatrix} R - uX & X - Ru & Y & Z \\ \frac{R - uX}{\sqrt{1 - u^2}} & X - Ru & Y & Z \\ 1 - u\xi & \xi - u & \eta & \zeta \\ \frac{1 - u\xi}{\sqrt{1 - u^2}} & \xi - u & \eta & \zeta \end{vmatrix}$$

Теперь ясно: во втором столбце матрицы стоят первые координаты расстояния и скорости притягивающего центра, как они воспринимаются притягиваемой точкою под влиянием аберации; в первом столбце стоит величина расстояния, вычисленная по искусствен-

ному способу, а под нею—новое значение притягивающей массы, которая, раз она обладает для притягиваемой точки иной скоростью и сама иная. Итак, закон электромагнитного воздействия целиком сведен к электрическому притяжению, усложненному аберацией и фактом переменной электромагнитной массы. От магнетизма ничего не осталось.

Если вообще для абсцисс пользоваться искусственным измерением, нужно и второй столбец разделить на $\sqrt{1-u^2}$; тогда строчки преобразованной матрицы получаются из первоначальной по преобразованиям Лоренца.

После этих кратких замечаний о сущности силовых воздействий, перейдем к непосредственной критике теории относительности. Возьмем за отправную точку зрения учения по этому вопросу доэйнштейновой, или ньютоновой, механики.

Там принцип относительности состоит в следующем: ко всякой данной системе мыслимы двойники, отличающиеся от оригинала только иным состоянием поступательного движения; и притом, мыслимы не кинематически, а динамически, т.е., по тем же самым законам динамики, по которым пульсирует жизнь и в отправной системе-оригинале.

Толкните любую систему плавно,—и она двинется поступательно, ни в чем остальном не нарушая, для стороннего наблюдателя, своих движений, так именно выражается принцип относительности у самого Ньютона. Законы динамики; выходит, все могут объяснить, кроме только одного: почему это система обладает непременно таким, а не иным поступательным движением.

„Видно, уж бог ее так толкнул“,—прямо значит у Ньютона,—можно понять и всуерьез, как намек на материальные толчки извне, и в шутку, в знак некомпетентности законов динамики для решения дополнительного вопроса о величине поступательного движения.

Как видим, принцип относительности дан у Ньютона объективно, т.е., в предположении одного наблюдателя, противостоящего множеству двойников, а ничуть не субъективно, не для одной системы, противостоящей множеству наблюдателей, как это у Эйнштейна.

Термин „относительность“ выражает объективную относительность материальных скоростей, а вовсе не субъективное отношение между наблюдателями и системой.

Конечно, можно потом ввести и множество наблюдателей, прикрыв одушевленного спутника к каждому двойнику. Но не в идее же таких спутников корни принципа относительности, а в том заранее установленном физическом факте, что, есть ли при системе спутник или нет,—а ничто в свободной системе не изменится, если она вся сразу вдруг перейдет в какое бы то ни было равномерно поступательное движение.

Помимо этой объективной формы своего выражения, принцип относительности у Ньютона еще и не принцип, т.е., не основ-

ное допущение, а логический вывод из определенного на опыте закона всякого силового воздействия между массами.

Доказательство в следующем: выразим зависимость между двойником и оригиналом аналитически. Выбрав ось X-ов как раз в направлении поступательной скорости u двойника, найдем: если (t, x, y, z) координаты любого события (см. § 41) в оригинале, то $(t', x' + ut', y', z')$ координаты соответствующего события в двойнике. В этом—общеизвестные „преобразования Галилея“, при которых изменяется только вторая координата кватерниона (первая пространственная), на величину, пропорциональную первой кватернионной (т.е., временной).

Так как обратные решения приводят опять к преобразованиям Галилея,—только знак при скорости изменится в обратный, то зависимость между двойником и оригиналом обратимая, т.е., всецело от нас самих зависит, какую из мыслимых систем принять, смотря по обстоятельствам, за двойник, а какую за оригинал.

Всевозможные преобразования Галилея образуют группу Галилея, и в группе соответствующих мыслимых систем предоставляется на наше собственное благоусмотрение установить, где оригинал, где двойник.

Если продифференцируем по времени „количество положения“ $m(t, x + ut, y, z)$ любой массы в любом двойнике, то получим ее количество движения $m(1, x' + u, y', z')$, которое, как видим, также подчиняется преобразованиям Галилея. Но ее первая координата—постоянное количество (масса!), а вторая содержит постоянное количество mu , как слагаемое. При повторном дифференцировании, оба эти постоянные количества уничтожаются, и получается выражение $(0, mx'', my'', mz'')$ для произведения из массы на ускорение, тоже, конечно, преобразующееся по Галилею, но, вместе с тем, и неизменное, потому что первая его координата равна нулю.

В этом—кинематическая особенность произведения из массы на ускорение, а также и самих двойников: в них всегда в соответствующих точках даны равные произведения из масс на ускорение. И потому принцип относительности восполняется или нет, смотря по тому, дан или нет в динамике соответствующий закон силового воздействия.

Нужно, как видим, чтобы динамика была построена на приравнении второй производной от количества положения, или первой производной от количества движения (по времени) некоторому кватерниону „силы“, первая координата которого была бы равна нулю, а три остальные инвариантно сохранились бы от двойника к двойнику.

К такому именно равенству Ньютон и пришел в своей динамике на основе опытных соображений (так как сила у него зависит исключительно от одновременных относительных расстояний между массами), и вот потому-то у него и получилось в результате положение об объективном принципе относительности, из которого

далее следует, пожалуй, и субъективный принцип относительности спутник двойника не может, по наблюдениям своей системы изнутри, решить, движется ли он в окружающем его пространстве или нет.

Можно, конечно, и все на голову поставить: заранее возвести субъективный принцип относительности именно в принцип, т.-е. в основное допущение, и вывести из него динамику, ему соответствующую. Так это у Эйнштейна в его электродинамике. И это нам не кажется особенно убедительным, — вот почему.

Не забудем, что в рамках ньютоновой механики принцип относительности является определенным несовершенством, в лучшем случае, курьезом, достаточно странным для того, чтобы отнестись к нему недоверчиво. Его вероятность к тому же — далеко неполная, так как это — вывод из вывода. Не следует, поэтому, брать его за исходную точку всех рассуждений, а лучше исходить из опытно-данного закона силового воздействия.

Попытаемся приложить все эти соображения к теории Эйнштейна. Покажем, что она, действительно, чрезвычайно выигрывает в ясности изложения от приведения ее в порядок, соответствующий заведенному в ньютоновой механике; вместе с ясностью изложения, открывается в ней и одно слабое место, что сразу приведет нас к ее плодотворной критике.

Построим, после знакомства с фактическим законом электромагнитного воздействия, электромагнитные двойники к данной электродинамической системе.

В отступление от вышеизложенной теории двойников Галилея, построенных на принципе одновременности, нам надлежит построить двойники в предположении не мгновенной передачи силы на расстояние, а передачи со скоростью света, которую принимаем за единичную (см. § 8).

Простейшими двойниками будут двойники Герца, построенные в предположении полного увлечения эфира движущейся системой. Здесь заметим в скобках, что допустимость таких двойников отнюдь не опровергнута на опыте, как это кажется некоторым снисходительным критикам теории Эйнштейна. Формула для электромагнитной массы обнаруживает (см. § 12), что увлечение эфира происходит без трения, и потому увлечение эфира на верное не имеет места при вращательном движении, так что соответствующие рассуждения т. В. Фесенкова на стр. 201—2 № 13 «Вестника Ком. Ак-ии» кажутся нам отнюдь не убедительными. Напротив, опыт Майкельсона, в его части, касающейся вращения земли, и опыт Дейтон-Миллера равно, в наших глазах, решают в пользу гипотезы эфира, увлекаемого без трения, а, след., и против Эйнштейна, совершенно не желающего считаться с возможностью и даже необходимостью существования эфира, как материального посредника между телами на расстоянии.

В применении к двойнику Герца, измерение отрезков в направлении движения в единице $\sqrt{1-u^2}$ несомненно искусственное.

Дело просто объясняется: при неподвижном эфире ур-ие света следующее:

$$dx^2 + dy^2 + dz^2 = dt^2$$

Для наблюдателя, видящего всю систему движущейся со скоростью в направлении оси X-ов, ур-ие света становится:

$$(dx + udt)^2 + dy^2 + dz^2 = dt^2$$

или $dx^2 + dy^2 + dz^2 = dt^2 (1-u^2) - 2 u dx dt$,

что дает, если дополнить первые два члена до полного квадрата:

$$\frac{X}{\sqrt{1-u^2}} + y^2 + z^2 = T^2$$

(см. § 17); это значит, что, если наблюдатель введет искусственное измерение времени для движущейся системы, то свет в ней окажется для него распространяющимся по эллипсоиду (см. § 24). А если он введет еще и искусственное измерение движущейся системы в направлении оси ее движения, то световой эллипсоид перейдет для него в сферу, т.-е., он может рассматривать систему, как движущуюся в эфире, относительно его самого неподвижном, и применять к ней законы электродинамики, отнесенные к нему, а не к эфиру, увлекаемому системой. И, все-таки, это будут те же самые законы.

Пока все ясно; нигде никакого отступления от обычных законов механики нет, мы приняли целиком все формулы Эйнштейна (в правильном их толковании) и пришли к идее двух систем, движущихся равномерно друг относительно друга, при чем наблюдатель каждой системы в праве считать именно себя неподвижным, а другого движущимся; каждая система увлекает эфир полностью, но каждый внешний наблюдатель может полагать, что она движется в эфире, относительно его неподвижном, — если он введет, по отношению к ней, искусственное измерение времени и отрезков в направлении оси ее движения.

В таком случае, можно и в самом деле построить в эфире, предположенном неподвижным относительно данного наблюдателя, двойник его собственной системы, движущийся без увлечения эфира, — назовем его двойником Лоренца, — и подчиняющийся все тем же законам электродинамики. Для этого нужно только предположить, что измерение времени и пространства нашим наблюдателем, в отношении двойника, ничуть не искусственное, а самое действительное, тогда как, обратно, наблюдатель-спутник двойника измеряет время и пространство, в некотором смысле слова, неправильно.

Так как в теории двойников Лоренца — для нас центр всех рассуждений Эйнштейна, то мы изложим эту теорию со всею тщательностью, как можно самостоятельнее, не ссылаясь на все до сих пор разъясненное. И вообще, теория двойников — ключ и к пониманию многих вопросов из области большого принципа относительности, так что мы тут с самого начала позволим себе некоторые обобщения.

Итак, дадим прежде всего самое общее возможное определение двойника.

Под двойником данной системы понимается система, четырехмерно проективная данной, т.е. такая, в которой каждому событию (T, X, Y, Z) в данной системе соответствует подобное же событие (t, x, y, z) . Координаты X, Y, Z, T при этом вообще какие-то функции от координат x, y, z, t .

В частности, каждой светопередаче в оригинале соответствует светопередача же в двойнике. При неподвижном эфире это, конечно, невозможно при соблюдении принципа одновременности, потому что время для передачи света получится в двойнике, вследствие его движения относительно данной системы, т.е., относительно неподвижного эфира, наверное другое, чем в оригинале. Итак, принципиально T и t различные величины, так что двойник Лоренца или двойник в неподвижном эфире, наверное противоречит принципу одновременности, существенному в механике Ньютона.

Рассмотрим в некоторой точке оригинала часы. Их показание t во время t представляет собою событие, которому в двойнике соответствует такое же событие, т.е., показание времени t в соответствующей точке, но во время T , отличное от t . Итак, часы в двойнике идут по „местному времени“. Если ввести его для событий в двойнике, то соответствующие события окажутся совершающимися в оригинальной системе и в двойнике в равные местные времена.

Точно так же можно, изменив систему координат, ввести в двойнике для точки x, y, z координаты x, y, z, t — и тогда и пространственные координаты для соответствующих точек окажутся теми же. Мы приходим к представлению двух систем, внутренне друг другу тождественных, но движущихся друг относительно друга, вследствие чего наблюдателю, прикрепленному к одной системе, все в другой системе представляется совершающимся не в том месте и не в то время (которое он вычисляет по-своему, вводя в свои наблюдения поправки на скорость света, срв. § 29). В результате, каждая система существует, при внешнем наблюдении, по тем же самым законам, что и при внутреннем наблюдении. Вот самое широкое определение понятия двойника.

Возможность существования двойника доказывается так, что сначала строится двойник в предположении увлекаемого эфира и вычисляется, какие координаты получают события в нем при внешнем наблюдении, если исходить из предположения, что двойник эфира не увлекает. Полученные координаты приписываются событиям при внешнем наблюдении в силу определенной „аберации света“, которой механически подлежит, предполагается, внешний наблюдатель (включая в понятие аберации света и неправильные поправки на скорость света, связанные с ошибкой в положении, см. § 29). Таким образом, получается двойник Герца; если затем придать вычисленным координатам действительное значение, то двойник Герца перейдет в двойник Лоренца, при неувлекаемом эфире.

Теперь еще одно: в каждой точке любой системы свет в бесконечно малое время распространяется во все стороны по некоторому эллипсоиду, с центром в данной точке, — если только ввести соответствующее время (доказательство в § 17, основанное на невозможности определения истинного времени, которое тратит свет на путь АВ и на обратный ВА). К уравнению светового эллипсоида можно применить целиком рассуждения, изложенные на стр. 279—280 № 10, что приведет, в результате, к определению местного времени при любой системе координат, при любой кривизне мира, а затем и к уравнению Гамильтона, и к теореме, что каждая точка двойника должна, в глазах стороннего наблюдателя, двигаться по геодезической линии, т.е., что все движения в мире происходят по геодезическим линиям. Одним словом, из понятия двойника можно вывести все главнейшие положения моей первой статьи, напечатанной в № 10.

Я касаюсь этого здесь мимоходом потому, что настоящая статья предназначена для дискуссии, и мне желательно было бы выслушать по этому вопросу от т. Тамма мнение, расходящееся с высказанным им на дискуссии по поводу статьи в № 12, когда он, вопреки доказательству, мною уже опубликованным, заявил, что обобщить понятие местного времени на случай любого четырехмерного мира невозможно. Я возражал ему: так это кажется Эйнштейну, а я доказал, что это возможно, и я остаюсь и по сей момент на этой позиции, так как никто и не пытался ее до сих пор опровергнуть, — остаюсь у слов во, — т.е. до тех пор, пока т. Тамм не докажет того, что он утверждал на дискуссии.

Перехожу теперь от общих рассуждений о двойниках к случаю, когда они даны в мире с кривизною, равную нулю. Тут еще раз, для построения двойников, позволю себе, напомнить простое доказательство, которое я на своем втором докладе применял к выводу формулы для аберации и которое тогда так не понравилось тов. Тамму. В применении к теории двойников, вывод физически совершенно корректен, он показывает: чтобы построить двойник с поступательной скоростью u относительно оригинала, нужно сжать оригинал в направлении скорости u в отношении $1 : \sqrt{1 - u^2}$, а потом придать ему скорость u , — тогда и только тогда каждой светопередаче в оригинале соответствует в двойнике светопередача же, и притом, по простому закону линейного преобразования координат, т.е. преобразования, сразу применимого ко всем решительно точкам двойника.

Теперь связь между координатами события в оригинале и в двойнике дана преобразованиями Лоренца: из (t, x, y, z) получается $\left(\frac{t + ux}{\sqrt{1 - u^2}}, \frac{x + ut}{\sqrt{1 - u^2}}, y, z \right)$; так как преобразования линейны, то они сохраняются и при дифференцировании по одной и той же самой переменной t ; но тут как раз приходится дифференцировать по различным переменным t, T , и потому, при таком дифференциро-

вании, кроме преобразований по Лоренцу, каждый раз нужно добавлять еще и общий множитель $\frac{dT}{dt}$.

Применительно к «мировому количеству положения» $m(t, x, y, z)$ преобразования Лоренца дают, при дифференцировании по t : в оригинале —

$$m(I, x', y', z'), \text{ а в двойнике — } m\left(\frac{1+ux'}{\sqrt{1-u^2}}, \frac{x'+u}{\sqrt{1-u^2}}, y', z'\right).$$

Деля тут на первую координату остальные три, найдем знаменитую Эйнштейнову формулу сложения скоростей, но в применении к двум системам, данным одному и тому же наблюдателю, а не к одной системе, наблюдаемой изнутри и извне, — как это у Эйнштейна.

При оговоренных условиях, в формуле нет ничего удивительного, и никакого другого времени, кроме абсолютного: ее вывод не предполагает; а просто, — раз уже строение двойника не следует закону одновременности, а соответствующие точки пространства достигаются при некотором движении в двойнике, в иные моменты времени, чем в оригинале, — то обычное правило паралелограмма тут и неприменимо.

Мы написали формулу для сложной скорости в кватернионной форме, подразумевая деление последующих трех координат на первую. Это удобнее потому, что определенный таким образом кватернион скорости преобразуется, от двойника к двойнику, по Лоренцу. При равенстве начальной скорости нулю, этот кватернион равен (1, 0, 0, 0). Помножив его на массу m_0 покоящейся точки, приходим к преобразуемому по Лоренцу кватерниону количества движения, первая координата которого, по аналогии с обычной механикою, должна быть признана за массу движущейся точки.

Так и приходим к учению о переменной массе. В случае покоя, кватернион количества движения равен ($m_0, 0, 0, 0$). Преобразуя по Лоренцу, при скорости u , найдем, что первая координата равна $\frac{m_0}{\sqrt{1-u^2}}$.

Такое выражение для переменной массы равносильно трем следующим принципам (срв. §§ 12—14):

1. — Эфир есть;
2. — Он оказывает сопротивление движущимся в нем массам;
3. — Это сопротивление сводится исключительно к увлечению эфира, так как в формулу для массы входит только скорость.

Принципы даны в порядке их логической последовательности и в то же время странно! в порядке падающей убедительности. То, что эфир есть, представляется нам непререкаемым, сколько бы абсолютные приверженцы теории относительности ни усматривали в том предвзятого изучения фактов; а раз уж эфир есть, то и представляет собою нечто весьма подобное явной материи, и потому, — очень возможно, — оказывает ей, при ее движении (поступательном, которое не может совершиться без вытеснения эфира массой; при вращательном, такое вытеснение не имеет места!) — сопротивление, осязатель-

но отличное от нуля. Но что сопротивление именно такое, а не иное. — это особенно нуждается в опытной проверке, — и не только на известной формуле для т.-н. «электромагнитной массы», а на всем выражении факгического закона силового воздействия¹⁾.

С формулой сложения скоростей связан знаменитый опыт Физо, который Эйнштейн окрестил названием «крестного испытания для теоретиков», считая, что только он вышел с честью из этого испытания, дав свою знаменитую формулу сложения скоростей. Но уже добросовестный последователь Эйнштейна Лауе открыто признается, что эту честь делит с Эйнштейном и Лоренц, и что в пользу собственно Эйнштейновой теории можно цитировать только опыт Майкельсона.

Нужно, однако заметить: или вода в движении — двойник Лоренца, или она — двойник Герца; в первом случае для вывода формулы Физо нужно апеллировать к изложенной тут теории двойников Лоренца; во втором случае, формула Физо получается только при искусственном измерении времени и пространства внешним наблюдателем, т.-е. она — последствие аберации света. На эту вторую возможность указал я в своей брошюрке: «Аберация или теория относительности», изданной в Тифлисе, в 1916 году, единственный уцелевший от революции экземпляр которой я намерен пожертвовать в библиотеку Коммунистической Академии, на справку всем желающим убедиться на опыте, что я давно уже выражал мысли, подобные выражаемым ныне²⁾.

Если на это возразят: «нет нужды в таком двояком толковании одного и того же опыта; раз герцов и лоренцов двойник математически тождественны, то совершенно лишнее различать между ними с точки зрения их физического отношения к чему-то недоказуемому — к эфиру, который один двойник увлекает, а другой не увлекает, а нужно отбросить дублирующую все формулы гипотезу эфира, и тогда-то перед нами окажется в чистом виде единственно математически безукоризненная и все объясняющая теория Эйнштейна», если так станут возражать, то я, в свою очередь, отвечу следующее:

Согласитесь прежде всего, что выше я дал изложение, гораздо более удовлетворительное, чем это практиковалось Эйнштейном и его сторонниками: я не перевертывал хода рассуждения Ньютона, а исходил из экспериментального данного закона силового воздействия; я до сих пор нигде и ни разу не отступил от общепринятых основ науки, с одной стороны, и от математических формул Эйнштейна — с другой; я дал синтез, представлявшийся до сих пор невозможным: синтез ньютоновой механики и формул Эйнштейна, так что ничего из моего изложения до сих пор не может быть отброшено ни сторонниками ньютоновой механики, признающим опыт, ни эйнштейнцами. И вот, я пришел к точке расхождения:

¹⁾ О вращательном движении с переменной угловою скоростью мы тут не говорим вовсе.

²⁾ Кроме того, см., по поводу опыта Физо, приложение к настоящей статье.

«ту ся брата разлучиста!» И вот, тут надлежит решить, отбросить ли различие между двойником Герца и Лоренца или нет?

Казалось бы, отчего бы и не отбросить? Не все ли равно, мне ли это кажется, при наблюдении системы со стороны, что она сократилась, или же это и в самом деле так, но только наблюдатель-спутник системы этого не может вскрыть, потому что и все его масштабы сократились? Но вот в чем дело как бы не пришлось потом нагибаться и подымать то, что мы отбросили?

Пока мы допускаем, что возможны двойники Герца и Лоренца, мы можем допустить еще и третью возможность: смешанного двойника, состоящего отчасти из систем, увлекающих эфир, каждая в отдельности, а в своей совокупности движущихся в неподвижном эфире. Внутри каждой системы все обстоит благополучно; что же до взаимоотношений между этими системами, то, не будь вовсе увлечения эфира, нельзя было бы изнутри констатировать всеобщего сокращения в направлении оси движения. А теперь — не то: масштабом, увлекающим эфир, а потому и не сокращающимся, весьма легко измерить и установить сокращение между отдельными частями, эфира не увлекающими!

Поймите меня: я говорю не об опыте Дейтона-Миллера; хуже: я говорю о перманентной возможности такого опыта! Я ведь, говорил то, что говорю, другими только словами, еще и до опубликования результатов опыта Дейтона-Миллера. И пусть теперь, после их опубликования, они еще спорны (хотя я этого вовсе и не думаю). Но что бесспорно, так это теоретическая возможность такого опыта!

Если я еду в страну, где неизвестно, какая монета в ходу — доллары или фунты стерлингов, так я захвачу с собою и ту, и другую валюту — на всякий случай. Если я перед возможностью все новых и новых опытов, то с какой стати мне отбрасывать одно из возможных толкований математических формул, которое, может быть, в недобрый час пригодится? Никакими рассуждениями вы не уничтожите этого упрека теории относительности: что она уже возможного опыта, и потому она стесняет возможный опыт. С нею нужно спорить — на всякий случай.

Иначе говоря, она логически неполна. Это — неполная система принципов — что-то вроде девяти первых аксиом Эвклида; на чисто математических формулах, данных Эйнштейном, еще никакой науки не построишь. Нужно еще десятую аксиому прибавить: есть параллельные или нет их? Есть эфир или нет? Эйнштейн, собственно, и выбрал, что эфира нет, след., нет и разницы между двойниками Герца и Лоренца, нет и смешанных двойников. Но с таким же правом он мог утверждать и обратное. Мог, след., и должен был. Потому что тут не упражнения в элементарной математике (я отношу преобразования разности двух квадратов к элементам математики), а тут физика. И, сколько бы ни говорили, а физики одною математикою не исчерпашь; нужен хоть один чисто физический принцип. А последний нужно доказать на опыте.

Мне говорят: но противоречия у Эйнштейна нет? — Математических или логических? При чем я под логикою понимаю не формальную логику (к которой относится и вся математика), а теорию опыта. Нелогично заранее, до всякого опыта, откидывать одну из двух возможностей — существования или несуществования эфира (я не говорю уже о том, что для меня, по всей совокупности опыта, предположение существования эфира не одна из возможностей, а единственная необходимость).

Когда строят в голове схемы, пусть формально и непротиворечивые (что всегда сводится к простому алгебраическому преобразованию одного многочлена в другой, по принципу тождества), и когда то, что существует в идее, выдают за действительность только на том основании, что это так красиво выходит на бумаге, — то это для меня — идеализм. Тут сознание пытается определить бытие. А когда, обратно, проверяют на опыте, ставят свои построения в зависимость от опыта, т. е., от материи, то это — материализм. Для меня заранее очевидно, что одною математикою опыта не построишь, а нужно еще материю, и когда говорят, что, хоть и отбросить материю (в данном случае, эфир), а формулы остаются, — то мне ясно, что меня хотят научить тому, что есть бесплотный дух.

А я не верю, потому что никогда его не видел; впрочем, бабушка Макса Штирнера, кажется, видела.

Вот и все принципиальное, что я тут имею возразить против системы Эйнштейна, не говоря уже о ее перевернутом плане изложения. И теперь еще несколько слов о завершении теории двойников Лоренца. После количества движения, перейдем к его производной; если бы время для соответствующих событий в двойниках сохранялось, то и производная от количества движения по времени, или сила, преобразовывалась бы от двойника к двойнику по Лоренцу. А теперь — это так, только если добавить множитель $\sqrt{1-u^2}$, т. е., преобразовывается по Лоренцу произведение из силы на массу. Сила получается последующим делением на массу, или помножением на $\sqrt{1-u^2}$.

Нпр., предположим, что сила приложена к неподвижной массе. Преобразуя по Лоренцу к двойнику, движущемуся в направлении оси X-ов со скоростью u относительно оригинала, получим:

$$\left(\frac{q_1}{\sqrt{1-u^2}}, q_2, q_3 \right)$$

Но это — не настоящее выражение силы, потому что, при преобразовании по Лоренцу, в него включен еще множитель $1:\sqrt{1-u^2}$. Для того, чтобы от него освободиться, нужно помножить на $\sqrt{1-u^2}$; и тогда получим для силы, приложенной к массе, движущейся со скоростью u :

$$(q_1, q_2 \sqrt{1-u^2}, q_3 \sqrt{1-u^2})$$

при условии, что (q_1, q_2, q_3) вектор силы, приложенной к массе непо-

движной, в системе, которую можно считать двойником данной (потому что понятие двойника в оригинале обратимое).

С выводом этой формулы для силы, кинематика двойника завершена, и мы подошли к самому главному: к динамике!

До сих пор, все было, собственно, в кредит; а пришла пора — платить наличными! Не угодно ли — от кинематики к динамике, от двойника только мыслимого к фактически существующему; не угодно ли доказать, что фактически силы, данные нам в прямом опыте, преобразуются, как выведено?

Это и значит, что все, в конечном счете, основано на законе силового воздействия, и что с него бы и надо было начинать.

Удивительно, как это Эйнштейн так не по-ньютонovski поступил! Почему, если его теория, действительно, приводит к фактическому закону силового воздействия, он с него не начал?

Взять бы ему всеми уже твердо признанные законы силового воздействия и показать, что на их основе вполне возможно построить в неподвижном эфире двойники Лоренца, так что они, эти двойники, так же несомненны, как те законы, всеми признанные.

А потом и показать, — как это у нас тут намечено, — что в двойниках часы, вот видите, как ходят; и, след., местное время так же несомненно, как и двойники, т.е., как всеми признанные законы динамики.

А потом и неоткрываемое сжатие двойника по оси движения также свести все к тем же несомненным законам динамики.

И, наконец, уже разоткровенничаться во всю перед изумленными ньютонианцами; доказать: кто согласился с общепризнанными законами электродинамики, — для того, — в пределах применимости этих законов, — принцип относительности в его, эйнштейновой, редакции, обязателен со всеми вытекающими последствиями — отрицанием абсолютного эфира, абсолютного времени и т. д.

Это было бы безупречно, в смысле научности подхода к теме; но — этого было нельзя сделать, потому что, как мы это обнаружили, все формулы двусмысленны, подлежат и тому, и другому толкованию. На их основе мыслимы как двойники Герца, так и Лоренца, а, следовательно, и смешанные двойники, — и тогда ясно, что сжатие двойника можно-таки обнаружить измерениями изнутри. И тогда — формулы-то целы, при осторожном их толковании, а принципа относительности нет, и есть эфир, есть абсолютное время.

Но не станем повторяться в области отвлеченного теоретизирования, а разберемся окончательно в проблеме силового воздействия, идя от конца к началу, т.е., подойдем к закону, исходя из понятия Лоренцова двойника.

Но излюбленной программе теоретиков относительности, после преобразований, по Лоренцу, пространственных координат, проблема силового воздействия разрешается ссылками на урия Максвелла, т.е., вдруг вспоминают об опытных данных. А мы ставим

вопрос уже не так: раз все шло головным путем, строились кинематически двойники Лоренца, то и надо расследовать, при каком силовом законе эти двойники не только мыслимы кинематически, а и впрямь существуют динамически.

Для облегчения дальнейших изысканий, напомним прежде всего, что любая масса, несомненно, действует на другую формально по одному и тому же закону силового воздействия, и что одновременно дошедшие до одной определенной массы частные воздействия окружающих масс переналагаются, суммируются по обычным правилам векториального сложения, — так что достаточно ограничиться анализом всего одной единственной пары масс, — движущей (источника силы) и движимой (приемника силы), как условимся выражаться.

Пара эта берется, конечно, не в одновременном своем положении, а разновременно, как это всегда при светопередаче, и эту поправку на разновременность нужно иметь в виду и в отношении к кватернионам, определяющим силу, которых здесь уже не три, как в обычной механике, а четыре, — а именно:

1. Расстояние P между массами — от положения движущей (источника силы) в момент излучения силы — до положения движимой (приемника силы) в момент действия на нее силы;

2. и 3. Количество движения A и сила B при движущей массе, в момент излучения силы; и еще 4. количество движения U движимой массы в момент действия на нее силы.

Конечно, можно бы свести и здесь эти определяющие кватернионы к трем, перейдя от данной системы к такому ее двойнику, в котором бы, нпр., скорость источника была 0; тогда сила окажется зависящей только от относительной скорости приемника и источника; но, в то же время, это уже не та сила, что в оригинальной системе. Преобразуя назад от двойника к оригиналу по Лоренцу, мы опять включим в силу ее зависимость от скорости источника, — правда, в виде ничтожно разнящегося от 1 множителя $\sqrt{1-u^2}$, — но, все-таки, это принципиально новая зависимость.

Теперь, в пресейшем предположении $B=0$, проблема сводится к тому, чтобы из двух кватернион P , A закономерно вывести кватернион, первая координата которого равна нулю. Заметим в скобках: это равенство первой координаты нулю сильно сближает, — как и следовало заранее ожидать, — рассматриваемую проблему с аналогичною ей в теории Галлея двойников; но только там — у кватерниона силы первая координата равна нулю всегда, а здесь единственно в случае неподвижного приемника. Затем: там у самого кватерниона P первая координата нуль, по принципу одновременности; а здесь — если (x, y, z) вектор расстояния от приемника до источника, и если r длина этого вектора, то

$$P = (r, x, y, z),$$

и первая координата — вовсе не нуль: принцип одновременности уступил место принципу разновременности, отставания.

Положение было бы безвыходным, если бы еще не кватернион B , который, при массе μ источника силы, равен:

$$B = \mu (1, \xi, \eta, \zeta)$$

Чтобы вывести из двух наших кватернионов кватернион, первая координата которого нуль, у нас не остается никакой другой возможности, как помножить первый на 1 , второй на $-i$ и сложить; тогда и окажется, что, до некоторого множителя, инвариантного при преобразованиях от двойника к двойнику, сила дана кватернионом:

$$\bar{q} = \mu (0, x - r\xi, y - r\eta, z - r\zeta) \dots (q)$$

Теперь можем найти и закон силы, при неподвижном источнике, но при приемнике, движущемся со скоростью u : для этого нужно только перейти от данной системы, как от оригинала, к ее двойнику, движущемуся относительно нее со скоростью $-u$. В этом двойнике действует та же сила, но нужно только ее первую координату разделить, по преобразованиям Лоренца, на $\sqrt{1-u^2}$. И мы получим как раз вектор, параллельный в двойнике расстоянию между источником и приемником силы!

Это значит, другими словами: если источник силы вовсе неподвижен, т.-е. не обладает ни ускорением, ни скоростью, то, какова бы ни была скорость u приемника силы, сила действует всегда одна и та же, независимо от скорости приемника, по вектору расстояния между источником и приемником силы.

И так далее, и так далее. Вы утомились; позвольте же раскланяться и поблагодарить. Не считайте только за фокус то, что здесь показано: я и в самом деле это сделал. Я нашел вернейший способ — и формулы Эйнштейна соблюсти, и эфир приобрести. Странники Эйнштейна должны бы радоваться: в области малого принципа относительности нет грубой алгебраической ошибки (хоть я лично отношу к алгебре не только самое буквенное вычисление, но и истолкование значения каждой буквы). Но все рассуждения о преобразовании времени и пространства, о несуществовании эфира, абсолютного времени и т. п. — преждевременны. От принципа относительности, как его формулировал Эйнштейн, остались рожки да ножки.

Правильные алгебраические преобразования не уберегли, как видим, Эйнштейна от какой-то ошибки. Зачем говорить от какой-то? Мы в состоянии вполне определенно указать, где она: Эйнштейн нашел, что между двойником Герца и Лоренца нет существенно-разницы, а потому он их и отождествил. Он забыл самую малюсенькую малость: доказать нам, что отрицание эфира безразлично и для смешанного двойника. Вот, тогда бы он теоретически вовсе изгнал эфир из употребления. А теперь — оказывается, эфир нужен таки! Без него нельзя дать определение смешанного двойника.

Это — в области теории; а на практике, после опыта Дейтон-Миллера, теория Эйнштейна, ничего в области опыта не объясняя, а

в теории порождая невыразимую путаницу, уже и совершенно неприемлема, по старинному правилу политической экономии: *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*, т.-е. по-русски: «говори проще, что тебе нужно».

А теория, мною намеченная в № 12 и здесь окончательно дорисованная, все объясняет и ничему не противоречит, — пока дискуссия не обнаружит обратного. Я лично жду от такой дискуссии, если бы она возникла, сочувственного к ней отношения: и простые формулы в ней сохранены, и привычные представления о времени и пространстве удержаны. Наконец, дано наглядное объяснение таким запутанным фактам, каков т. н. магнетизм. А почему бы не посочувствовать простоте? Не сказал ли Пушкин: «поэзия должна быть глуповатою»?

Мне бы хотелось, назвать изложенную здесь теорию московскою: последнее время я часто гуляю тут по бульвару — от одного дорогого каждому москвичу памятника к другому.

Приложение. Об опыте Физо.

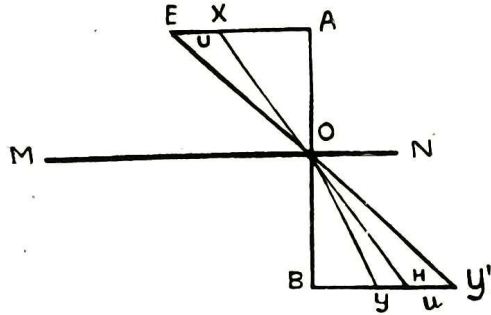
В опыте Физо, над которым мы на несколько времени задержимся, характерно то, что он произведен гораздо позже возникновения теории Френеля о неполном увлечении эфира, которую он, однако, подтвердил! С этим опытом, на наш взгляд, что то таки неладно, судя, по крайней мере, по изложению Хвольсона, относящемуся к 1898 году, т.-е. к эпохе, предшествующей теории Эйнштейна. Читая Хвольсона, невольно приходишь к убеждению, что в умах физиков установилось совершенно превратное представление о смысле опыта Физо, а, может быть, и о теории Френеля.

Например, Хвольсон видит подтверждение теории Френеля в простом опыте Аiry, который наполнив трубку телескопа водою, нашел, что аберация звездного света осталась та же самая. Это значит, — хочет нас уверить Хвольсон, — (и он высказывает, очевидно, не свое личное, а общераспространенное мнение), — будто формула Физо подтверждается на опыте Аiry, т.-е. будто и учение Френеля о неполном увлечении эфира может ссылаться на опыт Аiry в свое подтверждение!

Между тем, на самом деле, ничего подобного нет, а перед нами просто смешение двух несколько друг на друга похожих алгебраических выражений, физический смысл которых, однако, совершенно различный. И когда воочию видишь подобное смешение понятий, то — заявляю это совершенно открыто, — невольно сомневаешься и в результатах того опыта, с объяснением которого связано столько путаницы. Чтобы убедить в этом читателя, прошу его отнестись со всею внимательностью к моему дальнейшему изложению.

Допустим, что луч света упал в направлении EO из эфира на поверхность некоторой прозрачной среды, неподвижной относительно эфира, преломился и пошел в среде по направлению ON . До-

пустим далее, что среда двинулась слева вправо, т.е. в направлении MX , со скоростью u , на столько ничтожно, в сравнении со скоростью света, что вопрос о том, следует ли аберация света закону Брайля или же идеализированному по Эйнштейну, — т.е. нужно принимать во внимание или нет знаменатель $\sqrt{1-u^2}$ в преобразованиях Лоренца, становится праздным. Допускаем это для того, чтобы сразу же отнестись к опыту Физо критически и с точки зрения теории относительности. Спросим себя теперь, — как в движущейся среде преломится луч?

Станем для этого на точку зрения наблюдателя, неподвижного относительно среды. По закону аберации, для него луч падает уже в направлении — не EO , но XO , причем, если EO выражает как раз скорость света в эфире, то EX как раз скорость u . А среда нашему наблюдателю представляется неподвижною. В предположении, что для него закон преломления остается справедливым, мы должны заключить, что луч для него преломился отнюдь не в направлении OH , но в направлении OY' , а таким образом (если пренебречь дисперсией, по принципу Доплера), — перед нами ход двух лучей, преломляющихся по одному и тому же закону — луча EOH и XOY' . Пусть OH как раз выражает скорость движения в среде, и пусть скорость u так мала, что можно забыть о разности между отрезками OH

и OY' ; мы найдем, что, если x абсцисса E , и, след., $\frac{x}{n}$ абсцисса точки H (при отношении скоростей $EO: OH$, равном n), то

$$xH = \frac{u}{n^2}$$

Заметим: все это получается именно и по Эйнштейну, если пренебречь множителем $\sqrt{1-u^2}$, и если еще забыть о местном времени. Все это точно соответствует обычному учению об аберации и о правиле параллелограмма. Если обратно, от наблюдателя, прикрепленного к среде, перейдем к наблюдателю, неподвижному в эфире, то, обратно, от хода XOY' луча заключим к его ходу EOH . Тут и является вопрос: увлекает ли среда, при своем движении эфир, полностью или нет?

Нам представляется, что увлекает полностью: ведь, луч, для стороннего наблюдателя, вместо того, чтобы пойти по направлению OY' , пошел в направлении OH , при UY' , равном как раз

скорости среды! Но у Хвольсона читатель может познакомиться с неправильным рассуждением о том, что упавший луч EO преломился, ведь, не в направлении OY' , а в некотором ином направлении OH , при $UH = \frac{u}{n^2}$, откуда следует: $HU' = u - \frac{u}{n^2}$. И это, вот,

по Хвольсону, и есть, будто бы, учение Френеля о неполном увлечении эфира, это и есть, будто бы, формула Физо!

Хвольсон уверяет далее, будто формула подтверждается еще и опытом Айгу, т.е. будто этот последний опыт опровергает правило параллелограмма, и намек на последнее замечательное заблуждение можно встретить еще и у Лауе, на стр. 27, где он считает результат опыта Айгу «достойным внимания» (bemerkenswert) — как если бы это было чудом, а не простым следствием из правила параллелограмма.

Все основано на ошибочном упущении из виду того обстоятельства, что луч преломляется так, как его видит среда, а не посторонний наблюдатель, хотя бы и неподвижный в эфире. По правилу параллелограмма, закон преломления, для движущейся среды, относится к лучу, смещенному аберацией, т.е., к лучу XO , а никак не к лучу EO !

Мы видим, что вообще-то, при цитированном толковании результатов опытов, никто не сомневается в том, чтобы луч в среде проходил за единицу времени именно путь BV' , но рассуждают единственно о том, какую часть этого пути (BH или BV') поставить в счет закону преломления, а какую — в счет движению среды. Данная бесспорная сумма только разлагается, так или иначе, на два слагаемые. Это — вовсе и ничуть не формула Физо!

Все вышеприведенное рассуждение применимо, ведь, и в теории относительности, и притом, не только к свету, но вообще к любому волнообразному движению, напр., к звуку, скорость которого так мала по сравнению со световою, что данная Эйнштейном формула сложения скоростей, которую он отождествляет с формулою Физо, совпадает с правилом параллелограмма. А формула Физо относится единственно к свету, и у Эйнштейна только в применении к свету сложение скоростей отступает экспериментально чувствительно от правила параллелограмма. Мы повторяем: все это — не формула Физо.

Эйнштейн, выводя формулу Физо из своего правила сложения скоростей, не стал бы отрицать нашего чертежа, он только прибавил бы: отрезок BV' возник не за время 1, но за время $1+uv$, и потому соответственно сумма, независимо от того, как ее там Хвольсон разлагает на слагаемые, — возникла тоже за время $1+uv$, — это и дает формулу Физо, — в которую, заметим, войдет не полная скорость света в среде, а только ее составляющая по оси движения, — так что даже и по значению алгебраических символов, входящих в формулу, выводимую у Хвольсона, — это совсем не формула Физо!

Физо вывел свою формулу при совсем иных условиях, когда свет падал в направлении движения среды, а не на ее боковую поверхность, параллельную движению: и тогда смещение преломляемого

луча OJ' с воображаемым OJ'' , вообще никакого значения не играет, потому что оба идут в одном направлении. Тем интереснее, что у Хвольсона о настоящем опыте Физо говорится, что эта была проверка теории Френеля, которую Хвольсон иллюстрирует на неправильных рассуждениях по поводу позднейшего опыта Airy. Получается впечатление, будто Физо проверял формулу, построенную на ошибочных предположениях, и — нашел ее правильной.

Это не особенно будит наше доверие к выводам Физо, которые однако, впоследствии, были подтверждены такими превосходными экспериментаторами современности, как Майкельсон и Морлей, — те самые, у которых опыт Майкельсона не дал явного положительного результата.

Мы не экспериментальные физики, и потому позволим себе только одно замечание: не мешало бы основательно поставить опыт Физо (между прочим, для контроля, и по отношению к звуку, чтобы убедиться, насколько его результаты характерны именно только для света).

А сущность результата опыта Физо, по нашему мнению, вовсе не в полном или неполном увлечении эфира, а всего только в следующем: исходя из преломления луча OJ' (а не OH' !), следовало бы ожидать именно коэффициента преломления n , а получается коэффициент преломления на u (т. е., на величину поступательной скорости) больший равный $n + u$, что и дает для скорости света в среде выражение $\frac{1}{n + u} = \frac{1}{n} - \frac{u}{n^2}$. К составляющей этой-то скорости в направлении движения прибавляется полностью поступательная скорость u среды, что и ведет к формуле Физо!

Г. Харазов.

ДРАМА, КАК ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕФЛЕКСА ЦЕЛИ¹⁾.

1.

Сложно-дифференцированным психологическим понятиям, весьма часто выработанным путем абстрактного логического различения и применяемым иногда крайне произвольно, Павлов противопоставляет идею условного рефлекса. Он пишет²⁾: «Природные основные нервные деятельности представляют собой постоянные реакции организма на определенные внешние или внутренние раздражения. Реакции эти называются рефлексами и инстинктами». Раздражение может быть непосредственным, вызванным прямым соприкосновением с предметом, — и на расстоянии, при чем сигналом является какое-нибудь свойство предмета, его цвет, запах, форма и т. д. Такое раздражение называется «условным рефлексом».

Таким образом, учение об условных рефлексах не видит жизнедеятельности вне связи с окружающим миром. Оно враждебно всякой метафизике и психологии, трактующей «душу» и душевное переживание, как нечто самодовлеющее, от внешнего мира изолированное; реф-

¹⁾ От редакции: Печатаю статью автора книги «Драматургия», В. Волькенштейна, редакция считает необходимым сделать следующую оговорку. Как бы ни относиться принципиально к попытке постройки драматургии на «рефлексологии», редакция полагает, что в том виде, как этот опыт сделан в статье, он особенно плодотворным считаться не может. Едва ли наше познание природы драмы (речь идет о «строгих ее формах»), много выиграло от того, что мы будем говорить «драма является изображением рефлекса цели по преимуществу» вместо прежней «психологической» формулировки «драма есть изображение действия, направленного на определенную цель». С другой стороны, увлечение «рефлексологией» таит в себе некоторые неудобства. Вынужденный во второй главе сделать поправку к «физиологическому» анализу Павлова («существо дела заключается в самом стремлении, а цель дело второстепенное») ссылкой на необходимость считаться с «учениями (!) социологическими», автор статьи сам в главе четвертой попадает в «физиологическую крайность»: драма волнует нас «физиологически-биологически-ритмической демонстрацией жизненной силы, стремящейся к обладанию неким — все равно каким — предметом». Если Наполеон придавал такое значение Корнею, то не столько потому, что драмы Корнея имели способность «заражать толпу своей целеустремленностью», а потому, что с точки зрения Наполеона эти драмы направляли целеустремленность зрителя в определенную сторону, чрезвычайно желательную в интересах существования империи. Не физиологическая, а социальная функция драмы Корнея представляла ценность в глазах Наполеона. И потому совершенно недостаточно, противопоставляя современным «хроникам» и «обозрениям» подлинную драму, утверждать, что спектакль должен быть «торжеством единого действия — рефлекса цели», ибо с социальной точки зрения совершенно не безразлично, какую цель ставит себе герой пьесы, будь то индивидум или масса.

²⁾ Академик И. П. Павлов — «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Условные рефлексы. 1924 г.

лексология родственна учениям, по которым личность является отражением внеличных сил.—Павлов резко подчеркивает беспощадность психологии: «животное желает; животное думает», говорит психолог; но почему думает? Почему желает? Это остается неясным?.. «Признано явление, не происходящее ни отсюда, ни отсюда».—Физиология, напротив того, пользуется четким методом естественно-научного эксперимента, и в этом ее сила.—Павлов пишет: «...механизм его (то-есть, нашего психического состояния. В. В.) был и есть окутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человеческого искусства, религии, литературы и исторических наук—все это соединяется, чтобы бросить луч света в этот мрак. Но человек располагает еще одним могущественным ресурсом: естественно-научным изучением с его строго-объективным методом».—На многочисленных и разнообразных опытах мы убеждаемся в том, как закономерно возникает реакция—хотя бы в виде разного типа слюнотечения—на разного рода раздражения. Там, где психолог говорит: «собака не понимает», Павлов наглядно показывает порчу «анализатора», то-есть определенной части нервной системы, соответствующей данному типу раздражению (напр., частичную порчу слухового анализатора), там, где психолог говорит «собака не хочет», Павлов показывает закономерное торможение рефлекса, и т. п.

Психология должна пересмотреть свои основные понятия в связи с этими замечательными опытами; но рефлексология покамест ограничена в своих опытах: ее эксперимент—а вся сила ее в эксперименте—не идет дальше анализа простейших рефлексов. «Трудно покамест определить, чему физиологический анализ отвечает в экспериментальной психологии и вообще в психологическом исследовании. Физиологический анализ еще долгое время пойдет особым путем от анализа психологического». Так пишет Павлов.—Однако, как всякая большая мысль, рефлексология не может не претендовать на задание всеобъемлющее: таков диалектический закон истории. Еще не в силах дать нам наглядную картину более сложного рефлекса, нежели, напр., рефлекс пищевой или хватательный, рефлексология все же заглядывает вперед и смело утверждает существование рефлексов, пока еще недоступных исследованию¹⁾. К рефлексам, таким образом, сводится, по Павлову, вся жизнедеятельность как животных, так и человека: рефлексология пытается уничтожить и заменить собою психологию.

2.

Примером такого утверждения, лишённого экспериментальных доказательств, является установление Павловым особого «рефлекса цели».

Быть может, нигде не сказалось с такой рельефностью стремление гениального физиолога захватить единым размахом самые слож-

¹⁾ По Павлову сложность рефлекса не в сложности механизма, его образующего, а в чрезвычайной зависимости от явлений, как собственной внутренней среды организма, так и окружающего внешнего мира.

ные, тонко-дифференцированные и в то же время самые основные проявления человеческой жизни, как в этой главе¹⁾.

Павлов пишет: «...Анализ деятельности животных и людей приводит меня к заключению, что между рефлексами должен быть установлен особый рефлекс—рефлекс цели—стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание и предмет в широком смысле слова. Человеческая жизнь состоит в преследовании всевозможных целей: высоких, низких, важных, пустых и т. д., при чем применяются все степени человеческой энергии».—По Павлову «надо отделить самый акт стремления от смысла и ценности цели; сущность дела заключается в самом стремлении, а цель—дело второстепенное». Надо заметить, что вопрос о выборе целей у Павлова остается открытым; здесь пришлось бы ему посчитаться с учениями социологическими. При анализе выбора целей вступает в свои права социология; но Павлов остается в границах физиологического анализа. Далее Павлов дает характерный пример рефлекса цели: «Из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности самый чистый, типичный, и потому особенно удобный для анализа и вместе самый распространенный, является коллекционерская страсть—стремление собрать части или единицы большого целого или огромного собрания, обыкновенно остающиеся недостижимыми».

Рядом с ничтожностью цели всякий знает ту энергию, то безграничное подчас самопожертвование, с которым коллекционер стремится к своей цели. Коллекционер может сделаться посмешищем, преступником, может подавить свои основные потребности,—все ради его собирания.—Это есть темное, первичное, неодолимое влечение, инстинкт или рефлекс».

Мы видим, что лишённые физиологического эксперимента наблюдения и рассуждения Павлова чрезвычайно остроумны. В самом деле, именно в коллекционерстве мы видим целевое устремление, уже лишённое всякой объективной проверки той ценности, к обладанию которой оно направлено. И если мы гипотетически признаем безграничное распространение метода Павлова на все области нашей жизнедеятельности, мы можем принять идею рефлекса цели.—Надо заметить, что психология (напр., Вундт—«Физиологическая психология») различает простейшее импульсивное волевое стремление и произвольное волевое стремление, то-есть стремление, регулируемое определенным моментом сознания, определенным представлением. Чем, однако, вызван момент сознания, направляющий произвольное волевое стремление, психология уже не устанавливает—и тем самым впадает в ту ненаучность, в которой ее упрекает Павлов: она основывается на некоем беспричинном сознании. Еще нагляднее эта беспричинность у Джемса («Психология»), конструирующего волевые движения как идео-моторные акты, то-есть акты, порожденные мыслью о движении.

¹⁾ Условные рефлексы. Рефлекс цели. Сообщение, сделанное на III Съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 г.

Поверим интуиции Павлова, не будем требовать от него постоянно точного эксперимента, примем—хотя бы как весьма вероятную гипотезу—теорию рефлекса цели, и тогда окажется, что драма, драматическое произведение (я говорю о строгих его формах) является изображением рефлекса цели по преимуществу.

Рассмотрим драматическое произведение с этой точки зрения.

Драматическое произведение (повторяю, его строгая форма, но не хроника и не обозрение, о которых речь будет впереди) есть, прежде всего, изображение единого действия¹⁾, единого цельного стремления главного действующего лица²⁾. Это стремление направлено к определенной цели, к «обладанию определенным раздражающим предметом», говоря языком Павлова: честолюбие—к славе, любовь—к обладанию предметом любви, скупость к обладанию богатством и т. д. и т. д. Эту конечную цель, к которой устремлено единое действие, Станиславский называл, с точки зрения актера и его сценических задач—«сверхзадачей» роли.

Единое целеустремленное действие и является с точки зрения рефлексологии рефлексом цели.

Он возникает в виде определенной реакции; ряд условий способствует его вспышкам:—эти условия и обстоятельства в драме называются «драматическим узлом».

Павлов пишет: «Для полного, правильного, плодотворного проявления рефлекса цели требуется известное его напряжение». И далее: «Какое главное условие достижения цели? Существование препятствий». «Драматический узел» и образует такую систему препятствий, необходимых для наиболее полного, наиболее яркого выявления «единого действия», говоря языком драматургии—или рефлекса цели, говоря языком физиологии.

Я позволю себе процитировать свою «Драматургию»: «Драма возникает тогда, когда, стянутое узлом чрезвычайных обстоятельств, отчасти его возбуждающих, отчасти пресекающих, цельное и страстное желание героя начинает стремиться к осуществлению». Психологическое определение соответствует физиологическому; «цельное и страстное желание», «единое действие» с точки зрения физиологии, является «рефлексом цели».

Пример дает любая хорошо написанная драма. Цель Жоржа Дандена—быть в родстве с аристократами; его тщеславие терпит пытки вследствие легкомыслия его жены и наглости ее родственников. Цель Ларисы (в «Бесприданнице») — любовная близость к Паратову; Лариса стремится к Паратову наперекор своей бедности, отказываясь от брака с Карандашовым, рискуя честью и жизнью.—Создавая систему препятствия—«драматический узел»,—драматург проводит рефлекс цели через всевозможные испытания, максимально его напрягает и дает нам закон-

¹⁾ Термин, унаследованный от Аристотеля.

²⁾ Или группы лиц — в пьесе характера коллективного. Коллективные действия подлежат, конечно, особому анализу.

ченную, полную картину его проявлений. Таким образом, хорошо написанная трагедия или комедия с физиологической точки зрения есть некий идеальный эксперимент. Этим отличается драма строгой формы от мелодрамы, где капризная случайность, меняя ход событий, внезапно успокаивает рефлекс цели—или широко-развитая побочная интрига надолго отвлекает наше внимание в сторону. Такая случайность—вне драматического узла—вносит в драму момент эпический. Драматическая форма отличается от эпической сосредоточенной напряженностью, порождаемой строго-сконцентрированными обстоятельствами, разжигающими (и тормозящими) изображенное в драме «единое действие»—рефлекс цели.—Драма есть точно и неуклонно осуществляемый эксперимент.

Рефлекс цели «угасает, будучи удовлетворен»—пишет Павлов. Потому-то занавес и опускается, когда влюбленные сочетаются браком; ибо единственное, что интересует зрителя,—это устремление действующих лиц к цели. Как только цель достигнута—эксперимент окончен.

Не давая подробного анализа рефлекса цели, Павлов указывает еще одну важную его черту—его периодичность. Драма дает нам живую картину такой периодичности. Как показано автором этой статьи («Закон драматургии»), пять актов «Разбойников» являются пятикратной вспышкой анархического свободолюбия Карла Моора; с физиологической точки зрения мы наблюдаем пятикратную вспышку рефлекса цели. Точно так же в «Бесприданнице» в четырех действиях четыре раза вспыхивает эротический целевой рефлекс Ларисы—ее стремление к Паратову. Чем строже форма драматического произведения, тем отчетливее периодические вспышки рефлекса цели—тем закономернее эти вспышки. В указанных драмах вспышки эти точно распределены по актам; возможна, конечно, и менее симметричная форма, где в одном акте мы найдем две и больше резких вспышки. Как мной показано в «Законе драматургии», уклонение от строгой формы в том и заключается, что мы находим в пьесе акты без резкого проявления единого действия—то-есть рефлекса цели.

Как мы уже отметили, «рефлекс цели» есть гипотеза, недоступная покамест физиологическому эксперименту. Однако мы можем указать ту область рефлексологии, в которой нам, видимо, придется искать «единое действие»—рефлекс цели, изображаемый в драматическом произведении. Я подразумеваю ту главу рефлексологии, в которой речь идет о «доминанте», о «центральном очаге возбуждения», о рефлексе, в данный момент господствующем, «характерном своей инерцией». В сборнике «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы» Ухтомский пишет: «Господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент, я стал обозначать термином «доминанты».

Правда, здесь речь идет покамест о простых переживаниях, напр.: «...мать, крепко спящая под гром артиллерийской пальбы, просыпается на легкий стон своего ребенка». Но уже из этого примера нам ясно, что «доминанта» и есть «единое действие» драма-

тургии, определяющее все поведение действующего лица, подчиняющее себе все его переживания, по преимуществу формирующие в драме самый его характер (см. «Драматургия». Характеристика). Как бы сложны ни были проявления «единого действия»—«рефлекса цели»—«доминанты», метод Павлова (так же, как и метод драматургии) заставляет нас уверенно искать в самой сложно-психологической драме, в утонченных психологических нюансах, к фантазированию и логизированию которых мы так привыкли, некое единое стремление, направленное к определенной цели, постоянный рефлекс.

4.

Итак, драма изображает рефлекс цели, условия, при которых он проявляется, его развитие и нарастание, его периодические всплески, моменты его «торможения» и «растормаживания», его решающее в жизни действующего лица значение. Павлов дает рефлексу цели значение исключительное.—«Вся жизнь есть осуществление одной цели, именно охранение самой жизни, неустанная работа того, что называется общим инстинктом жизни. Этот общий инстинкт или рефлекс жизни состоит из массы отдельных рефлексов. Пищевой и ориентировочный (исследовательский) рефлекс: «в результате ежедневной и безуданной работы этих хватательных рефлексов должен был образоваться общий, обобщенный хватательный рефлекс. С этим главным хватательным рефлексом и находится в каком-то соотношении рефлекс цели». И далее: «рефлекс цели имеет огромное жизненное значение, он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. Жизнь только того красочна и сильна, кто всю жизнь стремился к постоянно достигаемой, но никогда недостижимой цели, или с одинаковым пылом переходил от одной цели к другой. Вся жизнь, все ее улучшения, вся ее культура делается рефлексом цели».

Теперь понятно то стихийное волнение, которое овладевает зрительным залом, когда перед лицом тысячной толпы разворачивается зрелище подлинной драматической борьбы. Мы присутствуем при самом важном эксперименте над жизнью человеческой—при испытании рефлекса цели. Вот почему мы слушаем монологи, затаив дыхание, вот почему мы задеты за живое, вот почему мы в равной степени захвачены драмой честолюбия и драмой любви—«Макбетом» и «Ромео и Джульеттой». Ибо дело не только в самой цели—вопрос о цели по существу задевает нас этически, социально; но стихийно, физиологически биологически волнует нас сама по себе ритмическая демонстрация жизненной силы, стремящейся к обладанию неким—все равно, каким—«предметом» (в широком смысле этого слова).—Теперь понятно, почему Георг Фукс видел в подлинном актере цвет нации. Ибо актер несет в себе изображение рефлекса цели, увлекая народную массу к жизни и творчеству. Наполеон говорил, что он дал бы Корнелию княжество, если бы Корнель был его современником; ибо Наполеон понимал, что корнелевская строгая и гибкая драма возбуждает жизнедеятельность народа ярким изображением рефлекса цели—заражает толпу

своей целеустремленностью. То, что в драме непосвященному кажется внешней «формой»—ее стройность, четкость ее конструкции, выдержанный ритм ее периодических взлетов—ее пластика,—тесно связано с основной ее темой жизнотворчества, темой целеустремленного человека.

Нам теперь особенно ясны все преимущества такой строгой драматической формы перед тем нагромождением случайно-соединенных эпизодов, которое так распространено в последние годы на русской сцене под названием «пьесы»,—перед «хроникой» или «обзором». Выдержанная форма есть признак глубоко и органически разработанного содержания. С другой стороны—отсутствие единого действия в сценическом представлении есть отсутствие основной и главной, единственно-важной его темы—отсутствие главного нерва—основного смысла в сценическом зрелище. Торжеством единого действия—рефлекса цели—должен быть спектакль, изображением подной, цельной жизни. Мы требуем от драмы стройной и цельной конструкции: этому учит нас не драматургическая догматика—не логическое ухищрение—не наблюдение над существующими драматическими произведениями; мы пришли к этому требованию путем физиологического анализа природы драмы, вооруженные методом естественно-научной мысли.

В. Волькенштейн.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ В СВЕТЕ ЦИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Едва ли не самым характерным свойством всякого живого существа является способность воспроизводить себя. Так, мы не можем себе представить никакого, хотя бы наипростейшего, организма, который не имел бы за собою длинного ряда предков, начало которого скрыто во тьме веков и тысячелетий. Точно так же не существует даже в нашем воображении жизни, не имеющей продолжения. Эта основная идея, проходящая через всякое, даже самое примитивное, представление о жизни, отразилась не только в каждом изгибе научной мысли всех времен, но нашла достаточно яркое выражение и во всех религиях; даже боги, и те рождались один от другого.

Но длинные цепи предков, уходящие от каждого из нас в далекое прошлое, увлекали человеческую мысль все дальше и дальше назад, в прошлое жизни, к ее истокам. Наблюдение каждого дня, открывающее преемственность жизни, выдвигает основной вопрос: откуда произошла жизнь? Нет нужды говорить о том, что этот вопрос занимает главное место в научном мировоззрении биолога; но подход к нему может быть различный. В самом деле, один разряд ученых видит в непрерывной смене поколений исторический процесс, маленький отрывок которого проходит перед нашими глазами; как и всякий процесс, он должен иметь свое начало, развитие и завершение, свои причины и следствия. Другой разряд ученых признает жизнь вечной; в его глазах пламя жизни, как древний священный огонь, передается из поколения в поколение. Не замечая за краткое время, которое обнимает наблюдение, никаких изменений в течении жизненного процесса на земле, эти ученые отрицают самую идею об истории жизни. В этом противоречии — борьбе исторического взгляда на жизнь и противоположного ему, утверждающего вечность жизни, — родились первые попытки объяснения жизни; оно же толкало вперед человеческую мысль по зигзагам исследовательского пути к определенному последнему выводу. Эта борьба началась вместе с первой мыслью о сущности жизни, прошла, то обостряясь, то затихая, через целые эры и дожила до наших дней. В высшей степени интересно проследить в самых главных чертах ее развитие; только таким путем мы сможем уяснить себе, каким образом могла продержаться борьба двух диаметрально-про-

тивоположных мировоззрений до наших дней и какие она приняла формы при современной остроте методов и глубине научного анализа.

Первый религиозно-философский период, конечно, протек под знаком непререкаемого признания вечности жизни; сама жизнь признавалась даром богов, неизменно передающимся из поколения в поколение. Аристотель положил начало прямопротивоположному взгляду, провозгласив доктрину самопроизвольного зарождения. По его мысли, живые существа низших порядков, вроде червей, земноводных, пресмыкающихся, даже мышей должны возникать самопроизвольно из разлагающихся неживых веществ: из земли, навоза, старого тряпья и т. д.

Это наивное вольнодумство древнего философа ценно для нас, как первая смелая попытка объяснения происхождения жизни естественным путем, минуя божественную силу. Дальнейшие века не принесли ничего существенно нового; борьба двух взглядов сводилась к словесным поединкам философов. В таком положении дело оставалось до того времени, когда были сделаны основные биологические открытия. Было открыто, что каждый из живущих ныне организмов может развиться лишь из соответствующего зачатка — из яйца или семени. Это основное открытие, казалось, решило спор бесповоротно в пользу вечности жизни: яйцо животного или семя растения представлялось тем «сосудом», в котором передается последующему поколению неугасимый «огонь жизни». Все живое — из яйца (*omne vivum ex ovo*), — таков был безапелляционный приговор торжествующих приверженцев божественной вечности жизни. Самая мысль о самопроизвольном зарождении жизни силою естественных процессов должна была очистить поле битвы для своей счастливой соперницы.

Торжество продолжалось, однако, не очень долго. Изобретение микроскопа, позволившее заглянуть в мир невидимых существ, неожиданно придало новые силы потерпевшим поражение сторонникам самопроизвольного зарождения. Были открыты инфузории, бактерии и другие микроскопические существа; они появлялись, повидимому, совершенно самопроизвольно в питательных жидкостях, лишенных до того всякого следа жизни. Разгоревшийся снова и обострившийся на этот раз до наивысшей степени спор продолжался до конца минувшего века; закончился он, как известно, новым и бесповоротным поражением сторонников самопроизвольного зарождения. Простые опыты Пастера доказали, что ни в какой питательной среде, ни при каких условиях не может зародиться даже наипростейшее живое существо, если среда эта предварительно обесположена кипячением, убивающим могущих быть зародышей, и защищена от попадания новых зародышей извне.

Значило ли это, что дело биологов-материалистов, видевших в жизни некоторый естественный материальный процесс с началом и концом, бесповоротно проиграно? Вовсе нет, и вот почему. Спор между обоими лагерями шел, собственно, по недоразумению, и их обоюдные возражения направлялись не по адресу и делались не по

существо. Дело в том, что сторонники идеи самопроизвольного зарождения совершенно напрасно искали возникновения современного организма, хотя бы и очень низко организованного: простая логика должна была подсказать, что специфичность ныне живущих организмов именно есть следствие воспроизведения каждой породой организмов своих особенных свойств, передающихся каждый раз через зачаток следующему поколению. Надо было говорить о чем-то ином, а не об организме, взятом в целостности. Речь должна была идти по существу о том материальном субстрате, из которого строится живое тело, и который, в представлении материалистов, эволюционировал в течение своей истории, придя к нынешнему своему состоянию, вылившемуся в многообразие форм живых существ, безразлично будь то бактерия, амеба или человек. Иными словами, надо было сказать: жизнь зародилась когда-то в неизвестных нам формах, которые, усложняясь и изменяясь, пришли к тому состоянию, какое мы наблюдаем сейчас. Это вовсе не значит, что современные формы готовых организмов возникают в неживой среде; напротив, такая мысль в корне противоречила бы самой идее истории жизни, так как отрицала бы эволюцию, подобно тому, как отрицает ее мысль о вечности жизни. Нельзя было, следовательно, говорить и спорить о готовых организмах, представляющих собою лишь результат, чрезвычайно сложного подчас процесса развития из зачатка. Надо было анализировать самое вещество, являющееся носителем жизни.

Такой анализ и производился рядом ученых, поначалу часто совершенно независимо от протекавшей тем временем борьбы идей. Он стал возможен лишь с момента относительного усовершенствования микроскопа и углублялся параллельно с этим усовершенствованием. С того дня, когда микроскоп был применен к изучению внутреннего строения живых существ, биология вступила в новую эру своего существования; дальнейшее ее развитие протекало и протекает и по сей час под знаком усовершенствования микроскопа и приемов микроскопического исследования. Микроскопическая анатомия стала одной из центральных дисциплин биологии.

Здесь особенно интересно отметить, что все наиболее существенные факты были открыты на растениях. Именно на растительных объектах в середине XVII столетия было открыто клеточное строение. На растениях же первоначально было изучено более тонкое строение и превращения строения живого вещества. В силу своей простоты и доступности, растения открыли натуралисту ряд главнейших тайн жизни.

Открытие клеточного строения показало прежде всего, что живое вещество не однородно, а состоит из частиц, сложением которых получается та или иная специфическая форма. Мысль о прерывистости живого вещества тогда существовала, правда, в умах натуралистов, но в столь неясной и странной форме, что связать ее с наблюдавшимися под микроскопом картинами было, конечно, совершенно невозможно. Лишь столетие спустя знаменитыми натур-

философами Бюффоном и Океном была провозглашена доктрина панспермии. Исходя из того, что в гниющих трупах живых существ вооруженное зрение открывает огромное количество мельчайших, очевидно живых телец (наши теперешние инфузории, бактерии и иные простейшие), эти ученые сделали свой знаменитый вывод: каждое живое существо состоит из огромного числа живых частиц, на которые снова распадается после смерти. Земля представлялась Бюффону и Окену наполненной бесчисленными зачатками, агрегацией которых и создаются организмы. Эта чистонатурфилософская доктрина середины XVIII века, несмотря на свою невероятную наивность, ценна в историческом аспекте тем, что она впервые выдвинула принцип атомистики в области, где он раньше серьезно не применялся. Вся дальнейшая история биологии проходит в поисках тех последних, неразложимых элементов, из которых построено живое вещество.

Не раз высказывавшаяся аналогия между историей химии и биологии чрезвычайно поучительна; подобно тому, как «стихии» были сменены атомами, а их, в свою очередь, в качестве последних элементов — заменили электроны, идея единого живого тела — одушевленного организма — уступила место идее элемента жизни. Стихия — душа была уничтожена атомистическим учением в биологии. Дальнейшее течение истории — почти на нашей памяти. В растущих частях растения был открыт процесс образования новых клеток, ведущий к увеличению их числа и к росту всего растения. Первоначально истолкованный, опять-таки, как зарождение клеток из неживой «*substantia vitrea*», составляющей основную массу растущих частей, этот процесс усилиями микроскопистов был объяснен в прямо противоположном смысле знаменитым положением Вирхова: всякая клетка — от клетки (*omnis cellula e cellula*). С этого момента — с середины прошлого века — на оба отдела живого мира — на животных и растения — был распространен принцип преемственности, так как было твердо установлено, что клетка может возникнуть лишь от себе подобной, делением надвое. Опять-таки идея вечности жизни торжествовала.

Ближайшие годы принесли много фактических открытий. Открытое четверть века до того клеточное ядро также было провозглашено преемственно передающимся: открытие деления ядра, предшествующего делению клетки, привело к распространению того же принципа и на составную часть клетки. Всякое ядро — от ядра, гласило установленное тогда положение. Дальнейшие исследования разложили клетку на составные части различных рангов. Ядро оказалось само сложным, в протоплазме открыты были новые категории организованных включений, — пластиды различных родов. Вполне естественно, что, под сильным влиянием недавних ошеломляющих открытий преемственности самой клетки и ее ядра, последние приписали такую же преемственность и всем прочим составным частям клетки. Каждая пластида, как бы она мелка ни была, должна была происходить не иначе, как от себе подобной, путем деления

надвое. Принцип преемственности был продолжен до предела видимости вооруженным зрением. Не успевали открыть какую-либо новую составную часть клетки, как ее сейчас же наделяли вечной жизнью, приписывая ей способность размножаться и воспроизводить себя.

Мы видим, таким образом, что борьба двух диаметрально-противоположных взглядов постепенно, шаг за шагом, по мере открывания все более и более мелких составных элементов жизни, переносилась глубже и глубже; под конец она перешла в спор вокруг мельчайших живых частиц, слагающих клетку. Спор о самопроизвольном зарождении, шедший сначала о целых организмах, появляющихся на земной поверхности, был перенесен во внутренность организмов, в их клетки. Внутренность же клетки, оказавшейся не последним неделимым элементом, стала ареной все той же борьбы идей, сосредоточившейся на составных частях клетки.

Из всех составных частей клетки, бесспорно, самая замечательная—ее ядро. О нем нам и придется, главным образом, говорить в дальнейшем. Открытое около столетия тому назад Робертом Броуном (1830) клеточное ядро вскоре привлекло к себе наиболее напряженное внимание цитологов. Внимание это вызывалось, во-первых, выдающимся значением клеточного ядра в жизни клетки, во-вторых, видимою преемственностью его и, в-третьих, важным значением ядра в явлениях размножения и наследственности. Следующие одно за другим открытия в этой области совершенно заслонили на некоторое время вопрос о роли протоплазмы и ее включений. Основные факты, которые выдвинули значение ядра, сводятся, как известно, к следующему: клетка, лишенная ядра, оказывается нежизнеспособной; если выпустить живое содержимое клетки, например, водоросли вошери, то, разбившись на части, это содержимое претерпевает различную судьбу. Именно, те части плазмы, в которые попало ядро, сохраняют жизнеспособность, окружаются новой оболочкой и дают начало новой особи. Те же части, которые не содержат ядра, вскоре отмирают, не получая дальнейшего развития. Эти и им подобные наблюдения убедили в необходимости ядра для жизни. Далее было открыто, что элементы, производящие оплодотворение в обоих отделах живой природы,—спермии (сперматозоиды)—в главной своей части состоят из ядра, тогда как протоплазма несет лишь двигательные функции, составляя только «хвостик» сперматозоида или его «реснички», движущие «головку», состоящую из ядра. У крупной группы живых существ—у покрытосеменных растений—протоплазма видимым образом в строении и судьбе спермия вовсе не участвует. Простыми опытами было доказано, что спермии животных, лишенные своих хвостов (состоящих из протоплазмы), так же хорошо могут оплодотворить яйцо и вызвать его развитие, как и нормальные спермии. Мало того, был обнаружен ряд фактов, создавших ядру «монополию» в явлении передачи наследственных признаков. Учение о «наследственной монополии» ядра, принятое сейчас всеми «авторитетами» биологии, основалось на главнейших фактах науки о наследственности: факт

этот заключается в том, что наследственные свойства данного организма передаются одинаково как через отцовскую особь, так и через материнскую. Связанный с отсутствием протоплазмы в мужском зачатке (спермии), факт этот привел к установлению «монополии» ядра. Нас здесь сейчас не должны занимать подробности этой стороны дела; мы ограничимся лишь напоминанием этой основной доктрины, общепринятой теперь в биологии.

Таким образом, за клеточным ядром, помимо его необходимости для жизни вообще, признается еще и исключительное значение в передаче наследственных свойств. Ядру, следовательно, присваивается совершенно исключительное, единственное положение, в отличие от прочих частей клетки: ядро, в глазах большинства биологов, «несет» в себе основное свойство каждого живого существа—способность воспроизводить себя. Вполне понятно поэтому, сколь велико принципиальное значение вопроса о происхождении каждого клеточного ядра в каждой клетке организма. Этот вопрос приравнивается, следовательно, проблеме всеобъемлющего значения—о происхождении жизни.

История этого вопроса в точности сходна с историей проблемы происхождения жизни в отношении целых организмов и впоследствии клетки, как это было нами набросано в предыдущем. Первые наблюдатели, изучившие размножение клеток, заметили, что во время клеточного деления ядро исчезает, совершенно растворяясь в содержимом клетки. В дальнейшем ходе клеточного деления появляются уже два ядра, расположенные по противоположным сторонам клетки; между этими ядрами возникает перегородка, и в результате образуется 2 клетки, каждая из которых содержит снова по одному ядру. Эти первоначальные наблюдения привели к единственному выводу: клеточное ядро создается, возникает в каждом клеточном поколении по началу заново. Вопрос, следовательно, разрешался в том же духе, как ранее он решался в отношении целых организмов, а впоследствии,—в отношении клеток. Самопроизвольное зарождение, в применении к существеннейшей части живого вещества,—к ядру клетки—могло считаться установленным.

Но в таком положении дело оставалось недолго. Усовершенствование микроскопической техники устранило ошибку наблюдений, легших в основу такого вывода. Дело в том, что ядро никогда не растворяется при делении клетки, а лишь претерпевает столь сильные изменения, что становится трудно различимым. Вполне понятно, что несовершенные приемы тогдашнего исследования не позволяли его заметить. Особые же методы, введенные немного спустя, открыли истинную картину явления. На превращениях ядра при делении клетки нам и придется сейчас более подробно остановиться.

В обычном своем состоянии ядро имеет вид более или менее округлого тела явственно разнородного состава. Внутри ядра всегда находится одно или несколько ядрышек, представляющих собою б. ч. круглые, совершенно бесструктурные тельца. Вид основной массы

ядра оказывается очень различным, в зависимости от той обработки, которая была применена при приготовлении препарата. Это состояние, в котором ядро находится во все время своего существования, за исключением периода деления клетки, носит совершенно неправильное название состояния покоя. «Покоящееся» ядро на самом деле—самое «беспокойное»: именно в этом состоянии оно исполняет свои главные жизненные функции. Это неудачное название было введено в употребление, конечно, вследствие сильного впечатления, которое произвело на исследователей открытие замечательной «деятельности» ядра при клеточном делении. Сейчас мы не будем говорить о строении «покоящегося» ядра, а вернемся к нему немного спустя, после описания превращений ядерного строения, сопровождающих его деление. При наступлении деления ядра, его вид поразительно меняется. Вместо более или менее тонкой зернистости, которая замечается в покоящемся ядре, ядро, начинающее делиться, оказывается состоящим из спирально-извитых нитей; на первых ступенях деления эти нити очень тонки, по мере развития процесса они становятся все толще и толще. Вместе с этим утолщением всегда происходит одновременное укорочение нитей, так что на известной стадии ядро имеет вид прозрачного пузырька, внутри которого, по периферии, располагаются, обычно по спирали, толстые и относительно короткие ядерные нити; в центральной части ядра располагаются одно или несколько ядрышек. Эти ядерные нити, получившие известное теперь название хромосом (название, во многих отношениях столь же неудачное, как и популярное), оказываются на ранних стадиях деления двойными, как бы расщепленными на две сложенные бок-о-бок нити; на более поздних стадиях эта двойственность исчезает, чтобы обнаружиться впоследствии. Описанная первая стадия превращений ядра носит название профазы деления.

Постепенно все, более и более утолщая и укорачивая свои хромосомы, ядро вступает в среднюю фазу деления, называемую метафазой. Метафаза—критическое состояние ядра, за которым начинается уже формирование двух дочерних ядер. Ко времени метафазы в ядре совершаются наиболее существенные перемены: граница между ядром и протоплазмой (ядерная оболочка) исчезает, ядрышко также рассасывается, и хромосомы оказываются лежащими непосредственно в протоплазме. Именно эта фаза деления привела прежних исследователей к ошибочному заключению об исчезании, растворении ядра и последующем возникновении его заново. Хромосомы, бывшие в профазе более или менее спутанными и извитыми, в метафазе деления приобретают более правильную форму и укладываются в одной плоскости, перпендикулярной к будущему направлению деления клетки. В этом состоянии они особенно удобны для изучения и позволяют рассмотреть многое.

Наблюдения над хромосомами во время метафазы вызвали огромный интерес цитологов, и им было посвящено большинство работ. Интерес этот вызывался рядом открытых фактов, которые были, воистину, изумительны. Было, прежде всего, открыто, что каждому

виду животных и растений свойственно свое, строго определенное и неизменное число хромосом. Это число с неизменной правильностью повторяется при каждом клеточном делении. Далее, было открыто, что хромосомы одного ядра часто неодинаковы между собою; в некоторых случаях; особенно у организмов с малым числом хромосом, они различаются между собою не хуже, чем буквы алфавита. Такие благоприятные объекты могут быть известны по хромосомам так же легко, как узнаются они по своим внешним признакам, часто даже немного легче; в частности, как раз те виды растений, над которыми работает пишущий эти строки, часто различаются по хромосомам несравненно легче, чем по внешним своим признакам. Хромосомы оказываются как бы «штемпелем» или надписью, сделанной внутри клетки и позволяющей отличить знакомый организм с такой же уверенностью и легкостью, как это делается по этикеткам коллекций.

Описанные факты вызвали горячую волну споров, так как задевали кардинальный вопрос о преемственности жизни. Каким образом в каждой клетке организма повторяется тот же самый, специфический «набор» хромосом? Прямое наблюдение уже очень давно открыло факт расщепления хромосом, наступающий к концу метафазы. Каждая хромосома к этому времени раскалывается вдоль на две совершенно равные и подобные части. Эти части—«дочерние хромосомы»—отделяются затем одна от другой и расходятся в разные стороны, к противоположным полюсам клетки. В результате получаются два ядра, вернее две группы хромосом, обе заключающие одинаковый «набор» хромосом. Затем обе группы хромосом постепенно спутываются в плотный клубок и претерпевают изменения, обратные тем, которые происходят при начале деления; появляются ядрышки, ядра принимают обычный вид, и в поделившейся тем временем надвое клетке оказываются два «дочерних» ядра, каждое из которых лежит в своей дочерней же клетке.

Этот видимый воочию факт—расщепление хромосом—прекрасно объясняет тождество хромосом в двух группах только что разошедшихся хромосом. Но он сам по себе совершенно ничего не говорит, если задаться вопросом: почему каждый раз в ядре появляется совершенно точно один и тот же набор хромосом? На вопрос, так категорично поставленный, ответить не очень легко; но ответить не менее категоричным образом не замедлили. Знаменитый зоолог Бовери выступил со своей знаменитой теорией сохранения индивидуальности хромосом, воскрешавшей давно похороненную идею преформации. Это курьезное порождение натурфилософии вылилось, как известно, в теорию эволюции (в натурфилософском смысле), которая учила, что в яйце уже содержится готовый организм в уменьшенном виде; этот маленький организм, в свою очередь, несет в себе еще сильнее уменьшенную копию того же организма, который опять-таки «начинен» тем же порядком. Продолжая это рассуждение, приходили к тому выводу, что все последующие поколения преформированы (предобразованы) в любом предыдущем поколении, вложены одно в другое, подобно комплекту деревян-

ных яиц. Эта теория, уничтоженная данными эмбриологии, дала однако отпрыски в молодой области цитологии, вылившись в учение о преемственности частей клетки и, в первую очередь, хромосом. Признать, что хромосомы образуются каждый раз заново, значило бы отказаться от идеи преемственности, вечности жизни. Это значило бы признать содержимое клетки средой, где происходит нечто подобное самопроизвольному зарождению. Теория индивидуального сохранения хромосом и была призвана на помощь в деле укрепления сбитой с остальных позиций идеи вечности жизни. Провозгласить хромосому индивидуальной—значит приписать ей вечное существование; а раз хромосома вечна и неуничтожаема, вопрос о происхождении жизни теряет всякий научный смысл. Таков последний вывод из общепринятого взгляда Бовери, лежащего ныне в основе генетики; «индивидуальная» хромосома—это тот же натурфилософский комплект деревянных яиц, вложенных одно в другое.

Научная ценность этой теории в глазах Сиолога-материалиста, по приведенным выше соображениям, не выше ценности всякой натурфилософии, то-есть в лучшем случае равна нулю. Если бы даже физическая очевидность говорила в ее пользу, то пришлось бы думать об обмане зрения, настолько такое представление противоречит здравому научному мышлению. Рассмотрим сначала, каковы те данные, которые приводятся для ее обоснования.

Главный довод в пользу теории индивидуальности—наблюдение, что во всех клетках данного организма при наступлении деления хромосомы появляются постоянно в том же числе и в неизменных формах, что хромосомы, взятые из одного организма и внесенные вместе с половыми продуктами в клетки другого организма, не изменяются там ни в числе, ни в форме, наконец, что изменившееся по тем или иным причинам число хромосом неукоснительно поддерживается дальше, раз изменившись. Все это—данные, конечно, косвенные. Попытки уверить в существовании прямых данных в пользу теории индивидуальности потерпели, на наш взгляд, окончательный крах. Так, многочисленные цитологи со времен Бовери всячески пытались доказать, что хромосомы существуют и в «покоящемся» ядре, где их будто бы можно видеть. Однако точнейшие наблюдения совершенно опровергают это: никаких хромосом в покоящемся ядре нет.

Данных, говорящих против теории индивидуальности, может быть, и немного, но они вески. Впрочем, теория эта по своему содержанию такова, что достаточно единственного, не подчиняющегося ей исключения, чтобы разрушить все построение. Прежде всего, помимо своей идеологической несостоятельности, эта теория противоречит прямому наблюдению: как мы только что сказали, хромосомы в течение большей части жизни ядра положительно невидимы, вместо них заметна тонкая зернистость, которую только фантазия способна толковать, как слипшиеся между собою хромосомы. Впрочем, на этой части своих доказательств сторонники теории уже и не настаивают. Далее, вовсе неверно утверждение о постоянстве хро-

мосом. С каждым днем множатся известные случаи отклонений от «нормального» состава ядра. Их всегда толкуют, правда, в согласии с теорией индивидуальности хромосом, но мы увидим дальше, насколько это правильно. Далее, известны многие факты, которые в корне противоречат теории индивидуальности хромосом. Прежде всего, надо указать на известное всякому цитологу явление очень раннего «расщепления» хромосом в профазе: задолго до предстоящего расхождения «дочерних» хромосом—еще в самой ранней профазе—тонкие ядерные нити, очевидно, расщеплены вдоль. Расщепление это затем исчезает, чтобы проявиться затем лишь в поздней метафазе. Что общего в этом явлении с тем «расщеплением», которое ведет, по теории индивидуальности, к преемственной передаче хромосомы дочерней клетке? Еще более замечательное явление наблюдается при особом (редукционном) делении, совершающемся перед образованием половых продуктов. Там первый шаг деления сводится к разлучению целых хромосом, а не их «половин», что приводит к уменьшению (редукции) числа хромосом вдвое против обычного; по расхождении этих «целых» хромосом к противоположным полюсам, каждая хромосома раздваивается и обе ее продольные половины отделяются друг от друга. Картины эти у некоторых объектов настолько ясны, что не могут возбудить ни малейшего сомнения; спрашивается, каков смысл этого запоздалого расщепления, раз обе «половины» хромосомы остаются в том же ядре? Мы видим, следовательно, что каждой хромосоме свойственна какая-то «двойственность», проявляющаяся в одних случаях (в обычном делении) слишком рано, в других (в редукционном делении)—слишком поздно, чтобы она могла толковаться, как размножение (удвоение) хромосомного индивидуума. Существует взгляд, что хромосоме свойствен вообще «двойной» состав: хромосома будто бы всегда состоит из двух параллельно сложенных двойных нитей. Но если «расщепление» хромосомы состоит в расхождении этих половинок нитей, то откуда в дочерних хромосомах снова возьмутся обе нити, если хромосома, как таковая, не возникает, а только передается из одного клеточного поколения в другое?

Наиболее обстоятельную критику теории индивидуальности дает известный физиолог Фик. Взамен этой теории он выдвигает свок «маневренную гипотезу», представляющую хромосому, как тактическую единицу, составленную из частиц ядерного вещества. «Покоящееся» ядро Фик сравнивает с демобилизованной армией, в делящемся же ядре частицы ядерного вещества собираются, как солдаты по полкам, в хромосомы, чтобы снова рассыпаться, демобилизоваться по окончании деления. Давая эту гипотезу, он, впрочем, указывает, что она является лишь аналогией, позволяющей лучше описать наблюдаемые явления. Фактов, говорящих в пользу этой гипотезы, пока мало; единственное известное нам явление составления хромосом по частям—это известные для многих растений особые хромосомы с придатком (спутником), в виде маленькой добавочной хромосомки, соединенной с остальной массой хромосомы при помощи

длинной нити. Эти «спутники» образуются отдельно от остальной хромосомы и лишь впоследствии, в поздней профазе, соединяются в нею нитью. В этом нельзя, конечно, не видеть хорошего аргумента в пользу маневренной гипотезы.

На основании всего сказанного нельзя не признать, что теория преемственной передачи хромосом от одного клеточного поколения другому совершенно беспочвенна. Гораздо правильнее, поэтому, ждать решения проблемы совершенно с другой стороны. Не перманентные и самодовлеющие единицы должны мы видеть в хромосомах, а сложные, крупные органы клетки; как и всякий орган, они должны иметь, следовательно, свой онтогенез и свою историю. История эта для нас пока темна, мы не знаем, как и почему образуются хромосомы, но дальнейшее изучение откроет, надо полагать, и этот механизм. В отношении ядра мы стоим теперь точно в том же положении, в каком стояли натуралисты XVII века перед яйцом животного. Естественно было тогда предположить, что в яйце сидит готовое маленькое животное; но не будем подражать в цитологии натурфилософам. Я не ошибусь, если скажу, что процесс образования хромосом столь же сложен, как и процесс развития животного из яйца. Поэтому мне хочется ядро в профазе деления сравнить со змеиным яйцом, внутри которого развилась молоденькая змейка; сходство ядра, выложенного внутри спиралью хромосом, и яйца со свернувшейся в нем змейкой,—не кажущееся только сходство. Змейки в яйце раньше не было,—она развилась там в результате сложных формообразовательных процессов; точно так же и хромосомы развиваются из ядра, кончающего к известному моменту свое существование, подобно коже яйца, сбрасываемой выходящей из него змеей.

Принцип преемственности, которому, несомненно, в недалеком будущем будет дан должный отпор, распространен до сих пор, однако, и на прочие части клетки. Мы говорили выше, что, вместе с преемственностью ядра, проповедуется и преемственность пластид и родственных им образований. Здесь нет места рассматривать этот вопрос подробно, можно только сказать, что данные точных исследований говорят решительно против преемственности пластид и хондриосом (наиболее мелких форменных элементов клетки).

В заключение я приведу некоторые новые данные собственных исследований по этому вопросу, произведенных в лабораториях ин-та им. К. А. Тимирязева.

В течение истекшего года мною продолжались предпринятые уже давно исследования над различными видами растений из семейства сложноцветных. Давно обратили на себя внимание цитологов виды рода *Sterpis*, скерды. Эти в большинстве невзрачные растения оказались кладом для цитолога по двум причинам: им свойственно очень малое число хромосом (б. ч. 8 и 10; один вид имеет 6 хромосом—наиболее низкое число из известных до сих пор для цветковых растений), и хромосомы их обладают характерными отличительными признаками, позволяющими безошибочно отличать их друг от друга. На ряду с другими задачами исследование было предпринято

с целью изучения постоянства числа и формы хромосом. Основной мыслью, положенной в основу работы, было следующее соображение: обычно цитологическому исследованию подвергались немногие особи, что вело к ускользанию от наблюдения могших быть отклонений от «нормы». Иными словами, в цитологии не применялся метод биометрики, оперирующий с большим числом особей. В намеченном же исследовании именно было решено прибегнуть к обширному материалу, изучив цитологически как можно больше особей. Работа эта потребовала большого числа рабочих рук, так как методы цитологии пока еще мало механизированы и большинство операций ведется очень примитивно, вручную. Исследованы были, главным образом, два вида: *Sterpis virens* (с 6 хромосомами) и *Sterpis tectorum* (с 8 хромосомами). Благодаря поддержке со стороны Коммунистической Академии, удалось справиться с техническими затруднениями и, с помощью молодых научных сил, согласившихся участвовать в работе, было подвергнуто исследованию свыше 10.000 растений; часть из них погибла, часть исследовать цитологически, по разным причинам, не удалось, но перед глазами прошло до 4.000 растений—масштаб, пока никем в точном цитологическом исследовании не применявшийся.

Первые же результаты работы значительно превзошли ожидания: число особей, уклоняющихся от нормы, оказалось чрезвычайно высоким, составляя до 2,5% всего числа исследованных особей. Среди этих «уклоняющихся» особей были обнаружены самые различные формы; часть из них отличалась повышенным в различной мере числом хромосом—часть имела лишние хромосомы (1, 2, 3), часть имела целые двойные, тройные и т. д. хромосомные наборы, некоторые же особи отличались чрезвычайно важными с теоретической точки зрения особенностями хромосом. Эти важнейшие случаи здесь необходимо описать.

Описываемые ниже случаи относятся к *Sterpis tectorum*, обычнейшему сорному растению полей, огородов и садов. Рис. 1 изображает его обычные хромосомы. Их всего 8; различные морфологические типы настолько различимы, что для их распознавания даже не нужны проставленные на рисунке буквы А, В, С и D, обозначающие пары хромосом каждого типа. Рис. 2 представляет хромосомы особи, обладающей той удивительной особенностью, что одна из ее D-хромосом «распалась» на две части—D₀ и d; замечательная маленькая хромосомка d, вне всякого сомнения, представляет собою не что иное, как «головной» конец D-хромосомы, снабженной спутником на нити. D₀—очевидный остаток этой «обезглавленной» хромосомы. Такие случаи распада или «сегментации» хромосом, правда, описаны в цитологической литературе, но более точные данные о строении сегментированных хромосом там отсутствуют; здесь же впервые можно установить следующий факт, без всякого сомнения усматриваемый из нашего рисунка: «обезглавленная» D-хромосома восстановила свою головку. В самом деле, легко видеть на рисунке 2, что D₀ имеет на переднем конце такую же отчетливую головку, как и другая, нормальная D-хромо-

сома (у нее к головке прикрепляется нить, несущая спутника). Из этого факта я вывожу единственное заключение: не «распад» хромосомы произошел здесь, а глубокое переформирование вещества хромосомы, приведшее к образованию двух самостоятельных и законченных хромосом: d и D_0 . Иначе нам пришлось бы принять, что хромосомные «индивидуумы» способны к регенерации (головки), притом к регенерации чрезвычайно своеобразной: у хромосомы D_0 восстановился не весь отпавший конец, вместе со спутником, а лишь одна головка.

Другой случай еще более глубокого изменения хромосом изображен на рис. 3. Здесь мы видим, прежде всего, уже знакомую маленькую хромосому d , происхождение которой для нас вполне ясно. Но этим дело не ограничивается: мы замечаем недостачу целой хромосомы B , недостачу ожидаемой (по аналогии с предыдущим случаем) хромосомы D_0 и появление новой хромосомы N , типа совершенно необычного и никогда раньше у нашего растения не встречавшегося; здесь, мы имеем, следовательно, весьма сложную перегруппировку; об индивидуальном сохранении хромосом, конечно, в этом случае и говорить не приходится.

Последний случай, на который я считаю необходимым здесь сослаться, мы видим на рис. 4. У этого растения мы видим ту же знакомую нам по предыдущему примеру N -хромосому; кроме того, у него присутствует лишняя B -хромосома. Этих трех примеров, я полагаю, достаточно; они являются именно теми «исключениями», которые «исключают» теорию индивидуальности хромосом¹⁾.

Итак, у нас нет данных для того, чтобы считать хоть одну из известных нам составных частей клетки преемственно передающейся от одного клеточного поколения в другое. Наоборот, все говорит за то, что открываемые микроскопом части клетки суть более или менее сложные органы; в известную пору жизни клетки они появляются или исчезают, претерпевая при этом различные, часто очень сложные, превращения. Источник жизни не в них; эти органы клетки — только аппарат, осуществляющий жизненные процессы. Этот источник, конечно, нужно искать там, где микроскоп еще не открыл никакого видимого строения, да и вряд ли когда-нибудь откроет, — в основной «бесструктурной» массе протоплазмы, которая, вне всякого сомнения, создает рабочий аппарат клетки. В эпоху возникновения жизни на земле, когда комбинацией «счастливых» условий создался тот специфический белковый комплекс, который мы называем протоплазмой, жизнь была, вероятно, разлита по земле

¹⁾ Настоящая статья была уже набрана, когда мною обнаружен еще один случай, гораздо более сложный, чем все прежние. (У одного растения того же вида (*Sterpis tectorum*) ядро подверглось настолько глубокому изменению, что с трудом может быть признано за принадлежащее *Sterpis tectorum*. Из нормальных обычных хромосом сохранились лишь 5 хромосом: A , B , 2 C и D . Вместо остальных 3-х хромосом имеется целых 6 хромосом, в числе которых присутствуют знакомые нам маленькая хромосома d , большая хромосома N и, по видимому, D_0 ; остальные три хромосомы не имеют ничего общего с обычными хромосомами. Этот случай представляет еще более красноречивое противоречие с теорией индивидуальности хромосом.

в виде бесформенных лужиц слизистого вещества, а может быть, она покрывала поверхность нашей планеты мощным слоем... Конечно, все подобные рассуждения пока остаются уделом научной фантазии, но положительные данные цитологии, как мы это вывели, говорят решительно за то, что все, что мы называем живым, вплоть до

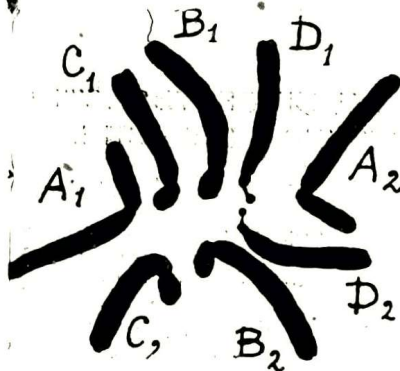

Рис. 1.

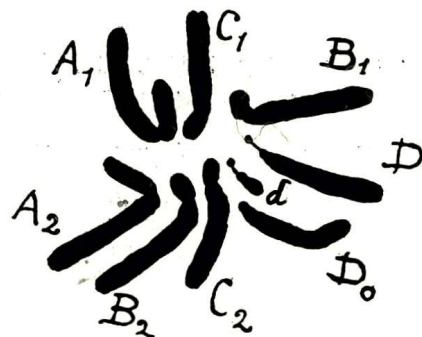

Рис. 2.

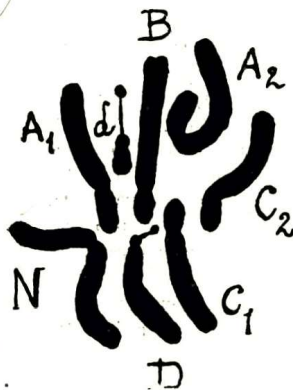

Рис. 3.

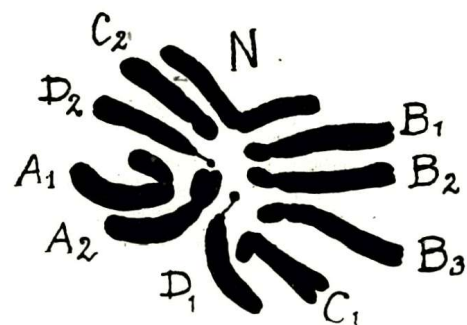

Рис. 4.

исчезающе-мелких частиц живой материи, непрестанно зарождается в каждой клетке. Нет, следовательно, ничего несогласного с данными науки в том, что настанет день, когда наука осуществит, наконец, искусственно те условия, которые господствуют в клетке. Это будет первым случаем сознательного творения, которое до сих пор прямо или косвенно навязывается природе....

М. Навашин.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии.

КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ.

(Доклад тов. Л. Крицмана, прочитанный 17-го ноября 1925 года).

Милютин, В. П. (Председательствующий). Товарищи, сегодняшним докладом тов. Крицмана мы открываем работу аграрной секции при Коммунистической Академии. Свою работу секция наметила в нескольких направлениях. Во-первых, в области изучения аграрной революции. Сейчас уже ведутся работы по детальной статистической обработке материалов аграрной революции в особой комиссии. Затем предполагается работа по аграрному вопросу 1917 г. Эту работу мы предполагаем закончить и выпустить приблизительно к 10-летию Октябрьской революции, т. е. только статистические материалы составят, вероятно, несколько томов, согласно тому масштабу, какой намечен. Кроме этих работ намечена к разработке тема по дифференциации крестьянства, т. е. одна из самых серьезных и самых трудных тем при изучении аграрного вопроса. Предполагается также сводка решений нашей партии в области аграрной политики, в смысле систематизации резолюций партсъездов, партконференций и пленумов ЦК. Следующей работой предполагается работа по архивам Маркса и Энгельса по аграрному вопросу. Части намеченных тем уже находятся в процессе разработки и в частности работа по разработке статистического материала ведется уже с год, так что мы предполагаем в начале будущего года приступить к печатанию этих материалов. (Как вы знаете, журнал „На аграрном фронте“ находится в ведении секции по аграрному вопросу).

В текущем году свою работу аграрная секция начинает с доклада тов. Крицмана о дифференциации крестьянства, вопросе, который актуально стоит перед партией и который вызывает живой интерес, живое обсуждение, ибо тесно, непосредственно связан с нашей общей политикой, экономической политикой, в частности с нашей политикой в деревне. Поэтому секция считает необходимым поставить этот доклад тов. Крицмана на обсуждение первым в начале своих занятий.

Крицман, Л. Н. Товарищи, аграрный вопрос в настоящее время, в нашу эпоху мировой революции, приобретает особенно актуальное значение. Теперь с несомненностью выясняется, что в эпоху, непосредственно следующую за революцией, основным является вопрос экономического сочетания крупного хозяйства с мелким (разумеется лишь до того—еще довольно далёкого—времени, пока мелкое хозяйство, как таковое, не исчезнет). Для всей переходной эпохи вопрос сочетания крупного хозяйства с мелким остается кардинальным экономическим вопросом. С точки зрения классовых отношений этот вопрос есть

вопрос о сочетании пролетариата и мелкой буржуазии, который, как это показывает весь опыт пролетарских революций, является важнейшим вопросом и эпохи революции.

Мелкая буржуазия экономически и политически не является основной силой, т. е. одной из тех двух основных сил, между которыми идет борьба за основной характер общественного строя. Такими силами являются капитал и пролетариат. Но мелкая буржуазия и в мировом масштабе и для большинства отдельных стран играет громадную роль в качестве того класса, который, становясь на сторону одного или другого из основных борющихся общественных классов, может в известные моменты решать (на время, конечно) исход этой борьбы, хотя, разумеется, не ее окончательный результат.

Мелкая буржуазия играет громадную роль в самый критический период революции, как это показывает история всех пролетарских революций, начиная с Парижской Коммуны и кончая нашей революцией, кончая попытками неудачных пролетарских революций на западе Европы. Мелкая буржуазия (а говоря экономически—мелкое хозяйство) играет громадную роль, как показал наш опыт и для периода после победы революции, для переходного периода строительства социализма.

Разумеется, аграрный вопрос представляет собой комплекс, сочетание ряда связанных друг с другом вопросов, каждый из которых требует и заслуживает тщательного и обстоятельного исследования и по отношению к которым вопрос о классовом расхождении деревни является у нас одним из этих вопросов. Я назвал бы целый ряд таких коренных вопросов, относящихся к нашему советскому хозяйству, разработка которых имеет значение не только для нас, но и мировое значение, поскольку мы представляем собой в известном смысле слова картину будущего для других стран и для всего мирового развития.

Основной из этих вопросов—это, по моему мнению, вопрос о сельском хозяйстве в системе всего советского народного хозяйства, а в социально-классовой постановке—вопрос о крестьянстве в советском обществе, в частности вопрос о той роли, какую в общем подъеме сельского хозяйства, который развертывается на наших глазах и является непосредственным результатом революции, играют основные группы хозяйствующего ведущего товарное хозяйство крестьянства. Эти основные группы: капиталистические слои крестьянства, среднее крестьянство и коллективистское крестьянство, которое имеется у нас пока только в зародыше и которое представляет собой новую хозяйственную форму, неизвестную другим странам.

Другими важнейшими вопросами являются далее: вопрос о расхождении крестьянства, вопрос о кооперации в деревне (на особенную роль кооперации указал в своей известной статье Владимир Ильич), вопрос о коллективистском движении в деревне, т. е. о переходе к товарищескому коллективному земледелию, вопрос о государственном сельском хозяйстве, вопрос о роли частного капитала в деревне, вопрос о сельском хозяйстве СССР в его отношении к мировому хозяйству, в котором господствует капитал. Тут целый комплекс связанных друг с другом вопросов, в котором вопрос о расхождении крестьянства является одним из вопросов. И, разумеется, к нему никоим образом нельзя сводить исследование аграрного вопроса в СССР в целом.

Тем не менее, вопрос о классовом расхождении крестьянства играет специфическую роль, поскольку только при помощи изучения процесса расхождения, которое

в первую голову должно дать представление о характере, о формах, об объеме и о тенденциях процесса расслоения, возможно научно подойти к выделению и изучению тех слоев крестьянства, которые являются результатами этого процесса, именно капиталистической и пролетарской части крестьянства. Только изучение процесса расслоения делает возможным подход к выявлению характера отношений всех основных групп крестьянства, т. е. капиталистической части крестьянства, пролетарской части крестьянства и среднего крестьянства, если брать три основные группы. Без изучения расслоения крестьянства затруднителен, а иногда и невозможен, подход к остальным вопросам, и в этом смысле проблема классового расслоения крестьянства является исходной проблемой, с которой нужно начать, известное продвижение в разработке которой является предварительным условием для научного подхода к постановке, разработке и разрешению других упомянутых вопросов, которые сами по себе не менее важны, чем этот вопрос о расслоении крестьянства.

Прежде чем перейти к изложению результатов моей работы, посетившей пока предварительный характер, я позволю себе отнять у вас довольно значительное время для того, чтобы изложить мой общий подход к этому вопросу, ибо, с одной стороны, это освещает в известном отношении самую работу, а с другой, я желал бы избежать неправильных толкований моей по необходимости специальной работы, которая, будучи выхвачена из общей связи, может быть истолкована по-разному.

Первое основное требование диалектического метода — это изучать каждое явление в его связи с другими явлениями и изучать его в его развитии. Соблюдение этого требования, разумеется, обязательно и при разработке вопроса о классовом расслоении современного советского крестьянства. Если этого требования не соблюдать, то отсюда неизбежны, конечно, ошибки самого исследования. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению самого расслоения, необходимо отдать себе отчет в некоторых общих вопросах. При постановке и разработке этой проблемы я исхожу прежде всего из основного характера нашей революции и из сложности нашей революции, из того, что она представляет из себя сочетание двух различных по своему характеру и в то же время слившихся революций. Это — революция антикапиталистическая (противокапиталистическая), которая, если бы она происходила сама по себе, была бы чисто социалистической революцией и которая таковой не является, поскольку она сочетается и переплетается с другой революцией, осложняется этой другой революцией, и, с другой стороны, революция антикрепостническая (противопомещичья), уничтожившая остатки крепостничества, которая, если бы она развертывалась сама по себе, была бы чисто буржуазной революцией, но которая тоже таковой не является, поскольку она сочетается и переплетается с другой революцией, революцией пролетарской, антикапиталистической.

Основной результат противокапиталистической революции находит свое выражение в том, что крупная промышленность, крупная, т. е., прежде всего, оптовая, торговля, внутренние и внешняя, транспорт, кредит из рук капитала перешли (разумеется, в результате захвата политической власти) в руки пролетариата. В этом основной результат пролетарской противокапиталистической революции. Перешли, разумеется, не полностью, но в основной своей массе. То, что не перешло, составляет относительно незначительную величину.

В свою очередь, антикрепостническая революция нашла свое основное выражение в том, что в основной своей массе сельское хозяйство из рук господствовавших в нем помещиков, по преимуществу полукрепостнического и крепостнического типа, перешло в руки крестьянства. Таковы основные результаты обеих революций.

Но то обстоятельство, что наша революция является первым этапом мировой революции, что она сама явилась результатом мирового кризиса капитализма, кризиса мирового (а значит и русского) капитализма, это обстоятельство основывается (базируется) на том факте, что капитал перед революцией экономически господствовал и в мировом масштабе и в нашей стране. Из факта экономического господства капитала в нашей стране перед революцией с неизбежностью следует, что основная экономическая сила, основная экономическая мощь находится теперь в руках наследника капитала в нашей стране, в руках пролетарского государства. Как вы знаете, по расчету Госплана (который, быть может, в известной части и неправилен) почти $\frac{2}{3}$ (62% по их расчету), во всяком случае большая часть, основных средств производства в СССР находится теперь в руках пролетарского государства. Что касается мелкобуржуазных и капиталистических хозяйств, то они играют в общей системе нашего советского хозяйства безусловно подчиненную роль.

В этом отношении можно провести с известным правом сравнение СССР с дореволюционной Россией, где также имели место различные хозяйственные формы: с одной стороны, мелкобуржуазные и капиталистические, а с другой стороны, крепостнические и полукрепостнические. Тогда господствующую в народном хозяйстве роль играл капитал. Наоборот, крепостнические отношения играли роль подчиненную. Теперь экономически господствующую роль играет пролетарское государство, а капиталистические и мелкобуржуазные хозяйства — роль подчиненную.

При этом господство пролетарского государственного хозяйства, по сравнению с господством капитала в дореволюционной России, еще усиливается одним существенным обстоятельством. В дореволюционной России политическая власть не находилась в руках капитала. Она находилась в руках полукрепостнического помещичьего класса. Наоборот, в нашем советском обществе пролетариат располагает не только основными экономическими позициями, он располагает и политической властью, что, разумеется, усиливает его экономическое значение, значение тех экономических позиций, какими оно владеет.

Словом, хотя наша революция носит сложный характер и представляет собой сочетание двух различных революций, однако из этих двух революций одна имеет основное значение, дает основной тон всей нашей революции. Своим экономическим выражением это обстоятельство находит в экономически господствующем положении, которое занимает государственное хозяйство пролетариата, владеющего крупной промышленностью, транспортом и т. д. Подчиненное положение, которое занимают мелкобуржуазные и капиталистические хозяйства, находит свое выражение не только в том, что в их руках сосредоточена меньшая часть средств производства всего народного хозяйства, но также и в том, что самые формы связи между крупным государственным хозяйством пролетариата и между капиталистическими и мелкобуржуазными хозяйствами устанавливаются под преимущественным влиянием государственного хозяйства пролетариата. Основные формы связи, это — государственный

экономической политике означал крушение этих отношений, а одновременно и уничтожение политического превосходства бедноты в деревне. В результате те средства производства, которые более мощные крестьянские хозяйства принуждены были раньше отдавать в безвозмездное пользование бедноте, оставались в их собственном распоряжении и могли быть ими использованы как в своем собственном хозяйстве путем явного или скрытого найма батраков, так и в чужих хозяйствах путем сдачи своих средств производства, живого и мертвого инвентаря или того и другого в аренду, в наем (что имело место и раньше, но в значительно меньшем объеме). Следовательно, это крушение господствовавших в эпоху гражданской войны внутридеревенских отношений неизбежно означало, с одной стороны, процесс создания капиталистических слоев крестьянства из до того потенциальных капиталистических слоев, которые, имея в своих руках средства производства, не могли их использовать капиталистически, а с другой стороны, — падение хозяйств бедноты, потому что она лишилась возможности на основе принудительного порядка безвозмездно получать средства производства, которыми не располагала.

Таким образом, в деревне наряду с процессом хозяйственного подъема среднего крестьянства, а отчасти (хотя только отчасти) на основе этого процесса были созданы предпосылки для того, чтобы снова начался процесс классового расслоения крестьянства. В современной деревне в эпоху после гражданской войны, наряду с хозяйственным подъемом основной массы среднего крестьянства (основной его массы, хотя и не всего среднего крестьянства в целом), идет еще больший подъем зажиточных слоев этого крестьянства и падение собственного хозяйства бедноты. В эпоху гражданской войны беднота представляла собой скрытых безработных, по сути дела вынужденных пользоваться средствами производства других крестьянских хозяйств и таким образом получавших возможность продержаться в эту эпоху страшнейшего падения производительных сил всего народного хозяйства. Падение собственного хозяйства бедноты в современной деревне означает увеличение кадра безработных, которое мы ощущаем в последние годы очень определенно, означает вытеснение безработных из деревни, следовательно, тенденцию к падению заработной платы или к задержке ее роста, которая особенно ясно наблюдается в тех отраслях народного хозяйства, куда легче всего доступ для неквалифицированных рабочих. Поэтому, хотя меры к поднятию индивидуального хозяйства бедноты, как такового, не могут в массовом масштабе привести к тому, что основная масса бедноты превратится в средних крестьян (а затем, скажем, разными путями перейдет к крупному коллективному хозяйству), хотя не приходится рассчитывать на такой путь, хотя такое понимание этих мер представляет собой, несомненно, иллюзию, на утопический характер которой необходимо указывать, — однако все эти меры необходимы в настоящее время, пока процесс индустриализации страны, рост промышленности и других отраслей крупного хозяйства и рост крупного сельского хозяйства (в частности и капиталистического) не дадут возможности втянуть в крупное хозяйство эту громадную массу не находящей целесообразного применения рабочей силы. До этой поры меры поддержания индивидуального бедняцкого хозяйства необходимы. И здесь в общности интересов действительных рабочих и потенциальных рабочих, какими является в своей массе эта беднота, здесь лежит экономический корень союза пролетариата с беднотой.

Союз пролетариата и большинства крестьянства складывается из союза пролетариата со средним крестьянством и союза пролетариата с беднотой, которые, разумеется, имеют различное экономическое и политическое содержание. То обстоятельство, что экономически господствующее положение в нашем советском народном хозяйстве занимает государственное хозяйство пролетариата, это обстоятельство ведет к тому, что перед мелкими хозяевами открывается, как на то указал Владимир Ильич, путь некапиталистического перехода от мелкого хозяйства к крупному хозяйству, от индивидуального сельского хозяйства — к товарищескому земледелию. Этот путь использован пока в очень незначительной степени: примерно, полтора процента нашего крестьянства перешло к коллективному земледелию. При чем, весьма вероятно, что известная часть и даже этих полтора процента лишь прикрывается коллективами, как внешней формой. Однако часть крестьян бесспорно перешла к товарищескому земледелию. Это пока только зародыш будущего, достаточно значительный, чтобы с ним считаться. Существуют десятки тысяч этих коллективных хозяйств, которым необходимо со стороны пролетарской власти оказывать всевозможную поддержку. Этот путь некапиталистического перехода к крупному хозяйству означает в то же время, что часть крестьянских хозяйств извлекается из сферы воздействия процесса классового расслоения крестьянства и, следовательно, таким образом по мере увеличения роста товарищеского земледелия сама сфера действия процесса классового расслоения должна сужаться. Но пока это большой практической роли не играет, поскольку свыше 98% крестьянских хозяйств остаются хозяйствами, ведущими не товарищеское, а единоличное сельское хозяйство.

Далее крестьянские хозяйства всех типов и коллективные, и индивидуальные, и хозяйства зажиточных крестьян, и хозяйства средних крестьян, и хозяйства маломощных (бедных) крестьян, — они все втягиваются чем дальше, тем все сильнее в общую систему советского народного хозяйства. При этом важнейшей формой организации крестьянских хозяйств, благодаря которой они, не как размыленные песчинки, а как нечто организованное, входят в систему советского народного хозяйства, является кооперация, разнообразные виды кооперации. В условиях господства товарного хозяйства, товарных методов хозяйства кооперация становится полем борьбы противоположных тенденций. Это, с одной стороны, те тенденции, которые действуют во всем капиталистическом мире, тенденции, которые стремятся кооперацию превратить в орудие капиталистического развития, а с другой стороны, и в этом заключается то новое, что в этой области дала революция и на что указал Владимир Ильич, другие тенденции, которые стремятся кооперацию превратить в орудие, с одной стороны, вовлечения крестьянского хозяйства, или, точнее, миллионов крестьянских хозяйств в общую систему советского народного хозяйства, основным хребтом которого является государственное хозяйство пролетариата, а с другой стороны, перевода миллионов крестьянских хозяйств на рельсы постепенного перехода через кооперативные формы организации к будущему коллективному товарищескому земледелию.

Рост классового расслоения крестьянства есть не что иное, как рост капитализма в деревне. Процесс классового расслоения крестьянства и процесс развития капитализма — это синонимы, это одно и то же. Развитие капитализма в деревне означает рост капиталистических слоев крестьянства, с одной стороны, и рост пролетарских слоев крестьянства, с другой стороны. Именно под давле-

нием этого роста противоположных элементов капитализма в деревне, т. е. капитала и пролетариата, произошло в настоящем 1925 г. изменение экономической политики в деревне, уничтожившее то юридическое игнорирование капитализма в деревне, игнорирование и капиталистических и пролетарских слоев в деревне, какое представляло собой наше законодательство о недопустимости наемного труда, о недопустимости нетрудовой аренды. В результате этого изменения нашей политики мы пришли к официальному признанию, к легализации капиталистических и пролетарских хозяйств в деревне, как таковых.

Рост классового расслоения крестьянства означает и неизбежность классовой борьбы между пролетарскими и капиталистическими слоями крестьянства, в частности (что в наших условиях особенно важно) борьбы за влияние на среднее крестьянство, за привлечение его на свою сторону. Конечно, было бы совершенно неправильно делать отсюда вывод, что эта борьба по своему характеру должна совпадать, быть одинаковой с той классовой борьбой, которая разыгрывается в странах, где господствует капитал. Именно то обстоятельство, что у нас господство не капитала, а пролетариата, меняет дело. Разумеется, теоретически было бы неправильно говорить, что абсолютно исключается возможность экспроприации капиталистических слоев крестьянства, как и вообще капитала. Но то обстоятельство, что пролетариат господствует экономически и что господство его возрастает, создает такое положение, при котором нет оснований, нет данных для экономической необходимости такой экспроприации, хотя остается возможной политическая необходимость ее. Напр., если представить себе такое положение, что мировой капитал снова предпримет интервенцию и что навстречу ему, наиболее сильные, наиболее многочисленные капиталистические слои населения (а они налицо в деревне, это — капиталистические слои крестьянства) организуют ответное вооруженное восстание. Здесь, едва ли приходится сомневаться в том, что пролетарская власть, что пролетариат не ограничился бы наказанием отдельных виновных, а сокрушительным ударом уничтожил, разбил бы самую экономическую базу этого вооруженного восстания. Я повторяю, что поскольку экономическое господство пролетариата налицо, поскольку это господство растет, данных для экономической необходимости этой экспроприации, данных для целесообразности этой экспроприации, по крайней мере, до победы мировой революции, нет. Тем не менее, классовая борьба в деревне у нас существует, не может не существовать. Раз налицо процесс классового расслоения деревни, он неизбежно в наших условиях будет сопровождаться борьбой за условия и изменение рабочей силы, условий, которые в деревне носят ужасающий характер. Но борьба эта будет идти по сути дела характер реформистский именно потому, что она ведется в стране, в которой уже победила пролетарская революция. Если заглянуть в более отдаленное будущее, то отсюда пришлось бы сделать такой вывод: поскольку нет экономической необходимости того, чтобы классовая борьба в деревне нашла свое революционное завершение, постольку с какого-то момента, предвидеть который сейчас невозможно, должно будет начаться разрушение капиталистического хозяйства каким-то экономическим путем. Самое вероятное, что это разрушение будет происходить под влиянием ухода наемных рабочих: когда жизненный уровень работников государственного хозяйства поднимется достаточно высоко, тогда малый капитал в сельском хозяйстве не будет в состоянии предоставить рабочим соответственного жизненного уровня. Так, повидимому, начнется процесс ликвидации капиталистического хозяйства

в деревне. Но, когда этот момент наступит, об этом говорить теперь было бы преждевременно. Едва ли он очень близок.

Процесс классового расслоения крестьянства в капиталистических странах был процессом медленным по сравнению с другими экономическими процессами, например, в промышленности. Он является медленным процессом и у нас. Сейчас он в других странах идет, повидимому, быстрее, чем до войны, и у нас, быть может, быстрее, чем до войны. Он в основной своей части шел до сих пор наряду с процессом хозяйственного подъема основных середняцких масс; в дальнейшем он будет идти за счет и середняцких масс. Следовательно, процесс классового расслоения имеет тенденцию уменьшать удельный вес среднего крестьянства.

Однако, было бы неправильным полагать, что основы нашей аграрной политики стоят в прямой и непосредственной связи с определенными численными (количественными) соотношениями основных групп крестьянства. Во-первых, пролетариат, и это было указано уже самими основателями научного социализма, никогда не ставил и не мог себе ставить цели принудительно заставить среднее крестьянство перейти к обществу хозяйству. Он не ставил и не мог ставить этой цели независимо от того, составляет ли среднее крестьянство незначительное большинство или значительное меньшинство всего крестьянства. Ни в том, ни в другом случае пролетариат себе такой цели ставить не мог. Затем, опять-таки независимо от того, составляло ли среднее крестьянство незначительное большинство или значительное меньшинство крестьянства, средний крестьянин, с момента перехода к новой экономической политике на известный период, границы которого определить сейчас трудно, становится центральной фигурой земледелия, как сказал Владимир Ильич. Специфическим результатом аграрной революции является хозяйственный подъем именно среднего крестьянства, ибо оно и было основной почвой для крепостнической эксплуатации в дореволюционной России. Это — во-первых, а, во-вторых, если брать крестьянство, которое ведет товарное хозяйство, т. е. продает то, в чем само не нуждается (а беднота таковым не является, ибо беднота, хотя и она продает продукты сельского хозяйства, ведет все же потребительское сельское хозяйство), то только среднее крестьянство не имеет интересов, которые были бы непримиримы с интересами пролетариата. Следовательно, только с ним, со средним крестьянством, ведущим товарное хозяйство, возможен союз пролетариата в то время, как интересы капиталистических слоев крестьянства естественно приходят в столкновение с интересами пролетариата. Поэтому хозяйственный союз города и деревни, хозяйственный союз промышленности и сельского хозяйства, это есть в первую голову союз пролетариата и среднего крестьянства, хотя, разумеется, союз пролетариата и крестьянства не ограничивается союзом со средним крестьянством. Если бы наша аграрная политика зависела действительно от того обстоятельства, составляет ли среднее крестьянство больше половины крестьянства, составляет ли оно незначительное большинство, или значительное меньшинство, тогда бы нам пришлось коренным образом менять нашу аграрную политику в тот момент, когда было бы установлено, что среднее крестьянство не составляет большинства крестьянства. Разумеется, наша аграрная политика стоит на значительно более прочных основаниях, чем такого рода подсчет. Таков, товарищи, мой общий подход к постановке вопроса о классовом расслоении.

Разработка вопроса о ходе процесса классового расслоения крестьянства в нашей современной советской деревне наталкивается прежде всего на ту трудность, что существующие по этому вопросу работы (это относится в особенности к статистическим работам) характеризуются совершенно неправильным подходом к самой постановке вопроса.

Анализ классового расслоения крестьянства в нашей дореволюционной деревне вплоть до конца прошлого века проделан, как известно, Владимиром Ильичем. Этот мастерской анализ, единственный, на котором можно и должно учиться и теперь, был, к великому для всех нас сожалению, ограничен теми материалами, которыми располагал Владимир Ильич, и прежде всего тем обстоятельством, что в то время в руках Владимира Ильича еще не было данных для статистического освещения вопроса о динамике расслоения¹⁾. Владимир Ильич писал до того, как была опубликована первая всенародная перепись (1897 г.); он писал, когда появились только первые работы земской статистики, когда не было еще повторных данных об одних и тех же районах. Позднее в 1910 г. проф. Книпович имел возможность сопоставить некоторые данные о динамике процесса классового расслоения крестьянства. Этой возможности не было у Владимира Ильича, который мог осветить статистически непосредственно только статику расслоения.

Однако и помимо этого обстоятельства простое механическое перенесение статистических приемов Владимира Ильича на данные о современной действительности есть, конечно, метод, против которого первым ополчился бы сам Владимир Ильич, который был поразительным мастером в умении найти для каждого вопроса тот подход, при помощи которого этот вопрос разрешается. Задача, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы изыскать и найти такой подход, найти, как применить к изменившейся действительности методы Маркса и Ленина. Это — дело работы многих, и я, высказывая здесь свои соображения по этому поводу, надеюсь, что это будет лишним побуждением к тому, чтобы ряд других товарищей выступил со своими взглядами по этому вопросу.

Прежде всего, необходимо констатировать, что те два основных приема, которые в нашей марксистской литературе применялись для характеристики процесса классового расслоения крестьянства, в наших условиях отказываются генерально действовать. Первый из этих приемов, теоретически совершенно правильный, это — выявление размеров применения наемного труда в его явной, открытой форме. И вот данные о применении наемного труда в нашей деревне оказываются в наших условиях до настоящего времени совершенно недостаточными, ничего, можно сказать, не говорящими по вопросу о классовом расслоении современной деревни. Я опубликовал в журнале „На Аграрном Фронте“ некоторые факты, которые характеризуют полную недостаточность для суждения о процессе классового расслоения тех данных о наемном труде, какие в нашем распоряжении имеются. Так, по сводке, которую я сделал²⁾, оказывается, что в Тульской губ., если разгруппировать крестьянство по общей ценности тех средств производства, которыми располагает данное хозяйство, в самых круп-

¹⁾ В „Развитии капитализма в России“ читаем: „По вопросу о том, идет ли вперед расслоение крестьянства и как быстро, мы не имеем точных статистических данных“... Изд. Московский Рабочий, 1923, стр. 112.

²⁾ См. мою статью в журнале „На Аграрном Фронте“ № 7 — 8 за 1925 г.

ных хозяйствах наемный труд не применяется вовсе; а если те хозяйства, в которых он применяется, тоже разгруппировать по размерам применяемых в них средств производства, то окажется, что чем больше размеры средств производства, которые применяются в крестьянском хозяйстве, тем меньше применяется наемный труд. Такого рода соотношение показывает, что дело здесь обстоит неблагоприятно и что те статистические данные о наемном труде, которыми мы располагаем, недостаточны для того, чтобы о расслоении крестьянства судить по этому признаку. Кроме того, и самое количество случаев применения найма оказывается ничтожным до курьезности. В той же Тульской губ. оказывается, что из 13.000 хозяйств только 27 применяют наемный труд. Такого рода статистические данные не могут служить основанием для суждения о процессе классового расслоения крестьянства. Они показывают, что мы имеем в данном случае дело с регистрацией не экономических, а юридических фактов.

Другой основной признак, по которому в нашей литературе группировали крестьянство, это — посевная площадь, — размер посева. При этом хотя обычно и не считали, что вышние посевные группы совпадают с капиталистическими слоями деревни, низшие с пролетарскими и средние — со средним крестьянством, но в прежнее время считали, и с правом, что в общем и целом, по крайней мере в главной массе, это — так. В наших условиях оказывается, что это предположение не оправдывается, и в дальнейшем вы увидите, почему это так. А сейчас я хотел бы привести несколько фактов в подтверждение моего утверждения. То обстоятельство, что в настоящее время посевные группы ни в какой мере не могут служить показательным признаком, по которому можно судить о классовом расслоении крестьянства, может быть показано многими способами. Обычно группировки в нашей современной статистической литературе производились таким образом, что крестьянские хозяйства с небольшим посевом зачислялись в маломощные, с несколько большим посевом зачислялись в ниже средние, с еще большим посевом в средние, и т. д. В одной работе¹⁾ произведено сопоставление этих группировок по посеву, обычных в нашей современной статистической литературе, с данными о владении средствами производства (а именно рабочим скотом). Данные эти относятся к 1924 г. Оказывается, что если разгруппировать по посевной площади так, как это группируют у нас обычно, то среди средних крестьян насчитывается 40% (сорок процентов!) безлошадных, среди зажиточных (!) 22% безлошадных и т. д. (с места: „Это по Украине?“). Да, это данные проф. Гуревича. Аналогичный характер носят и данные по другим районам нашей республики; если взять данные ПСУ²⁾, можно видеть сходную картину. Для 1924 г. по РСФСР даются те же посевные группировки, и там можно видеть, что в группе с посевом от 4 до 6 десятин — 12% безлошадных, в группе с посевом от 3 до 4 д. — 18% безлошадных. Это группы, которые при указанном разделении относят не к маломощному крестьянству, а к среднему и даже зажиточному (от 4 до 6 дес. в потребляющих губерниях). То же можно проследить по отдельным районам и губерниям по каким угодно материалам. Посевные группировки в наших условиях явно не совпадают с группировкой по действительной мощности крестьянских хозяйств.

¹⁾ См. М. Гуревич — „К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины“. Харьков, 1925 г.

²⁾ См. „Народное Хозяйство СССР в цифрах“, Москва, 1925 г.

Быть может, сознание неудовлетворительности при современных условиях тех подходов, которые применялись раньше, заставляет часто судить „вообще“ на глаз. Нередко в печатных работах встречаешь: в такой-то деревне, в такой-то волости, губернии середняков столько-то, кулаков столько-то, зажиточных столько-то, бедняков столько-то. А что представляет из себя кулак, зажиточный, бедняк.—это покрыто мраком неизвестности.

Однако в одном случае мне удалось найти материалы, которые—в масштабе одной волости—позволяют сопоставить группировки по отдельным признакам с группировкой по нескольким признакам одновременно, по комбинации признаков, с группировкой, хотя и весьма несовершенной, но все же не вовсе неопределенной, как суждения „вообще“, отражающие потребность в группировке по комбинации признаков. В Павлодарской волости, Тамбовской губернии, захотели составить себе представление о том, из каких слоев состоит там деревня. На расширенном заседании волкопкома, повидимому, с участием обследовавшей волость комиссии постановили считать „1) зажиточными (хозяйства) с полным наличием скота как рабочего, так и продуктового (!), с наличием мужской рабочей силы и с.-х. инвентаря, 2) середняками—с частичным наличием того же, 3) маломощными—с отсутствием рабочего скота, малым количеством продуктового скота и усадком сельско-хоз. инвентаря“. И вот, когда на основании этих признаков подошли к разрешению вопроса (а я думаю, товарищи, что здесь подошли серьезнее, чем в других местах), то оказалось, что зажиточных было у них в 1917 г. 3%, а в 1922 г. 4¹/₂%. середняков соответственно 47 и 38%, маломощных 30 и 57%. На основании этих данных я сопоставил эти проценты маломощных, середняков и зажиточных с процентом хозяйств без рабочего скота, без инвентаря, без посева, затем соответственно с % хозяйств с 2, с 3 лошадьми, с пугами и т. д. Получилась такая картина, что процент маломощных хозяйств до революции 1917 г., примерно, соответствовал % безынвентарного крестьянства и был не очень далек от % безлошадного крестьянства. В 1922 г. он выше значительно и % безлошадного и в особенности % безынвентарного крестьянства. Иначе говоря, в этой волости понятие маломощный было и в 1917, а еще более в 1922 г. шире, чем понятие безлошадный и безынвентарный. Повидимому, процент безлошадных и безынвентарных не дает действительного представления о бедноте, поскольку может оказаться, что у крестьянина есть инвентарь, но нет скота, или есть скот, но нет инвентаря. Конечно, и в том и в другом случае он будет маломощным, ибо он сам свое хозяйство вести не в состоянии.

Что же касается зажиточных, там тоже оказалась любопытная картина. % зажиточных до революции был ниже процента 2-лошадных. (Это означает, что не все двухлошадные были до революции зажиточными, а многие крестьяне с двумя лошадьми являлись в этой волости середняками, как это в сущности и должно быть. В 1922 г. процент зажиточных почти совпадает с процентом двухлошадных, значит, если у крестьянина 2 лошади, он являлся в этих условиях, по понятию группировавших, уже, как правило, зажиточным. Интересно и передвижка по посевной группировке. Оказывается, что если до революции число зажиточных, примерно, раза в полтора превышало число хозяйств с посевом свыше 7 десятин, то в 1922 г. оно уже было в 2 раза меньше числа хозяйств с посевом свыше 7 дес. Следовательно, относительно посев в 1922 г. уже не означал зажиточности хозяйства.

Сходные выводы получаются и относительно среднего крестьянства. Оно в 1922 г. располагало в среднем большим посевом, чем в 1917 г.

То обстоятельство, что посевная группировка не совпадает в наших условиях с различием в мощности крестьянских хозяйств, показывают, между прочим, и данные о составе членов комитетов „невозможных“ на Украине, которые были опубликованы сначала на Украине, а затем у нас т. Терлецким в журнале „На Аграрном Фронте“. По этим данным оказывается, что (помимо самых крайних групп) нет существенной разницы в посевных группировках всего украинского крестьянства в целом и членов организаций невозможных. Разница есть, но она не так велика, как считают обычно. А именно, мелкие посевики, до 3 десятин, составляли среди всего украинского крестьянства 27%, а среди членов комитетов „невозможных“ 45%. Здесь сравнительно значительная разница. Но возьмем дальше средние посевные группы: группа от 3 до 9 десятин¹⁾ составляет среди всего крестьянства 55%, среди невозможных—45%; разница небольшая. Группа от 9—12 десятин (по группировке проф. Гуревича, это—в степи богатые, в остальной Украине—самые богатые из богатых) составляет среди всего крестьянства 13%, а среди невозможных—10%. Итак, группы от 3 до 9 и от 9 до 12 дес. представлены среди всего украинского крестьянства и среди невозможных почти одинаково. Наконец, самые высокие группы свыше 12 дес. среди всего крестьянства составляют 5%, среди невозможных отсутствуют. И эти данные показывают, что посевные группировки в наших условиях недостаточны. В наших условиях надо искать других подходов для выявления основных классовых слоев нашего современного крестьянства.

Материалы, в которых можно было бы искать данных об интересующем нас вопросе, к сожалению, очень ограничены. Общие статистические материалы сами по себе в этом отношении недостаточны. Вследствие их подхода они недостаточно детальны. Они дают обычно посевную группировку и в общем и целом этим ограничиваются; иногда дают данные о размерах срокового найма рабочих. Но так как все эти данные сами по себе не дают возможности судить о соотношении основных классовых слоев крестьянства, то пользоваться только ими одними невозможно. Необходимы гораздо более детальные материалы. Эти детальные материалы, хотя и в небольшом количестве, имеются. Они имеются в тех обследованиях отдельных волостей и деревень, какие были произведены отчасти по поручению и под руководством ЦК нашей партии, отчасти местными партийными органами, большей частью бюро ЦК на местах, и были опубликованы частью в виде отдельных брошюр, частью в журнале „На Аграрном Фронте“, а частью остались неопубликованными в виде докладов, напечатанных на пишущей машине.

Эти материалы сами по себе мало удовлетворительны, они представляют из себя кучу всяких сведений. Их несистематизированность, то, что они представляют кучу сведений, это—их отрицательная сторона. Но то, что это—большая куча самых разнообразных сведений, которые можно сопоставить друг с другом, это—положительная сторона этих материалов, которая дает возмож-

¹⁾ Необходимо иметь в виду, что, напр., по проф. Гуревичу хозяйства от 3 до 9 дес. отнесены по всей Украине, кроме степи, к средним, зажиточным и богатым слоям крестьянства, а по степи—к нижесредним (от 2 до 4 дес.) средним и зажиточным слоям.

ность их проанализировать, в противоположность гораздо более систематизированным материалам наших статистических органов, которые не допускают анализа, к которым нельзя подойти, так как они недостаточно говорят, о многом молчат.

— После этих замечаний о материалах, замечаний, по необходимости очень кратких, я перейду к изложению тех итогов (предварительных итогов), к которым я пришел на основании разработки этих обследований волостей и районов, а отчасти и отдельных деревень. Их в общей совокупности оказалось около 15, они относятся к самым разнообразным районам СССР. Сюда попали и Юго-Восток, и Сибирь, и Урал, и Центральный Земледельческий район, и Украина, и Поволжье, и Центрально-Промышленный район, и Северо-Западный район. Все важнейшие районы СССР здесь представлены, по, разумеется, в очень небольшом количестве: где одна волость, где две, а где и больше. Я не буду эти волости перечислять, чтобы не отнимать этим время.

Предварительные выводы на основании этих, повторяю, недостаточно многочисленных и обильных материалов следующие.

Во-первых, основной формой капиталистического хозяйства в нашей современной советской деревне, формой, значение которой до сих пор возрастало и, повидимому, продолжает возрастать, является такое капиталистическое, по преимуществу, конечно, мелко-капиталистическое, хозяйство, которое основано не на непосредственном найме батраков, т. е. не на обычном открытом применении наемного труда, а на скрытом применении этого труда, путем сдачи в наем рабочего скота и мертвого с.-х. инвентаря. При этой форме скрытый капиталист выступает под видом „рабочего“ (он „нанимается“), под видом рабочего, работающего в чужом хозяйстве собственного скотом или мертвым инвентарем, под видом рабочего, нанимающегося в это чужое хозяйство. Наоборот, скрытый пролетарий (или крестьянин, становящийся пролетарием) выступает под видом „хозяина“, не имеющего рабочего скота или мертвого инвентаря, не обладающего собственными средствами производства и „нанимающего“ владельца этих средств производства для необходимых работ в своем хозяйстве. Обычно в этих случаях нанимающий производит ряд работ в собственном хозяйстве, но помимо этого работает и вне собственного хозяйства, либо отрабатывает в хозяйстве нанятого им в порядке отработки, при чем формально это — отработка за работу нанятого, а фактически не только за работу нанятого, но и за применение средств производства, принадлежащих этому нанятому мнимому рабочему, а на самом деле скрытому капиталисту, либо это — работа даже не в хозяйстве нанятого, а еще где-нибудь в чужом хозяйстве. Но работа эта для нанимающего необходима по той причине, что, по уплате нанятому за его работу и за применение его средств производства, у нанимающего, у мнимого хозяина, не остается даже полной заработной платы и, чтобы поддержать свое существование, он вынужден наниматься на стороне. При таких условиях капиталистически присваиваемая ценность создается не трудом нанятого мнимого „рабочего“, располагающего средствами производства, а трудом нанимающего мнимого „хозяина“, не располагающего средствами производства. Труд этого последнего становится возможным, только благодаря тому, что в его будто бы самостоятельном хозяйстве применяются средства производства нанятого. При этом работает ли нанятый или нет, это для характеристики существующих отношений роли не играет. Таковы эти капиталистические отношения необычного типа, скрытые, более того, поставлен-

ные на голову отношения, ибо при них капиталист выступает под видом пролетария, а пролетарий выступает под видом капиталиста.

Конечно, здесь понятия „пролетарий“ и „капиталист“ не приходится упрощать в их чистом виде. Здесь капиталист, это — мелкий капиталист или даже становящийся капиталистом крестьянин, в хозяйстве которого капиталистические элементы нарастают (играют все большую и большую роль), но он и сам работает, он по большей части не настолько оформившийся капиталист, чтобы уже не работать самому. С другой стороны, пролетарий здесь тоже не есть чистый пролетарий, он все же хозяин, он имеет землю, но или не владеет чужими средствами производства, лошадей и мертвым инвентарем, или располагает ими лишь частично: только лошадью, но без мертвого инвентаря, или только мертвым инвентарем, но без лошади.

Вот эта-то форма капиталистической эксплуатации, которая до сих пор, насколько мне известно, не учитывалась, не принималась должным образом в расчет при анализе нашего сельского хозяйства, играет основную роль, является основной формой капиталистической эксплуатации в нашем современном советском сельском хозяйстве. Насколько велика роль этой капиталистической эксплуатации, видно из того, что по отдельным волостям таким путем эксплуатируются до 70—75% крестьянства. Это, конечно, товарищи, ни в коей мере не означает, что 75% есть цифра, характерная для всего СССР. Для всего СССР, вне сомнения, значительно меньше, сколько — не знаю. Надо надеяться, что эти относящиеся к отдельным (немногим) волостям цифры заставят обратить особое внимание на исследование и учет этой формы капиталистического хозяйства. Скрытые капиталистические посевы (под ними я понимаю посевы тех, кто осуществляет их чужим живым и мертвым инвентарем) достигают в отдельных районах до 30—40% всего посева. Опять-таки и эти цифры относятся лишь к отдельным волостям. По всему СССР этот процент, несомненно, много меньше. Каков он, сказать в данный момент не представляется возможным, т. к. нет данных. И эта цифра показывает, какую существенную роль играет эта форма капиталистического хозяйства и насколько необходимо ее внимательное изучение.

В некоторых районах, в районах зернового хозяйства: Юго-Восток, Сибирь, Центральный Земледельческий район, по тем данным, которые имеются, более распространенным является, повидимому, наем рабочего скота. Наоборот, в районах технических культур и животноводства: на Украине, в Центрально-Промышленном районе, основным является, повидимому, наем не рабочего скота, а мертвого сельскохозяйственного инвентаря.

Статистическая регистрация этой формы хозяйства поставлена в высшей степени неудовлетворительно. В качестве примера неудовлетворительности этой регистрации можно привести такой случай. По данным, представленным ЦСУ в комиссию ЦКБ по работе в деревне в 1924 г. по ряду волостей Орловской, Новгородской и Смоленской губерний на свыше, чем 50.000 хозяйств, зарегистрирован один (!) случай сдачи сельскохозяйственного инвентаря (молотилки). По Тульской губ., согласно этим данным, около 2% хозяйств сдают в наем сельскохозяйственный инвентарь. А между тем, как я уже упоминал, этот процент доходил в некоторых волостях до 75%. Итак, статистическая регистрация этой формы хозяйства по большей части поставлена совершенно неудовлетворительно. Приблизительное представление о ней даже там, где нет регистрации самого

найма, можно себе составить путем сопоставления размеров посева с теми средствами производства, которыми располагает данное хозяйство. Например, как бы ни был сравнительно велик посев, но, если он осуществляется без собственного инвентаря и рабочего скота, то, как правило, он в условиях нашей деревни не может быть действительным посевом этого хозяйства, а является скрытым посевом других хозяйств.

Насколько при этом может быть извращена вся картина, это можно видеть по данным, которые я извлек из одной работы по Юго-Востоку. Там обследователи сделали по двум районам сопоставление между размерами применяемого инвентаря (рабочего скота) и размерами посева. И вот, если это сопоставление проанализировать, если, с одной стороны, взять посевные группы, а с другой стороны, произвести разбивку на хозяйства, обладающие средствами производства 1) в избытке, 2) в достаточном количестве, 3) в недостаточном количестве и 4) не обладающие ими вовсе (в данном случае речь идет только о рабочем скоте), то получается следующая картина.

Группировка по посевам показывает значительное расслоение, а именно: беспосевных оказывается 15%, в руках 54% хозяйств низших групп (включая и беспосевных) сосредоточено только 11% посева, а в руках 15% высших групп 51% посева. Это — значительные различия. Но если их сопоставить с другой указанной выше группировкой, то оказывается, что ни одна из этих посевных групп не имеет хоть сколько-нибудь определенного социально-классового характера. А именно, оказывается, что если взять 15% высших посевных групп, которые располагают большей половиной посева в этой волости (51% посева), то из них целых 21½ процента, т. е. 1/6 этих групп, составят хозяйства без рабочего скота. Все же хозяйства с недостатком рабочего скота, включая и эти 21½% без рабочего скота, составят даже свыше 6%. Хозяйств без избытка и без недостатка рабочего скота также 6%, и только около 3% приходится на хозяйства с избытком рабочего скота. В результате из 51% всего посева, находящегося в руках высших посевных групп, целых 20% посева приходится на хозяйства с недостатком рабочего скота (из них 7% на хозяйства без рабочего скота). 18% приходится на хозяйства без недостатка и без избытка рабочего скота и только около 13% — на хозяйства с избытком рабочего скота.

Отсюда можно сделать такой вывод:

Хозяйства с избытком рабочего скота в основной своей массе должны, по всей вероятности, относиться к хозяйствам капиталистического типа, должны сдавать свой скот в наем.

Хозяйства без избытка и без недостатка рабочего скота частично могут быть капиталистическими хозяйствами, если они хотя и не сдают свой рабочий скот в аренду, но имеют батраков. Другая часть представляет собой хозяйства середняцкого типа, не эксплуатирующие других и не подвергающиеся эксплуатации.

Что касается хозяйств, не располагающих средствами производства, то их посев представляет собой в главной своей массе, несомненно, скрытый посев других.

Такой подход к вопросу путем сопоставления размеров посева и размеров средств производства не есть выдуманный подход. Это можно показать на ряде отдельных волостей. Повсюду, где есть возможность сопоставить превышение числа (или %) безлошадных или безынвентарных хозяйств над

беспосевными с % хозяйств, арендующих рабочий скот или мертвый инвентарь, такое сопоставление показывает, что это превышение действительно представляет собой % хозяйств, имеющих посева, но не имеющих либо скота, либо мертвого инвентаря. Ибо превышение это почти совпадает и, что особенно важно, меняется в строгом соответствии с изменением % хозяйств, арендующих рабочий скот или мертвый инвентарь во всех тех случаях, где удается эти величины сопоставить. Это показывает, что сопоставление размеров посева с наличием (или отсутствием) основных средств производства, есть вполне реальное сопоставление, оправдывающееся анализом тех данных, которые у нас имеются. Конечно, хозяйства без рабочего скота или без мертвого инвентаря можно в огромном большинстве случаев вести только путем найма рабочего скота или мертвого инвентаря у других.

В небольшом количестве такие маломощные крестьяне находят и другой выход из положения, выход еще хуже. Этим выходом является, во-первых, применение для полевых работ нерабочего скота, коров и молодняка лошадей. Это явление мало изучено, но там, где имеются данные, например, в сильно пострадавшей от голода республике Немцев Поволжья, даже там, примерно, лишь одна пятая безлошадных хозяйств применяла коров и нерабочий скот. И по другим губерниям, например, по Полтавской, — также меньше четверти.

Затем существует и пахота на людях. Об этом имеется несколько сообщений, одно очень красочное в брошюре г. Яковлева: „Дворов 10, — пишет он, — запрягались сами: ну, говорят, пошел трактор, своим паром пашет“. Но, разумеется, эти случаи экономического значения не имеют, они просто подчеркивают безвыходность положения маломощного крестьянства. Лишенное в основной своей массе рабочего скота и мертвого инвентаря, оно (пока не оставляет „собственного“ хозяйства) может найти выход только в найме рабочего скота и инвентаря. Этот наем иногда скрывается под видом других форм, в частности, под видом так называемой супруги, т. е. объединения двух или нескольких хозяйств для работы общими силами. Супруга является скрытой формой найма там, где она производится между хозяйствами различной экономической мощности, например, между безлошадными и многолошадными хозяйствами. Наоборот, супруга хозяйств равной мощности представляет собой зародыш товарищеского хозяйства, зародыш совместной обработки земли, т. е. коллективного земледелия.

Такова, товарищи, основная форма капиталистической эксплуатации, существующая в нашей современной советской деревне, основная, но, разумеется, не единственная, потому что на ряду с ней существует и другая достаточно известная форма: наем батраков. К этому вопросу нам приходится подойти с особой осторожностью. Не случайность, что данные о найме батраков не соответствуют действительности. Насколько они не соответствуют действительности, можно видеть из произведенного мной сопоставления данных ЦСУ и данных председателя Всеарботземлеса т. Анцеловича, опубликованных в журнале „На Аграрном Фронте“. Я сопоставил данные о хозяйствах, нанимающих батраков, по ЦСУ и по Всеарботземлесу по одним и тем же районам.

Оказалось, что по ЦСУ на Украине нанимают 0,6% хозяйств, по Всеарботземлесу — 4,5%. Как видите, в 7½ раз больше, при чем Всеарботземлес заявляет, что его учет неполный.

По Северному Кавказу: по ЦСУ — 1,2%, по Всеарботземлесу — 7,3% хозяйств, в 6 раз больше.

По Северо-Западному району: по ЦСУ — 1%, по союзу — 3,1%, в 3 раза больше.

По Центрально-Земледельческому району: по ЦСУ — 0,6%, по союзу — 1,5%.

По Волжско-Камскому и Волжскому: ЦСУ насчитывает по Волжско-Камскому 0,6%, по Волжскому — 0,8, Всеработземлес, у которого оба района объединены, — 1,7%.

По Западному району: ЦСУ — 1%, союз — 2,3%.

По Московско-Промышленному району: ЦСУ — 1,9%, союз — 3,4%.

По Сибири: ЦСУ — 2,8%, союз — 3,1%.

По Киргизии: ЦСУ — 5,6%, союз — 3,4%.

По Крайнему Северу: ЦСУ — 2,7%. По северу: ЦСУ — 2%, союз, у которого оба эти района объединены, — всего 1%.

Значит, в большинстве случаев ЦСУ насчитывает во много раз меньше сроча, в некоторых случаях наоборот. Это показывает, что статистика и ЦСУ и союза не на высоте.

Причина того, что этот учет так неполон, несомненно, существует. Известную роль здесь играет скрытая или, вернее, прикрытая форма найма батраков. Прикрытием служат большей частью фиктивные семейные отношения. Статистически они не подсчитаны, но в нашей литературе, в центральном органе нашей партии, в корреспонденциях с мест, в отчетах о судебных разбирательствах, вы насчитаете большое количество таких случаев (их не мешало бы подсчитать). Здесь мы имеем фиктивные браки и фиктивные родственные отношения (племянники, племянницы и пр.). Большую роль играют фиктивные приемши. Под всеми этими фиктивными родственниками скрываются действительные батраки и батрачки.

Но даже, если отбросить эту сторону дела, учет батраков в деревне неполон уже потому, что у нас совершенно отсутствует регистрация поденного найма. А между тем, поденный наем уже до войны играл такую роль, что Владимир Ильич, анализируя крестьянское хозяйство в своей известной книге «Развитие капитализма в России», говорит: «Наем поденных рабочих — в высшей степени характерный признак крестьянского буржуазного хозяйства».

И вот необходимо установить, что в тех случаях, когда удастся составить себе представление о соотношении поденного и срочного найма, оказывается, что это соотношение изменилось, и очень сильно, в пользу поденного найма. Такие данные можно извлечь, например, из брошюры тов. Яковлева о Никольской волости, Курской губ. В 1917 г. срочных рабочих в этой волости насчитывалось 17, в 1922 г. — только 3. Итак, число срочных рабочих резко сократилось: с 17 до 3. Но число поденных и сдельных, повидимому, поднялось: в 1917 г. их было 13, в 1920 г. — 18, 1922 г. — 21. Если взять в совокупности число поденных и срочных рабочих, то их было: в 1917 г. 30, в 1922 г. 34. Правда, поденный наем не так длителен, как срочный, здесь нельзя просто складывать тех и других для того, чтобы получить общую сумму наемного труда. Но число тех, кто продает рабочую силу, повидимому, возросло. Другие данные, которые мне удалось обнаружить, говорят о том же. Там оказалось: в 1917 г. срочных рабочих было, если считать на человеко-месяцы, 635, а в 1922 г. — только 41. Колоссальное падение, сокращение в 16 раз (с места: «В каком месте?»). В Самарской губ. Итак, срочный наем резко сократился. А до-

денный наем составлял в человеко-днях в 1917 г. 519, а в 1922 г. — 483: почти никакого сокращения. Следовательно, соотношение поденного и срочного найма изменилось в пользу поденного. В 1917 г. только 3% всего затраченного рабочего времени приходилось на поденный наем, в 1922 г. — уже 32%, т. е. относительный удельный вес поденного найма по этим данным возрос в 10 раз. Итак, те данные, которые имеются, говорят, что значение поденного найма в деревне возросло.

Наконец, регистрация самого срочного найма в высшей степени неудовлетворительна, неполна, и применение его в деревне, несомненно, значительно больше, чем об этом говорят обычно публикуемые статистические данные.

Обе эти формы и скрытая капиталистическая форма хозяйства, основанная на сдаче в наем рабочего скота и мертвого инвентаря, и открытая, основанная на найме батраков, хотя и она также прикрыта великими фиктивными отношениями, обе эти формы являются формами проявления промышленного капитала (в данном случае, в сельском хозяйстве, в смысле противопоставления его ростовщическому и торговому капиталу), ибо капитал выступает здесь, как владелец применяемых в производстве средств производства. Помимо этого, в деревне широко распространена деятельность торгового и ростовщического капитала. Основой деятельности ростовщического капитала является неустойчивость большинства крестьянских хозяйств, которые под влиянием различных событий в жизни отдельных хозяйств, событий стихийного или экономического характера, легко выбиваются из равновесия. Основой же деятельности торгового капитала является то обстоятельство, что связь с рынком составляет монополию известной части крестьянства. В условиях деревенской жизни, следовательно, при отдаленности от рынков, рынков сбыта и рынков снабжения, транспорт, разумеется, играет первенствующую роль. И тот факт, что значительная часть крестьянства, свыше $\frac{1}{3}$ крестьянства, а в некоторых местах и больше половины, является безлошадной, означает отсутствие у них основных средств транспорта, означает монополию связи с рынком для других хозяйств, которые имеют лошадей. При этом деятельность ростовщического и торгового капитала переплетается в той мере, в какой торговые операции в деревне связаны с кредитом, в условиях нашей деревни всегда ростовщическим. Кроме того, переплетается и деятельность ростовщического и промышленного капитала. В деревне весьма распространены ссуды хлебом. Проценты по этим ссудам уплачиваются большей частью в форме отработок. Здесь перед нами переплетение ростовщического и промышленного капитала. Об этом тоже есть ряд данных в соответствующей литературе. Напр., т. Яковлев пишет: «Чаще случаи кредита семенами. Возвращают в большинстве случаев семенами же без процентов, но с некоторой отработкой. Процент является исключением и взыскивается только защитными крестьянами. В большинстве же этот % скрывается под формой отработки».

Разумеется, это давление, эта эксплуатация со стороны торгового и ростовщического капитала в деревне, отбирая у эксплуатируемого крестьянства значительную часть продукции его собственного хозяйства, гонит его в лапы промышленного (действующего в сельском хозяйстве) капитала. Регистрация объема деятельности торгового капитала совершенно отсутствует в деревне, но некоторые представления об этом могут дать такого рода данные. По данным, опубликованным о Юго-Востоке (по отдельным деревням), оказывается, что если взять посевные группы и сопоставить размеры продаваемого и покупаемого хлеба

(в среднем на одно продающее или покупающее хозяйство данной группы), то обнаруживается такое явление: низшие группы совсем не продают, а покупают в среднем на хозяйство 24 пуда; дальше—продают в среднем 31 пуд, покупают 12 п.; в следующей группе продают 41 п., покупают 20, еще в следующей продают 78 пуд., покупают 11 п. Вы видите, как непрерывно по мере перехода к более высоким группам растет количество проданного хлеба и падает количество покупаемого. А самая высшая группа (свыше 19 дес.)? В ней продают 141 п., покупают 102. Здесь громадный скачек не только в количестве продаваемого хлеба, но и покупаемого. Ясно, что здесь перед нами деятельность торгового капитала, который продает не только свой собственный хлеб, но и чужой. Таких хозяйств в данном случае оказалось 25% к числу хозяйств высшей посевной группы (св. 19 дес.) и 2½% к числу всех хозяйств. Отдельные данные имеются и по другим местам, но, вообще говоря, данные о деятельности торгового капитала в нашей деревне отсутствуют.

Необходимо, наконец, отметить, что не только давление торгового и ростовнического капитала гонит эксплуатируемого им крестьянина в лапы промышленного капиталиста, применяющего капитал в сельском хозяйстве. В этом смысле действует, по крайней мере в 1922—23 г.г. действовало, в некоторых местах и давление нашего государственного аппарата. Поскольку в порядке налога мы у низших слоев крестьянства отбирали известную часть их продукции и иногда весьма значительную часть, постольку мы тем самым вынуждали их продавать свою рабочую силу. Как отразилось в этом отношении наше законодательство, освобождающее часть маломощных хозяйств от налога? Это вопрос чрезвычайно важен, по данным на этот счет пока нет. Более подробные данные о налогах по группам крестьянства мне удалось получить по одной волости Сибири. По этим данным, если разгруппировать крестьян по лошадности (а это более близкая к действительности группировка крестьянских хозяйств), оказывается, что у имеющих посев безлошадных валовой сбор составлял 41 пуд в среднем на хозяйство, а если вычесть продовольствие семьи и семена, то окажется нехватки около 14 пуд. У них налога взято 3,6 пуда, следовательно, 9% валового сбора. У однолошадных валовой сбор на хозяйство составлял 94 пуда; если вычесть продовольствие и семена, у них останется 18 пудов с небольшим. Налога у них взято около 17 пудов. Налог для них в этой волости составлял 18% валового сбора и 92% их остатка. Если взять двухлошадных, у них валовой сбор составил на хозяйство около 200 пуд., остаток за вычетом семян и продовольствия около 100 пуд., налога взято 37 пуд. Налог составляет только 37% остатка и тоже 18% всего сбора. 3-лошадные: у них валовой сбор на хозяйство 360 пуд., остатка за вычетом продовольствия и семян 220 пудов, налога взято 61 п. с лишним, что составляет 28% остатка и 16% валового сбора. 4-лошадные в том же духе: налог составил 30% остатка и 15% валового сбора. 5-лошадные: у них валовой сбор на хозяйство 600 пуд., остатка за вычетом продовольствия и семян 400 п., налога взято 61 п., т.е. 15% остатка и 10% валового сбора. Наконец, у 6 и более лошадных общий сбор на хозяйство меньше, чем у 5-лошадных. Это показывает, что они не столько ведут собственное хозяйство, сколько предпочитают сдавать своих лошадей в наем. Их сбор меньше, чем у 5 и 4-лошадных: 540 пуд., остаток также меньше—330 пуд., налога взято 71 пуд., т.е. 21% остатка и 13% валового сбора.

Это сопоставление говорит о том, что хотя наш налог и прогрессивен, но в высших группах он в этой волости падает:

У кого:	% налога.	
	К остатку.	К валовому сбору.
Безлош. с посевом	—	9
Однолошадных	92	18
Двух "	37	18
Трех "	28	16
Четырех "	30	19
Пяти "	15	10
Шести и больше	21	13

Видимому, в высших группах действуют льготы за культурное ведение хозяйства. Тем, что у низших групп крестьянства, в особенности у однолошадных, в этой волости отбирается почти весь остаток, однолошадные вынуждены были продавать свою рабочую силу.

Зажиточное крестьянство, т.е. капиталистические его слои и слои, становящиеся капиталистическими, являются на ряду с крестьянскими коллективами носителями прогресса сельского хозяйства: они больше всех остальных ведущих единоличное хозяйство крестьян используют технические усовершенствования, они больше всех используют сельскохозяйственную кооперацию. Я не буду приводить данные, но повсюду оказывается, что они дают больший процент в сельскохоз. кооперации, чем другие. Они также больше используют и советскую школу. Если, например, взять Знаменскую волость, Тамбовской губ., то получается такая картина: в деревне Ивановке обучалось детей (в % к числу хозяйств. групп):

	Зимой.	Весной.	% сокращения к весне.
Безлошадных	36	17	51
Лошадных	61	39	34

Еще по одному району весьма характерные данные в том же духе. Здесь уже речь идет о Сибири. Там оказывается, что в селе Александровском, Кустанайской губ.,

Бедняки составляют	74%	детей их в школе — 41%
Середняки "	17%	" " " — 29%
Зажиточные "	9%	" " " — 30%

Разбивка на бедняков, середняков и пр. принадлежит автору обследования (к беднякам отнесены безлошадные и однолошадные). Итак, в этом отношении Тамбовская губерния не отличается от Кустанайской. Больше того, существует тенденция зажиточных слоев крестьянства не только использовать школу, кооперацию и т. д., но и получить влияние на органы местной Советской власти.

По Северо-Западному району: по ЦСУ—1%, по союзу—3,1%, в 3 раза больше.

По Центрально-Земледельческому району: по ЦСУ—0,6%, по союзу—1,5%.

По Волжско-Камскому и Волжскому: ЦСУ насчитывает по Волжско-Камскому 0,6%, по Волжскому—0,8, Всеработземлес, у которого оба района объединены,—1,7%.

По Западному району: ЦСУ—1%, союз—2,3%.

По Московско-Промышленному району: ЦСУ—1,9%, союз—3,4%.

По Сибири: ЦСУ—2,8%, союз—3,1%.

По Киргизии: ЦСУ—5,6%, союз—3,4%.

По Крайнему Северу: ЦСУ—2,7%. По северу: ЦСУ—2%, союз, у которого оба эти района объединены,—всего 1%.

Значит, в большинстве случаев ЦСУ насчитывает во много раз меньше союза, в некоторых случаях наоборот. Это показывает, что статистика и ЦСУ и союза не на высоте.

Причина того, что этот учет так неполон, несомненно, существует. Известную роль здесь играет скрытая или, вернее, прикрытая форма найма батраков. Прикрытым служат большей частью фиктивные семейные отношения. Статистически они не подсчитаны, но в нашей литературе, в центральном органе нашей партии, в корреспонденциях с мест, в отчетах о судебных разбирательствах, вы насчитаете большое количество таких случаев (их не мешало бы подсчитать). Здесь мы имеем фиктивные браки и фиктивные родственные отношения (племянники, племянницы и пр.). Большую роль играют фиктивные приемные. Под всеми этими фиктивными родственниками скрываются действительные батраки и батрачки.

Но даже, если отбросить эту сторону дела, учет батраков в деревне не полон уже потому, что у нас совершенно отсутствует регистрация поденного найма. А между тем, поденный найм уже до войны играл такую роль, что Владимир Ильич, анализируя крестьянское хозяйство в своей известной книге „Развитие капитализма в России“, говорит: „Наем поденных рабочих—в высшей степени характерный признак крестьянского буржуазного хозяйства“.

И вот необходимо установить, что в тех случаях, когда удастся составить себе представление о соотношении поденного и срокового найма, оказывается, что это соотношение изменилось, и очень сильно, в пользу поденного найма. Такие данные можно извлечь, например, из брошюры тов. Яковлева о Никольской волости, Курской губ. В 1917 г. сроковых рабочих в этой волости насчитывалось 17, в 1922 г.—только 3. Итак, число сроковых рабочих резко сократилось: с 17 до 3. Но число поденных и сдельных, повидимому, поднялось: в 1917 г. их было 13, в 1920 г.—18, 1922 г.—21. Если взять в совокупности число поденных и сроковых рабочих, то их было: в 1917 г. 30, в 1922 г. 34. Правда, поденный найм не так длителен, как сроковый, здесь нельзя просто складывать тех и других для того, чтобы получить общую сумму наемного труда. Но число тех, кто продает рабочую силу, повидимому, возросло. Другие данные, которые мне удалось обнаружить, говорят о том же. Там оказалось: в 1917 г. сроковых рабочих было, если считать на человеко-месяцы, 635, а в 1922 г.—только 41. Колоссальное падение, сокращение в 16 раз (с места: „В каком месте?“). В Самарской губ. Итак, сроковый найм резко сократился. А по-

денный найм составлял в человеко-днях в 1917 г. 519, а в 1922 г.—483: почти никакого сокращения. Следовательно, соотношение поденного и срокового найма изменилось в пользу поденного. В 1917 г. только 3% всего затраченного рабочего времени приходилось на поденный найм, в 1922 г.—уже 32%, т.е. относительный удельный вес поденного найма по этим данным возрос в 10 раз. Итак, те данные, которые имеются, говорят, что значение поденного найма в деревне возросло.

Наконец, регистрация самого срокового найма в высшей степени неудовлетворительна, неполна, и применение его в деревне, несомненно, значительно больше, чем об этом говорят обычно публикуемые статистические данные.

Обе эти формы: и скрытая капиталистическая форма хозяйства, основанная на сдаче в найм рабочего скота и мертвого инвентаря, и открытая, основанная на найме батраков, хотя и она также прикрыта всякими фиктивными отношениями, обе эти формы являются формами проявления промышленного капитала (в данном случае, в сельском хозяйстве, в смысле противопоставления его ростовщическому и торговому капиталу), ибо капитал выступает здесь, как владелец применяемых в производстве средств производства. Помимо этого, в деревне широко распространена деятельность торгового и ростовщического капитала. Основой деятельности ростовщического капитала является неустойчивость большинства крестьянских хозяйств, которые под влиянием различных событий в жизни отдельных хозяйств, событий стихийного или экономического характера, легко выбиваются из равновесия. Основой же деятельности торгового капитала является то обстоятельство, что связь с рынком составляет монополию известной части крестьянства. В условиях деревенской жизни, следовательно, при удаленности от рынков, рынков сбыта и рынков снабжения, транспорт, разумеется, играет первенствующую роль. И тот факт, что значительная часть крестьянства, свыше $\frac{1}{3}$ крестьянства, а в некоторых местах и больше половины, является безлошадной, означает отсутствие у них основных средств транспорта, означает монополию связи с рынком для других хозяйств, которые имеют лошадей. При этом деятельность ростовщического и торгового капитала переносится в той мере, в какой торговые операции в деревне связаны с кредитом, в условиях нашей деревни всегда ростовщическим. Кроме того, переплетается и деятельность ростовщического и промышленного капитала. В деревне весьма распространены ссуды хлебом. Проценты по этим ссудам улачиваются большей частью в форме отработок. Здесь перед нами переплетение ростовщического и промышленного капитала. Об этом тоже есть ряд данных в соответствующей литературе. Напр., т. Яковлев пишет: „Чаще случаи кредита семенами. Возвращают в большинстве случаев семенами же без процентов, но с некоторой отработкой. Процент является исключением и взыскивается только зажиточными крестьянами. В большинстве же этот % скрывается под формой отработки“.

Разумеется, это давление, эта эксплуатация со стороны торгового и ростовщического капитала в деревне, отбирая у эксплуатируемого крестьянства значительную часть продукции его собственного хозяйства, гонит его в лапы промышленного (действующего в сельском хозяйстве) капитала. Регистрация объема деятельности торгового капитала совершенно отсутствует в деревне, но некоторые представления об этом могут дать такого рода данные. По данным, опубликованным о Юго-Востоке (по отдельным деревням), оказывается, что если взять посевные группы и сопоставить размеры продаваемого и покупаемого хлеба

(в среднем на одно продающее или покупающее хозяйство данной группы), то обнаруживается такое явление: низшие группы совсем не продают, а покупают в среднем на хозяйство 24 пуда; дальше—продают в среднем 31 пуд, покупают 12 п.; в следующей группе продают 41 п., покупают 20, еще в следующей продают 78 пуд., покупают 11 п. Вы видите, как непрерывно по мере перехода к более высоким группам растет количество проданного хлеба и падает количество покупаемого. А самая высшая группа (свыше 19 дес.)? В ней продают 141 п.; покупают 102. Здесь громадный скачек не только в количестве продаваемого хлеба, но и покупаемого. Ясно, что здесь перед нами деятельность торгового капитала, который продает не только свой собственный хлеб, но и чужой. Таких хозяйств в данном случае оказалось 25% к числу хозяйств высшей посевной группы (св. 19 дес.) и 2 1/2% к числу всех хозяйств. Отдельные данные имеются и по другим местам, но, вообще говоря, данные о деятельности торгового капитала в нашей деревне отсутствуют.

Необходимо, наконец, отметить, что не только давление торгового и ростовщического капитала гонит эксплуатируемого им крестьянина в лапы промышленного капиталиста, применяющего капитал в сельском хозяйстве. В этом смысле действует, по крайней мере в 1922—23 г.г. действовало, в некоторых местах и давление нашего государственного аппарата. Поскольку в порядке налога мы у низших слоев крестьянства отбирали известную часть их продукции и иногда весьма значительную часть, постольку мы тем самым вынуждали их продавать свою рабочую силу. Как отразилось в этом отношении наше законодательство, освобождающее часть маломощных хозяйств от налога? Этот вопрос чрезвычайно важен, но данных на этот счет пока нет. Более подробные данные о налогах по группам крестьянства мне удалось получить по одной волости Сибири. По этим данным, если разгруппировать крестьян по лошадности (а это более близкая к действительности группировка крестьянских хозяйств), оказывается, что у имеющих посев безлошадных валовой сбор составлял 41 пуд в среднем на хозяйство, а если вычесть продовольствие семьи и семена, то окажется нехватки около 14 пуд. У них налога взято 3,6 пуда, следовательно, 9% валового сбора. У однолошадных валовой сбор на хозяйство составлял 94 пуда; если вычесть продовольствие и семена, у них останется 18 пудов с небольшим. Налог у них взят около 17 пудов. Налог для них в этой волости составлял 18% валового сбора и 92% их остатка. Если взять двухлошадных, у них валовой сбор составил на хозяйство около 200 пуд., остаток за вычетом семян и продовольствия около 100 пуд., налога взято 37 пуд. Налог составляет только 37% остатка и тоже 18% всего сбора. 3-лошадные: у них валовой сбор на хозяйство 360 пуд., остатка за вычетом продовольствия и семян 220 пудов, налога взято 61 п. с лишним, что составляет 28% остатка и 16% валового сбора. 4-лошадные в том же духе: налог составил 30% остатка и 15% валового сбора. 5-лошадные: у них валовой сбор на хозяйство 600 пуд., остатка за вычетом продовольствия и семян 400 п., налога взято 61 п., т.е. 15% остатка и 10% валового сбора. Наконец, у 6 и более лошадных общий сбор на хозяйство меньше, чем у 5-лошадных. Это показывает, что они не столько ведут собственное хозяйство, сколько предпочитают сдавать своих лошадей в наем. Их сбор меньше, чем у 5 и 4-лошадных: 540 пуд., остаток также меньше—330 пуд., налога взято 71 пуд., т.е. 21% остатка и 13% валового сбора.

Это сопоставление говорит о том, что хотя наш налог и прогрессивен, но в высших группах он в этой волости падает:

У кого:	% налога.	
	К остатку.	К валовому сбору.
Безлош. с посевом	—	9
Однолошадных	92	18
Двух "	37	18
Трех "	28	16
Четырех "	30	19
Пяти "	15	10
Шести и больше	21	13

Повидимому, в высших группах действуют льготы за культурное ведение хозяйства. Тем, что у низших групп крестьянства, в особенности у однолошадных, в этой волости отбирается почти весь остаток, однолошадные вынуждены были продавать свою рабочую силу.

Зажиточное крестьянство, т.е. капиталистические его слои и слои, становящиеся капиталистическими, являются на ряду с крестьянскими коллективами носителями прогресса сельского хозяйства: они больше всех остальных ведущих единоличное хозяйство крестьян используют технические усовершенствования, они больше всех используют сельскохозяйственную кооперацию. Я не буду приводить данные, но повсюду оказывается, что они дают больший процент в сельскохозяйственной кооперации, чем другие. Они также больше используют и советскую школу. Если, например, взять Знаменскую волость, Тамбовской губ., то получается такая картина: в деревне Ивайловке обучалось детей (в % к числу хозяйств. групп):

	Зимой.	Весной.	% сокращения к весне.
Безлошадных	36	17	51
Лошадных	61	39	34

Еще по одному району весьма характерные данные в том же духе. Здесь уже речь идет о Сибири. Там оказывается, что в селе Александровском, Кустанайской губ.,

Бедняки составляют	74%	детей их в школе —	41%
Середняки " "	17%	" " " "	— 29%
Зажиточные " "	9%	" " " "	— 30%

Разбивка на бедняков, середняков и пр. принадлежит автору обследования (к беднякам отнесены безлошадные и однолошадные). Итак, в этом отношении Тамбовская губерния не отличается от Кустанайской. Больше того, существует тенденция зажиточных слоев крестьянства не только использовать школу, кооперацию и т. д., но и получать влияние на органы местной Советской власти.

Разумеется, это только тенденция. О ней можно по той же Александровской волости получить следующие данные: если подсчитать процент хозяйств каждой группы, имеющих в своей среде членов сельсоветов, получается следующая картина:

Среди безлошадных оказывается 9% семей, представленных в сельсовете		
.. однолошадных	11%
.. 2 ..	12%
.. 3 ..	14%
.. 4 ..	24%
.. 5 ..	25%
.. 6 и более ..	67%

т. е. из каждых 3 многолошадных хозяйств два имеют в своей среде членов сельсоветов. По отношению к общему числу членов сельсоветов этой волости их число ничтожно, но едва ли сельсоветы в этой волости принимают очень решительные меры против тех семей, которые располагают представителями в сельсоветах. Не иначе обстоит дело и с председателями и членами президиумов этих сельсоветов. Я не буду приводить все цифры (с места: „Это по одной волости?“). Да, по одной волости. Эти данные ни с какой стороны не могут претендовать на общий характер, но они должны послужить тому, чтобы этот вопрос подвергся исследованию. Данные по другим волостям подтверждают, что существующая тенденция зажиточных слоев деревни проникать и получать влияние на органы местной Советской власти (с места: „В каком это году?“). В 1924 г. Относительно председателей и членов президиумов сельсоветов мы имеем (в той же волости) сходное положение: из тысячи безлошадных хозяйств только 4 имеют в своей среде председателей или членов президиумов сельсоветов, а из тысячи многолошадных (с 5 и более лошадей)—500, т. е. половина. По другому району (также в Сибири, Тисульский район, Томской губ.) обследователь сообщает: „Число зажиточных крестьян (4 и более лошадей), попавших в председатели сельсовета, увеличилось с 2 до 5 (на 150%)... В районный исполком избраны... 4 крестьянина, кажется, все (3 несомненно) очень богатые... Батраков в сельсовет не прошло, т. к. они не крестьяне“. Эти отдельные данные ставят перед нами задачу исследовать эти явления, чтобы бороться с ними. Влияние этих тенденций простирается, вероятно, даже и на партийные организации. Цифровые данные (только по одной сибирской деревне) показывают, что в ячейке этой деревни процент двухлошадных крестьян равен проценту однолошадных и больше, чем процент безлошадных. Это—данные по одной лишь деревне, которые ни в какой мере не могут быть непосредственно обобщены, но и они ставят перед нами вопрос о выявлении подобного рода тенденций, с которыми необходимо бороться. Аналогичные сведения имеются и относительно комсомола.

Теперь дальше. Показателем роста хозяйственной мощи капиталистической части крестьянства является и рост аренды земли, которая представляет из себя не что иное, как процесс лишения маломощного крестьянства той земли, которую они получили в результате аграрной революции. Очень часто эта аренда земли скрывается под формой того же найма рабочего скота и аренды инвентаря, а именно в тех случаях, когда нанимающий сам в своем хозяйстве вовсе не ра-

ботает, а работает только нанятый. В этом случае перед нами скрытая форма той же самой аренды земли.

Рост классового расслоения в деревне идет в основном пока не как расслоение по земле, закреплению которого препятствует прежде всего вытекающее из национализации земли запрещение продажи ее и действовавшее до последнего времени запрещение капиталистической аренды земли. В основной своей части расслоение идет как расслоение по средствам производства, по рабочему скоту и по мертвому инвентарю. Тут получается необыкновенно любопытное явление, поскольку основной формой капиталистического хозяйства является скрытое капиталистическое хозяйство через сдачу в наем рабочего скота и мертвого инвентаря. Получается такая картина: с одной стороны, низшие группы (безлошадные, безынвентарные) крестьянства заводят посевы или увеличивают их, а в то же время высшие группы крестьянства нередко забрасывают посевы.

Таким образом, получается, что реальное классовое расслоение крестьянства нередко проявляется в форме поравнения по посеву. Это поравнение по посеву обычно констатируется у нас с очень большой радостью. Между тем, оно нередко скрывает под собой классовое расслоение крестьянства. Я приведу в качестве примера Никольскую волость, Курской губ. Если исчислить отношение (в процентах) к числу хозяйств без рабочего скота, с одной стороны, числа беспосевных, а с другой стороны, числа нанимающих рабочих лошадей, то это будет в общем и целом отношение открытого и скрытого капиталистического хозяйства. Оказывается, что в 1917 г. 32% приходилось на нанимающих лошадей, 69%—на беспосевных. Следовательно, преобладала открытая форма. В 1922 г. 117%—на нанимающих лошадей и 18% на беспосевных. Перед нами резкий переход от открытой формы к скрытой.

По некоторым другим волостям наблюдается необычайно характерное явление такого сорта, что в высших по рабочему скоту группах посев на хозяйство по сравнению с низшими не растет, а падает, при чем обследователь отмечает, что это происходит потому, что им выгоднее отдавать рабочий скот и мертвый с.-х. инвентарь в наем, что некоторые хозяйства совсем забрасывают посев, становятся беспосевными и живут сдачей в наем рабочего скота и мертвого инвентаря. Но если в высших по рабочему скоту группах средний посев на 1 хозяйство меньше, чем в низших, то это означает, что нагрузка рабочего скота оказывается в низших по рабочему скоту группах выше, чем в высших. Это—бессмысленное явление, ибо известно, что, чем мощнее хозяйство, тем в нем выше нагрузка рабочего скота. Причина этой бессмыслицы очень проста: высшая группа не полностью использует свой скот в своем хозяйстве, а помимо того, еще и сдает его в наем. Низшие же группы ведут свое хозяйство только частью своим скотом, а частью чужим. Поэтому-то, когда это применение рабочего скота в чужих хозяйствах не принимается во внимание, и получается бессмыслица, будто группы, располагающие большими средствами производства, ведут хуже свое хозяйство, чем группы, располагающие меньшими средствами производства.

Здесь необходимо отметить одно очень существенное обстоятельство. Наличие или отсутствие рабочего скота или мертвого инвентаря является гранью, которая отделяет хозяйство, по существу дела, пролетария от хозяйства мелкобуржуазного и капиталистического. Но при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что различие в количестве рабочего скота не выражает собой различий между хозяйствами мелкобуржуазными и капиталистическими, а тем более

внутри-капиталистического слоя: часто бывают такие случаи, что хозяйство располагает меньшим количеством посева, или рабочего скота, или мертвого инвентаря и тем не менее оно более крупное хозяйство. Это потому, что формы проявления капитала многообразны и наличие капитала не всегда выражается в различных по рабочему скоту или мертвому инвентарю, не говоря уже о посевах.

Здесь требуются дополнительные данные для того, чтобы решить вопрос о внутреннем подразделении крестьянства, действительно ведущего собственное хозяйство.

Теперь еще один момент. Процесс классового расслоения крестьянства не идет так просто, как этого обычно ожидают в нашей литературе. Он не идет таким образом, что непрерывно растут крайние группы и сокращаются средние. Ничего подобного. Он идет сплошь и рядом диалектически. Народники в своих возражениях оперировали часто данными такого рода, что, мол, никакого расслоения нет, а идет подвижка вниз или подвижка вверх. Один раз растут верхние группы, другой раз нижние, но никакой дифференциации не получается. Мне удалось сопоставить (в тех случаях, где имелись такие подвижки) некоторые данные, и оказалось, что если в первый период идет преимущественно подвижка вниз, а во второй преимущественно подвижка вверх, то при сопоставлении начала первого и конца второго периода получается дифференциация. Я не буду приводить соответствующих данных, но такие данные могут быть приведены по разнообразным частям нашего СССР. Имеются такие данные и по Юго-Востоку, и по Сибири. Поэтому, когда налицо небольшой отрезок времени, очень неосторожно на основании этого отрезка судить о характере процесса.

Наконец, последнее обстоятельство, на котором я хотел бы остановиться, это то, что процесс классового расслоения крестьянства естественно идет среди тех групп крестьянства, которые ведут товарное хозяйство. Между тем, в ряде районов зерновое хозяйство не является в основной своей части товарным хозяйством. Сюда относятся прежде всего промышленные районы и отчасти районы, где сельское хозяйство получает другое направление, скажем, молочное или свекловичное, и т. д. Там получается такая история. Основную массу посева во всяком районе составляют зерновые посевы: в районах свекловодства посевы свеклы составляют меньшую часть посева, то же самое посевы льна или картофеля в районах льноводства или картофелеводства и т. д.; то же самое в районах, где крестьянство живет продажей своей рабочей силы: и там зерновые посевы, несущие потребительский характер, составляют основную массу посевов. Между тем, среди хозяйств потребительского характера ждать процесса расслоения не приходится. Если взять домашнее хозяйство городских рабочих и познакомиться среди него искать выпадения середины и нарастания крайних групп, то вы его, разумеется, не получите и, вообще говоря, не можете получить (в частности группировка по размерам домашнего хозяйства может оказаться группировкой по размерам семьи). Здесь ход дела определяется другими обстоятельствами. И вот в таких районах, где зерновое хозяйство носит потребительский характер, вследствие ли того, что крестьянство живет продажей своей рабочей силы, или вследствие того, что оно в основном ведет хозяйство незерновое, — там процессы, происходящие в среде потребительского хозяйства, могут перекрывать те процессы, которые происходят в среде хозяйств, ведущих товарное зерновое хозяйство. Поэтому данные по Промышленному району или дают неясную картину, или вообще не дают картины расслоения по посевам. Выходом из этого

положения является отдельное рассмотрение указанных групп крестьянства, т. е. ведущих потребительское и ведущих товарное зерновое хозяйство.

Вот, товарищи, те основные выводы, к которым я пришел на основании разработки волостных данных. Выводы эти, само собой разумеется, носят предварительный характер, поскольку они не применены к данным более общим, касающимся не отдельных волостей, и поскольку и сами эти данные, несмотря на то, что в них представлены важнейшие районы СССР, недостаточно многочисленны.

Необходима дальнейшая разработка вопроса, и я полагаю, что изложенное мною может дать известные указания на то, как подойти к работе в этой области. На этом разрешите мой доклад закончить.

Прения по докладу тов. Крицмана ¹⁾.

Лозовой, А. Мне кажется, что ценность заслушанного нами доклада состоит в том, что докладчик впервые ясно поставил вопрос о дифференциации крестьянства. У нас действительно не было ясных признаков для деления крестьянства, и, поскольку не было правильного подхода к этому вопросу, был целый ряд недоразумений. Кто делил крестьянство по площади посева, кто по наемному труду, другие по скоту, но в целом у нас не было правильного подхода. Отсюда, при неправильном подходе и к анализу статистических данных о происходящем в деревне расслоении, получались неправильные выводы. Заслуга докладчика в том, что он установил новый подход к вопросу о тех признаках, которые характеризуют расслоение крестьянства на группы, которое намечается сейчас в деревне, особенно в нашей деревне — деревне советской. И особенно ценным мне кажется вскрытие докладчиком эксплуатации более зажиточными слоями деревни менее зажиточных путем скрытой эксплуатации, через инвентарь. 1-е, это положение, что в наших советских условиях, в силу целого ряда обстоятельств, в силу того, что мы не легализовали в течение долгого периода наемный труд и аренду, у нас развилась скрытая форма эксплуатации. Она особенно ярко иллюстрируется в целом ряде районов, и можно было бы указать на ряд данных, которыми я располагаю и которые не опубликованы еще. Это — материалы обследования крестьянского хозяйства на Украине в районах сахарных заводов. Материалы будут опубликованы в журнале „На Аграрном Фронте“. Это очень интересные данные, потому что касаются обследования до 50.000 хозяйств. Данные показывают, что скрытая форма эксплуатации особенно заметна в районах трудоемких культур, как культура свеклы, которая, как вы знаете, требует обеспечения хозяйств и живым и мертвым инвентарем. Там скрытая форма эксплуатации особенно распространена. Что мы там видим? Разрешите привести некоторые данные, которые еще не опубликованы. Оказывается, что из всех обследованных хозяйств 42% применяют наемный труд, при этом из общего количества нанятых половина в свою очередь нанимается в хозяйства, которые снабжают их инвентарем. Что же мы получаем? Мы получаем такую кар-

¹⁾ Редакция считает нужным предупредить читателей, что, вследствие недостаточности точного стенографирования, прения в некоторых случаях неполно или только приблизительно воспроизводят то, что было сказано ораторами.

тину, что половина всех применяющих наемный труд хозяйств в свою очередь занимается в хозяйства, которые снабжают их инвентарем. Эти небольшие цифры показывают, что положение, на котором остановился докладчик и которое является ценным—скрытие скрытой формы эксплуатации,—действительно подтверждается целым рядом данных и в частности указанными мною данными обследования Сахаротреста украинского ЦСУ, которые вскрывают характер скрытой эксплуатации в районе трудоемких культур хмеля, табака и т. д. и особенно свеклы.

Что же касается остальных положений доклада, то они все безусловно вносят ясность в те термины, которые у нас вошли в обиход при трактовке вопроса о дифференциации крестьянства.

Что касается первой части доклада, где т. Крицман экономически обосновал союз пролетариата и среднего крестьянства, то вывод докладчика для нас является бесспорным положением и оно необходимо было для доклада как вводная часть. Целый ряд тех положений, которые выставлял докладчик, были безусловно известны, хотя бы по первой книжке т. Яковлева. Кто был на его докладе, в частности на Остоженке 53, тот знает еще с 1923 г., что положения, которые сейчас развивал т. Крицман, были тогда тов. Яковлевым выявлены. Но ценность доклада в данном случае в том, что ряд недоговоренностей, которые были в вопросе о расслоении крестьянства, вскрываются докладом. Это, несомненно, является заслугой докладчика.

Раевич, Г. Товарищи, первый вопрос, который я хотел бы затронуть, это вопрос о качестве тех материалов, с которыми работал т. Крицман. Материалов по расслоению довольно большое количество, но качество их весьма различно, и при желании из материалов можно подобрать одни, которые будут рисовать одну картину, и другие, которые будут рисовать другую картину. Поэтому вопрос подбора материала является здесь особенно важным и надо к этому моменту подходить особенно осторожно. Я не в состоянии оценить всего того материала, который приводит т. Крицман. Но я могу судить о выводах по тому материалу, какой т. Крицман уже опубликовал в своих статьях „На Аграрном Фронте“.

В целом ряде волостей и районов, которые разобрал т. Крицман, условия хозяйствования по особым причинам были особенно неблагоприятны по сравнению с теми, какие имели место в остальных частях. Это отмечает и сам т. Крицман. И когда т. Крицман приводит район с 75% безлошадных, мы должны прежде всего спросить себя, в праве ли мы делать выводы, основываясь на таком районе: есть ли это правило или просто —напросто исключительное явление? В самом деле, районы, которые т. Крицман захватывает, —либо район, пораженный голодом, либо район, где количество безлошадных было увеличено в результате бандитизма. На этой почве могли ведь вырасти такие формы эксплуатации и в таких размерах, какие в других местах не имели места. Есть целый ряд других материалов, в которых мы могли бы найти картину более мягкую.

К вопросу о расслоении крестьянства можно подойти так: во-первых, какой характер носит расслоение и эксплуатация, и, во-вторых, какое количество хозяйств захватывается этой эксплуатацией. Отделить один вопрос от другого, по-моему, было бы неправильно методологически; это не дало бы нам истинной оценки явления, с которым мы имеем дело. Т. Крицман берет наиболее раз-

тельные примеры. В данном случае есть большая опасность, что здесь количество представлено слишком увеличенным и качество принимает несколько иной характер, например, что 70% держатся в эксплуатации 10 или 8% хозяйств и значит, на одного капиталиста-эксплуататора приходится по десятку хозяйств, которые он эксплуатирует; если к тому же признать здесь такую форму эксплуатации, когда капиталист работает своими средствами производства в этих хозяйствах, то выходит, что ему приходится работать в 8—10 хозяйствах. Действительно, возможна ли такая форма, как основная? Эксплуатация при помощи сдачи в наем инвентаря сейчас, вне всякого сомнения, сильно развита. На это есть целый ряд указаний, если не ошибаюсь, еще у т. Хрящевой в ее работе о расслоении, но возникает вопрос о том, какую форму носит эта эксплуатация? Является ли преобладающей та, при которой пролетарий и капиталист меняются местами, или имеет место такая сдача, при которой капиталист не работает у пролетария? Мне кажется, что у т. Крицмана не было ясности и выходило в каждом отдельном случае, что первая форма является основной. Но это неверно, преувеличено.

В результате первая и вторая части доклада т. Крицмана несколько не связаны одна с другой, и центральная фигура, которую должен был представлять середняк в деревне, в значительной степени улетучивается, исчезает. На кого же не распространяется эксплуатация и кто является середняком? Т. Крицман приводит цифры, напр., из Сибири, где бедняков было 60—70%, середняков 12—15% и столько же, примерно, было зажиточных. Если подходить таким образом к вопросу и проводить такое разделение, то ясно, что все дальнейшие рассуждения принимают совершенно иной характер. Вопросы о том, подвергается ли эксплуатация и середняк или только бедняк, далее, остается ли середняк все-таки центральной фигурой в деревне, остались невыясненными потому, что основной вопрос о количестве, а не только о формах эксплуатации (которые в общем т. Крицманом отмечены верно) в докладе достаточно не освещен.

Милютин, В. Я хотел бы сделать несколько критических замечаний по поводу доклада. Для нас вопрос о дифференциации важен с двух сторон. Во-первых, проблема дифференциации у нас стоит в плоскости рассмотрения нашего общего развития. Вы знаете, что наше общее развитие в условиях диктатуры пролетариата должно вести к уменьшению дифференциации, к исчезновению классовых делений. Это первое. Вторая сторона—это то, что вопрос важен с точки зрения нашей практической политики. От оценки глубины дифференциации, темпа развития дифференциации зависит налоговая политика, формы изменения сельскохозяйственного налога, зависит наша политика цен, зависит даже до известной степени наша экспортно-импортная политика, т. е. внешняя торговля.

Эти вопросы стоят перед нами, когда мы определяем, каким образом мы должны направить нашу систему экономических мероприятий, чтобы, с одной стороны, развивать производительные силы деревни, увеличивать производство, а с другой стороны, не давать возможности усиливаться эксплуататорским элементам в деревне. Вот в каком разрезе стоит этот вопрос.

И тут мне представляется следующее крайне важное обстоятельство, которое нужно принять во внимание и которого тов. Крицман в своем докладе не выявил. Можем ли мы оценку дифференциации в условиях диктатуры пролетариата производить так же, как в условиях капиталистических? У тов. Крицмана выходило так: роет диф-

ференциации есть рост капитализма, и дифференциация ведет к падению бедняцких хозяйств, усилению зажиточных и кулацких слоев и, повидимому, до известной степени стабилизации середняцких хозяйств. (С места: „В ожидании индустриализации“). Так представлять дифференциацию неправильно. На чем основана дифференциация в капиталистическом строе? На 2-х условиях: свобода рынка и конкуренция, с одной стороны, и с другой стороны, буржуазное государство с помощью налоговой системы, с помощью ряда мероприятий, выполняя политику буржуазно-капиталистических слоев, проводя капиталистическую политику, ведет к тому, что действительно поднимает буржуазную часть деревни, разоряя, пролетаризируя другую часть деревни. В наших условиях налоговая политика преследует как раз обратное. Мы освобождаем бедняцкие и даже середняцкие слои от налога, переносим центр тяжести на зажиточных. Таким образом, со стороны государства стимул к дифференциации ослабляется, имеется обратное направление. В области торговли мы центр тяжести переносим на сторону кооперации. Мы стараемся снижать цены на товары и стараемся по этому товаропроводящему каналу направить в бедняцкие и середняцкие слои средства производства, средства потребления. В этом наша политика. Уже эти объективные условия определяют несколько иной характер дифференциации в деревне, происходящей в условиях диктатуры пролетариата. Тов. Крицман сослался на то, что напор безработных из деревни свидетельствует о том, что там разоряются бедняцкие хозяйства и излишки рабочей силы так же, как при капитализме, идут на биржу. Однако, несомненно, не только разорение части бедняцких хозяйств, определяя приток рабочих в город, а и то, что и из середняцких и даже зажиточных слоев крестьянства освобождаются рабочие руки и тянутся в город, с одной стороны, с другой стороны—разница в условиях существования города и деревни. Город становится притягательной силой для деревни. И тов. Крицман прав, когда говорил, что путь изживания у нас мелкобуржуазных форм в деревне тот, что лучше, чем в капиталистическом хозяйстве, условия жизни и труда будут привлекать рабочие руки к переходу в советское хозяйство. Это—один из путей. Другой путь—кооперация, коллективное хозяйство и т. д.

Таким образом мне представляется, что применение к нашему строю тех же законов дифференциации, которые имеются при капитализме, неправильно.

Что из этого следует? Из этого следует, что дифференциация у нас имеет несколько иной характер, чем при буржуазном строе. У нас не происходит понижения бедняцких хозяйств, их разорения, потому что если бы это было так, мы получили бы при установлении нала отрыв от бедноты. Тов. Раевич совершенно не заметил этого. Он, повидимому, читал критику некоторых противников тов. Крицмана и механически перенес их на сегодняшний его доклад. Я лично усматриваю некоторую другую опасность у тов. Крицмана. У него подучилась размычка между пролетариатом и беднотой. Применять механически дифференциацию, которая происходит в буржуазно-капиталистическом хозяйстве, к нашему хозяйству и к бедняцким хозяйствам нельзя. У нас дифференциация носит относительный характер.

При перераспределении сейчас создаются условия накопления в верхних слоях деревни, но это не значит, что мы в низших, бедняцких слоях имеем падение и разорение, как при капитализме. При капитализме процесс дифференциации ведет к разорению бедняцких слоев деревни, к выбрасыванию их на улицу. В наших условиях этого

не наблюдается. Что значит разорение бедняцкого хозяйства при капитализме? Это значит—лишение его средств производства. Бедняк разорется, ему нечем платить налог, ему нет возможности в капиталистических условиях обрабатывать свою землю. Он ее закладывает, продает, он становится рабочим, должен продавать свою рабочую силу. У нас он освобожден от налога. (С места: „А кушать нечего“). Если вы возьмете количество земли, находящейся у бедняцких слоев, в 1920 г. и в 1924 г., то оно не изменилось. Затем, если вы возьмете распределение рабочего скота—сейчас оно у нас в абсолютных цифрах повысилось. Я сейчас априорно могу сказать, что количество рабочего скота, приходящееся на эти 40% деревни, не только не уменьшилось, но, по сравнению с 1920—21 г. г., увеличилось. Сельскохозяйственная продукция в 1921—22 г. г. равнялась, если не ошибаюсь, 60% довоенной, сейчас она равна 89%. То количество продукции, которое приходится на 40% бедняцких хозяйств, уменьшилось или нет? Я априорно могу сказать, что оно увеличилось. И это можно статистически доказать, потому что количество земли, посевной площади, в бедняцких хозяйствах не сократилось. Аренда носит пустяковый характер. Количество посевной площади бедняцкой части населения не сократилось. При этих условиях мы имеем общее повышение продукции у бедняцкой части населения. Я считаю, что ошибка т. Крицмана здесь заключается в механическом перенесении принципа дифференциации в капиталистическом строе в наш строй.

За чей счет идет накопление в верхних слоях крестьянства? Мне представляется, что здесь возможность накопления происходит за счет передвижки части середняков в зажиточные, это—во-первых, а во-вторых, за счет увеличения чистой продукции в общем товарообороте. Процесс накопления происходит, главным образом, только в тех группах, которые имеют хлебные излишки, т. е. в средней и зажиточной частях крестьянства. Процесс накопления происходит в этих рамках. За чей счет происходит накопление вообще? При распределении национального дохода, при торговле, пользуясь излишками продукции, зажиточные крестьяне могут накапливать за счет применения наемной рабочей силы и лучших средств производства. В отношении бедняцкой части хозяйств у нас происходит не размычка с пролетариатом, а наоборот, путь остался старый, прежний—теснейшего союза с беднотой.

Далее, у нас проблема развития производительных сил в деревне стоит как первейшая проблема, но вместе с этим мы понимаем, что зажиточные, кулацкие слои деревни составляют ничтожный процент—от 4 до 5% (с места: „До 10%“). в среднем от 4 до 5%, основная масса—середняцкая, массе этой мы развязываем руки. По существу, у нас середняцкие хозяйства недалеко ушли от бедняцких. Если первейшая задача развязывать производительные силы деревни, мы, развязывая их, толкаем середняка в условия рынка, в условия конкуренции, в условия всего, что стимулирует его хозяйство. Мы знаем в этом отношении, что, развязывая руки кулаку, толкаем зажиточного мужика к возможности переходить в кулаки. Мы этого не боимся в интересах развития производительных сил деревни. Мы знаем, что принцип нашей социалистической политики в деревне—принцип массового кооперирования. Достаточно сказать, что цифры в нынешнем году говорят о том, что мы в течение одного года в области сельскохозяйственной кооперации удвоили количество членов. Вот темп развития кооперации. Поэтому мне представляется, что ошибка доклада заключается именно в том, что

если бы мы приняли этот взгляд на вещи, у нас получилась бы размычка с бедняцкой частью деревни, а противоречие, которое мы имеем в капитализме, в капиталистических условиях, в капиталистическом развитии,—это противоречие великим и полностью перенеслось бы сюда. Этот подход неправилен методологически, потому что те объективные условия, которые в капитализме определяют характер дифференциации со стороны государственных и рыночных отношений, которые являются основой дифференциации и дают возможность сконцентрировать средства производства и применить наемный труд, у нас иные. Тут у меня явилось одно замечание: тов. Крицман сказал, что основной формой является у нас капиталистическая форма хозяйства в деревне (Крицман: „Я сказал другое: что основной формой капиталистического хозяйства является скрытая“). Что скрытая капиталистическая форма у нас имеется, это несомненно для нас, и новая экономическая политика старается эту скрытую форму перевести в явную. Скрытая форма капитала у нас удержалась в условиях военного коммунизма, когда мы всячески душили зажиточного, буржуазного мужика. Мы будем его в интересах государства и сейчас использовать, и наша политика должна направляться в ту сторону, чтобы уметь его использовать. Теперь наша политика должна стать на путь возможной его легализации, как, напр., легализован частный капитал в городе. Развитие производительных сил, которое будет вызывать в настоящий момент относительную дифференциацию в условиях общего экономического развития, даст нам возможность изживать дифференциацию в деревне, продвигая основную массу крестьянских хозяйств на путь кооперации, коллективного хозяйства. Это—база нашей политики, и тут опасным был бы уклон, если бы мы действительно к оценке дифференциации в деревне подошли таким образом, что механически перенесли бы формы, которые имеются в буржуазно-капиталистическом строе, сюда к нам. Вот те замечания, которые я хотел сделать.

Батурицкий, Д. Товарищи, я хотел бы сказать несколько слов не столько по поводу самого доклада, сколько по поводу тех прений, которые здесь сейчас ведутся. Мне кажется, что здесь происходит некоторое недоразумение, а именно: докладчик (тов. Крицман и оппонент тов. Милютин говорили о разных вещах. Тов. Крицман говорил о том, что есть, а тов. Милютин о том, что должно быть. В этом недоразумение. Тов. Милютин указывает на то, что наша политика ведет к тому-то и тому-то, что она ведет к ослаблению процесса дифференциации в деревне. Совершенно верно. Ведет. Мы всячески стремимся ослабить процесс дифференциации. Но тов. Крицман не об этом говорил. Он в своем докладе вполне ясно показал разницу между нашей хозяйственной деятельностью среди крестьянства и буржуазной. Он подчеркнул и роль промышленности, и роль кредита, и значение кооперации, коллективизации и т. д. Поэтому мне кажется, что здесь надо подойти к вопросу дифференциации не с точки зрения того, что нам субъективно хотелось бы, а с точки зрения того, что есть. Вот почему я несогласен с тов. Милютиним, когда он пытается отрицать или сглаживать то, что есть, только потому, что это нежелательно. Наоборот, только тогда, когда у нас есть ясная картина процесса, происходящего в деревне, только тогда все мероприятия будут правильны и в конечном счете смогут влиять на происходящий процесс в желательную для нас сторону.

Тов. Милютин указал здесь на то, что если дифференциация ведет к ухудшению положения бедняцких слоев деревни, то это означало бы размычку

между пролетариатом и деревенской беднотой. Полагаю, что никакой размычки у нас нет, ибо для этого, т.-е. для того, чтобы не было размычки, и направлены наши мероприятия в деревне, о которых говорил тов. Милютин. Но отрицать дифференциацию нельзя, по-моему. Закон дифференциации, как таковой, как процесс разложения социальных групп под влиянием развития капиталистических отношений, действует, в сущности говоря, в основных своих чертах как в капиталистическом обществе, так и в пролетарском, поскольку наряду с социализмом имеются также и капиталистические отношения. Правда, этот процесс расслоения, конечно, преломляется и принимает различные формы, в зависимости от той обстановки, в какой он действует. Поэтому-то мы и должны особенно тщательно выяснять происхождение и развитие этого процесса в наших условиях. Мы должны выяснить, в какой мере наши мероприятия в деревне, наша экономическая политика, наша промышленность, кредит, налоги и т. д. меняют и видоизменяют ту линию, по которой идет дифференциация. Это так. Но говорить о том, что у нас дифференциация не расчленяет крестьянства на разные имущественные группы, а только передвигает все крестьянство на высшую ступень, по-моему, неправильно. Если эта передвижка происходит, то не в силу наличия процесса дифференциации, а в силу закона развития производительных сил деревни. Это совершенно другой процесс, и здесь действуют другие законы.

Тов. Крицман в своем сегодняшнем докладе показал нам не только то, что дифференциация происходит, но и то, как она развивается, какой характер и какие формы она принимает сейчас в деревне. Изучая их, мы сможем и должны излучить правильное представление о происходящем в деревне.

Теперь несколько слов по поводу выступления тов. Раевича.

Тов. Раевич, насколько я понял, также сомневается в правильности некоторых выводов докладчика только на том основании, что „качество не выявлено из количества“, иными словами, тов. Раевич только тогда склонен будет увидеть процесс дифференциации в деревне, когда ему представят сплошные массовые данные по всей территории СССР. Это, по-моему, неправильный подход к вопросу. Дело как раз не столько в количестве, сколько в качестве, которое особенно важно было выявить. Тот факт, что дифференциация происходит в деревне, по существу давно уже известен и был выявлен в нашей литературе. Было приведено много различных фактов. Но в том-то и дело, что тов. Крицман берет эти факты, эти данные и показывает на основании этих же данных совершенно новые процессы и явления, происходящие у нас в деревне. В этом, как раз по-моему основная заслуга его доклада, именно в научно-методологическом подходе к вопросу о расслоении.

Тов. Крицман показал, с одной стороны, то, что многим исследователям было совершенно неясно, как и нам, из ими же приводимых данных. И, наоборот, он в то же время показал, что целый ряд показателей о расслоении на основании посевных площадей, наемного труда и т. д. сами по себе не имеют никакого значения и не дают нам никакой правильной картины в происходящем в деревне без его более глубокого анализа.

И если неправильно отказываются видеть дифференциацию, то еще неправильнее, по-моему, отказываются понимать ее механику.

Наша основная задача заключается именно в том, чтобы изучать тенденцию происходящего расслоения с тем, чтобы суметь бороться с ней. Это и дает нам

тов. Крицман в своем докладе. Он показывает, как надо подойти к пониманию этого процесса.

Особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что изучение процесса расслоения сделано докладчиком по отдельным волостям, что дает нам возможность особенно четко выявить разнообразнейшие формы этого расслоения и формы эксплуатации маломощных хозяйств сильными.

На ряду с этим важно и то, что доклад дает нам целый ряд методологических указаний для дальнейшего понимания изучения процесса расслоения. В этом основное значение доклада, а не в обще-политических выводах, которые, как Лев Натанович подчеркнул, не явились предметом настоящего доклада.

Дубровский, С. Товарищи, кто читал последние работы по дифференциации крестьянства и слушал эти прения, может единственно сказать, что наши представления о расслоении деревни крайне неточны. Имеющиеся сведения о расслоении крестьянства ни в количественном отношении, ни в качественном неясны. Поэтому основным достоинством доклада т. Крицмана является то, что он дает целый ряд весьма ценных методологических указаний по части исследования того, что происходит в деревне. Но, к большому сожалению, т. Крицман не закончил своего доклада. Мы не получили общих выводов о том, какое количество различных групп имеется в деревне, каково их число и соотношение.

Процесс дифференциации происходит во всем СССР, а не только в отдельных деревнях. Я понимаю, конечно, что для исследования процесса дифференциации можно иногда начать с исследования отношений в одной деревне. Иногда даже изучение отношений между двумя дворами проливает новый свет на вопрос о дифференциации. Но пока мы не имеем обобщения этих отдельных случаев и их исследование в более широком масштабе с большим количеством наблюдений. до тех пор, конечно, трудно сделать какие-нибудь политические выводы. Между тем, для нас, товарищи, вопрос о дифференциации—это не только и не столько теоретический вопрос, сколько вопрос политики сегодняшнего дня. Но раз это так, то нам надо более или менее ясно отдать себе отчет в количестве, соотношении и положении в деревне различных групп и примерных перспективах их развития.

Я слышу такое возражение, что нам количественные отношения неважны. Нет, товарищи, они чрезвычайно важны. Без учета размеров отдельных групп крестьянства и их динамики нам трудно проводить теперешнюю политику в деревне, хотя бы последние постановления пленума ЦК. Как раз один находящийся здесь товарищ, который только приехал из деревни, сообщает: нужно создавать группы бедноты, а на местах не знают кого, по каким признакам и в каком количестве организовывать в эти группы.

Отсюда вытекает важность установить основные признаки разделения деревни на основные слои, количественные отношения этих слоев и направление их развития.

Поскольку у нас сейчас хозяйство переходного периода и существуют товарные отношения в условиях диктатуры пролетариата, нам прежде всего необходимо установить общие законы дифференциации в условиях товарного хозяйства, а потом, уже установив дифференциацию в условиях товарного хозяйства, можно будет исследовать, как эта дифференциация будет изменяться в условиях диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Как же происходит процесс дифференциации крестьянства, при наличии товарно-денежных отношений? В усло-

виях товарного хозяйства он теснейшим образом связан с перемещением средств производства и с размещением людей среди этих средств производства, хотя бы это происходило даже в скрытой форме. Отсюда вытекает самый центральный вопрос, вопрос о накоплении средств производства в руках деревенских верхов и вопрос о денационации у бедноты и о пролетаризации низов. Как нам нужно подходить к разрешению этого вопроса? Сначала рассмотрим, как этот процесс размещения средств производства среди различных слоев деревни может происходить по общим законам товарного хозяйства. Процесс накопления и денационации у различных слоев деревни зависит от наличия у отдельных хозяйств средств производства, рабочей силы и средств потребления, идущих на воспроизводство рабочей силы в крестьянском хозяйстве. Мыслимы три категории крестьянских хозяйств:

- 1) Хозяйства с оборудованностью средствами производства и рабочей силой выше среднего уровня, производящие прибавочный продукт.
- 2) С оборудованностью средней, не производящие прибавочного продукта, где по количеству затраченного общественно-необходимого труда произведенный продукт целиком идет на воспроизводство рабочей силы.
- 3) С оборудованностью ниже среднего, где не только не создается прибавочный продукт, но проедаются и средства производства, т. е. созданного продукта нехватает на воспроизводство рабочей силы.

Принимая сумму средств производства и средств потребления, идущих на воспроизводство рабочей силы, равной в начале хозяйственного года T , в конце хозяйственного года в результате частичного обмена продуктов на рынке за исключением потребления натурой будем иметь три случая:

- 1) $T - D - T + t$
- 2) $T - D - T$
- 3) $T - D - T - t$

В первой группе будем иметь расширенное воспроизводство накопления, приводящее к расширению средств производства, которое при дальнейшем развитии может привести к перерастанию семейной кооперации в капиталистическую (при отсутствии, конечно, противодействующих сил, о которых я буду говорить далее). Во второй группе—стабильность—простое воспроизводство.

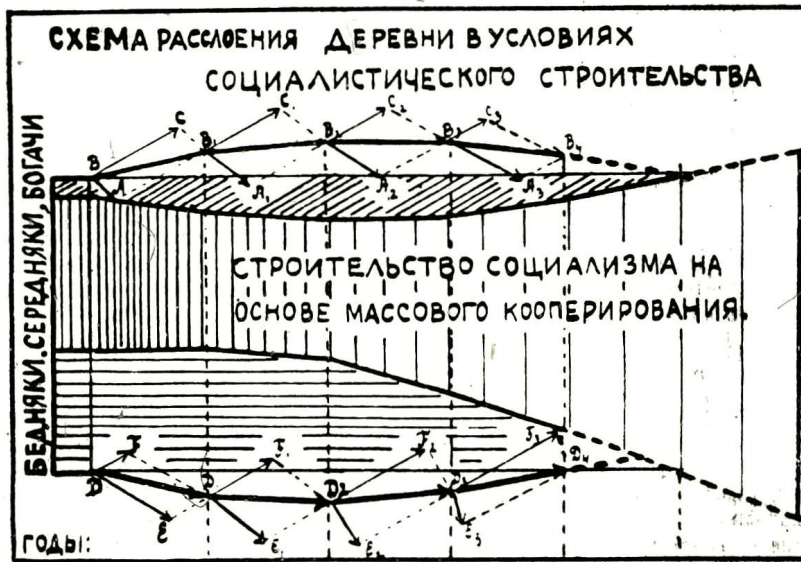
В третьей—отрицательное воспроизводство, постепенное отделение производителя от средств производства, которые в конечном счете должны переходить в руки верхних групп (опять-таки при отсутствии противодействующих сил).

Таким образом, в зависимости от оборудования средствами производства—количества лошадей, количества инвентаря и т. п.—одна группа в процессе товарооборота неизбежно должна увеличивать свое накопление, другая—должна разоряться. Если бы происходило иначе, это было бы чудо, а т. е. чудес не бывает, то это должно происходить в деревне, если не будет соответствующего противодействия этим процессам.

Другой вопрос. Какова численность этих групп? Наша статистика, как уже всем известно, весьма несовершенна. Я считаю достоинством доклада т. Крицмана, что он показал, что статистика ничего не показывает. К большому сожалению нам приходится гадать, хотя и не на кофейной гуще, а по сборникам ЦСУ, что с посевом до 2—4 десятин это бедняк или середняк? А свыше 10 десятин, что это—зажиточный, кулак или просто середняк? И гадают. И приходится гадать.

по самым различным признакам. Таким образом, с установлением количественных отношений дело обстоит неблагоприятно, и на это нужно обратить внимание.

До сих пор я говорил о тенденциях развития различных групп деревни в условиях товарного хозяйства, которые создают для деревенских верхов силу, тянущую вверх, и для бедноты—силу, которая тянет ее вниз. Но в современных условиях развития деревни выступают на сцену новые исключительные условия, в которых развивается дифференциация, именно условия диктатуры пролетариата, которые задерживают дифференциацию и сворачивают деревню с капиталистического пути развития на социалистический. Последнее можно изобразить в следующей, конечно, весьма условной, схеме¹⁾.

1) BC, B₁, C₁, B₂, C₂ . . . — силы капиталистического развития, увеличивающие концентрацию средств производства в руках сельской буржуазии.

BA, B₁, A₁, B₂, A₂ . . . — силы противодействия советского государства, задерживающие развитие капиталистических хозяйств (национализация земли, регулирование аренды и наемного труда, политика цен, налоги, кооперация и т. д.).

BB₁, B₁, B₂, B₂, B₃ . . . — развитие хозяйств сельской буржуазии.

DE, D₁, E₁, D₂, E₂ . . . — силы капиталистического развития, увеличивающие пролетаризацию деревенской бедноты.

DF, D₁, F₁, D₂, F₂ . . . — силы противодействия Советского государства, задерживающие пролетаризацию бедноты и способствующие переходу к социалистическому земледелию (национализация земли, кредит, кооперация и проч. специальные меры содействия бедняцкому хозяйству).

DD₁, D₁, D₂, D₂, D₂ . . . — развитие хозяйств деревенской бедноты.

Возьмем кулачество. Несомненно, условия товарного хозяйства неизбежно тянут кулачество вверх. Для противодействия этой силе нужно прежде всего использовать нашу финансовую политику, чтобы можно было срезать накопление у тех, которые живут за счет эксплуатации бедноты, путем сдачи в наем своего инвентаря, арендой и проч. Если накопление в верхней группе—t—образует излишек в 50 р., то, скажем, 25 р. мы должны изъять путем налогов. К этому нужно прибавить стеснение накопления, вследствие национализации земли, развития кооперации и проч. Отсюда следует, если в отношении кулачества мы имеем одну силу, тянущую его вверх, и другую силу (налоги, национализацию, кооперацию и проч.), которая тянет его вниз, то развитие кулачества пойдет по некоей кривой, которая в результате этих двух равнодействующих сил будет идти не прямо вверх, а по линии, близкой к горизонтали (в зависимости от величины силы нашего противодействия).

То же самое в отношении бедноты: беднота под влиянием стихии товарного хозяйства катится вниз, а наши условия кредита, условия, которые не позволяют продавать землю, паша кооперация,—все эти факторы тянут бедноту вверх. Одни силы тянут вниз, другие силы—диктатура пролетариата—тянут вверх; это замедляет темп пролетаризации деревенской бедноты.

Так обстоит дело в настоящее время, но нам важны перспективы, нам важно знать не только то, что происходит сейчас, но что будет происходить завтра, что мы должны делать сегодня, чтобы иметь желаемое завтра. Здесь нужно прежде всего подчеркнуть несомненную тенденцию усиления антикапиталистических сил, поскольку у нас чрезвычайно быстро развивается крупная промышленность и в руках пролетарского государства все более концентрируются значительные ценности, накапливаемые в стране и, в частности, ценности изымаемые у сельской буржуазии. Поскольку часть этих средств мы сможем бросить в деревню на помощь середняку и бедноте, это значит, что те силы, при помощи которых мы пытаемся тянуть бедноту с середняком вверх, будут прогрессивно нарастать. Не сомневаемся, что если не через 2—3 года, то через 5—10 лет (хотя в сроках пророчествовать очень трудно) наступит такой период, когда путем кооперирования середняков и бедноты мы достигнем значительного увеличения сил социалистического воздействия на деревню, создавая там новую производственную основу. Именно кооперация прежде всего позволит нам преодолеть силу рыночной стихии, которая приводит к пролетаризации бедноты. Если теперь мы имеем ножницы, расслоение деревни, то с усилением социалистического воздействия ножницы ломаются, начинается движение бедноты вместе с середняками вверх на новой производственной основе кооперированного хозяйства.

В отношении сельской буржуазии у тов. Крицмана имеются ценные указания, что мы можем на наших крупных фабриках и заводах, в наших коллективных хозяйствах создать условия труда, лучшие, чем дает беднякам сельская буржуазия, что явится также одним из факторов разложения буржуазных хозяйств в деревне. К этому нужно прибавить национализацию земли, рост кооперации и систему налогов, которая позволяет нам деревенскую верхушку, кулачество, тянуть вниз. Когда наступят лучшие условия общего хозяйственного положения, когда будут кооперированы бедняки и середняки, тогда ножницы дифференциации должны будут превращаться в клещи, ведущие к сокращению крайних групп. То, что было дифференциацией при товарном хозяйстве, будет нивелировкой на совершенно новой производственной основе в социалистическом

хозяйстве и не только количественным изменением всех соотношений в деревне, но и ее качественным перерождением.

Я считаю необходимым подчеркнуть эту перспективу для того, чтобы не впадать в панику по части развивающегося теперь процесса дифференциации в деревне. Эту перспективу нужно иметь как директиву и в практических мероприятиях наших советских органов. Группа деревенской бедноты—это реально существующая группа, которая реально теряет и реально проигрывает не только экономически, но и политически. Нам нужно обеспечить условия под'ема реально существующих групп с тем, чтобы противодействовать стихийной силе, гонящей бедноту вниз, выбрасывающей ее из самостоятельного производства. Но для того, чтобы правильно строить политику, недостаточно наших общих представлений о ходе расслоения деревни. Необходимы более точные, проверенные статистические данные. С этой же стороны, как здесь подчеркивалось неоднократно, дело обстоит неблагоприятно. Поэтому первый вывод, который необходимо сделать из заслушанного доклада и прений по части дифференциации—это то, что в области учета современных социальных отношений в деревне дело обстоит неблагоприятно. Нужно было бы обратить особое внимание на изучение вопросов дифференциации, обратить особое внимание на наши статистические материалы, которые не только не выясняют действительного положения в деревне, но иногда его еще больше затемняют.

Заключительное слово тов. Крицмана.

Прежде всего, товарищи, я действительно элементарных фактов дифференциации вам не излагал, не излагал их потому, что приводить такого рода цифровые данные по отдельным волостям не имеет особого смысла. Разрешите мне поэтому привести некоторые данные, относящиеся к крупной части СССР. Это—данные из работ ЦСУ Украины (проф. Гуревича).

Например, % хозяйств без рабочего скота по Украине изменялся так:

1921 г.	19%
1922 „	34 „
1923 „	45 „
1924 „	46 „

процент хозяйств без инвентаря—следующим образом:

1921 г.	24%
1922 „	30 „
1923 „	34 „
1924 „	42 „

Следовательно, по такой крупной части СССР, как Украина, вы видите, что с 1921 по 1923 г. шел преимущественно рост безлошадных, а с 1923 по 1924 г.—преимущественно рост безинвентарных при общем значительном под'еме

сельского хозяйства Украины. Вообще же говоря, повсюду разбор материалов либо показывает, что идет дифференциация, либо не показывает ничего определенного (в тех случаях, когда нет достаточных данных). При этом необходимо иметь в виду, что дифференциация не проявляется каждый год в росте крайних групп, она нередко проявляется в том, что, когда крайние группы не растут численно, происходит сосредоточение (концентрация) средств производства. Беднота теряет их и они сосредоточиваются в руках высших групп.

По поводу выступления т. Милютиня необходимо сказать, что он действует в духе немецкой поговорки: „Der Wunsch ist der Vater des Gedankes“, т.-е. желание порождает убеждение. Нам всем неприятно, что происходит дифференциация, но она происходит. Те данные, которые имеются, говорят, что происходит утрата бедняцкими хозяйствами их средств производства. Я это показал по ряду волостей в моих статьях в журнале „На Аграрном Фронте“. Низшие группы теряют скот, теряют инвентарь,—этот скот и инвентарь сосредоточиваются в высших группах. Я отнюдь не утверждаю, товарищи, что это должно идти бесконечно. Во вступительной части моего доклада я изложил мой общий подход к вопросу, чтобы предотвратить неправильные толкования моего последующего специального изложения. В основной части доклада я изложил вам предварительные итоги по тем захватывающим лишь отдельные волости материалам, какие имелись в моем распоряжении. Тут т. Раевич говорил, что подбирать можно было бы лучше. Но дело в том, что я вообще ничего не подбирал, я использовал все материалы, какие мог получить. Все полученные мною обследования, в которых были какие-нибудь данные о динамике расслоения, использованы мной. Здесь подбора материала не могло быть.

Разрешите после этих двух вступительных замечаний остановиться на явлениях отдельных оппонентов.

При этом на выступлениях т. т. Дубровского и Батурицкого, поскольку они мне не возражали, я останавливаться не буду.

В том, что сказал т. Лозовой, я отметил два пункта. Во-первых, неправильно было бы представление о том, что скрытая форма капиталистического хозяйства господствует только вследствие отсутствия легализации сельскохозяйственного капитала. Эта скрытая форма капиталистической эксплуатации не есть простой результат юридического запрещения, она является выражением зачаточного характера самих капиталистических отношений, того, что развитие их проходит свои начальные стадии. Но развитие этой формы, отражая развитие самого процесса классового расслоения, ведет к тому, что, слабая юридическое запрещение, она переходит в открытую легальную форму.

Неверно, далее, утверждение о катастрофическом росте дифференциации. Я в моем докладе подчеркнул, что процесс классовой дифференциации крестьянства есть по сравнению с другими процессами медленный процесс. Процент прироста низших групп из года в год колеблется (а иногда, быть может, и приостанавливается) и составляет (за исключением голодных лет) в среднем 2—3%. может быть, 1%. может быть, 1/2%, сколько именно, не берусь утверждать. На это у меня нет общих данных. В капиталистических странах действительного противодействия этому процессу нет, там налицо условия для более быстрого течения процесса дифференциации крестьянства. Поскольку у нас этот процесс натывается на замедляющие его противодействия, у нас следует ожидать более замедленного его течения. По материалам Украины видно, что там этот

процесс идет быстрее, чем в других районах. Но и там этот процесс последнее время, повидимому, замедлился.

Перехожу теперь к т. Раевичу. Он говорил о качестве материала. Конечно, материал не блестящий и желательно было бы, чтобы он был лучше. Но подбора материала с моей стороны не было. Я использовал весь материал, какой имелся в моих руках. Тов. Раевич пытался представить дело так, будто взяты исключительные районы. Но подбора исключительных районов не было, а затем вот вам из сборника ЦСУ данные о росте процента хозяйств без рабочего скота. Возьмем сначала губернии потребляющего района. Там получается так:

В 1920 г.	32,00%
„ 1924 г.	33,4 „

По губерниям производящего района, пострадавшим от голода: 21,6% и 35,7%. По губерниям того же производящего района, не пострадавшим от голода—28,7% и 35,3%, т.-е. в основном то же самое: рост % хозяйств без рабочего скота. Итак, дело здесь, конечно, не сводится к тому, пострадал ли данный район от голода или нет.

Наконец, бандитизм. Бандиты уничтожали лошадей—это верно, но почему же в результате оказалось, что у зажиточных лошадей стало относительно больше? Это бандитизмом объяснить нельзя.

Затем т. Раевич высказал недоумение насчет того, как может крестьянин, который сдает в аренду инвентарь и скот, быть эксплуататором. Он потому-то и является эксплуататором. Я уже говорил, что ему отработывают. А если даже не отработывают у него, а работают у других, то ему дают эквивалент. Он отбирает прибавочный продукт, созданный в их хозяйствах. Он не является капиталистическим эксплуататором только в том случае, если те, кто его нанимают, вовсе не работают в своем хозяйстве; в этом случае он просто арендует землю у тех, кто от нее фактически вынужден отказаться.

Дальше т. Раевич заявил, что у меня улетучился середняк. Мой общий взгляд на идущие в деревне процессы, в том числе и на процесс хозяйственного подъема среднего крестьянства, в котором непосредственно реализуется аграрная революция, я уже излагал. Но в специальном докладе о классовой дифференциации крестьянства приходится естественно говорить прежде всего не о середняке, ибо что означает изучать ход дифференциации? Это означает сначала выяснить движение крайних групп, более уловимых именно в силу их более определенного промежуточного характера, выяснить изменения их численности и изменения их хозяйственной мощи и формы, в которых это движение протекает. Я говорил на эту тему и потому не мог еще говорить о середняке, которого в силу его промежуточного социального характера статистически и не хватить, пока не выделены крайние группы. К специальному изложению темы о середняке можно научно подойти лишь после того, как выяснены формы, в которых протекает теперь процесс дифференциации. Тогда можно будет научно подойти и к определению количественного соотношения основных групп крестьянства, которое, как это видно из поданных записок, многих здесь интересует. Тов. Раевич остановился на приведенных мною (в связи с вопросом о школе) данных по Сибири: бедняков 60%, середняков 15%. Но дело в том, что это не мои данные, а

данные автора обследования. При чем я сильно сомневаюсь в правильности такого исчисления, т.-е. что крестьянские хозяйства здесь правильно отнесены в разряды бедняков, середняков и т. д. Но для приведенного мною сопоставления (состава хозяйств и учащихся) это несущественно. Существенно—то, что меньше всего учатся дети безлошадных и однолошадных, больше всего—дети многолошадных. Тов. Раевич обмолвился здесь фразой, которая по моему мнению не носит научного характера, а именно: „Под средняком мы будем понимать преобладающую часть деревни“. Это определение явно неправильно. Владимир Ильич в „Развитии капитализма в России“ принимал такое соотношение: 50% бедняков, 30% середняков и 20% зажиточных. По мнению же т. Раевича, повидимому, надо было 50% назвать непременно середняками и 30% бедняками. Раз 50%—значит середняки. Это было бы более чем странно. Я под средняком понимаю не ту часть, которая преобладает, а тех, кто обладает необходимыми средствами производства и в то же время обычно не эксплуатирует чужого труда. Я не сомневаюсь, что они составляют в настоящее время значительную часть крестьянства, но понимать под средняками наперед попросту преобладающую часть деревни—нельзя.

Теперь об утверждении т. Раевича, будто части доклада не связаны. В специальной части доклада мною изложены предварительные итоги по одному из вопросов, касающихся нашей деревни, а не окончательные итоги по всем вопросам нашей деревни. Поэтому многих вопросов я в этой специальной части не касаюсь. Это я оговорил в самом докладе.

Перейду теперь к тому, что сказал т. Милютин. Должен сказать, что основное построение возражений т. Милютина, их взаимная связь, остались мне неясны, но я считаю, что составные части его построения фактически неверны, потому что в значительной степени основываются на желании, которое иначе, как хорошим желанием, квалифицировать нельзя. Что это значит? Если вы возьмете вопрос в большем масштабе, всю эпоху вплоть до достижения развернутого социализма, то, разумеется, социализм означает уничтожение классовой дифференциации. Вообще говоря, процесс дифференциации может у нас в СССР закончиться тремя путями. Контр-революционным: капитал достигает такой силы, что свергает советы. Революционным: экспроприация капитала. И, наконец, эволюционным—разложением капиталистического хозяйства. Я считаю, что по всем вероятностям, в конце концов, дело пойдет по последнему пути. Хотя не исключена возможность, что возникнет необходимость революционного пути, напр., во время интервенции мирового капитала, если бы, скажем, капиталистическое крестьянство организовало во время интервенции восстание против Советской власти.

Но тов. Милютин ставит вопрос иначе. Он несколько раз возвращается к тому, что у нас вообще бедняцкие хозяйства не разоряются. Это—неверно. Они в основной своей массе разоряются (хотя падение их собственного хозяйства не означает обязательно падения жизненного уровня). Если бы бедняцкие хозяйства, как хозяйства, не разорялись, то незачем было бы и говорить о дифференциации. Я считаю, что сохранение всей бедноты в сельском хозяйстве—это вещь невозможная. Технический прогресс и индустриализация нашей страны означают выбрасывание части крестьянства из сельского хозяйства. Какая же часть будет выброшена? Зажиточные? Средняки? Конечно, не они, а прежде всего беднота. Я считаю бедноту в основной массе потенциальными рабочими. Неверно,

что я, как это утверждал здесь т. Милютин, питаю такую любовь к середняку, что забываю про бедноту. Я сказал, что экономическая основа союза пролетариата и бедноты это есть союз потенциальных и действительных рабочих. Что если в поддержание индивидуального крестьянского хозяйства вкладывается такой смысл, будто можно превратить всех бедняков в середняков, то это — утопическое положение. Но поддержка эта имеет тот смысл, что нужно поддерживать основную массу бедноты, пока она найдет себе место или вне сельского хозяйства (в городской промышленности и т. д.) или в сельском же хозяйстве, но не в качестве отдельных мнимых хозяев, а в качестве членов коллективных хозяйств или наемных рабочих у крестьян-капиталистов. Размычку же между пролетариатом и беднотой я безусловно отклоняю. Далее: посевная площадь бедноты, говорит т. Милютин, увеличилась. Я это признаю, но дело в том, что здесь перед нами не посевы самостоятельных хозяйств, а скрытые посевы капиталистических слоев крестьянства. Я выставляю положение, что дифференциация крестьянства нередко получает свое диалектическое выражение в виде иоравнения по посеву, которое действительно можно констатировать во многих случаях. Что же касается того, что кулацких хозяйств только 4 — 5%, то я склонен думать, что хотя капиталисты и составляют среди населения весьма малый процент, но из этого отнюдь не следует, что их влияние ничтожно. Их влияние основывается не на их количестве, а на размерах тех средств производства, которыми они обладают. Скорее уж можно было бы выставить обратное положение: чем меньше численность капиталистов, тем больше их социальный вес. Всякому, кто знает о концентрации капитала, будет понятно такое на первый взгляд парадоксальное положение.

Далее я должен подчеркнуть, что в своем докладе я не выставлял такого положения, будто капитализм у нас в деревне сосредоточивает в своих руках большую часть сельского хозяйства. Для такого утверждения нет данных. Я думаю, что он не сосредоточивает, может быть, и не будет даже и временно сосредоточивать, но дело в том, что если бы он (на время) и сосредоточил, я не вижу в этом ничего катастрофического.

В сельском хозяйстве дореволюционной России капитал не сосредоточивал в своих руках большей части сельского хозяйства; большая часть сельского хозяйства — прямо и косвенно — была в руках крепостников, и тем не менее капитал экономически господствовал в народном хозяйстве России. Сельское хозяйство не есть еще народное хозяйство, а только часть его и притом часть, удельный вес которой в общей продукции народного хозяйства неизбежно будет падать вследствие процесса индустриализации страны. А раз он будет падать, то будет падать и удельный вес капиталистической формы, хотя бы она и держала в своих руках большую часть сельского хозяйства. Поэтому я не считаю, что следует по поводу дифференциации впадать в панику. Никаких определенных утверждений насчет того, какова доля капитала в сельском хозяйстве СССР, я выставить не могу, потому что для этого нехватает пока материалов.

А теперь, товарищи, разрешите ответить еще на один вопрос, который мне был задан в одной из записок. Он гласит: „Какие же политические выводы надо сделать, если дифференциация идет с такой быстротой?“. Что дифференциация идет быстро, — это, по-моему, неверно. Но оставим быстроту в стороне. Какие же политические выводы нужно сделать? Думаю, что из рассмотрения процесса дифференциации, идущего пока наряду с процессом хозяйственного

подъема основной массы среднего крестьянства, которому необходимо всемерно помогать, нужно сделать следующие выводы:

Во-первых, необходимо принимать меры ко все большему вовлечению сельского хозяйства в целом, в наше советское народное хозяйство, к укреплению господствующего значения крупного (государственного) хозяйства во всем народном хозяйстве. Отсюда вытекает поддержка кооперации, как основной формы втягивания сельского хозяйства в систему советского народного хозяйства.

Во-вторых, необходима поддержка тому процессу, который сужает поле действия дифференциации, процессу перехода к товарищескому (коллективному) земледелию, что снова включает поддержку кооперации, как пути перехода к товарищескому земледелию.

В-третьих, поскольку основная масса бедноты не может сейчас найти выхода из сельского хозяйства, необходимо принимать меры к поддержанию этих основных резервных кадров рабочей силы нашего народного хозяйства и к поддержке опускания части середняков в ряды бедноты.

В-четвертых, поскольку расслоение неизбежно порождает классовую борьбу в деревне, необходимо выступить в качестве организатора этой классовой борьбы, при чем необходимо иметь в виду, что эта борьба в наших условиях будет носить характер реформистский, характер борьбы за условия применения рабочей силы и т. д., а не борьбы, стремящейся к экспроприации капиталистических слоев крестьянства.

Вот те основные политические выводы, которые на мой взгляд необходимо сделать из моего доклада.

ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ.

(Доклад Б. М. Завадовского, прочитанный 28 ноября 1925 г.)

Тезисы.

1. Три основных принципа, три момента определяют единство и родство методов и внутреннюю преемственность марксистского и дарвинистского мировоззрения.

Это: 1) материалистическое объяснение, строго объективный подход ко всем подлежащим изучению явлениям; 2) идея развития, движения и взгляд на природу, как на результат связанной между собою цепи явлений; 3) и тот и другой рассматривает развитие развивающимся в процессе борьбы и взаимных противоречий.

Принцип борьбы (особей, видов или классов) и последующего отбора, взгляд на видимую гармонию целого, т.е. природы или социального строя сегодняшнего дня, как на результат полной дисгармонии его частей—это величайшее из обобщенной философской мысли, объединяющее дарвинизм и марксизм в единое цельное мировоззрение.

2. Несмотря на это принципиальное родство методов марксистского мировоззрения в обществоведении и дарвинистского в естествознании, между биологом и марксистом-общественником не установилось до сих пор полного взаимного понимания. Основная причина—взаимная недостаточная осведомленность в понятиях и в материале братской науки. Задача доклада—попытаться найти общий язык к такому взаимопониманию путем анализа основных ударных проблем эволюционного учения в их связи с социальными проблемами.

Дарвинизм и ламаркизм. Наследование приобретенных признаков и проблемы евгеники.

1. Как чисто неодарвинистская, так и чисто ламаркистская позиция страдают болезнью формально-логического, схоластического подхода к проблемам эволюции и являются пережитком научной метафизики. Нельзя говорить „или—или“, но нужно: „и—и“.

2. Дарвинизм и ламаркизм рассматривают, по существу, две разных стороны (проблемы) одного и того же большого вопроса. В то время как дарвинизм разрешает проблему происхождения приспособлений и целесообразности, ламаркизм интересуется вопросом о причинах

изменчивости. Поэтому они ни в одном пункте не вступают в непримиримое противоречие и допускают примирение, если только не придавать их положениям схоластической заостренности (принцип К. А. Тимирязева).

3. Лания идеологического водораздела в биологии отнюдь не идет по принципу: дарвинизм или ламаркизм, ибо как среди одного, так и другого течения мы встречаем здоровые материалистические положения на ряду с явными или скрытыми проявлениями витализма и идеализма худшего сорта.

4. Принцип поисков и изучения факторов внешней среды отнюдь не обязывает к принятию наследования приобретенных признаков.

5. Грубая, чисто научная ошибка ламаркизма в том, что он огульно обобщает проблему наследования, не различая факторов механических повреждений от принципа упражнения и неупражнения, а эти два от воздействий химического и физико-химического порядка. Современные данные цитологического и физиологического анализа допускают теоретически принять наследование последних и не увязываются с допущением наследования двух первых.

6. Современные научные данные убеждают нас в преобладающем влиянии в процессе эволюции внутренних факторов преформизма по сравнению с ограниченным значением эпигенетических факторов внешней среды.

7. Диалектическое понимание принципа преформизма отнюдь не противопоставляет его в качестве некоторого метафизического абсолюта понятию внешней среды, но рассматривает внутренние факторы в конечном счете лишь как аккумулярованные во времени влияния той же материальной среды, в которой протекала эволюция.

8. Такое понимание эволюционного процесса не только не противоречит, но вполне совпадает с концепциями исторического материализма, основным тезисом которого является принцип, что исторический процесс определяется не минутным влиянием сегодняшнего дня, но всем историческим прошлым экономических и классовых отношений.

9. Вопреки распространенному мнению, выводы ламаркизма не только не совпадают с основными принципами марксистской теории и практики, но глубоко пессимистичны в своих выходах в плоскость социальных проблем. Наоборот примат преформизма в биологии звучит гораздо оптимистичнее для пролетариата в его классовой борьбе.

10. Буржуазные евгенисты, увидавшие в данных генетики опору для своей классовой идеологии в лучшем случае или поддались ослеплению своей классовой психологией или же проявляют крайнее невежество в элементарных проблемах социологии.

11. Защита позиций чистого ламаркизма со стороны марксистов-общественников, врачей и биологов в значительной мере основана на смешении понятий индивидуальной (или фенотипической) и видовой, расовой (генотипической) изменчивости, различения которых уже давно помогает биологу в разрешении приводящих сюда проблем.

I.

Товарищи, я думаю, что долго распространяться и доказывать, что дарвинизм и марксизм есть два братские и родственные течения, мне не придется. Несомненно, вопрос о единстве методов, об общем языке, это—вопрос, назревший и требующий своего окончательного разрешения. Поэтому мне только остается отметить те основные мотивы, которые толкают эти два течения научной и философской мысли протянуть друг другу руки. Совершенно понятно, насколько марксизм заинтересован и чувствует это близкое родство между собой и тем учением, которое было создано Дарвином. Эта истина диктуется тем, что дарвинизм есть такое общебиологическое учение, которое стремится все явления природы подчинить научному, объективному анализу.

Совершенно естественно, что марксизм, который впервые в области общественной мысли установил это право научного объективного анализа, вопреки прежнему субъективному течению в истории и философии, находит в дарвинизме свою опору. Это первая причина, которая толкала марксизм не только признать дарвинизм частью своего мировоззрения, но и найти родственные черты в методах анализа отдельных явлений природы. Менее понятно для биолога та связь, которая существует между его тенденциями, если только они правильно поняты, и марксизмом. Но нельзя не отметить, что всякий биолог, если только он ценит свое мировоззрение, естественно задумывается над вопросом, нельзя ли применяемые им в своей области методы объективного научного анализа перенести на область социальных и общественных проблем. И вся трагедия прежних биологов, которые находились в условиях иного классового строя и быта, что они в силу своей классовой психологии не могли понять, что именно в марксизме они найдут методы, которые позволят им это сделать. Поэтому мы встречаем у многих научно-мыслящих биологов попытку строить биологические теории социальных явлений, которые все грешат тем, что биологи не понимают, что при единстве основных методов, исходных предположений, общих для всех наук, требуется еще понимание частных методов для изучения частных особенностей того явления, которое они должны изучать. Биологи биологизируют социологию. В этом их основной грех. Потребность со своими биологическими воззрениями войти в социологию была знакома Геккелю, Уоллесу, всем дарвинистам и вождям биологической мысли, которые задумывались над этим вопросом. В этом отношении мы можем с уверенностью сказать, что потребность понять друг друга, с одной стороны, среди общественных деятелей, с другой стороны—биологов, несомненно давно существует. Естественно, что эта потребность остро ставится в наши дни, когда силой вещей, силой событий мы вынуждены, так или иначе, думать об этом и пытаться найти общий язык. Поэтому первое положение, которое роднит марксизма и биологов, которое бесспорно будет принято и биологом-эволюционистом и марксистом, и которое руководит ими в изучении окружающей среды—это принцип научно-материалистического объяснения, стремление подчинить

всякое явление причинной связи, обосновать его не непространственными метафизическими понятиями, а исходя из законов природы, индуктивно изучаемых и наблюдаемых.

Второе положение, которое является несомненно общим и для того и для другого учения, это идея развития, особенно роднящая дарвинизм и марксизм между собой. Для марксиста всякое социальное явление есть явление динамическое, имеющее свою историю, и понять его можно только в анализе его исторического развития, а не только в состоянии сегодняшнего дня. То же самое руководит и биологом-эволюционистом, который впервые выдвинул тот принцип, что для того, чтобы понять явление природы, явление сегодняшнего дня, нужно изучать его эволюцию, нужно изучать его динамику, его историю.

Третье положение, которое я считаю не вызывающим разногласий, это принцип, дополняющий идею развития: принцип внутренней борьбы, идея рассматривать исторический эволюционный процесс, не как процесс, идущий по прямой линии, а как процесс, идущий зигзагами, ступеньками, как процесс полный внутренних противоречий. В области биологии,—это теория естественного отбора, борьбы за существование, где этот принцип подчеркивает, что видимая гармония природы есть только кажущееся явление, результат сплошной дисгармонии и внутренних противоречий, которые скрываются в изнанке явлений. То, что кажется приспособленным, целесообразным есть результат частью кровавых, частью некровавых смертей, гибели.

Выявление противоречивых фактов в области марксизма заключено в идею борьбы классов. История человечества есть результат внутренних противоречивых сил, которые разделяют общество на борющиеся группы, и в результате этой борьбы, этих последовательных наступлений и отступлений, в конце-концов, создается видимая гармония классов, которая так обманывает буржуазных ученых. Вот три принципа, которые я бы сказал в наши дни не могут не объединить вокруг себя, как биологов, честно и последовательно продумавших свое эволюционное мировоззрение, с одной стороны, так и марксистов, с другой стороны. Но нельзя не признать, что при этой общности мысли, общих положениях, мы до сих пор еще не нашли во многих частных вопросах взаимного понимания. В этом отношении речь идет не только о взаимном непонимании биологов буржуазного происхождения и буржуазной идеологии, но в пределах самого марксистского лагеря мы еще далеко не все вопросы привели к единому знаменателю. Среди марксистов-биологов и марксистов-общественников существует взаимное непонимание, где они во многом не одинаково мыслят одни и те же явления. И в пределах хотя бы марксистов-общественников и марксистов-биологов существует разделение на свои лагеря, повторяющее традиционное деление биологов старого типа на разные течения в пределах одного и того же эволюционного учения.

Моя задача, как я ее понимаю, состоит в том, чтобы сделать попытку проанализировать те исходные корни взаимного непонимания, которые остаются еще непонятными, и попытаться найти общий язык в тех вопросах, которые считаются до сих пор спорными вопросами.

Будучи, прежде всего, биологом, а не марксистом-общественником, я буду освещать те стороны, которые мне наиболее близки. В числе тех вопросов, которые являются наиболее актуальными, требующими дискуссии, я выдвигаю следующие положения. Во-первых, первый основной ударный вопрос, который до сих пор не нашел своего окончательного разрешения, это старый и давний спор о дарвинизме и ламаркизме, куда вклинивается и вопрос наследования приобретенных признаков и целый ряд выходов в область социологии и евгеники, приложений выводов биологии к практике социальной жизни и политики. Во-вторых, сюда относится вопрос об оценке принципа естественного отбора, который не имеет общепринятого решения в среде марксистов, затем вопрос об оценке, так называемого „революционного“ принципа мутации де-Фриза. И наконец, понятие о случайности в явлениях отбора и изменчивости, которое было введено Дарвином. Я полагаю, что в настоящем докладе я буду иметь возможность коснуться лишь первого пункта.

Выдвигая проблему наследования приобретенных признаков, я позволю себе напомнить некоторые основные вехи в истории самого вопроса. В чем заключается сущность вопроса? — Дарвин, являющийся основателем эволюционной теории, с неопровержимостью доказал факт изменчивости и превращения видов. Самые факты, доказывающие теорию, были даны Дарвином в настолько классической форме, что до сих пор в популярных книжках они излагаются, почти буквально в той же форме и порядке, как сделал Дарвин, не требуя каких бы то ни было принципиальных дополнений. Но факт превращения видов и их эволюции, оставляет еще открытыми два вопроса, которые требуют своего дальнейшего разрешения. Во-первых, как понять причины, которые вызывают изменение органических форм, и второй вопрос, как понять, что изменение органических форм не является просто изменением, но изменением, приспособленным к окружающей природе, т. е. изменением целесообразным. Вот два вопроса, которые естественно возникли уже у самого Дарвина, когда он пришел к убеждению о том, что живые формы, вопреки прежнему мнению, изменчивы. Дарвин дал исчерпывающий, с моей точки зрения, ответ на второй вопрос о происхождении приспособления. Этот ответ дан в его принципе естественного отбора. Животные и растительные формы приспособлены потому, что если бы они не были приспособлены, они исчезли бы с лица земли. В силу этого, самый факт существования организма свидетельствует об его относительной приспособленности к окружающей среде. И эта простая смена порядка мыслей фактически заключает в себе гениальное и полное объяснение факта приспособления. Не нужно никаких мистических объяснений и дальнейших толкований, нужно просто учесть, что все то, что не приспособлено, устраняется в борьбе за существование, которая лежит в основе жизни. В силу факта естественного отбора и борьбы за существование, все, что существует должно быть приспособлено; этот принцип чисто механически утверждает объяснение того, почему все формы приспособлены. Во-вторых, дарвинизм вносит ограничения в понятие целесообразности. Мы не

говорим уже об абсолютной целесообразности, о которой думали когда-то предшественники Дарвина. Ничего подобного Дарвин не увидел. Мы говорим теперь о приспособлениях, которые находятся на границе между жизнью и смертью, т. е. об относительной целесообразности, о приспособлении в самом условном смысле слова.

Но Дарвин совершенно не объяснил вопроса о причинах изменчивости. Дарвин совершенно четко и ясно оговаривался, что он принимает факт изменчивости за данный, не зная непосредственных причин, которые изменчивость вызывают. Он убежден, что такие материальные причины существуют, но при данном состоянии научных знаний еще не могут быть подвергнуты детальному анализу. И Дарвин прикрывал фактическое незнание термином — случайности, который, оговариваясь, не несет в себе ничего мистического, но имеет чисто физический смысл. Если очевидно, что Дарвин объяснил факт приспособления, то вопрос о причинах изменчивости оставался открытым. Этот факт известного пробела в целомом воззрении на эволюцию и является исходным пунктом для дальнейших разногласий. Уже на другой день после того, как теория эволюции была утверждена, выступает на сцену течение, которое не хочет ждать: у многих нет терпения ожидать, пока наука объяснит точно и вполне научно факт изменчивости, и они требуют сегодня же объяснить причины изменчивости. А так как Дарвин не дал этого объяснения, то вспоминают предшественника Дарвина — Ламарка, который имел смелость утверждать, что он эту причину изменчивости знает. Ламарк указывал на принцип упражнения и неупражнения органов, на принцип потребности, которая чисто психологическим порядком вызывает в животном сознание в необходимости обладания органом такого-то сорта и такого-то вида. К этому прибавляется принцип, который не самим Ламарком был оформлен и развит, а его продолжателями: принцип влияния внешней среды, которая сама вызывает соответствующее нужде изменение. В первоначальном виде эта теория могла бы быть только дополнением к Дарвину, и Дарвин ее так и понимал. Но как это обычно бывает, ученики выдвигают позицию более острую. И вот среди ламаркистов раздаются голоса, что, если мы признаем результат влияния внешней среды, то не требуется привлекать на помощь естественный отбор и борьбу за существование. На этой позиции стоят и современные ламаркисты. Из тезы выросла антитеза, которая в лице Спенсера и ряда других выдвигает утверждение в недостаточности и даже бессилии естественного отбора объяснить эволюционный процесс и предлагает взамен — принцип упражнения и неупражнения органов и прямого влияния среды. Раз есть эта новая теза, то среди более ярых приверженцев Дарвина выросла новая антитеза, которая утверждает всемогущество естественного отбора и заявляет, что достаточно его одного, чтобы понять эволюционный процесс. И вот после Дарвина выступают два течения, которые до сих пор не находят между собой примирения. Так в чистом виде, в абстрактной схеме, рисуются основные позиции этих двух течений.

Ламаркизм признает принцип естественного отбора излишним, ненужным для понимания эволюционного процесса. Достаточно только влияние внешней среды, чтобы понять эту изменчивость.

Дарвинизм или, вернее сказать, неодарвинизм утверждает, что естественный отбор сам по себе является фактором всемогущим, который определяет изменение формы, а что касается причин самой изменчивости, то они лежат не во влиянии внешней среды, а во внутренних факторах, в перекombинациях наследственных задатков. Спор, сначала часто теоретический, поставленный в принципиальной плоскости, сейчас же требует известных обоснований фактами. В этом отношении мы обязаны Августу Вейсману, вождю неодарвинизма, удивительной четкостью постановки проблемы. Вейсман, утверждающий принцип всемогущества естественного отбора в противовес ламаркистам, выдвигает два рода аргументов. Прежде всего, исходя из чисто теоретических соображений, Вейсман указывает, что для того, чтобы принять положения ламаркизма, необходимо признать доказанным, что те изменения, которые вызывает внешняя среда в органических формах, могут передаваться по наследству. Между тем Вейсман утверждает, что нет никаких оснований предполагать, чтобы такой факт наследования приобретенных признаков имел место. Какие в этом отношении есть доводы у него? В первую очередь доводы в значительной мере спекулятивного характера, которые основываются на созданной им теории наследственности, конечно, созданной из наблюдения фактов природы. Я имею в виду его теорию независимости зародышевой плазмы. Вейсман указывает, что у очень многих животных те половые клетки, которые дадут начало будущему поколению, обособляются от остальных клеток тела на очень ранних стадиях развития зародыша, так что часто можно указать уже на стадии 2—4 бластомеров ту клетку, которая даст зачаток половой железы и будущих зародышевых клеток. Эти последние в силу этого никогда не смыкаются, не встречаются с клетками соматическими, телесными. На основании этого Вейсман утверждает, что очевидно половые клетки обособляются настолько рано, и настолько рано теряют связь с телесным футляром (сомой) особи, что они не должны поддаваться влиянию этого футляра. В этом отношении, если задуматься над механикой наследования, нет такой приемлемой схемы, которая позволила бы понять, почему изменения, которым подвергается футляр (сoma), его телесная жизнь, почему и как все это должно передаваться в зародышевую клетку и отразиться на потомстве. Над этим вопросом задумывался и Дарвин, который выдвинул для объяснения этого теорию, от которой он же сам отказался, чуть ли не на следующий день, что от каждой клеточки тела отрываются некоторые геммулы, которые переносятся в половую клетку и строят эту клетку в своей совокупности. И в самом деле, каким же другим путем изменение клетки телесной может вызвать соответствующее изменение в зародыше? Тот факт, что сам Дарвин быстро отказался от своей наивной теории, подтверждает всю трудность для ламаркиста обосновать свою основную позицию. На этом основании Вейсман подчеркивает идею независимости зародыше-

вой плазмы, в которой утверждает, что с точки зрения эволюционного процесса важность представляет не телесный футляр, а зародышевая плазма, которая имеет свой самостоятельный „путь“ в теле особи. Особь—это случайный футляр, который временно прикрывает вечную живую эволюцию зародышевой плазмы. Изменение футляра не отражается на судьбе видовой эволюции. Факторов эволюции следует искать не в судьбе футляра, а в судьбе зародышевой клетки.

С другой стороны Вейсман обосновывает свои воззрения чисто фактическими наблюдениями, которые собраны частью из общежитийского опыта и частью из его собственных экспериментов. Он указывает, что у нас нет и фактического основания утверждать наследование приобретенных признаков, ибо факты эти противоречат предположению ламаркистов, вопреки до сих пор державшемуся убеждению, якобы увечия, полученные во время войны могут быть переданы потомству. Вейсман указывает следующие случаи: ножки у китайнок, обрезание у еврейских мальчиков, которое должно каждый раз повторяться вновь; веками производилось обрезание крайней плоти у еврейских мальчиков, но всегда они рождаются с крайней плотью. Как бы ни уродовали ноги китайнок, их потомство рождается с нормальными ногами. Как бы мы ни рубили хвосты у фокс-терьеров, щенки у них рождаются с длинными хвостами. Вейсман не ограничивается этими наблюдениями, он производит опыты с мышами, у которых отрезал в течение 20 поколений хвосты и каждый раз убеждался, что мыши рождались с целыми хвостами. Это был в свое время чрезвычайно ценный, хотя и примитивный опыт, и он поднял вокруг себя спор на высоту крайнего напряжения. Это был спор-сражение, и заслуга Вейсмана в том, что он дал толчок для быстрого расцвета экспериментальных методов разрешения проблемы наследования признаков. Началось с примитивного опыта Вейсмана и перешло на более сложные опыты, напр. Гетри, который дал опыты такого порядка. Он берет кур черных и белых и основываясь на факте, что при скрещивании черные куры доминируют над белыми,—он взял черную курицу, вырезал ей яичник, всадил ей яичник белой курицы и скрещивает эту курицу с белым петухом. Он рассуждает так: если телесный признак—черный цвет может отразиться на зародышевой плазме белого яичника, то скрещивание с белым петухом должно дать не чисто белое потомство, а черное или белое с черными крапинками. В высшей степени оригинально, что Гетри получил результат, положительный для ламаркизма, он получил потомство белое с черными крапинками. Опыт Гетри был повторен на кроликах и других животных Кэстлем, Магнусом и другими, но на этот раз приводит к отрицательным результатам. В этом отношении вопрос остается формально открытым, но чаша весов склоняется в сторону неодарвинистов, ибо опыты Гетри страдают тем, что он не проверял своего исходного материала и не доказал, что его куры были чистопородны без какого-нибудь значительного налета в смысле окраски. Недавно аналогичный опыт был проделан Клаттом на сотнях гусениц непарного шелкопряда и его опыты привели опять к отрицательным результатам для ламаркизма. Таким образом, так как во всех

последних опытах результат Гетри не подтвердился, общий результат говорит решительно не в пользу ламаркизма. Но все-таки ламаркисты не хотят забыть опыта Гетри. В настоящее время борьба разгорается вокруг опытов Камеррера о влиянии влажности, температуры и света на окраску амфибий. Таким образом из года в год изменялись формы аргументации, но, в конце-концов, самый спор остается на прежнем месте. Ламаркисты по каждому вопросу выдвигают выгодные для них опыты, доказывающие наследование, дарвинисты, в противовес ламаркистам, указывают свои опыты обратного значения, и вопрос остается на том же месте.

Теперь, изложивши вкратце историю вопроса, позвольте перейти к методологическому анализу проблемы. Когда задумываешься над вопросом, видно, насколько плачевна судьба этого спора. Прошло 50 лет со времени Дарвина, многократно изменялся объем аргументации, но тем не менее, воз остался и ныне там. Встает вопрос такого порядка. Нет ли методологической ошибки в самой постановке вопроса? Это вопрос, который естественно должен быть поставлен диалектиком, прежде чем он перейдет к обсуждению деталей этих экспериментов. Именно с этого пункта необходимо начать анализ разногласий. Должен признаться, что, когда в молодые годы я прикасался к этому ожесточенному спору дарвинизма и ламаркизма, я не мог понять источника такого острого противопоставления дарвинистского принципа ламаркистскому, и эта позиция была мной окончательно принята, после того как я окончательно и сознательно усвоил методы диалектического анализа. Мне кажется, что то решение, которое я буду предлагать, основано на правильном диалектическом подходе. Когда вчитываешься в эту дискуссию ламаркизма и дарвинизма, встает такой вопрос. Почему здесь нужно было ставить вопрос в форме такого резкого формально-логического противопоставления „или — или“, нельзя ли было поставить вопрос иначе „и — и“, т.е. признать, что и в позиции ламаркизма в ее некоторых частях и в позиции дарвинизма имеется здоровое ядро. А если вдуматься в их исходные положения, которые так остро подчеркнуты, то нужно сказать, что, в конце-концов, по существу спор идет о разных вещах. Позвольте объяснить эту мысль. Я утверждаю, что противопоставление ламаркистских принципов дарвинистским методологически плохо продумано, и в этом отношении, если мы вдумаемся в позиции дарвинизма, как они были изначально даны самим Дарвином, мы находим полную возможность примирения. В конце-концов, ламаркист, который стремится доказать непременно влияние внешней среды и опровергнуть одновременно тот принцип дарвинизма, за который дарвинизм больше всего держится, принцип естественного отбора, забывает, что говорит о другой стороне большой проблемы эволюции, которая имеет две стороны. Одна сторона проблемы — поиски причин изменчивости, другая сторона — вопрос о причинах приспособления и целесообразности. Фактически две группы ученых подошли к одному и тому же ряду истин с различных сторон и повторили известную басню Алексея Толстого о правде: „Поехали 7 братьев искать правду и под'ехали к ней с разных сторон, и показала она кому

городом, кому горой высокой и т. д.“. Фактически и в данном случае та же картина. Две группы ученых обращают преимущественно внимание на разные стороны одного и того же вопроса, одни стремятся полностью изучить причины изменчивости, другие стремятся понять причины приспособления. Каждая сторона приходит к нелепости, если только не будет искать поддержки в позициях противной стороны. В самом деле, возьмем в чистой форме позицию ламаркизма и признаем, что вся эволюция диктуется влияниями внешней среды. В этом случае, как только ламаркисты подходят к вопросу, чем же объясняется целесообразность организма, они вынуждены признать, что эволюция или руководится какой-то внешней силой, которая извне направляет ее в ту или другую сторону, т.е. приходит к признанию силы, посторонней самому организму, приходят к психоламаркизму, или же кивают на туманное понятие „физико-химическое строение белков“, которое выдвигает современный ламаркизм. Это фактически ведет к скрытому виталистическому течению. Лишь изменив своей ортодоксальной позиции, ламаркист должен признать, что изменчивость может происходить в разных направлениях и может быть и целесообразной и нецелесообразной, может быть и полезной и вредной, и, в конце концов, вопрос решается естественным отбором. Но тогда ламаркисты сходят с чистой позиции и приходят к дарвиновскому принципу естественного отбора.

Если мы возьмем позицию чистого дарвинизма, то чистый дарвинист, утверждающий, что вся эволюция руководится исключительно принципом отбора, и не признающий влияния внешней среды, должен дать объяснение, чем же диктуется изменчивость наследственной плазмы. Вейсман указывает на явление амфимиксиса, которое выражается в том, что при оплодотворении соединяются различающиеся наследственные массы отца и матери и т. обр. получается новая комбинация наследственной плазмы, которая дает начало новым мутациям. Но Вейсман не решает вопроса о том, что же получается причиной первоначальной, исходной разницы наследственной плазмы отца и матери. В этом вопросе дарвинист, желающий найти ответ, должен стать на позицию Лотси, который с большой смелостью высказывает чисто метафизическую идею, что наследственные гены существуют предвечно, а вся природа, которую мы наблюдаем, есть только результат соединения, изменения, сочетания изначально созданных генов. Т. обр. позиции как чистого дарвинизма, так и ламаркизма одинаково приводят к одному и тому же: к нелепому и неприемлемому выводу, и, в конце-концов, крайности смыкаются. Поскольку вчитываешься в ламаркистскую теорию Берга, который говорит о физико-химическом строении белков, и в выступления профессора Филиппченко, в конце концов, приходишь к заключению что автогенез Филиппченко, как он его излагает, подчеркивая только внутренние факторы и не признавая внешних, и номогенез Берга суть два лица одной и той же метафизической сущности, одних и тех же неприемлемых, недопустимых схоластических, формально-логических заострений. В конце-концов, если только дарвинисты хотят остаться на позиции последовательных

марксистов; они должны признать в конечном итоге, что это изменение генов неизбежно должно возникать под влиянием материальной силы, лежащей не только внутри зародышевой плазмы, но и под влиянием внешней среды. На основании этого, мне казалось бы, что позиция наиболее правильная — не „или — или“, а „и — и“, при чем мы должны синтезировать, с одной стороны, понятия ламаркистские, а с другой стороны — основные положения естественного отбора.

В сущности говоря, наша синтетическая позиция не является чем-то принципиально новым. Позвольте процитировать несколько строк из лучшего представителя синтетического дарвинизма Клементия Аркадьевича Тимирязева. Я цитирую из его статьи „Факторы органической эволюции“ от 1890 года.

„Итак, едва ли можно сомневаться, — говорит Тимирязев, — что развитие науки за четверть века блистательно подтвердило верность точки отправления дарвинизма. Но теперь ему предъявляют новое требование: это учение, говорят, объясняет нам сохранение полезных форм, а мы желаем знать их происхождение; дайте нам объяснение, настоящее, физическое объяснение первоначального возникновения этих форм. Дарвинизм не дает этого объяснения. Но мне кажется, он и не может и не должен давать его (курсив всюду дан самим Тимирязевым. *Б. З.*). Оно лежит за пределами его задачи.

„Дарвинизм задается одною общею для всех организмов задачею — раскрыть такой исторический процесс их образования, который прежде всего объяснил бы нам их коренную, основную черту — их целесообразность, и для этой общей задачи дает общее разрешение — естественный отбор. Первою посылкою, на которую опирается это разрешение, является факт изменчивости существ; он принимается этой теорией за данный. Но теперь предъявляют требование глубже анализировать этот исходный фактор. Требование законное, но предъявляемое не по надлежащему адресу. От всякой теории должно требовать только того, что она дает. Дарвинизм не может отвечать на то, как и почему изменялись органические существа, потому что такой общей задачи, такого общего ответа нет и быть не может. Таких задач несметное число, и отвечать на них призван не дарвинизм, учение общебиологическое, а экспериментальная физиология. Дарвинизм не может ответить на все эти частные вопросы, но в свою очередь и все частные исследования, допустив даже, что при их помощи удалось бы со временем вполне выяснять физический процесс образования форм, не дадут ответа на тот общий вопрос, на который отвечает дарвинизм. В этом смешении двух задач и двух различных методов и кроется недоразумение, побуждающее новых критиков делать Дарвину незаслуженный упрек, что он недостаточно оценил действия фактора изменчивости“.

И далее Тимирязев цитирует слова самого Дарвина: „Натуралисты постоянно ссылаются на внешние условия: каковы, климат, пища и пр., как на единственную возможную причину изменчивости. В известном ограниченном смысле это, может быть, и верно, как мы увидим далее, но было бы нелепо

(preposterius) приписывать действию одних внешних условий такие строения, как вся организация дятла или омыла“ (Курсив Тимирязева. Цитировано по изд. Маракуева из собрания „Насущные задачи современного естествознания“, стр. 142—144).

Вот цитаты, которые с кристальной ясностью подчеркивают неожиданность для многих факт, факт, почему-то забытый всеми, именно теми, кто подчеркивает, что Тимирязев всегда считали наиболее ортодоксальным дарвинистом. Оказывается, что этот чистейший ортодоксальный дарвинист с полной ясностью сумел отделить пределы компетенции каждой из частей эволюционной теории, созданной Дарвином. Он прекрасно понимает, что дарвинизм в узком смысле слова, решал только одну сторону вопроса. Только тогда мы будем иметь цельную картину, схему эволюционного процесса, если мы в дополнение к принципу естественного отбора добавим методы экспериментальной физиологии, которые изучают прямым наблюдением законы изменчивости и взаимоотношения внешней и внутренней среды. Вот первое основное методологическое положение.

* * *

Позвольте обосновать эту позицию, перейдя к деталям спора о наследовании приобретенных признаков. Исходное положение заключается в том, что один принцип естественного отбора недостаточен; это позволяет нам начать с критики этой теории независимости зародышевой плазмы, данной Вейсманом. Можем ли мы принять целиком чистую формулу, чистую схему Вейсмана о независимости зародышевой плазмы? Конечно, нет, ибо современная физиология, признавая самый факт независимости зародышевой плазмы в смысле обособления зародышевых зачатков, указывает, что эти зародышевые зачатки половой железы, находятся в непрерывной и неразрывной связи с сомою через посредство химических агентов, которые изучены современным учением о внутренней секреции. Мы знаем, что сама половая железа, которая служит источником для потомства, является железой внутренней секреции, выделяющей химические агенты, действующие на весь телесный футляр. Мы знаем также, что судьба половой железы находится под ударами того самого телесного футляра, который в свою очередь выделяет свои химические агенты, свои гормоны и влияет ими на половые клетки. С этой точки зрения, мы не можем безоговорочно принять вейсмановскую теорию независимости зародышевой плазмы и чисто априорно можем представить себе возможность в известных условиях влияния химизма сомы на половые клетки.

Спрашивается, можем ли мы построить схему, которая до известной степени оправдала бы позиции ламаркизма. Мне кажется, что да. Но только это будет не та схема, которая пыталась до сих пор. Мне кажется, что именно там, где ламаркизм пытался найти опору для своей позиции, он был полон произвола. Когда ламаркист хочет доказать наследование механических повреждений телесного футляра, для

физиолога эта позиция оказывалась еще более неприемлема, чем позиция крайнего неodarвиниста. Какая физиологическая механика могла бы обусловить тот факт, что отрезанный хвост передается зародышевой клетке? Но когда речь идет об анализе химических агентов, которые имеют специфический характер, то физиолог может допустить такого рода картину, когда эти химические агенты влияют не только на сомю, но и на зародышевые клетки. Вот та исходная позиция, которая созрела у меня несколько лет тому назад и которую я пытался обосновать некоторыми прямыми экспериментами. Заранее должен сказать, что те опыты, которые расскажу, я не считаю законченными. Но все-таки, для того, чтобы показать, что известное оправдание есть, позвольте остановиться на них.

Уже давно в доводах ламаркистов существовал один аргумент, теперь забываемый. Дело в том, что с давних пор в Европе, среди любителей и зоологов, известно некоторое животное из группы амфибий. Оно дышит жабрами и живет в воде. Это аксолотль. Родина его — Мексика. Было давно предположено, что хотя в Европе он постоянно остается в неизменном виде аксолотля, фактически он является не окончательной, личиночной формой другого животного. Было много оснований думать, что это есть личинка, личиночная стадия животного, подобного саламандре, не имеющего жабр и дышащего легкими и живущего главным образом во влажной земле и мху. Это предположение пытались оправдать опытом. Долгое время все попытки не оправдывались, и впервые этот опыт удался Марии де-Шовен, ученице Вейсмана, которой удалось получить такое превращение. Интересно, что эта первая работа Марии де-Шовен была сделана под руководством Вейсмана и напечатана за именем Вейсмана. Через несколько лет М. де-Шовен выступает уже самостоятельно, отделившись от Вейсмана, выступает с законченными ламаркистскими воззрениями, и, судя по соотношениям биографического характера, можно думать, что именно этот факт мог послужить причиной разрыва между ней и Вейсманом. М. де-Шовен в своих опытах добилась того, что аксолотли, вышедшие из икры амблостом, начали превращаться в амблостому уже без ее вмешательства, т. е. мы имеем чистую картину наследования, тенденции к метаморфозу, после первоначального вмешательства извне. Этот факт был в свое время широко использован ламаркистской литературой. В последнее время в связи с тем, что неodarвинистские схемы стали одерживать верх, этот факт огульво в целом стал забываться, его перестали вспоминать. Это тем не менее понятно, так как после Марии де-Шовен никому не удалось повторить этот опыт, и потому самый факт метаморфоза стал возбуждать сомнения. В 1912 г. мы получили в руки способ безошибочно добиться этого метаморфоза, в два счета, после того, как было обнаружено, что метаморфоз происходит под влиянием, под контролем щитовидной железы. Если головастика лягушки кормить щитовидной железой, то он в несколько дней превращается в лягушку: укорачивается хвост, исчезают плавники, выступают задние и передние лапки, и в несколько дней получается маленькая лягушка, в то время, как ее родня, братья,

продолжают оставаться головастиками. Оказалось далее, что если мы аксолотля будем кормить щитовидной железой, он превратится в амблостому. Этот факт открыт около 1913 г. В настоящее время мы убедились, что можем получить превращение не только путем кормления щитовидной железой. Мы в опытах нашей лаборатории берем просто кусочки щитовидной железы от разных животных и, всаживая их в тело аксолотля, получаем то же самое. В других случаях мы просто помещаем аксолотлей в растворы из порошка сушеной щитовидной железы — и с тем же успехом. Этим фактам имеется ясное толкование. У аксолотля почти исчезла¹⁾ его собственная щитовидная железа и вот причина почему он остается нормальным аксолотлем. Если мы теперь вернемся к работам Марии де-Шовен, то здесь рисуется следующее. Очевидно в ее опытах, как исключение, удалось под влиянием внешних факторов, пробудить деятельность собственной щитовидной железы аксолотля. Наши исследования показали, что собственная железа у аксолотля после его превращения в амблостому увеличивается. В результате этого изменяется химизм крови аксолотля. Можно думать, что метаморфоз влияет не только на собственный футляр самого животного, но появление в его крови таких новых специфических химических агентов, как гормон щитовидной железы, отразится на структуре зародышевой клетки. Наш опыт не закончен, но дал исключительно интересные оригинальные результаты. Первая пара амблостом, полученная нами, метала икру весной 1923 г., при чем из этой икры вывелись аксолотли, которые вот уж третий год не имеют желаний превратиться в амблостом. Первый опыт не оправдывает результатов Марии де-Шовен. Но среди самих ламаркистов опыт Тоузера показал, что для того, чтобы получить эффект влияния внешней среды на зародышевую клетку, нужно уловить специальный тонкий, особо чувствительный момент в развитии зародышевой клетки. Эти факты позволяют нам с значительной долей вероятности теоретически понять источники первых отрицательных результатов, не отступая от позиций ламаркизма. Фактически наши амблостомы и аксолотли первого помета получены из икры, которая была заложена, когда наши производители были еще не амблостомами, а аксолотлями. Эта икра была заложена уже тогда, когда аксолотль не был еще превращен. Если это предположение верно, то второе поколение должно было уже дать удовлетворительные для ламаркизма результаты. И вот 2-е поколение наших опытов весны 1924 г. дает результаты сомнительные, но обостряющие мои ожидания в сторону положительных данных. Мы получили большой выводок, среди которого значительный % дал тенденцию к метаморфозу, хотя ни разу не получено окончательной стадии метаморфоза. Мы получили большое количество аксолотлей, давших явные признаки превращения в амблостом. Когда их переместили в акватеррариум, все эти аксолотли не выдержали метаморфоза и погибли: они оказались нежизнеспособ-

¹⁾ Фактически, как показали работы Е. М. Вермея в нашей лаборатории, щитовидная жел. у аксолотлей есть, но она настолько недоразвита, что функциональное значение ее, повидному, равно нулю.

(Коррект. примечание).

ными. Этот результат дали не все амблистомы аксолотли, но лишь известный процент их. Опыты такого порядка как будто подтверждают ожидание, что здесь частичное влияние возродившейся щитовидной железы влияет химически на якру амблистомы. Текущий год должен был вопрос разрешить окончательно, ибо мы имели потомство уже от свыше чем десятка пар амблистом. Но этот год оказался для нас катастрофическим, в виду ремонта здания, который погубил весь наш выводок. Поскольку мы не получили окончательного метаморфоза, не имели ни одной законченной амблистомы, факт не является убедительным, для того, чтобы утверждать доказанность наследования, но он достаточен для того, чтобы настаивать на этой точке зрения методологически, на праве известных ожиданий в этом направлении.

Я тем более в праве оперировать этими, хотя бы незаконченными, фактами, так как наша точка зрения получает подтверждение в опытах, поставленных независимо от нас, американцами Гайром и Смиссом. Я оперировал в своих опытах с влиянием эндокринных факторов; в Америке Гайер и Смисс работают с другими факторами, но пришли к родственным выводам. В обоих случаях речь идет о химических факторах специфического значения. У Гайера и Смисса такими факторами являются реакции иммунного характера. Вопрос сложный, и позволить изложить вкратце его обоснования. Работа заключается в следующем: известно, что при впрыскивании в кровь животного чужеродных агентов белковой природы в крови образуются иммунные свойства, способность разрушать эти чужеродные белки. На основании этого факта Гайер и Смисс берут орган специальной структуры, как хрусталик глаза кролика, и обнаруживают, что если впрыснуть хрусталик в кровь курицы, то в крови курицы вырабатывается цитолизин, разрушающий белок хрусталика. Если у этих кур вять кровь и впрыснуть кролику, то получим у него разрушение хрусталика и слепоту. Этот факт не новый, он известен в ранее сделанных работах из области иммунитета. Ново только то, что в опытах Гайера и Смисса при исследовании потомства кроликов, которые получили экспериментальную слепоту, вследствие впрыскивания цитолитической крови, оказалось, что потомство таких кроликов дает в результате большой процент слепых. Эти опыты имеют уже опровержение со стороны других ученых, как это указывают Филиппченко и Морган в выпущенной недавно ими брошюре. Филиппченко утверждает, что точка зрения наследования не доказывается работами Гайера и Смисса, так как самые опыты сомнительны. Но Филиппченко, когда писал свою статью, не знал второй работы Гайера и Смисса от 1924 г. (в *Biological Bulletin*), которая приводит к исключительно убедительным и ценным заключениям, вплоть до того, что этим экспериментаторам удалось получить картину менделирования слепоты, передающуюся не только через мать, но и через слепого отца. Таким образом эта работа дает ценную и законченную картину, подтверждающую и углубляющую первое исследование. Вывод тот, что, с одной стороны, эндокринные факторы, с другой стороны, химические иммунные агенты подтверждают ожидания, что в организме могут быть физиологически понятные механизмы,

при помощи которых футляр может повлиять на зародышевую плазму.

В дополнение к этому могу сделать сообщение об одном факте, — не окончательно, но дающем в этом смысле свое подтверждение, — факте наличия тесных взаимоотношений щитовидной железы с половую. Наряду с опытами на амблистомах, мной был открыт новый факт специфического формообразовательного влияния щитовидной железы на кур. Если кормить щитовидной железой курицу и других птиц, они линяют и у них вырастают белые перья. Вот другой факт, кроме описанного влияния на амфибий, где мы имеем специфическое влияние эндокринного органа и где я имею право ожидать, что этот ряд изменений отразится на потомстве. Эти опыты нами уже начаты, и на пути к ним мной обнаружен довольно интересный факт, который также подтверждает теоретические ожидания. Изучая влияния щитовидной железы на половые железы, я имею окончательно установленный факт, что кормление щитовидной железой резко действует на половые железы: оно вызывает уменьшение яичка у петуха и целую группу патологических изменений в яичниках у курицы. Желтки у кур перерождаются и дают кисты, самые яйца, которые кладутся в этот момент, дают уродливые изменения. Мной, наконец, проделан был такой опыт. Я по другому поводу уже убедился, что гормон щитовидной железы, съеденный курицей, плавает в ее крови в течение нескольких дней. В этом я убедился путем всаживания в аксолотлей крови из кур, накормленных незадолго перед тем щитовидной железой: аксолотли неизменно превращаются в амблистом. Затем я брал из курицы, накормленной щитовидной железой, не только кровь, но и другие разнообразные органы, при чем получалась такая картина: в печени оказывается гормон в наибольшем количестве, в прочих органах в меньшем, в мышцах совсем нет; но что исключительно для нас важно, это то, что гормон, несомненно, фиксируется в яичниках. Это доказано тем, что яичник, будучи всажен в аксолотля, дает частичные симптомы метаморфоза, хотя и не доведенные до конца. Полученное небольшое насыщение яичника гормоном, очевидно, недостаточно для полного метаморфоза, но достаточно для первых его стадий. В данном случае, поскольку речь идет об эндокринных органах, химические агенты, гормоны, могут влиять на половые клетки. Если мы суммируем эти факты, то это приводит к тому убеждению, что мы не можем принять в ее частом виде схему независимости зародышевой плазмы и должны допустить, что при известных условиях, если речь идет о влиянии химических факторов, мы можем действительно представить себе влияние сомы на наследственную плазму. Самая механика передачи влияния от телесного футляра зародышевой плазме может быть в этом случае теоретически понятна и если не окончательно, то частично подтверждается для меня опытами Гайера и Смисса. Эти факты звучат достаточно убедительно, чтобы продолжать развивать их дальше и надеяться получить в ближайшие годы окончательный ответ. Такова оценка этой, чисто вейсмановской, точки зрения. Когда я вы-

сказываю это положение, то мне скажут, это есть чистейший ламаркизм. Позвольте оправдаться и показать, почему высказанное выше не считаю ламаркизмом.

* * *

Основной грех ламаркистов—это догматический, схоластический подход к проблеме, который толкает их общо и огульно рассматривать всю проблему наследования приобретенных признаков. Это именно тот исходный грех, который до сих пор побуждает ламаркистов ставить вопрос такого порядка: они излагают историю вопроса, начиная с опыта Вейсмана, и готовы признать спорность связанных с ним вопросов. Они готовы признать недоказанными опыты Гетри, М. де-Шовен и т. д. Но так как они не допускают сомнений в опытах Каммерера, то отсюда они идут вновь назад и на основании опытов Каммерера (требуемых, между прочим, также еще своей прочерки) они считают себя в праве считать верными опыты Гетри и т. д. и т. д. вплоть до отрезанных хвостов. Для ламаркиста до сих пор истина, указанная Тимирязевым, что вопрос о законах изменчивости и наследственности есть задача экспериментальной физиологии и что он имеет не один ответ, а „несметное число“ ответов, все еще остается непонятой. Это стремление решать биологические проблемы общими формулами и неумение произвести „дифференциальный диагноз“ в интересующем нас круге вопросов в корне противоречит основным принципам естествознания и привносит в него ненужный элемент предвзятости и ничем не оправданной дедукции. Мне кажется, что исходный грех, который не может примирить с позицией ламаркизма,—это догматический подход к проблеме, которая по существу своему не может иметь единого решения. Как представитель экспериментальной физиологии, я ожидаю и требую более углубленного анализа самой возможной механики явления, и в этом отношении для меня совершенно неотожждественны вопросы о наследовании механических превращений или результатов упражнения и наследования некоторых специфических случаев такого специального значения, как влияние химических агентов. Вот почему, когда я встречаю ламаркиста с его фактической, бессмысленной верой в наследование отрубленных хвостов, то я готов признать, что он „не ведает, что творит“, и оправдать его неискусностью в методах элементарного физиологического эксперимента; но мне с такими ламаркистами еще менее по пути, чем с неodarвинистом типа Вейсмана. А в подтверждение того, что я не утрирую, упомяну, что ко мне обращался лишь несколько лет тому назад один из видных биологов, стоящих на точке зрения ламаркизма, с такого рода предложением: так как я отсеваю нередко уши у кроликов для работ по методу Кравкова, то не предпринять ли нам вновь исследование наследования отрезанных ушей у кроликов. Этот факт показывает, что у меня нет утрировки. Мне было довольно трудно доказать, что если я признаю возможность наследования тенденции к метаморфозу у амблистом, то принять наследование отрезанного уха моя биологическая совесть мне не позволяла. Вот почему моя позиция не есть позиция ламаркизма,—

это позиция, которая прежде всего ищет разрешения каждой части проблемы и притом подчеркивает, что положительное решение может быть получено лишь в виде исключения и в ограниченном количестве случаев. Большинство случаев, подвергнутых анализу методами экспериментальной физиологии, оказывается не в пользу ламаркизма.

Позвольте теперь сделать дальнейший шаг нападения на ламаркизм и подчеркнуть, что, как это ни удивит многих, для меня не будет ничего трагического в том, если попытки получить наследование в моих опытах с аксолотлями и курами не приведут к положительному решению. Здесь вопрос приводит нас вновь к задаче чисто методологического характера. Абсолютно ложной является точка зрения, якобы позиция, признающая влияние внешней среды, требует непременно принять наследование признаков в смысле ламаркизма. Если бы наследование не было бы доказано вопреки усилиям ламаркистов, это не было бы трагично. Почему? Потому, что кто, собственно говоря, доказал, что для того, чтобы признать, что внешняя среда может влиять на зародышевую плазму, непременно нужно, чтобы зародышевая плазма получала изменения, однозначные с изменениями соматического агента, как шитовидная железа, вызывает на телесном футляре метаморфоз, а у потомства амблистом даст другого порядка изменения—уродливость в виде искажения челюсти, изуродования конечностей и т. д.? Почему это не предположить? Это ведь тоже будет влияние внешней среды, и является тем, что только и требуется присоединить к принципам чистого дарвинизма, чтобы вопрос был разрешен.

С этой точки зрения я считаю нужным подчеркнуть, как это многим ни покажется странным, что необходимо отрешиться от заблуждения, якобы учение Ламарка в области биологического мировоззрения сошло с мировоззрением диалектического материализма в признании наследования приобретенных признаков. Это безусловно ошибочно. И я даже скажу, что здесь имеется некоторая демагогия со стороны современных ламаркистов-марксистов, когда они утверждают и пугают нас, что, если мы-де не признаем наследования признаков, отсюда как будто бы должен свет разрушиться. Нет. Нужно определенно понять, что, в конце концов, при современном подходе к этой проблеме взаимоотношений внешней среды и внутренних факторов проблема наследования приобретенных признаков есть частность, имеющая большой, но узко-биологический интерес. Именно в силу этого для меня мои опыты представляют исключительный интерес. Отрицательные результаты меня не испугают, потому что основное положение о том, что внешняя среда влияет на потомство,—это факт. Я считаю действительно доказанным тот факт, что, напр., алкогольное отравление родителей отражается на потомстве, но здесь нет места факту наследования приобретенных признаков в смысле ламаркизма. Именно эти неоднозначные изменения в потомстве убеждают меня в том, что вопрос об изменении есть вопрос биологический, физиологический, а не вопрос принципиального порядка. Вот почему, хотя я

подчеркнул известные ожидания в своих собственных опытах, говорящие за ламаркизм, я подчеркиваю, что я не признаю ламаркизм в его чистом нетронутым виде.

II.

Позвольте в нескольких словах резюмировать первую часть доклада. Начал я ее с исторического обзора и с исторического оправдания этого спора между ламаркизмом и неodarвинизмом. Окончательный итог, к которому я прихожу,—это тот, что спор между ламаркизмом и неodarвинизмом в их чистом виде является спором неоправданным и в значительной мере схоластическим, в той мере, в какой люди смотрят на разные стороны вещи или спорят о разных вещах. Синтез для ламаркизма и неodarвинизма ясно мною мыслится по той линии, по какой идет в своих трудах Дарвин и в лучших своих выступлениях К. А. Тимирязев. Поскольку речь идет о проблеме наследования приобретенных признаков, то та острота спора, которая здесь имеется и которая вовлекает в себя и чистого марксиста-философа и марксиста-общественника, считающего, что здесь затрогивается жизненный нерв его интересов, эта острота спора не оправдана. В конце концов, вопрос о наследовании приобретенных признаков, как он ставится теперь,—это узкая проблема экспериментально-физиологического характера, которая не имеет общего решения, а может иметь ряд частных решений, в одних случаях за наследование, но, несомненно—в большинстве случаев, против наследования. В этом отношении моя позиция ближе к позиции дарвинизма, чем к позиции ламаркизма. И третье положение, что само противопоставление ламаркизма дарвинизму, поскольку оно переводится в плоскость идеологического спора, не оправдывается, потому что линия раздела между витализмом и механизмом в биологии, между идеализмом и материализмом в области философии идет не по линии раздела ламаркизма и дарвинизма. И среди ламаркистов мы имеем здоровое ядро, которое пытается укрепиться на позиции механо-лармаркизма, но среди них значительно преобладает группа психо-лармаркистов, которая почему-то просматривается нашими марксистами-общественниками; между тем, ламаркистская позиция в ее чистой форме неизбежно приводит к метафизическим выводам: если механо-лармаркист не прибегает к помощи естественного отбора, отвергает его, то он все-таки попадает на шаткую позицию, которая приводит его к какому-то „физико-химическому строению белков“. Как ни убедительно звучит эта берговская ссылка на физико-химию, это не пугает меня, потому что за этим не скрывается никакого конкретного содержания, а по своему существу всякому материалисту-биологу дай бог подалее от таких материалистических позиций, как позиция чистого механо-лармаркизма. Также и среди дарвинистов мы имеем здоровое ядро, но, поскольку они пытаются выдержать чистую линию, они или впадают в метафизику Лотси, в худших формах идеи о вечности жизни или соглашаются с пози-

цией Филиппченко об автогенезе, которая точно так же упирается в метафизическое понятие автогенных внутренних сил, не имеющих своего объяснения. Поэтому я прихожу к такому заключению, что самая острота спора изжила и является архаической. Синтез же дарвинизма и марксизма, дарвинизма и ламаркизма имеется, намечен и может быть осуществлен, и он должен быть теперь выражен в более точных терминах, чем это было дано Тимирязевым и Дарвином. Встает потребность в современной терминологии и методологии.

Но это не освобождает меня от обязательства перейти к более тонкому анализу вопроса, но даже принуждает меня более точно определить свою позицию. В этом споре ламаркизма и дарвинизма дело не ограничивается исключительно спором о принципиальных вопросах. Имеется другой вопрос, о взаимной роли внешних и внутренних факторов и определении процесса эволюции. Это противопоставление часто выражается в понятиях преформизма или эпигенезиса. В этом отношении всякий дарвинист бесконечно больше доверяет принципу влияния внутренних наследственных масс. Всякий ламаркист подчеркивает преобладающее влияние внешней среды. Что же, те соображения, которые я высказал, к какой точке зрения меня приводят? На этот прямой вопрос я определенно отвечаю, что все данные цитологии, биологии и физиологии подчеркивают преобладающее значение преформирующих факторов, т.е. факторов структуры наследственной плазмы, внутренних наследственных масс. Какие данные к этому приводят? Прежде всего сама диалектика, история всей проблемы. Нельзя не признать, что в этой борьбе ламаркизма с дарвинизмом, конечно, ламаркистам пришлось оставить гораздо дальше свои позиции, гораздо дальше отступить, чем дарвинистам, и если сейчас у ламаркиста остаются еще известные надежды доказать влияние внешних факторов на зародышевую плазму, то это концентрируется вокруг узкого круга влияний химического и физико-химического характера. Что касается наследования механических повреждений и принципа упражнения и неупражнения, то они себя не оправдали, а на основании тех фактов, которые я лично получил в работе с аксолотлями и с которыми я не могу не считаться, я вынужден признать, что даже в моей постановке проблемы, я должен был перед лицом фактов отступить от первоначальных своих ожиданий. Чтобы найти спасение для ламаркистского принципа в моих опытах с амблистомами, мне пришлось отступить, скрыться за соображения Тауэра, что нужно найти особый момент в развитии яйца, когда внешние влияния смогут повлиять. Все это вытекает из факта, что первое поколение моего потомства амблистом не подчинилось влиянию. В этом отношении, если суммировать все данные, которые исторически нами добыты, мы должны сказать, что мы приходим к заключению, неожиданному даже для самого Дарвина, который допускал в последние годы своей жизни влияние внешней среды в довольно широких пределах,—к неожиданному выводу об исключительной устойчивости наследственной массы, которая предохраняет ее от влияния внешних факторов. Я предлагаю назвать это явление принципом инерции наследственной массы. Эта инерция наследственной массы, не

только не является неожиданной, но опять - таки физиологическое объяснение ее дается на основании всего материала, который мы имеем. В самом деле, для того, чтобы получить влияние внешней среды, мы должны учесть, что зародышевая клетка имеет целый ряд заградительных линий, которые предохраняют ее от внешних воздействий. Если мы возьмем грубую схему, то, для того, чтобы внешние факторы повлияли на зародышевую клетку, они должны воздействовать прежде всего на ее футляр, который является предохранителем зародышевой клетки от нездоровых воздействий, потому что прежде, чем внешние факторы достигнут зародышевой плазмы, они должны преодолеть это сопротивление кожномышечного футляра и кровяного русла. Но физиология нам показывает, что химизм крови отличается исключительной устойчивостью. Как частности, приведу то, с чем приходилось сталкиваться в моих личных работах. Я исследовал по совершенно иным методам вопрос о влиянии цитовидной железы на ферменты крови. В недавних работах проф. Баха был указан метод определения ферментов крови, который обещал широкие перспективы в изучении влияния внешних факторов и различных патологических процессов на ферменты крови. Несмотря на самые грубые воздействия, к которым я прибегал в своих опытах, я получал во всех случаях все тот же показатель ферментов крови у собак, что указывает на исключительную устойчивость химизма крови по отношению к внешним воздействиям. Такие же факты описаны в десятках опытов других исследователей. Это приводит к убеждению, что среда крови отличается исключительной устойчивостью. Но для того, чтобы внешняя среда повлияла на зародышевую плазму, она, как правило, должна преодолеть буферную среду, представленную кровяным руслом. Но если мы даже допустим, что состав крови изменился, химизм крови стал иным, для того, чтобы она повлияла на зародышевую клетку, она должна преодолеть еще одно новое сопротивление, потому что зародышевая клетка обыкновенно облечена промежуточной тканью, которая, по видимому, имеет функцию защиты и, может быть, питательные функции. Необходимо иметь в виду, что и для самой клетки и для зародышевой плазмы кровь является внешней средой, от которой она имеет свои способы защиты. Если представить себе это, и должен признать, что было бы очень странно, если бы положения ламаркистов оправдались в той мере, как они ожидают, если бы каждое влияние внешней среды сейчас же отражалось бы в зародышевой клетке. Нет, она отлично защищена от внешних влияний, и этим я объясняю все неудачи ламаркизма получить изменение на потомство. Теперь я подойду к этому вопросу с точки зрения обще-биологической: могла ли бы мы понять эволюционный процесс, если бы допустили легкую податливость зародышевой плазмы на влияния среды? Вместо закономерного хода эволюции мы должны были бы в таком случае признать какую-то кашу, какой-то хаос в эволюционном процессе. А между тем история развития органического мира показывает на известную устойчивость этого процесса, его направления. На это мне возражат: это значит притти к признанию внутренних автогенных мистических сил. Ничего подоб-

ного. С точки зрения диалектики разве мы не в праве сказать, что то, что мы называем внутренними свойствами зародышевой плазмы, есть не что иное, как то же влияние внешней среды, но накопленных, аккумулярованных в течение веков предшествующей эволюции? Вот еще одна методологическая ошибка ламаркистов, когда они говорят о роли внешней среды. Они понимают влияние этой внешней среды, как силу статическую, зависящую лишь от состояния данной минуты. Мне кажется странным, что марксисты-общественники в этом отношении признают как будто бы родство этой позиции с диалектикой, когда она в корне противоречит основе всех марксистских концепций. Если мы не смотрим на организм, как на действительность, созданную лишь сегодня, и не забудем, что он имеет свою историю, долгую, как вся эволюция, которую организм прошел от первичного комочка жизни, мы должны задуматься над вопросом, что же должно преобладать в определении судьбы каждой данной особи, влияние ли данной минуты и сегодняшнего дня, или влияние всей своей предшествующей истории. С этой точки зрения для меня опять-таки методологически неприемлемы позиции ламаркизма. Для меня понятнее позиция преформистов, которая утверждает влияние внутренних наследственных масс для организма. Данная клетка зародыша продолжает те движения, тот толчок, которые были даны первоначально предшествующим поколениям. Вот почему, если мы так будем понимать это соотношение внутренней и внешней среды, у нас, конечно, не будет совпадения ни с позицией ламаркизма, ни с позицией Филиппченко с его автогенезом, в которой метафизически противопоставляются друг другу принципы внешних и внутренних сил, без учета их взаимодействия и взаимопроникновения в их историческом прошлом. Для Филиппченко и для ламаркистов это две вещи, которые не имеют между собой какой бы то ни было внутренней связи. Для меня внутренние факторы являются не чем иным, как частью внешней среды, ибо вся жизнь в целом возникла из внешней среды, на первых стадиях эволюции. Можно думать, что после первого зарождения живой плазмы внешняя среда несомненно гораздо ближе, непосредственнее могла влиять на изменчивость этой плазмы, но по мере того, как накапливались предшествующие влияния, как определялся естественный отбор некоторых форм жизни, мутаций, которые выросли из первичных зачатков жизни, эти ветви выжили именно потому, что обладали устойчивостью и пластичностью своей организации. С этой точки зрения, если ставить вопрос о взаимоотношениях преформистов и ламаркистов, для меня вопрос решается в сторону преформизма, потому что он учитывает историю организма, а не только влияние данной минуты, которая должна иметь меньший удельный вес.

Если так формулировать вывод, остаются 3 соображения, которые переносят нас в плоскость социальных рассуждений. Тут мы сталкиваемся с тем явлением, что все-таки почему-то современные марксисты предпочитают и чувствуют гораздо большую симпатию к концепциям ламаркистов. Я изложу хотя бы из своего личного опыта. У нас каждый год в Свердловском университете первое прикоснове-

ние студентов-свердловцев к понятиям генетики, которая предпочитает примат преформистских факторов, вызывает упреки: „Генетика—наука буржуазная. Это наука, которая неприемлема для марксиста“. Она противоречит всем предвзятым точкам зрения, с которыми марксист приходит к нам—биологам. Объясняется это тем, что есть предпосылки, молчаливо принятые, которые как будто убеждают в пессимистическом характере этой преформистской философии. Это потому, что выводы генетики приводят нас к некоторым социальным рассуждениям и воззрениям, которые почему-то считаются непремлемыми для марксизма в общественедении. Как аргументирует свердловец?

Марксизм его учит, что человек есть продукт социальных условий, внешней среды. И поэтому всякий рабочий, всякий свердловец, который приходит к нам, считает, что изменение социальных условий открывает для него неисчерпаемые возможности, что достаточно изменить социальные условия, как его личность, индивидуальность получает возможность сделаться всем тем, чем бы он хотел быть. В ответ на это генетика подчеркивает значение наследственной массы. Она вносит ограничения в эти чаяния каждой особи, каждого индивида. И это естественно рождает агрессивную предпосылку: „Генетика—наука буржуазная, придуманная специально буржуазными биологами, чтобы поставить преграды для движения рабочего класса“. Эта точка зрения поддерживается несомненно—сознательно или бессознательно—представителями буржуазной биологии. В этом отношении другим фактором, который рождает такую агрессивную предпосылку против генетики, является то, что биологи, в лице современных евгенистов, пытаются оправдать законами биологии свою буржуазную психологию и свои антипролетарские воззрения и тенденции. Как рассуждает буржуазный евгенист? (Правильно ли это мы сейчас обсудим?). Его точка зрения такова: генетика и преформистские схемы подчеркивают значение наследственных масс; но, говорит буржуазный евгенист, отбор лучших наследственных евгенических качеств был уже совершен в прошлом и выразился он в том, что лучшие генетические задатки были собраны в высших классах: интеллигенции, буржуазии и т. д. Я беру остро, но это факт, который мы все хорошо знаем, что в современном евгеническом обществе такие рассуждения были; факт, что еще не так давно там можно было слышать такие речи, что поскольку в настоящее революционное время власть находится в руках рабочего класса, поскольку рабочий класс размножается сильнее, чем интеллигенция, это якобы составляет факт противоевгенический; что революцию нужно понимать, как фактор, противоречащий идеальному будущему. Эта позиция действительно принята буржуазными биологами и проскальзывает между строк даже у Филиппченко, который очень осторожно и вдумчиво относится к высказыванию своих мыслей. Но эта позиция вызывает обратную реакцию со стороны биолога, который хочет занять позицию марксистскую. И вот мы видим, со стороны Волоцкого и других, реакцию совершенно неожиданного характера. Вместо того, чтобы проанализировать выводы, которые делали биологи из группы генетиков, он просто шарахается в сторону, заявляя о том,

что не принимает генетики и ищет спасения в законах ламаркизма. Спрашивается, насколько это верно, и не должны ли мы в данном случае вступить в бой с той группой марксистов, которые с моей точки зрения дают основание обвинять нас в неустойчивости научного мировоззрения и даже просто в научном невежестве? Правильно ли делают выводы из генетических законов? Я здесь выскажу неожиданную мысль, что, по существу говоря, несомненно позиция ламаркизма в своих выводах была бы гораздо пессимистичнее для нас, чем выводы преформизма¹⁾.

Возьмем настоящий, правильный анализ этих вещей. Чем учат выводы ламаркизма? Ламаркизм говорит, что судьбы телесного футляра передаются потомству и в этом отношении всякого рода ухудшения в положении телесного футляра неизбежно должны отразиться и на зародышевой плазме. Какие социальные выводы мы должны сделать из этих ламаркистских принципов? Выводы такого порядка, что если рабочий класс и крестьянство в течение сотен лет находились в состоянии социального и физического угнетения, которые в конце концов приводили их к вырождению, то отсюда нужно считать, что действительно правы те генетики от буржуазии, которые говорят о черной и белой кости, потому что тогда действительно в течение ряда веков расслоение общества на классы выделило две различные расы: черную и белую кость. Тогда мы должны были бы сказать, что рабочий класс не в праве брать власть в свои руки, являясь генетически несовершенной частью классового общества. В таком случае мы должны признать, что революция есть фактор, ведущий к регрессу, а не к прогрессу общества.

Я думаю, что я прав в этом рассуждении. Какие позиции дают генетика и преформизм?

Они нам говорят, что, несмотря на то, что телесный футляр рабочего и крестьянина находился в состоянии векового угнетения, несмотря на то, что он не доседа, все это не отразилось на его генетических наследственных качествах, и это совершенно не препятствует ему из своей среды выделять единицы, в смысле генетическом равноценные тому, что дает буржуазный класс. Лишь в этом случае мы можем понять, почему после революции из рабочих и крестьян выходили и гениальные политики, и гениальные военачальники, и государственные деятели.

¹⁾ Так как я был неправильно понят во время последующей после доклада дискуссии, то считаю своим долгом вновь подчеркнуть, что я отнюдь не повинен в той ошибке, когда чисто биологические вопросы решаются, исходя из посторонних соображений, выгодны или невыгодны выводы науки для нас. Несомненно, что если бы выводы ламаркистов получили свое научное оправдание на основании данных биологии, мы были бы обязаны их принять, несмотря на то, что они невыгодны для нас с точки зрения интересов революции. Поэтому настоящее соображение отнюдь не следует понимать так, якобы я оправдывал тех т. т. общественников, которые примыкают к тому или иному течению в биологии только потому, что оно нравится или не нравится их предвзятым концепциям. Наоборот, я считаю, что именно общественники часто грешат тем, что они косно отстаивают свои предвзятые идеи, не глядя на факты и выводы, уже бесспорно полученные в биологии (примеч. при правке стеногр.).

Если так поставить вопрос, то есть ли у нас основание пугаться генетики и шарахаться от нее, или, наоборот, мы это оружие направим против буржуазных евгенистов, которые готовы были до сих пор использовать его для своих целей? Несомненно, что только наша невооруженность научными знаниями позволяла таким евгенистам, как Кольцов и его сподвижники, терроризировать нас жупелами якобы противоевгеническим характером революции и сделать из евгеники помойную яму контр-революционной идеологии.

Не вдаваясь в детальный анализ всех ошибок буржуазных евгенистов, отметим, что они, прежде всего, не понимают той элементарной истины, что самая проблема лучшего или худшего генетического материала не может быть разрешена методами биологии, но есть предмет социального анализа. Это проблема социального порядка. Оценку генетического материала нужно делать, исходя из классовой идеологии. То, что для Кольцова кажется черной костью и генетически нездоровым материалом, мы считаем материалом гораздо более ценным, чем буржуазный. Буржуазный пророк евгеники, переносящий свои выводы в область социологии, не додумался до той истины, что генетика есть не чистая наука, наука теоретическая, а прикладная, и как прикладная наука подчиняется идеологии того класса, который держит власть в руках. Во-вторых, если даже принять, что мы кое в чем сойдемся в оценке генетического материала, разве тот отбор генов, который происходил в капиталистическом обществе, — разве он мог дать, отсеять лучшие гены и худшие? Вообще говоря, мы приняли с победой революции лишь сырой генетический материал, из которого власть будет строить новые евгенические программы. Они не сойдутся с той оценкой, которую дают старые евгенисты, но несомненно, что знание фактически существующих в природе законов наследственности даст со временем нам власть и возможность, в ускоренном темпе, способствовать „улучшению человеческой породы“.

Вот та позиция, которая, мне кажется, прежде всего должна понять исходную ошибку, которую часто делают марксисты-общественники, и где мы часто друг друга не понимаем. Законы генетики показывают, что мы не можем из каждого человека сделать Ленина или Маркса и т. д., потому что генетические возможности большинства из нас ограничены, но с точки зрения интересов коллектива, несомненно, что выводы преформизма и генетики гораздо выгоднее, оптимистичнее звучат для нас, чем выводы ламаркизма.

В ответ на это утверждение приходится слышать очень много возражений, и надо сказать, что для оживления сегодняшней дискуссии и нарочито поставил такого рода обостренные тезисы, которые вызовут большие нападки со стороны целого ряда общественных групп в пределах наших же союзников — марксистов. Прежде всего, бывают особенно острые возражения со стороны врачей и педагогов, которые не могут примириться с такой позицией преформизма. В чем источник этого непонимания и несогласия? Это объясняется тем, что часто врачи находятся не на уровне современных биологических достижений. Марксисты врачи и педагоги постоянно имеют дело с сомати-

ческим футляром, с отдельными особями, индивидами. И в пределах этих индивидуальных особенностей они не могут не видеть, что этот соматический футляр бесконечно легко поддается воздействию извне. Это они видят из законов патологии, из последствий улучшения социального быта и т. д. На основании этого они не могут примириться с теми утверждениями, которые я высказал, с преобладанием внутренних, преформистских факторов, они доказывают, что преобладает влияние внешней среды, внешних факторов. Каждый педагог знает, что мерами воспитания можно управлять в значительной мере всякой личностью, и не может примириться с противоречащими этому выводами преформизма.

Дело в том, что здесь происходит смешение двух различных понятий. Когда биолог говорит о процессе эволюции, то он в центр своего внимания кладет судьбу зародышевой плазмы, которая одна только важна для определения процесса эволюции. Когда врач говорит о своих наблюдениях, он имеет дело с индивидуальным футляром, который имеет индивидуальные вариации, модификации. Биолог, который говорит, на основании своего материала, о вопросах эволюции, мог бы привести гораздо больше фактов изменчивости соматического футляра, чем могут врач и педагог. В то время, как биолог говорит о генотипических изменениях, общественник, имеющий дело с личностью, подчеркивает судьбу этого футляра, т.-е. фенотипические изменения. Эти понятия о гено-и фено-типах позволяют нам все эти изменения, которые смущают общественника, дифференцировать и разрешать. Поэтому нужно подчеркнуть, что когда я выступаю с этими подчеркнутыми принципами преформизма, то имеется в виду, прежде всего, общая проблема факторов эволюционного процесса, характера и направления эволюции. Но не исключается совершенно задача изучения в самых широких пределах влияния внешней среды и социальных условий на соматический футляр. Это только задача такого рода, где биолог кладет предел: вы можете футляр изменять, но все-таки до известной границы, за пределы которых генетические качества, качества наследственных масс, не позволяют переступить. Поэтому если тут и получается взаимное непонимание между марксистами-биологами и общественниками, то можно и нужно найти общий язык для понимания.

Теперь позвольте остановиться еще на одном, последнем вопросе, который часто выдвигается в упрек тенденциям преформизма. Последний аргумент, который приводят ламаркисты, состоит в том, что воззрения, признающие преобладание внутренних свойств, противоречат якобы позиции философского марксизма, т.-е. диалектического материализма. Здесь выдвигается соображение такого порядка, что якобы марксизм подчеркивает влияние внешней среды в ущерб внутренним факторам. Здесь есть заблуждение. Если вдуматься в те выводы, которые диктует нам диалектический исторический материализм, то, наоборот, мы находим полную аналогию в воззрениях биологии и марксизма, которые оба подчеркивают важность факторов исторического прошлого и исторического процесса. В самом деле, если взять аналогию из вы-

водов ламаркизма и евгеники в области исторического материализма, то что мы должны принять в качестве выводов? Выводы из ламаркизма были бы такие Судьбы исторического процесса и судьбы настоящего момента находятся во власти действующих в данную минуту сил. В этом отношении достаточно какой-нибудь сильной группы капиталистов или какой-нибудь сильной группы отдельных личностей для того, чтобы сломить движение исторического процесса в ту сторону, в которую это для нее желательно. Но это противоречит основному положению исторического материализма, которое говорит, что вопреки стремлению личностей, отдельных классовых групп и отдельных интересов мы можем предсказать движение исторического процесса в сторону от капиталистического строя к социалистическому, ибо к этому неизбежно толкает все историческое прошлое человеческого общества, которое ведет к обобществлению производства. В этом отношении если поставить вопрос, были ли правы ламаркисты, якобы позиция преформизма противоречит марксистскому, общественному, социалистическому мировоззрению, я бы сказал: как раз наоборот. Именно преформизм есть то воззрение, которое целиком совпадает с воззрением исторического материализма, которое указывает на известную предопределенность исторического процесса, вопреки влиянию или стремлению отдельных групп.

Я бы не хотел быть неверно понятым и подчеркиваю, что хотя и там и здесь подчеркивается преформистский принцип, он не исключает влияния данной минуты. В области самой системы воззрения преформизма я все время подчеркиваю, что в известных условиях внешняя среда может и должна влиять на зародышевую плазму. Точно так же марксисты, изучающие исторический процесс, подчеркивают, что личности, объединенные в коллектив, могут ускорять и задержать естественный процесс. И в этом случае важно, что мы смотрим на эволюцию биологическую и социальную, как на известного рода закономерное движение, которое в своем направлении на значительную долю, на $\frac{3}{4}$, на 90 %, опирается на историческое прошлое, на инерцию этого процесса.

Прения по докладу Б. М. Завадовского.

Троповский. Товарищи, я хотел бы поставить несколько вопросов. Первый — в связи с первой частью доклада. Меня интересует такой вопрос: как вы думаете, тов. Завадовский, если бы здесь был Вейсман, очень ли бы он возражал против первой части доклада? Мне кажется, что особенной принципиальной разницы в постановке вопроса вами и Вейсманом нет. Дело в том, что Вейсман не отрицал непосредственного влияния на зародышевую плазму целого ряда факторов, химических, например. Он не отрицает, что алкоголизм влияет на потомство, но результат этого влияния не считает „приобретенным“ признаком. Он считает, что алкоголь через организм влияет на зародышевую плазму и на потомство. К тому же это влияние недолговечное, неустой-

чивое, не создает никакого „признака“. Таким же образом заразные болезни, бактерии, непосредственно внедряясь в зародышевую плазму, влияют очень сильно на потомство. Он этого не отрицает. Мне представляется, что принципиальной разницы в свойствах этих химических факторов, ядов, и во влиянии так-х химических факторов, как гормоны, разницы нет. Принципиально они тождественны. И таким образом, мне кажется, что, говоря об этих явлениях которые Вейсману не были знакомы, докладчик вносит известный корректив, известное дополнение, но никакого новшества, которое имело бы более серьезное значение. Вейсман не спорил бы особенно из-за этого, потому что для него были не так важны явления непосредственного влияния на зародышевую плазму, для него было непонятно и необъяснимо, каким образом может какая-нибудь метаморфоза организма быть передана, каким образом появление органа, вызываемое упражнением или влиянием внешней среды, может отразиться на потомстве, передаваться зародышевой плазме, именно это, что было дорого ламарки там, и являлось противоречием теории естественного отбора. Каким путем эти индивидуальные изменения могут передаваться потомству? И серьезным ударом для Вейсмана и неодарвинизма было бы, если бы тов. Завадовский или, вернее, ламаркисты показали, что появление какого-нибудь признака, вызванное воспитанием или упражнением органа, вызывается действием гормона и что это процесс обратимый, что появление такого признака может вызвать появление в организме какого-то химического эквивалента, который, проникши в зародышевую плазму, вызывает в потомке образование такого же органа. Тогда, конечно, Вейсман был бы разбит совершенно. Но именно против такого представления, представления, что это — процесс обратимый, который может повлиять и передаваться каким-нибудь путем (в данном случае через химические гормоны), через зародышевую плазму потомству, против этого выступал Вейсман, и острота спора, конечно, была обусловлена известными социальными моментами, вопросами социальной практики, на которые указывал тов. Завадовский. Здесь шел вопрос о всем нашем воспитании, о физкультуре, об условиях нашей жизни, можем ли мы этим улучшить род человеческий и добиться прочных результатов. Это был важный вопрос для буржуазного общества, которое не мыслило других путей, как воздействие на индивидуум. Это был очень острый вопрос. Здесь, кажется, лежит крайняя острота вопроса о наследовании приобретенных признаков, или не наследовании их, и конечно, корректив, внесенный тов. Завадовским, ничуть в этом отношении остроты вопроса не ослабил. Ибо вопрос остается и остался таким же. Говоря его же словами, можно сказать, что „воз и ныне остался там же“, только обогащенный некоторыми новыми фактами. Этот вопрос я хотел поставить в связи с первой частью доклада.

Перехожу к вопросам социального порядка. Меня не совсем удовлетворили те „утешительные“ выводы, которые тов. Завадовский сделал в области социальной. Дело в том, что если мы будем спорить о том, что нас приводит к менее пессимистическим выводам, — наследование приобретенных признаков или преформизм, мы, конечно,

запутаемся в необычайной схоластике. Нам придется выяснить природу тех черт, которые сейчас являются у рабочего отрицательными, которые мы бы хотели уничтожить. Являются ли они признаками внутреннего порядка, являются ли врожденными, вечными, или только воспитанными веками угнетения. Тут мы конечно, не выбрали бы из бесконечного спора с буржуазными учеными и ни к каким практическим результатам не пришли бы. И мне кажется, что для нас, марксистов, гораздо более утешительной была бы другая постановка, единственно правильная. Мне кажется, для нас этот вопрос, этот спор с точки зрения социальной практики совершенно потерял свою остроту, потому, что марксисты, конечно, не базируют своей социальной практики на влиянии наследственного укрепления каких-нибудь биологических признаков человека или передачи их. Они базируют свою социальную практику на создании соответствующей социальной среды и на закреплении целого ряда положительных моментов в этой среде; они не стремятся закрепить, создать новый лучший организм, новые черты организма, передающиеся по наследству, а стремятся создать такую среду, в которой всякий организм, будь он с врожденными или приобретенными признаками, попавши в эту среду, в этой среде будет жить наиболее нормальной и творческой жизнью. На это возлагает коммунизм все свои надежды, он считает, что марксистская идеология, отставляя на второй план чисто индивидуальные черты человека, показывает, что в обществе на первом плане огромное, первостепенное значение имеет та „искусственная“ среда, технико-социальная, которая формирует всю психологию, всю жизнь современного человека. Это не значит, конечно, что мы не должны воспитывать человека, заниматься физкультурой и т. д., потому что ни ламаркисты, ни вейсманисты не отрицают возможности непосредственного изменения человеческого организма. Каждый индивид в течение своей жизни, конечно, может преобразовываться, внешняя среда на него действует. Мы можем его улучшить и не улучшить, испортить. И если мы создаем такую социальную среду, которая будет положительно влиять на каждый организм в течение его жизни, то нам не так важно наследственно закреплять эти положительные черты. Нам нужно создавать, развивать, закреплять „наследственно“ определенный социальный строй, а не индивидуальные черты. Определенной социальной средой и ее дальнейшим развитием — вот чем мы обеспечиваем будущее человечества. И я полагаю, что с этой точки зрения, с точки зрения социальной практики, для нас становится почти совершенно неинтересным этот острый спор, который был чрезвычайно важным в индивидуалистической точке зрения буржуазных ученых, не видевших этого пути прогресса, который мы видим в изменении социальной среды. Для нас этот вопрос остается чрезвычайно важным с точки зрения научной биологии и с точки зрения биологической техники. Конечно, он сохраняет научную силу и значение, но с точки зрения социальной практики — он второстепенный. Вот замечания, которые я хотел сделать.

Слепков В. Мне представляется, товарищи, вопрос, поднятый т. Завадовским о взаимоотношении внутренних и внешних факторов

эволюции, далеко не так просто разрешимым в этой формуле „и-и“, и внешние факторы и внутренние факторы, как думает т. Завадовский. Я думаю, что ближайший анализ вопроса позволяет защищать и несколько другую точку зрения. В частности я считаю, что роль внешней среды в процессе эволюции играет не такую роль, какую отводит ей т. Завадовский. Какова роль и значение факторов, определяющих эволюционный процесс, если исходить из самого общего биологического определения сущности жизни, которое имеется в нашей материалистической биологии? Дело в том, что если мы возьмем наших автогенетиков, людей, которые весь эволюционный процесс представляют себе, как процесс разворачивания внутренних потенций, заложенных в самих организмах, им, примерно, могут послужить образцовым определением жизни следующие слова Берга: „Жизнь есть внутренний процесс“ — и только. Они считают, что этими словами исчерпали сложность жизни целиком. Стоя на такой методологической позиции, они позволяют себе очень крупные ошибки. В противоположность им есть другая яркая, точная формулировка жизни, как двуединого процесса, который основан на внутренних и внешних факторах. Дело в том, что реальные организмы никогда не живут, не существуют вне определенных условий внешней среды, давления, температуры, влажности и пр. и пр. Благодаря этому, оторвать организм от внешней среды, определить его, как внутренний процесс, значит разорвать это единство, эту реальную жизнь, единство, которое существует в природе, значит метафизировать организм, превратить его в абстракцию. Такая методологическая постановка „жизнь есть внутренний процесс“ приводит логически роковым образом к автогенетической концепции, которая говорит о том, что эволюцию организмов двигают внутренние силы, в нем заложенные. Весь процесс эволюции по автогенезу идет телеологически. Каждое явление рождается изнутри. Никакая причина не обуславливает этот процесс. Имеется автогенез, беспричинное развитие. Совершенно естественно, что противоположная точка зрения, точка зрения, рассматривающая организм, как двуединый процесс — внутренний и внешний, приводит к другой концепции, которая не отрывает эволюционного процесса от внешней среды, а рассматривает его в самой живой, тесной связи с внешней средой. Если, товарищи, мы отводили внешней среде в процессе развития индивидуального организма роль необходимого условия, то в процессе эволюции внешняя среда играет более крупную, серьезную, ответственную роль, роль причины, определяющей характер эволюционного процесса. В чем заключается влияние внешней среды? В процессе эволюционного развития оно заключается в том, что, с одной стороны, внешняя среда вызывает изменения, с другой стороны, внешняя среда представляет ту силу, которая завершает эволюционный процесс отбором наиболее приспособленных, отсеивая, отбрасывая тех, кто менее приспособлен, кто не выдерживает борьбы за существование. И в том и в другом случае, и в процессе изменения и в процессе отбора, роль внешней среды есть роль главная, определяющая направление и характер эволюции.

Центральный вопрос доклада т. Завадовского был вопрос о том, что является причиной изменчивости и каким образом в процессе эволюции рождаются изменения органов. Тов. Завадовский развернул картину такого порядка, что зародышевая плазма представляет собой некое вещество, комплекс наследственных свойств, который целиком, рядом преград отделен от внешней среды. Он резко различает понятие, с одной стороны, сомы и, с другой стороны, зародышевой плазмы. Это дает ему основание говорить о том, что внешняя среда не вызывает изменений в зародышевой плазме. Основной характер изменчивости есть изменчивость преформистская, изменчивость изнутри, не вызванная влиянием внешней среды. Объясняется это, товарищи, с моей точки зрения, несколько необудительно. Внутренние факторы, говорит т. Завадовский, представляют собой аккумулярованные силы внешней среды, представляют собой ту же внешнюю среду. Принципиальной разницы между внешними и внутренними факторами нет. Так вопрос ставить, по моему мнению, нельзя. Поставить так вопрос—это значит затереть качественное своеобразие явлений. Внутреннее и внешнее — не одно и то же, и валить их в одну кучу нельзя никоим образом, особенно когда мы говорим о том, каковы причины эволюционного развития, что является главной и основной причиной эволюционного развития. Тов. Завадовский в своей основной исходной точке зрения заявляет: „нужно говорить не“ внешние или внутренние факторы, а и внешние и внутренние факторы“. Таким образом т. Завадовский думает выйти из этого противоречия. Я считаю, товарищи, что постановка вопроса здесь неправильна. В чем заключается, вообще говоря, в научных исследованиях задача исследователя? Она заключается в том, чтобы найти определенную закономерность, определенную причинную связь в данных явлениях. При чем не причинную связь, вообще говоря, не только ее, а задача заключается в том, чтобы во всей сложной картине, которую представляет данный процесс, найти основную движущую пружину, которая управляет данным процессом. В этом отношении наиболее яркой фигурой диалектика, который понимал таким образом причину, был т. Ленин. Он никогда не анализировал вопроса бесформенно, он всегда находил основной рычаг, основную причину, которая позволяет схватиться за этот рычаг. Надо не только рассуждать вокруг явления, но, объяснив его,—изменить это явление. Если мы встанем на эту точку зрения, мы увидим что процесс эволюции должен быть не только зафиксирован, но он должен быть объяснен, мы должны найти основную причину, которая двигает эволюционным развитием. И с этой точки зрения, в этом смысле концепция автогенеза, как главная роль внутренних факторов в процессе эволюции, она меня, по крайней мере, удовлетворить не может. Я считаю, что если мы становимся на концепцию автогенеза, мы становимся на точку зрения беспричинного развития. Положение же тов. Завадовского—„и внешние и внутренние“ причины вопрос об основной причине совершенно неосновательно отбрасывает совсем.

Как появилось каждое отдельное изменение? Если стать на точку зрения автогенеза, оно появилось изнутри, без причины. Тов. Завадовский привел в качестве союзника в этом вопросе Тимирязева. Тими-

рязев говорил о том, что изучение изменчивости—дело не дарвинизма, а специальной дисциплины—экспериментальной морфологии. Нужно отметить, что когда Тимирязев говорил об экспериментальном изучении изменчивости, постановка вопроса Тимирязева представляла собой, прежде всего, изучение влияния внешней среды на сущность организма. В этом разрезе он говорит о законах экспериментальной морфологии. Как влияют факторы внешней среды на наследственный состав организма? Каким образом мы можем искусственно вызвать то или иное изменение? Хотя он говорил, что этого вопроса дарвинизм не предусмотрел, но самой постановкой вопроса он указал на то, что именно внешняя среда играет в изменчивости решающую роль. В конце концов, тот же Тимирязев в других местах сочувственно приводит одну очень интересную цитату из Дарвина, которая несколько по-другому, чем т. Завадовский, освещает вопрос о том, как относились Дарвин и Тимирязев к вопросу об изменчивости организмов. У Дарвина есть в одном письме к Гексли такое выражение: „Если не внешняя среда вызывает каждое отдельное изменение, то что же, черт возьми, вызывает это изменение?“. Такая постановка вопроса дает понятие, что внешняя среда представляет собой ту причину, которая вызывает изменения в организме животного. Кроме того, товарищи, мы встретим в „Происхождении видов“, „Происхождении человека“ немало мест, посвященных критике „внутреннего закона развития организмов“, принципа „прогрессивного усложнения в организации животных“, т.-е. критике разных видов автогенеза, признающего изменения без влияния внешней среды.

Я думаю, что эта точка зрения представляет собой не беспочвенную точку зрения. Целый ряд фактов и экспериментов, которые упоминал и не упоминал т. Завадовский, доказали, что внешняя среда влияет на наследственный состав организма. Как? Непосредственно или через сому (футляр)? Вопрос чрезвычайно спорный. Я склонен присоединиться к т. Завадовскому, что, в конце концов, это—вопрос физиологии, а не вопрос эволюции. Но факта влияния внешней среды на наследственную основу я упускать не намерен, это одно из основных положений материалистической биологии. Так как время истекает, я только еще остановлюсь на вопросе о евгенике. Я счел бы нужным отметить, что, признавая наследственные изменения под влиянием внешней среды и считая, что противоположная точка зрения ведет к автогенезу, к беспричинной эволюции, мы должны на такой же точке зрения остановиться и относительно человека. Что касается замечания насчет того, что внешняя среда должна была бы создать в рабочем классе чрезвычайно отрицательные качества, и, таким образом, революция, выдвинувшая рабочих к власти, стала бы, как говорит т. Завадовский, вредным фактом, то тут—непонимание одного принципиального вопроса. Когда-то т. Плеханов в своей статье против Струве писал о том, что, конечно, преступность в рабочем классе растет,—это объясняется скверным материальным положением рабочего класса, но из этого отнюдь не следует, что положение рабочего класса при капиталистическом строе не вызывает проявления других, положительных качеств: наряду с этим те же самые капиталистические условия вызывают в рабочем классе явления

солидарности, честности, взаимной ответственности, мужества, смелости и осторожности; они родят в рабочем классе благородные личности, личности, которые ставят коллектив выше самого себя. Таким образом, полагать, что при эктогенетической постановке вопроса по отношению к человеку придешь к вредной евгенике,—не следует.

Серебровский, А. С. Я не являюсь оппонентом т. Завадовского по существу, потому что в основных положениях его я с ним согласен, и, наоборот, даже приветствую, что московские биологи начинают, наконец, так открыто и широко ставить вопрос о взаимоотношениях и роли основных течений эволюционной мысли. Дело в том, что если посмотреть на соотношение ламаркистской тенденции и дарвинистской в разных местах земного шара, то, пожалуй, в Москве мы увидим положение, наименее отвечающее истинному положению вещей, которое должно было соответствовать имеющимся в Москве экспериментальным материалам. Ламаркистское течение здесь среди биологов как-то гораздо сильнее, чем где бы то ни было, главным образом, потому, что мы здесь пытаемся более или менее устарелыми фактами, и эволюция наших взглядов несколько отстает по сравнению с эволюцией в западных странах, где исследовательская работа идет гораздо интенсивнее. Поэтому вопрос о ламаркизме, дарвинизме и марксизме должен быть поставлен на обсуждение до конца и обсужден хладнокровно, с принятием во внимание не только симпатий, но и фактов. Вот с этой точки зрения я хотел бы отметить небольшие недостатки доклада т. Завадовского. Он недостаточно острит, по-моему, спор между дарвинизмом и ламаркизмом и сглаживает противоречия между ними, которые ни в коем случае не следует сглаживать. В своих тезисах в первой части он указывает, что необходимо говорить не „или—или“, а „и—и“. С этим я не могу согласиться, моя научная совесть не позволяет с этим примириться. Дело в том, что, употребляя термины дарвинизм и ламаркизм, т. Завадовский употреблял их не совсем определенно. На протяжении спора между дарвинистами и ламаркистами, начиная с самого Ламарка, содержание теории ламаркизма настолько изменилось, настолько многократно претерпевало изменения, что в настоящее время необходимо более определенно оговариваться, что же под словом ламаркизм подразумевается. Если говорить о ламаркизме самого Ламарка, то приходится говорить о давно погребенной теории. Ламарк видел главный фактор эволюции в лице внешних условий, но считал, что внешние условия изменяют потребности организма, его привычки, а уже привычки действуют на самый организм. Тов. Завадовский не совсем верно указывает, что ламаркизм интересуется только вопросом о причинах изменчивости. Его же задача не только в этом. Ламаркизм интересуется вопросом эволюции, и сам Ламарк говорит не только о причинах изменчивости, но и рисует весь ход эволюции органического мира. После того, как в вопросе о наследовании влияние упражнения было сдано в архив, ламаркизм изменил свою формулировку и стал говорить о наследовании изменений под влиянием внешних условий. Вот главный спор и шел по этому вопросу. Но понятие „внешних условий“ и наследование изменений под влиянием внешней среды тоже можно толковать по-разному и содержание

вкладывать двойное. Тов. Завадовский в конце доклада пришел к такой формулировке, что внешние условия могут отразиться на зародышевой плазме, а следовательно—и на потомстве. Настоящему ламаркизму с такой постановкой вопроса нечего делать. Ламаркизму необходимо, чтобы внешние условия отражались на зародышевой плазме именно так, как они отражаются на материнском организме. Ламаркизму необходимо объяснить явление целесообразности и в эволюции явления приспособления и в реакции организма на внешние условия. Если возьмем новейшую книжку о ламаркизме „Очерки по теории эволюции“ Смирнова, Вермеля и Кузина, то там недвусмысленно говорится, что организм попал в пустыню, на него действует окраска песка и у него родится желтое потомство и т. д. Процесс исторический и процесс физиологический грубо смешиваются и для прикрытия этого грубого смешивания ламаркизму необходимо, чтоб на внешнее воздействие и организм, как целое, и его зародышевая плазма, реагировали бы одинаково (точнее—адекватно) и притом целесообразно. Современная генетика с этим не может мириться. У нас нет строго доказанных фактов, чтобы внешние условия повлияли на зародышевую плазму. Кроме случаев изменения числа хромозом, таких факторов нет. И вот, если мы перестанем вкладывать в термин „ламаркизм“ все новое и новое содержание и остановимся на принципе целесообразной реакции, который необходим ламаркизму, то мы должны сказать, что ламаркизму нет места вместе с марксизмом, такой ламаркизм неизбежно должен заключать элементы, подозрительные с точки зрения материализма. Необходимо придется допустить у организма наличие и начальных особых свойств, которые заставляют его целесообразно реагировать и сомой и зародышевой плазмой на эти внешние условия. Именно о такой формуле изначальной целесообразности пишет Берг в своем анализе, имеющем корни в ламаркистской концепции. Поэтому я бы формулировал тезисы т. Завадовского острее. Именно: ламаркизм в том виде, в каком он все время фигурировал, неприемлем с точки зрения марксизма.

Еще один пункт, который заставляет меня высказаться,—это преформизм, который в нынешнем докладе много раз упоминался. Термин преформизм в применении к генетике—московского изобретения, он идет из группы ламаркистов, сосредоточенной в Тимирязевском институте. Это совершенно неудачный термин. Его следует отбросить. Термин преформизм очень давний термин, применяемый к вполне определенной точке зрения, предполагавшей, что признаки организма изначально даны. Современная генетика такого преформизма в себе не имеет ни в коем случае. Современная генетика очень близка по методу своих рассуждений к химии, и если мы будем говорить, что современная генетика имеет преформистские элементы, то должны будем сказать, что и химия есть преформистская дисциплина, которая предполагает, что в атомах водорода, кислорода и т. д. уже вложены свойства всех органических соединений, и нас с вами и т. д. Это было бы нелепое утверждение, и я считаю, что термин преформизм совершенно не приложим к современной генетике. Генетика утверждает, что имеются зачатки, которые, комбинируясь, создают все новые и новые внешние формы. Преформизм

был, пожалуй, у Лотси, который утверждал, что все зачатки современных организмов были изначально созданы и с тех пор только комбинируются. Здесь еще можно было бы увидеть преформизм, но точка зрения Лотси одинока, отнюдь авторитетом не пользуется и давно оставлена современными генетиками. За последнее время ни одно солидное учение, которое стояло бы на точке зрения современной генетики, не говорит, что наследственные зачатки не изменяются. Мы знаем, что они меняются, только утверждаем, что внешними условиями мы не можем их изменить. По этому поводу всегда говорят о метафизичности этого утверждения, забывая, что на наших глазах меняется радиоактивное вещество, а между тем это изменение зависит не от внешних условий, проходит без воздействия внешних условий, хотя ничего метафизического в этом нет.

Еще последнее замечание по поводу тезиса о роли влияния внешней среды в эволюции. Тов. Завадовский, мне кажется, не совсем верно изобразил роль внешних условий в процессе эволюции. Если мы утверждаем, что внешние условия не могут изменить наследственных свойств организма, это не значит, что в эволюции внешние условия не играют роли. В эволюции мы имеем процесс исторический, а исторический процесс, очевидно, протекает под влиянием внешних условий—эти условия играют в эволюции громадную роль. Поэтому 6-й тезис, в котором сказано: „Современные научные данные убеждают нас в преобладающем влиянии в процессе эволюции внутренних факторов преформизма по сравнению с ограниченным значением эпигенетических факторов внешней среды“, мне кажется не совсем точно сформулирован. Здесь „процесс эволюции“ нужно понимать не как исторический процесс, а как процесс изменчивости организмов, который всецело физиологичен. Вот, собственно говоря, все те замечания, которые я хотел сделать. Подчеркиваю, что логическое последовательное развитие ламаркизма неизбежно оставляет лазейки, куда проникают изначальные „целесообразности“, всякие психизмы, „мнемы“ и т. д., и марксисты должны к этому течению относиться с самой большой осторожностью.

Ральцевич. Товарищи, будучи только рядовым общественником и принадлежа к той категории педагогов, о которой здесь тов. Завадовский сказал резко, чем двусмысленно (он сказал о „демагогии“ педагогов-общественников), я могу подойти к докладу только с методологической и еще, конечно, с социологической точек зрения. Меня особенно обрадовало в выступлении тов. Завадовского его категорическое положение о том, что к вопросам биологии он подходит с точки зрения того, в чем заключается диалектика Гегеля, Маркса, Ленина, т. е. с точки зрения единства противоречий. Этого-то в речи докладчика я и искал. И вот к каким выводам я пришел.

Верно, к сожалению, что мы, общественники-педагоги, мало сведуши в тех современных идеях, о которых говорил докладчик-специалист. Но раз он заявляет притязание на овладение диалектическим методом, то по этому вопросу, думаю, и нам можно кое-что сказать. Мы привыкли так смотреть на вещи: есть два типа связей — человеческое общество и природа, во-первых, животные организмы и окружающая их

среда—во-вторых. Первая связь, как видите, наиболее широкая, вторая—гораздо уже. И первая и вторая связи представляют собою единство противоречий. Для современного знания стало давно уже вульгарной абсолютной истиной, что человек приспосабливается к природе активно, животное—пассивно. Человек воздействует на природу посредством орудий, техники. Можно ли решить вопрос о последней, коренной причине общественного развития (и изменения взаимодействующей с человеком природы) ссылкой на это взаимодействие? Тут никакое „и—и“, никакая эклектика не помогут. Эту связь, это единство общества и природы общепринято у нас называть понятием производительных сил, в основе которых лежит техника. И, конечно, мы с полным правом называем технику чем-то третьим, находящимся на грани между обществом и природой, чем-то внешним по отношению к обществу. Это внешнее в последнем счете и определяет собою развитие самого общества, как уже особого единства противоречий. Но тут уже начинается собственно история общества. А как же с методологической точки зрения обстоит дело с более узким единством противоречий, выражаемым так: животные—окружающая их естественная среда? Может ли нас удовлетворить хотя бы здесь формула „и—и“, формула взаимодействия? Ни там, и ни здесь, и ни где бы то ни было эклектика никогда ничего не в состоянии об «я с нить... по крайней мере, с точки зрения „узких“ общественников-педагогов. Человеческое общество и природа суть то мировое материальное единство, в котором развивается человек. Синтез между ними осуществляется посредством материального человеческого труда, уровень развития которого выражается в материальных вещах, в определенном смысле внешних по отношению к человеку. И вот, тов. Завадовский, где же осуществляется это биологическое единство природы и животных, о котором вы нам говорили? В чем осуществляется эта связь? Оказывается, что своим положением „и — и“ вы хотите и кое-что сохранить и кое-что приобрести: вы хотите сохранить в качестве причины внешнюю природную среду и вы хотите приобрести в качестве этой последней причины внутреннюю силу животного организма. Но ведь „чистых“ эклектиков в природе нет. И вот мы видим, как вы, отчавивши от внешней среды посредством формулы „и—и“, благополучно прибываете к другому берегу. Одно „и“ у вас выпадает, и потому остается только одно „и“. Следовательно, ваша формула „и—и“ превратилась, в конце концов, в формулу „или—или“. В самом деле, где вы ищите разрешения основного биологического противоречия? Вы говорите: с одной стороны есть зародыш, а с другой стороны есть то, что вы называете буфером для этого зародыша, или „внешней средой“ по отношению к зародышу, находящемуся под кожей, так называемая сома. Но где же, в конце концов, все это находится? Все это: и зародыш, который, оказывается, заключает в себе всю активность, и сома, которая является чрезвычайно пассивной и консервативной „внешней“ средой, в которую как-то чудом превратилась действительная, вне животного находящаяся внешняя среда,—все это находится, по вашим словам, под той же самой кожей животного. Таким образом, у вас один член противоречия, внешняя природная среда, исчез. А следовательно, исчезло

и биологическое противоречие между животным и этой внешней средой. Оказалось, что у вас остались противоречия только в самом организме. И, конечно, был совершенно прав тов. Слепков, когда указывал, что, по существу, тут у вас очутилась телеология. Относительно обществоведения вы выразили свою точку зрения прямо, без прикрас. Я тоже скажу вам прямо относительно вашей биологии, которую вы называете дарвинизмом или неodarвинизмом: это совсем не дарвинизм, а просто бергианство. Если рассмотреть вашу точку зрения, можно прямо сказать: здесь нет никакой диалектики, тем более материалистической, у вас разрывается связь между животным миром и питающей его, действующей на него средой, к которой животные приспосаблиются, от которой они все получают, под непосредственным воздействием которой изменяются и их зародыши, и их „буфер“, и их внешние органы (и прежде всего, конечно, внешние органы). Когда вы говорите: я отрицаю, что природа влияет на каждый организм в отдельности, отрицаю передачу по наследству потерявшими на войне внешние органы своим детям это отсутствие органов, — то мне вспоминается одно замечание Плеханова насчет того, поплывет ли курица, брошенная в воду. В самом деле, если бросать курицу в воду, будет она плыть? Это такой же вопрос, как и насчет курицы и яйца. А между тем вы, тов. Завадовский, с своей точки зрения, должны ответить, что курица потонет. Но разве можно подменять биологию физиологией, анатомией и еще чем-нибудь? Я думаю, что ваш подход совершенно не марксистский. Вы искусственно изолируете из естественного процесса и реальных условий изменения видов отдельные факты, когда нет передачи свойств по наследству. Вы кормите вашу курицу шатовидной железой и забываете, что вы же сами и являетесь по отношению к вашей курице внешней средой. И потом вы ослепляетесь фактом искусственной окраски курицы. Мы же привыкли дарвинизм понимать так. Процесс изменения видов происходит в течение тысячелетий и больше. Если в природных условиях, в которых проходила жизнь данного вида животных, в течение многих тысячелетий на этих животных постоянно воздействовала новая определенная совокупность внешних влияний, то животные должны были измениться, иначе они просто погибли бы. Эти влияния изменяют прежде всего внешние органы животного, а вместе с тем и сомю и зародыш, которые все принадлежит самим животным. По этой основной причине животные и будут изменяться, передавая по наследству наиболее целесообразные приобретенные свойства. Это наблюдает наука. И этим давным-давно практически пользуется человек. Не может быть верным такое положение, чтобы организм самостоятельно развивал в себе какую-то невиданную изначальную силу. У тов. Завадовского получается, что первый зародыш заключает в себе все возможности дальнейшего развития.

Вы бросили, тов. Завадовский, вызов общественникам. И, к сожалению, не знаю, на какой точке зрения стоят все общественники, но для нас, общественников-марксистов, такая концепция неприемлема. Мы преподаем по всей матушке России и, думаю, все будем против того „переворота в науке“, пионером которого вы здесь выступаете.

Теперь очень немного относительно обществоведения. Я думаю, что каждый из присутствующих уже заметил, что социологическая концепция тов. Завадовского—антиленинская, анимарксистская. Дарвинизм (в смысле тов. Завадовского),— говорит он, пожалуй, ближе к концепции марксизма, нежели неоламаркизм. На каком же основании? А вот на том основании, что теперь рабочий класс, взявши власть в свои руки (десять лет рабочий класс почему-то не брал власть в свои руки, не имел права, что ли, а теперь почему-то взял)—так вот теперь рабочий класс сумел выдвинуть из своей среды целый ряд великих людей. Значит, считает тов. Завадовский, это произошло в силу развития особых внутренних прекрасных свойств русского рабочего класса. Разве это марксизм? Думается, что лекция тов. Завадовского была построена на тему: „Ни дарвинизм, ни марксизм“. Я боюсь, что тов. Завадовский захочет опереться на знаменитую концепцию т. Ленина в его „К вопросу о диалектике“, где он говорит, что основная задача заключается в понимании развития, движения, как „само“-движения. Но, ведь, говоря о классовой борьбе внутри общества (это и есть „само“-движение), Ленин никогда не забывал более общего противоречия между обществом и природой (это тоже „само“-движение). И потому, когда Ленин говорит о „само“-движении, то его противоречие действительно ведет вперед. А у тов. Завадовского получилось такое внутреннее „само“-движение, такое противоречие, что если остаться в рамках его, то мы и в естествознании и в обществоведении будем здорово катиться назад.

Баммель, Г. Товарищи, позвольте на пять минут задержать ваше внимание. Один из предыдущих ораторов указал, что, наконец, необходимо сговориться марксистам и биологам относительно единства в понимании метода марксизма, его мировоззрения и некоторых частности, некоторых специальных вопросов биологии. Это начинание, конечно, достойно всякого поощрения. Но в таких случаях непременно условием встречи должно быть правильное понимание методологической теории марксизма. К сожалению, мы не имели в докладе т. Завадовского ни солидного марксистского обоснования, ни правильного применения метода диалектического материализма. Я постараюсь показать вам, что в данном случае мы имеем не марксизм, а карикатуру на марксизм. Буду иметь в виду только вторую часть доклада, так как в первой части, где докладчик выступает специалистом своей области, он — что очень характерно—мыслит правильно, т.-е. я хочу сказать, марксистский материализм не может мириться с ламаркизмом.

Товарищи, дело в том, что естествоиспытатели часто страдают одной болезнью, которая называется позитивизмом и рецидив которой мы наблюдаем в настоящее время у некоторой группы марксистов. У нас, при огромном росте научных знаний, при стремительном росте популярной литературы особенно благоприятны условия для узкоэмпирического перетолкования научных теорий. Тов. Завадовский выдвинул три положения, которые, по его мнению, роднят марксизм и биологию. Это—материализм, идея развития и принцип причинности. Надо, мол, объяснять природу не мистически, а материалистически, не телеологически, а причинной связью, идеей внутренней борьбы, внутренних противо-

речей. Относительно третьего принципа говорить не буду: этот принцип, можно сказать, не получил никакого обоснования в докладе т. Завадовского, и это видно уже из того, как он толкует и „материализм“ и „причинную связь“, не замечая, что и эти понятия „внутренне изменяются“, „противоречивы“. Например, т. Завадовский причинную связь, теорию развития ставит во главу угла „средства“ марксизма и биологии. Конечно, естествознание покоится на этих принципах, но надо иметь в виду, что эта идея развития сама развивается, а если абсолютизировать ее, то при последовательном своем развитии она ведет к тому виду позитивизма, который был заклеянец и Марксом в его письмах, и Энгельсом в его суждениях об английском эмпиризме, и, в особенности, в последней опубликованной в рязановском „Архиве“ вещи Энгельса „О диалектике природы“. Нужно иметь в виду при анализе главного вопроса сегодняшнего доклада одно очень важное обстоятельство. В данном случае забывают об одном: забывают о методе, о теории, о философии. Это—равнозначные понятия. А, между тем, что т. Завадовский нам под конец преподносит, как не свою „философию“ марксизма? Я говорю, это есть новая философия. Вы начали с того, что просто отмахнулись от этого вопроса о методе, я бы сказал, от вопроса теоретической биологии, а в толковании таких понятий, как „развитие“ и „причинность“, ударились в дурную философию. Или недialeктическое понимание этих понятий не есть тоже философия? И всюду, где исходным пунктом бессознательно или сознательно — это все равно, берется отрицание методов, отрицание философии, как метода, в данном случае, как философии диалектического материализма,—всюду под конец философская отсебятина. Брань по адресу философии кончается новой философией. Об этом я вам приведу выдержку из Энгельса: „Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии... то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии... и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем. „Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться равновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления“... Эти слова Энгельса относятся в значительной степени к сегодняшнему докладу. В конечном итоге идея развития в нем получила именно такое освещение, что суть ее можно охарактеризовать одним словом—позитивизм. Я не говорю даже о классовом значении теории эволюционного развития (постепенность, реформизм), но об естественно-научной идее развития, точно так же, как т. Завадовский брал, например, принцип наследования в биологическом смысле. Но

именно в этой плоскости позитивизм забывает, что идея развития вошла в науку двойным путем. Ее главным и наиболее ярким выразителем был, как известно, Дарвин. Этой аудитории хорошо известно это имя. Но вошла в науку идея развития и другим путем, впервые открытым не естествоиспытателем, а философом — Гегелем, затем разработанным Марксом и Энгельсом. Этот путь и есть то понимание, которое мы называем диалектической теорией развития. Докладчику надо было ясно и четко поставить вопрос, в каком смысле он берет идею развития—позитивистическом или диалектическом. Он хотел стать выше и позитивизма и материализма, и увидите, что этому отвечает его понимание марксизма.

Теперь возьмем другой принцип, который, по мнению т. Завадовского, также роднит дарвинизм с марксизмом. Это—принцип причинной связи. Товарищи, вы все читали с малых лет, что причинная связь—„опыт“, „факты“, понятие эксперимента—все это характеризует науку в отличие от фантазерства. Но и здесь надо мыслить диалектически. Эксперимент сам по себе не только не последнее слово науки, но часто и источник мистики. В той же „Диалектике природы“ Энгельса, в статье „Естествознание в мире духов“ Энгельс показывает, как „самый плоский, презирающий всякую теорию, относящийся недоверчиво ко всякому мышлению эмпиризм“ приводит естествознание к мистике. Таков всякий всеиндуктивизм. Так кончается всякое презрение к диалектике. Я бы сказал, что для части современной философии, которая не прочь принцип научного эксперимента „принять“ и „обосновать“, наиболее характерным является именно это перенесение метафизики с неба на землю, торжество принципов науки, научности, трезвости на почве метафизики. Современный католицизм есть позитивная наука. Это есть индуктивная метафизика, и в данном случае мы имеем, несомненно, глубокое единство реакционнейшей социальной политики, с одной стороны, четкой научной тенденции—с другой. Это есть доказательство того, что в естествознании эксперимент, проведенный в чистом виде, не страхует нас от той метафизики, которая из-за деревьев не видит леса. Или это не есть метафизика, когда говорят о „средстве“ дарвинизма и марксизма, не предпосылая диалектически-материалистического понимания естествознания вообще? Слов нет, мы — материалисты, но что можно утерять нить исследования на почве недialeктического материализма, показывает то понимание марксизма, которое лежало в основе второй части доклада т. Завадовского. Я удивляюсь, из какого „учебника“ надо взять такое понимание марксизма, чтобы сравнивать марксизм и биологию по степени выгоды выводов последнего для пролетариата. Тов. Завадовский пошел так далеко, что в своей „биологической“ слепоте не видит леса из-за деревьев. Он критикует точку зрения „выгоды“, но по существу он стоит на ее почве. Иначе к чему было брать педагогов, врачей и сравнивать их интересы с „интересами“ марксизма и биологии? Эта точка зрения не научная, не серьезная, и такой точки зрения, я бы сказал, у нас вообще нигде не имеется. На этом примере вы видите, что значит отсутствие ясного понимания метода, я бы сказал,—философского понимания метода.

Объединить социологию марксизма с биологией, приблизить биологию к марксизму — значит делать социальные выводы из биологии, а из марксизма создавать биологическое толкование исторического материализма. Отсюда один шаг до метафизических теорий о биологической основе революции, пролетариата, крестьянства, до заявлений вроде того, что выводы биологии благоприятствуют социально-политическим задачам рабочего класса. Но это значит не понимать ни биологии, ни марксизма. Против этого приходится протестовать. Тов. Завадовский, — эти фразы и записал, — говорит, что прежде чем сравнивать диалектический материализм с биологией, он констатирует, что диалектический материализм подчеркивает чересчур большое значение внешних воздействий. Поэтому якобы важно также для педагога, чтобы биология утверждала то же самое на языке своих понятий. Но зачем же выпячивать столь однобоко из диалектического понимания именно тот момент, который в данном случае понадобился для докладчика, чтобы доказать неправомочность ламаркизма? Точно так же поступает докладчик, когда ему приходится доказывать необходимость революции и вообще неизбежность коренного „преобразования“ общества. Он выпячивает другой момент, это — относительно „исторического прошлого“: якобы диалектический материализм „подчеркивает важность исторического прошлого“. И с усердием, достойным иного применения, он защищает тот „взгляд“, что биологический преформизм „выгоден“ для революции, что, мол, если и встречаются на пути революции отступления и поражения, то биологический преформизм позволяет нам спокойно смотреть вперед, так как, хотим мы или не хотим, существует якобы некая „историческая предрешенность“. В марксизме диалектически сочетается „прошлое“, „продолжаемость“, „непрерывность“, „предопределенность“ с „перерывами“, „перерастаниями“, но можно ли выхватывать отдельные моменты, выкраивать формулы, под которые нужно подогнать готовые выводы? В данном случае мы имеем способ мышления, который нельзя назвать иначе, как схоластическим, когда, не учитывая всех сторон вопроса, берется абстрактно один момент, вне времени и пространства.

Или вот еще в чем недостаточность диалектической подготовки. Интересно отметить стремление т. Завадовского применить к социальным явлениям биологические понятия. Он несколько раз говорил во второй части доклада о применении к социальным явлениям биологических понятий, главным образом, преформизма с целью критиковать это воззрение, но, на самом деле, он стоит на почве тех, кого он критикует. Вместо того, чтобы поставить вопрос принципиально, т. е. философски, он ударился в рассуждения о пессимистичности и оптимистичности ламаркизма и дарвинизма. Особенно курьезны его „оптимистические“ биологические доказательства жизнеспособности революции. А если бы т. Завадовский задумался над философским содержанием метода своего доклада, он бы должен был сказать совершенно иное. Это стремление применить к социальным явлениям биологические методы, которое распространено среди русских марксистов, давно нашло резко отрицательную оценку у Маркса и Энгельса. Эти понятия применимы к социальным явлениям только потому, что они первоначально были заимствованы

из социальных явлений. Это совершенно ясно. Принцип борьбы за существование был взят из социальных явлений, из явлений капиталистической конкуренции, а затем уже был перенесен в область изучения природы.

У докладчика мы имеем совершенно формальное словесное понимание метода марксистского исследования. Приходится констатировать, что брань по адресу философии, которая не высказана громко, но лежит в сущности самого доклада, обходится дорого. Надо было вчитаться в Энгельса. Если хотите, надо было обратиться и к Гегелю. У него в данном случае можно найти гораздо больше, чем обыкновенно находят наши естественники.

Рахметов, В. Н. Предыдущие товарищи сказали почти все. Я хочу только привести два примера, которые, по-моему, очень ярко формируют наши разногласия с докладчиком.

Он говорил, что нельзя ставить вопрос так: есть ли наследование приобретенных под влиянием внешней среды признаков — надо изучать конкретно каждую отдельную форму: влияет ли отрезанная рука, упражнение мускулов, изменение химизма крови и т. п. Это совершенно верно. С этим мы целиком согласны.

Но тут затронут очень важный вопрос. Когда мы подходим к социологии, то оказывается, что те конкретные различия, о которых говорил докладчик, здесь настолько велики, что нельзя искать общих законов для наследственности биологических и социальных факторов.

Возьмем, напр., вопрос о наследственности психики. Докладчик об этом говорил так, что у него психика подчиняется законам ламаркизма и дарвинизма так же, как любой биологический факт. У меня нет времени подробно останавливаться на этом, но я сошлюсь на Энгельса, который в „Диалектике природы“ признает частичную наследственность приобретенной психики. Он приводит такой пример: „Почему наши ребята очень быстро усваивают простые правила математики, как будто они сами собой разумеются, а бушмен не может их понять, сколько ему ни объясняй. Дело, по видимому, в том, что более культурная среда многих поколений создает у наших ребят большую восприимчивость, чем у бушмен“.

Я не настаиваю на буквальной правильности мысли Энгельса. Я только хочу сказать, что если считать психику только биологическим фактом, можно действительно отрицать влияние социальной среды на наследственность психики. Если же мы вспомним, что психика для марксиста — факт социальный, — вопрос о ее наследственности будет стоять иначе. Этого разделения марксизма и дарвинизма, в данном частном случае — наследственности биологической и социальной, — докладчик совсем не дал.

Приведу еще один пример смешения биологии с социологией.

Докладчик пытался биологически разрешить вопрос: будут ли Ленины при коммунизме. Я считаю, что этот вопрос никакого отношения к биологии не имеет. Ибо, в конце концов, Ленин характеризуется не биологическими свойствами, а исключительно социальными. Он интересен не тем, что у него есть голова, нервная система, пищеваритель-

ный тракт, а тем, что он представляет определенный класс. Азбука—то, что Ленин был человек и как человек подчинялся определенным биологическим законам, но не меньше азбука и то, что нам он интересен, не как „биологический человек“, а как вождь пролетариата.

Мне кажется, товарищи, что основной темы доклада „Марксизм и дарвинизм“, различия двух подходов, подхода социального и биологического, докладчик не дал. Он говорил только о дарвинизме, о материалистическом дарвинизме. Доклад был хорош с этой точки зрения, но я не слышал ни одной попытки проанализировать социальные законы на основании законов марксистской социологии. А мы знаем, что простое перенесение методов дарвинизма в социологию носит название социального дарвинизма, и достаточно фамилии Вольмана, который был буржуазным ученым, чтобы мы о таком дарвинизме не говорили.

Заключительное слово тов. Завадовского.

Товарищи, я буду отвечать по порядку. Не буду много возражать т. Троповскому, потому что в общем я с ним согласен. Конечно, он прав, я не возражаю, когда он подчеркнул, что моя позиция близка с позицией Вейсмана. Я сам отмечал это и даже обострил вопрос, открещиваясь от клички ламаркиста. Разница только в том, что надо же понимать, что когда я делаю доклад, то я схематизирую вопрос, и не могу в каждой фразе 10.000 раз оговариваться. Когда я говорю о „Вейсмани“, то это не есть Вейсман персонально, это есть тенденция, точка зрения. Нужно помнить, что Вейсман в начале своей жизни был немного иным, чем в конце. Вейсман начал с исключительно схоластической теории, а в последние годы он вынужден был признать влияние внешней среды на зародышевую плазму. Нужно еще помнить, что если Вейсман признал это к концу своей жизни, то есть вейсманисты, которые до сих пор признают только первоначальные исходные теории Вейсмана, и забывают о необходимости синтеза противоречий. Перечислять этих лиц, повторяющих эту ошибку, я не буду. Скажу только, что эту ошибку в наше время повторил Филиппченко, когда он говорит об автогенезе. Его понимание автогенеза носит неоформленный вид и слишком чужается признания внешних факторов. Можно сказать, что Филиппченко не нашел сам себя. Факт тот, что всякая схема, подчеркивающая только внутренние факторы и совершенно не учитывающая внешнюю среду, в которой протекает жизнь, догматична и для нас неприемлема.

Теперь, товарищ Троповский выдвигает положение, для меня совершенно неприемлемое, якобы, что воз остался и ныне там. Это для меня очень неприятно. Я надеялся воз сдвинуть с места. Я считал, что общими силами это мы можем обсудить и этот воз сдвинуть. Мы должны ясно и отчетливо сказать, что спор идет в значительной мере словесный, а не по существу. И, подвергши анализу методологические исходные ошибки, мы должны направить спор по правильному руслу. Мою задачу я понимал так, что я должен доказать, что этот спор не нужен, что

его нужно отбросить, чтобы не запорашивать мозги. Нужно обострить и направить мысль в другую сторону. Это—задача, которая передо мной стояла. И это я подчеркнул потому, что многие авторы не поняли этого и продолжают спор о том, о чем спорить пора перестать. Вы говорите, что в этом отношении мои положения не имеют социально-практического значения. С этим позвольте не согласиться, потому что я думаю, что вы живете не вне времени и пространства и должны чувствовать и видеть, что вокруг темы моего доклада вращается целый ряд споров из-за неправильных биологических предпосылок. Должное направление социальных выводов позволило мне это подчеркнуть, чего многие оппоненты очевидно не поняли... Я думаю, что нам здесь надо искать общий язык, стараться понять друг друга, а не искажать чужую мысль. Я подчеркнул также мимоходом положение, которое мне казалось ясным для нынешнего собрания: грубо биологизировать социальные явления нельзя. Это я подчеркнул.

Я думаю, товарищи, что в среде, более или менее понимающей марксизм, об этом не надо говорить, не нужно, чтобы я читал популярные лекции. Я не считал нужным заниматься популяризацией, и вот исходная ошибка оппонентов, ожидавших именно популяризации. У нас некоторые марксисты-общественники не понимают степени разницы явлений и делают ошибку. Какая в этом отношении пропасть между биологическими и социальными явлениями и в праве ли мы полученные выводы применять от биологии к социологии? Отрицать такое право совершенно—это ошибка очень большая и грубая. Это—отрыв биологии от социологии. Что такие сопоставления нужны и что мы с ними неизбежно сталкиваемся на каждом шагу, покажу на примерах. Пример: т. Залкинд пишет ряд статей, в которых он доказывает исключительно социальное происхождение детской дефективности. В конце концов, из этой ламаркистской предпосылки я усматриваю опасность демагогии, ибо когда врач-патолог отрицает, что детская дефективность имеет наследственные биологические корни, он вступает во имя ложно понятых принципов социального анализа в противоречие с элементарными законами биологии. Это нужно изучать, с этим нужно считаться тем марксистам-общественникам, которые говорят, что все это буржуазные предрассудки. Это—вопрос весьма существенный. Это значит, что буржуазный врач, который все сводит к биологии, не учитывает социальный момент, но марксист, забывающий о биологии, делает ошибку с другой стороны. Это нужно марксисту-общественнику понять, понять, что всякого рода ошибки в сопоставлении социальной проблемы с проблемой биологической и патологической сулят ошибки в области практических мероприятий. Я укажу другой пример. Вчера я читал статью Гастева относительно принципа построения Центрального Института Труда. Там я узрел эту самую нотку вульгаризации принципов марксизма, там я нашел ряд тезисов о социальных мероприятиях Института Труда, которые он противопоставляет тому, что нам диктует биология. В праве ли он это делать—вопрос. НОТ вы не строите, если не учтете физиологической природы человеческого организма. Вы имеете дело с живой машиной и ее вы должны изучать. Иначе вы будете строить вашу

социальную практику все равно, как если бы вы строили промышленность и не знали машин, которые вам необходимы для строительства. Это—вопрос важный. В этой области скрещиваются проблемы социально-политические с общими предпосылками, которые дает нам биология. И когда мне в этом возражают, я считаю это глубокой ошибкой. Я считаю, что мы, биологи, в этом отношении в социальной практике много можем помочь. Но моя основная задача сегодня была несколько другая. Меня занимали, главным образом, сегодня вопросы теории биологии. Я понял выступления так, что будто не стоило говорить о тех вещах, о которых я говорил. Я считаю, что исключительно большой философский смысл имеет окончательное разрешение вопроса о взаимоотношениях дарвинизма и ламаркизма; надо, чтобы эта проблема перестала путаться под ногами. Общественники-марксисты, обсуждая этот вопрос путаются на нем, и я считаю, что должен был попытаться найти общий язык.

Теперь о выступлении т. Слепкова. Я бы сказал так, что я не совсем ясно понял, в чем у вас расхождение с т. Слепковым. С ним у нас расхождения нет, кроме того, что т. Слепков очень нечетко повторил в других формах то, что и я говорил. О чем я слышал? Относительно двуединого комплекса внутренних и внешних факторов. Он говорил очень много относительно необходимости синтезировать эти внутренние и внешние факторы. Я говорил о том же самом. Связать инерцию наследственных масс с влиянием внешней среды т. Слепков не сумел, не сумел просто придать этому отчетливого смысла. Тов. Слепкова волнует вопрос о доле влияния внешней среды. Но здесь ведь не поможешь общими формулировками, а факты всегда сильнее одного нашего хотения. Пора перейти, наконец, от общих мест, утверждающих значение внешней среды, к точному научному анализу фактической доли ее влияния. Это я и попытался сделать. Если т. Слепкову не нравятся мои расчеты, то он должен противопоставить им такие же расчеты, считающиеся с фактами, добытыми наукой. Может быть тут источник нашего недоразумения в том, что мой доклад является незаконченным. И в этом небольшом комплексе вопросов о дарвинизме и марксизме выдвигал целый ряд пунктов, требующих обсуждения, которые спаяны внутренне между собой, и надо было вслушаться в то, что я говорил в своих основных тезисах о принципе естественного отбора, чтобы понять, что внешняя среда не только не отсутствует у меня, но выступает на первый план, когда я говорю о факторе естественного отбора. Но когда т. Ральевич говорил о том, соответствует ли одно другому, он упустил из виду, что я задачу сегодняшнего доклада сузил в другой плоскости. Фактор естественного отбора, внешняя среда, которая отбрасывает все нецелесообразное, оказывает в чисто дарвинистском смысле огромное влияние на эволюцию. Я сузил вопрос до второй стороны дела, до изучения факторов, вызывающих изменчивость, где подчеркнул, что здесь естественный отбор влияния не имеет. Это даже не мои тезисы, а тезисы Тимирязева, где черным по белому написано то, от чего т. Слепков открещивается. Поскольку речь идет о факторе биологической изменчивости, здесь у т. Слепкова есть большое основное

заблуждение. Это проистекает из того, что свойственно многим товарищам, которые судят о вопросе поверхностно, с высоты полета на аэроплане, в то время как мы неизбежно, и в этом наша гордость, как специалистов науки о жизни, мы заглянули глубже и видим то, чего не видно не специально работающему в этой области. В то время, как для общественника и для т. Слепкова вопрос о влиянии внешней и внутренней среды сводится к тому, что они, лишь слегка прикасаясь к биологическим явлениям, повимают яйцо или организм, как нечто туманно очерченное, для нас этот организм является сам по себе сложным комплексом. Это не мы выдумали, это показывают успехи нашей науки. Было время, когда мы думали, что клетки—нечто конечное, а теперь мы знаем, что клетка есть микрокосм, и, лишь считаясь с внутренним механизмом этого микрокосма, мы должны изучать организм. Эти микрокосмы определяют судьбу особи. Значит ли это, что мы отрицаем материальные факторы? Успех нашей науки в том и заключается, что она глубоко изучает факторы, которые оказываются сами по себе сложными комплексами материальных сил, лежащих внутри яйца. Т. Слепков, когда Тимирязев говорил об экспериментальной морфологии, он действительно имел в виду влияние внешней среды на еще не дифференцированную тогдашней наукой яйцевую клетку. Тимирязев писал эту цитату 30 лет тому назад, когда экспериментальная физиология была еще младенцем и не успела изучить клетку. Тогда физиологи свое внимание, свое время отдавали методам экспериментальной морфологии. И в позднейших своих работах об экспериментальной физиологии и даже и в цитированной работе Тимирязев уже писал, что необходимо изучение и внутренних факторов. Мы продвинулись вперед, мы учитываем этот внутренний механизм, подвергаем его самостоятельному исследованию. Значит ли это, что мы отрицаем внешнюю среду? Отнюдь нет. Я много раз говорил, что только внешняя среда, в конечном счете, приводит к первоначальному расслоению наследственных плазм отца и матери, но она далеко не так универсально действует, как это думает т. Слепков.

Грубая и недопустимая ошибка думать, что указать на внутренние причины—все равно, что не искать причин. Это может говорить только тот, кто не заглядывал внутрь механики живого организма, кто не владеет основными понятиями физиологии. Более того, это значит отрицать физиологию, ибо что такое физиология, как не изучение материальных сил, действующих внутри организма. Поэтому наибольшее недоумение вызывает мысль т. Слепкова, якобы те течения в биологии, которые стремятся изучить внутренние механизмы и факторы эволюции, стоят на точке зрения беспричинного развития.

Я хочу отметить еще в выступлении т. Слепкова большие погрешности, когда он переходит к обсуждению социальных проблем. Говорить о том, что преступность есть факт биологический, это, т. Слепков, есть огромное преступление. Как марксист, я говорю, что преступность прежде всего есть факт социального значения. Понятие преступности зависит от социальной среды. Для буржуазного класса Ленин был преступник, для нас он как будто не преступник. Я, биолог, отказался эти

социальную практику все равно, как если бы вы строили промышленность и не знали машин, которые вам необходимы для строительства. Это—вопрос важный. В этой области скрещиваются проблемы социально-политические с общими предпосылками, которые дает нам биология. И когда мне в этом возражают, я считаю это глубокой ошибкой. Я считаю, что мы, биологи, в этом отношении в социальной практике много можем помочь. Но моя основная задача сегодня была несколько другая. Меня занимали, главным образом, сегодня вопросы теории биологии. Я понял выступления так, что будто не стоило говорить о тех вещах, о которых я говорил. Я считаю, что исключительно большой философский смысл имеет окончательное разрешение вопроса о взаимоотношениях дарвинизма и ламаркизма; надо, чтобы эта проблема перестала путаться под ногами. Общественники-марксисты, обсуждая этот вопрос путаются на нем, и я считаю, что должен был попытаться найти общий язык.

Теперь о выступлении т. Слепкова. Я бы сказал так, что я не совсем ясно понял, в чем у вас расхождение с т. Слепковым. С ним у нас расхождения нет, кроме того, что т. Слепков очень нечетко повторил в других формах то, что и я говорил. О чем я слышал? Относительно двуединого комплекса внутренних и внешних факторов. Он говорил очень много относительно необходимости синтезировать эти внутренние и внешние факторы. Я говорил о том же самом. Связать инерцию наследственных масс с влиянием внешней среды т. Слепков не сумел, не сумел просто придать этому отчетливого смысла. Тов. Слепкова волнует вопрос о доле влияния внешней среды. Но здесь ведь не поможешь общими формулировками, а факты всегда сильнее одного нашего хотения. Пора перейти, наконец, от общих мест, утверждающих значение внешней среды, к точному научному анализу фактической доли ее влияния. Это я и попытался сделать. Если т. Слепкову не нравятся мои расчеты, то он должен противопоставить им такие же расчеты, считающиеся с фактами, добытыми наукой. Может быть тут источник нашего недоразумения в том, что мой доклад является незаконченным. И в этом небольшом комплексе вопросов о дарвинизме и марксизме выдвигал целый ряд пунктов, требующих обсуждения, которые спаяны внутренне между собой, и надо было вслушаться в то, что я говорил в своих основных тезисах о принципе естественного отбора, чтобы понять, что внешняя среда не только не отсутствует у меня, но выступает на первый план, когда я говорю о факторе естественного отбора. Но когда т. Ральевич говорил о том, соответствует ли одно другому, он упустил из виду, что я задачу сегодняшнего доклада сузил в другой плоскости. Фактор естественного отбора, внешняя среда, которая отбрасывает все нецелесообразное, оказывает в чисто дарвинистском смысле огромное влияние на эволюцию. Я сузил вопрос до второй стороны дела, до изучения факторов, вызывающих изменчивость, где подчеркнул, что здесь естественный отбор влияния не имеет. Это даже не мои тезисы, а тезисы Тимирязева, где черным по белому написано то, от чего т. Слепков открещивается. Поскольку речь идет о факторе биологической изменчивости, здесь у т. Слепкова есть большое основное

заблуждение. Это проистекает из того, что свойственно многим товарищам, которые судят о вопросе поверхностно, с высоты полета на аэроплане, в то время как мы неизбежно, и в этом наша гордость, как специалистов науки о жизни, мы заглянули глубже и видим то, чего не видно не специально работающему в этой области. В то время, как для общественника и для т. Слепкова вопрос о влиянии внешней и внутренней среды сводится к тому, что они, лишь слегка прикасаясь к биологическим явлениям, повимают яйцо или организм, как нечто туманно очерченное, для нас этот организм является сам по себе сложным комплексом. Это не мы выдумали, это показывают успехи нашей науки. Было время, когда мы думали, что клетки—нечто конечное, а теперь мы знаем, что клетка есть микрокосм, и, лишь считаясь с внутренним механизмом этого микрокосма, мы должны изучать организм. Эти микрокосмы определяют судьбу особи. Значит ли это, что мы отрицаем материальные факторы? Успех нашей науки в том и заключается, что она глубоко изучает факторы, которые оказываются сами по себе сложными комплексами материальных сил, лежащих внутри яйца. Т. Слепков, когда Тимирязев говорил об экспериментальной морфологии, он действительно имел в виду влияние внешней среды на еще не дифференцированную тогдашней наукой яйцевую клетку. Тимирязев писал эту цитату 30 лет тому назад, когда экспериментальная физиология была еще младенцем и не успела изучить клетку. Тогда физиологи свое внимание, свое время отдавали методам экспериментальной морфологии. И в позднейших своих работах об экспериментальной физиологии и даже и в цитированной работе Тимирязев уже писал, что необходимо изучение и внутренних факторов. Мы продвинулись вперед, мы учитываем этот внутренний механизм, подвергаем его самостоятельному исследованию. Значит ли это, что мы отрицаем внешнюю среду? Отнюдь нет. Я много раз говорил, что только внешняя среда, в конечном счете, приводит к первоначальному расслоению наследственных плазм отца и матери, но она далеко не так универсально действует, как это думает т. Слепков.

Грубая и недопустимая ошибка думать, что указать на внутренние причины—все равно, что не искать причин. Это может говорить только тот, кто не заглядывал внутрь механики живого организма, кто не владеет основными понятиями физиологии. Более того, это значит отрицать физиологию, ибо что такое физиология, как не изучение материальных сил, действующих внутри организма. Поэтому наибольшее недоумение вызывает мысль т. Слепкова, якобы те течения в биологии, которые стремятся изучить внутренние механизмы и факторы эволюции, стоят на точке зрения беспричинного развития.

Я хочу отметить еще в выступлении т. Слепкова большие погрешности, когда он переходит к обсуждению социальных проблем. Говорить о том, что преступность есть факт биологический, это, т. Слепков, есть огромное преступление. Как марксист, я говорю, что преступность прежде всего есть факт социального значения. Понятие преступности зависит от социальной среды. Для буржуазного класса Ленин был преступник, для нас он как будто не преступник. Я, биолог, отказался эти

вопросы подчинить биологическому анализу, а вы мне подсказываете такого рода вещи, которые для меня неприемлемы.

Я, пожалуй, пропущу ответ на выступление т. Серебровского. В конце концов, здесь будет известная разница в оттенках мыслей, а в целом как будто бы возражений мне с этой стороны не было: только подчеркну, что я считаю, что т. Серебровским обострена позиция дарвинизма больше нужного. Когда я ставил проблему дарвинизма и ламаркизма, я не хотел перечислять всей эволюции этих учений, мне важно было другое: отметить, что в тенденции ламаркизма глубже и лучше подчеркнут фактор внешней среды, чем у дарвинистов. Дарвинисты или, вернее, неодарвинисты фактор внешней среды замалчивали, обходили, а ламаркизм подчеркнул его, почему я и считаю и подчеркиваю, что ламаркизм более полно подчеркнул фактор внешней среды.

Мне очень трудно будет что-нибудь сказать по поводу выступлений последних трех товарищей, хотя бы я сказал, что именно они, по моему мнению, своими выступлениями лучше всего оправдали мой доклад. Я готов был к тому, что мой доклад встретит ожесточенные возражения, но, признаться, не ожидал их столь красочными. Вот вам, т. Слепков, пример, который по чисто диалектическому принципу должен предостеречь вас, что вы на опасном пути. Что я могу сказать об этих возражениях? Один товарищ просто хотел показать, что он читал Энгельса. Но товарищ плохо понял Энгельса, и также плохо понял и меня, он не пояснил мне, какая связь между тем, что он читал Энгельса, и тем, что ему хотелось меня обругать. Если он хотел указать, что замечания Энгельса относятся ко мне, он должен был это доказать. Я выслушал эти приятные комплименты, но ведь нужно иметь в виду, что если их отношение к моей личности не удается логически доказать, то они возвращаются обратно к их автору. Если же товарищу угодно было заняться чтением в сердцах и опровергать те мысли, которые он бы хотел мне приписать, то это занятие, несомненно, приятное, но мало плодотворное. Более конкретно говорил тов. Ральцевич. Конечно, вы делаете большую ошибку. Я заранее знаю, что когда я выступал с моими предпосылками, они очень ломают те предвзятые мысли, с которыми многие пришли. Вы—один из тех, для кого мои положения неожиданны и неприятны. Вы сами признали, что вы возражаете мне, даже не владея терминами биологии. Это само по себе не грех, но согласитесь, что, приступая к суждению об этих вещах, вам нужно признать одно из двух: или мы знаем, о чем мы говорим, или мы не знаем. Если мы знаем, то оперируем фактами, если же мы пришли с известной предвзятой точкой зрения и хотим думать так, как думали, не считаясь с фактами, то тогда, конечно, спорить безнадежно. Я предлагаю факты, хочу найти общий язык. Вы же оперируете общими наблюдениями. Считаете ли вы, что ваши житейские наблюдения и обывательские примеры имеют преимущество перед научно-проверенными фактами?

Теперь тов. Рахметов. Я бы сказал, что возражения т. Рахметова имеют тот смысл, что он требует, чтобы я вам рассказывал на протяжении всего доклада избитую истину, что дарвинизм и марксизм суть родственные течения и в то же время имеют известные отличия, что

нельзя выводами дарвинизма решать социальные явления целиком, нельзя принципами социологии решать биологические явления; все это мы учим в политграмоте, и я думаю, что этого не нужно говорить. Моя задача заключается в том, что я ставил конкретную цель, подчеркнувши известные положения, при чем, между прочим, вы меня не поняли. Вы вычитываете вперед и там, где я даю общие формулы, общие принципы, откладывая их анализ на будущее, вы занимаетесь чтением в сердцах и уже хотите вычитать у меня, между строк, какое толкование я им даю, и начинаете строить упреки. Когда вы говорите относительно наследственности в приобретенных психики и хотите в помощь себе взять цитату из Энгельса, вы повторяете ту же самую ошибку. Решаете ли вопросы о наследственности прямым естественно-научным опытом или цитатами? Вы решаете вопросы цитатами. А я скажу, что если я встречал у Маркса и Энгельса мысль о наследовании приобретенных признаков, то я говорю, что Энгельс делает ошибку, свойственную его времени. И если эта ошибка прощительна для Энгельса, который не мог, вопреки законам им же обоснованной диалектики, перескочить науку своего времени, то непροщительно для вас, если вы сейчас, через 50 лет развития научных знаний, хотите цитатами из Энгельса оправдать свое невежество. Я не смотрю на Маркса и Энгельса, как на библию. Я буду проверять их там, где они опираются в вопросах диалектики на современные им успехи естествознания. У Энгельса, вы найдете огромное число архаизмов, которые там совершенно естественны, ибо Энгельс не мог видеть дальше того, что открыло естествознание в его время. А вы хотите решать вопрос наследственности психологии цитатой из Энгельса. После того прошло уже 50 лет, и мы этот вопрос подвергаем экспериментальному изучению. Всякое явление решается на основании фактического изучения вопроса; бытие определяет мое сознание, а не ложное сознание закрывает мне глаза на факты. Факты, которые я изучал в последние годы на основании современных достижений науки и которые представляют взаимоотношение внешних и внутренних сил—они мне диктуют необходимость в вопросе о наследовании приобретенных признаков отступать от положений и Дарвина, и Энгельса, и Тимирязева, и Маркса.

Мой ответ, повидимому, упустил кое-что из возражений. У меня сохранились в мозгу главные выступления. Мне трудно пересмотреть этот запас записей, чтобы уловить, где были упущения, и я от этого отказываюсь за поздним временем. Позвольте сделать некоторые обобщающие заключения. Во-первых, когда я хочу решать проблемы эволюции, я этот вопрос решаю на основании современного состояния биологической науки и этот вопрос я решаю в том смысле, что, поскольку речь идет о факторах органической эволюции, научный исследователь углубляется в изучение внутренней механики не только целой особи, но и клетки. Эта работа привела к убеждению, что организм гораздо сложнее, чем это было принято думать. Вот такую-то дифференциацию и анализ организма ламаркисты не сумели провести. Это происходит из заблуждения, что вопросы могут решаться простым противопоставлением клетки, как чего-то примитивного, внешней среде. Физиолог же

уже успел убедиться, что сама по себе структура зародышевой плазмы и ее механизмы настолько богаты и сложны, что и без привлечения всяких мистических сил часто сами по себе достаточны, чтобы объяснить появление новой мутации. И это—положение, от которого мы не можем отступать. Вы скажете, что плохо, что клетка сложна.

Но еще хуже, если я не буду видеть существующего факта этой сложности. Этот факт заставляет делать дальнейшие выводы. Клетка сама по себе есть аккумулятор массы внешних влияний, они заключены сами по себе в некотором комплексе физико-материальных сил, действующих в яйце. В силу этого для меня совершенно не страшно принять положение, что внешняя среда сегодняшнего дня не может преодолеть целый ряд материальных же преград, как это хочется ламаркистам. Что получается? Внешняя среда или преодолевает сопротивление организма, но тогда в принципе убивает организм, или организм имеет в себе пластическую силу сопротивления, которая обнаруживает чрезвычайную устойчивость против этих влияний, и тогда организм остается жить, не изменив своей структуры. Отсюда я делаю вывод, что внутренние факторы играют гораздо большее значение, чем думают ламаркисты. Думаю, что из этого делать вывод, что это есть автогенез Филиппченко, оснований нет. Я подчеркиваю, что не только допустимо, но я сам считаю полное отрицание влияния внешней среды заблуждением. Все это проблемы, которым я придаю огромное значение и с точки зрения биологии, и с точки зрения общеполитической, потому что тут механика этого вопроса оказалась гораздо сложнее, чем многим кажется, и в то же время проще, чем кажется тем товарищам, которые все еще живут воззрениями времен Дарвина, Вейсмана и Энгельса. Нужно лишь понять, что подчиняясь законам диалектики, самые решения отдельных проблем биологии должны диалектически развиваться и что не далеко мы уйдем, если для решения всех случаев жизни будем искать ответов в одних лишь цитатах хотя бы таких великих умов, каким был Энгельс.

III.—КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

СВЕРХ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

(Lu Märten: Wesen und Veränderung der Formen — Künste).

На Западе, где в области научного исследования искусств марксистский метод, несмотря на большое значение работ Ф. Меринга, еще только что начинает развиваться, последняя книга Лю Мэртен «Сущность и изменение искусств» безусловно представляет собой известный вклад в данную область не только потому, что эта книга является первым систематическим опытом марксистского освещения проблем всех родов искусства в историческом развитии их, но и потому, что она дает очень богатый материал, главным образом, в отношении развития художественной формы, объясняя связь формы с общими формами материального производства и техники. В этом отношении книга Лю Мэртен несомненно очень ценна и может выполнить взятую на себя роль—быть руководящим пособием при изучении общей истории искусств.

Но в то же время эта во многих отношениях ценная книга представляет собою очень большую опасность—не для массового читателя, который все равно не разберется в ней, а для полуопытных искусствоведов. Эту опасность, пользуясь термином тов. Ленина, можно было бы назвать детской болезнью марксистского взгляда, болезнью того слоя коммунистической интеллигенции, которая, не считаясь ни с традициями—в данном случае—марксистского исследования, ни с реальностями той среды, в которой им приходится работать, желают перевернуть все сразу, самым радикальным образом, и попадают под влияние или своих субъективных целей или своей формальной логики. Лю Мэртен попала под влияние последней и пришла, от марксистских положений отправляясь к точке зрения замаскированного формализма, к чему-то вроде материалистического формализма.

Исходной точкой Лю Мэртен является то совершенно правильное положение, что началом всякого явления—в том числе и искусства—является материя. Но Лю Мэртен, применяя этот тезис к вопросам искусства, видоизменяет его до той степени, что он теряет свой истинный смысл и становится антидиалектической догмой.

В виду того, что книга Лю Мэртен не может быть здесь опровергнута в целом, и что формальный подход в социологическом исследовании

довании искусств имеет определенные традиции (Гаузенштейн, Либкнехт), мы заинтересовались в книге Лю Мэртен проблемой формы и содержания.

1. Форма и происхождение ее.

«Если мы занимаемся историей искусства, то мы занимаемся историей формы», говорит Гаузенштейн. И дальше: «Так как искусство есть форма, то и социология искусства, в конце-концов, только тогда заслуживает этого названия, когда она является социологией формы». Вот основные положения формального подхода социологии искусств. Но Лю Мэртен идет значительно дальше. Она ставит вопрос более резко и относится к своему принципу более последовательно. Искусство есть форма, заявляет Гаузенштейн; искусства вообще нет, а есть только форма, заявляет Лю Мэртен, и говорит об искусстве только в кавычках или в скобках. То, что мы называем искусством, есть не что иное, как «копия (Abbild) и сознание (Bewusstsein) формы», выдвинутой трудом, или «роскошь формы». В том числе, конечно, история искусств есть история изменений форм, а исследование сущности искусства есть исследование производственного начала формы. «Исходной точкой истории искусства остается форма как искусство», исходной точкой марксистского исследования сущности искусств является не искусство само по себе, но форма — говорит она (стр. 10).

Лю Мэртен отрицает название «искусство» для того, чтобы дать этому понятию его материалистическое значение; потому, что название это слишком скомпрометировано идеалистической эстетикой, которая подразумевает под этим названием «имманентную, абсолютную способность человечества» — и, наконец, она отказывается от употребления этого скомпрометированного слова в виду той опасности, что вместе со словом переходит в революционную науку об искусстве и часть идеалистического содержания его. Эта опасность уже имеется налицо, а именно в теориях о пролетарском искусстве, которые с названием — «искусство», «без всяких рассуждений или несознательно принимают понятие «искусство», как определенную вечную совокупность форм». (Стр. 6).

Лю Мэртен — практическая цель которой «создать научные, теоретические основы» разрешения проблем искусства, революционного искусства, которые становились актуальными и в рядах пролетариата — формулирует задачу своей книги таким образом: «Дело не в том, чтобы продемонстрировать на картинах и на словах, что есть именно буржуазное или небуржуазное, что хорошее или красивое, что нужно отрицать с точки зрения революционера, а дело в том, чтобы открыть те материалы и средства, из которых могут развиваться формы — или, если угодно, искусство — революционной жизни революционного общества». (Стр. 6). Разрешение этой задачи она представляет себе таким образом: — «если мы рассматриваем искусство или отдельные явления искусства в том виде его, когда

оно еще не отражает никаких идеологических оттенков, когда оно передает нам свою цель и сущность исключительно чисто-формальным образом, мы будем принуждены не только рассматривать искусство с чисто-материалистической точки зрения, но убедимся и в том, что то, что называется нами искусством, на самом деле есть или естественная или искусственная форма». Дальше она доказывает и то, что ведь религия тоже есть только форма, «форма субъективного содержания сознания». (Хотя немного дальше заявляет о том, что: «прежде чем может существовать религия, т.-е. идея и спекуляция, должны существовать формы»). Разница между естественной формой и искусством заключается в том, что форма соответствует «жизненным целям» (Vitalen Lebenszwecken), а искусство «может выполнить только малозначительные общественные цели — цели роскоши». (Стр. 286).

Лю Мэртен ставит проблему именно так для того, чтобы иметь возможность лучше выявить и подчеркнуть материалистический характер того, что называется нами искусством.

Но если есть опасность, что не вполне опытные марксисты примут идеалистическое содержание понятия искусства, как это полагает Лю Мэртен, то метод ее заключает в себе другую опасность. А именно опасность, что «форма», как термин для понятия «искусство», становится чем-то вроде сверхматериалистического, отвлекается от диалектической реальности своего развития, своей роли, и будет тем же самостоятельно выступающим понятием, чем было понятие искусства в идеалистической эстетике. Разница будет только в том, что, если у эстетов-идеалистов искусство — вечная «имманентная абсолютная способность человечества», — то здесь оно будет «чисто материальным» сознанием внешних, материальных явлений трудового процесса и средств этого процесса.

Лю Мэртен не избегает этой опасности. Она, исходя из вообще правильного материалистического понимания происхождения искусств (форм), приходит к такому толкованию проблемы искусств-«форм», где искусство теряет все свои имеющиеся на самом деле связи со всеми остальными явлениями общественной жизни, кроме явлений трудового, производственного и производственно-экономического процессов.

Происхождение первоначальной формы, как ядра искусства (формы), видит она, как и остальные марксисты-искусствоведы, в трудовом процессе. Первобытный человек, жизнь которого есть исключительно борьба за существование, и который не знает ни роскоши, ни «искусства», создает первоначальную форму в поисках подходящих средств для облегчения своего труда и для того, чтобы сделать этот труд более продуктивным. До этих первобытных форм существует уже определенная первобытная интеллигентность (способность), которая научает человека пользоваться существующими естественными формами (костями, камнями, плодами), но все-таки — «всякое изобретение и в том числе всякая форма происходит из труда, из определенной техники, которая обуславливается в одинаковой сте-

пени как первобытными, так и более совершенными орудиями труда, — эта форма появляется впоследствии нераздельно связанной с сущностью и целью труда и орудием его». (стр. 11).

Основное положение здесь, конечно, совершенно правильное. Об этом говорили такие авторитеты марксистского понимания искусств, как Плеханов. Но здесь нужно быть более осторожным, чтобы не впасть в банальные обобщения о трудовом процессе и искусстве. А именно нужно поставить ясно вопрос о том, что такое труд, техника трудового процесса. Если мы будем понимать это так, как это понимает хотя бы Лю Мэртен, то выходит, что труд и техника трудового процесса есть что-то имеющее свое самостоятельное значение, самостоятельную жизнь и природу. Но это уже отвлеченные явления, это уже не марксистское, а сверхматериалистическое понимание явлений. Труд, трудовой процесс и техника его — которыми безусловно определяется происхождение форм — есть реальная совокупность движений, которые тоже определяются чем-нибудь, определяются условиями двойного характера, а именно: 1) совокупностью материальных свойств (природы) той материи, над которой и в которой совершается совокупность движения (обрабатываемый материал и обрабатывающее орудие), и 2) определяются свойствами той материи, которая совершает движение, иначе: они определяются совокупностью естественных физиологических (возможность движений, сила и т. д.) и био-психологических (стремление сделать что-нибудь определенное) функций человеческого тела. Таким образом трудовой процесс, определяющий происхождение формы, есть довольно сложный процесс, в котором воздействуют возможность и потребность, как материальные силы, а не только одна возможность, как это выходит у Лю Мэртен.

Лю Мэртен, защищая свое «чисто материалистическое» положение, может быть, возразила бы нам, что ведь мы выдвигаем здесь идеалистическую точку зрения, говоря о «потребности», т. е. о стремлении сделать что-нибудь определенное. Это, ведь, не что другое, как «сознание», а именно то же самое сознание, которое является двигателем всего человеческого «творчества» в глазах идеалистов. Конечно, здесь ничего подобного нет, и возражение было бы совершенно неправильное. Ибо — потребность, о которой мы говорили выше, есть не результат сознания, а как раз наоборот — сознание, как психологический процесс, есть результат объективно существующих законов совокупности определенных материй. В этом — с материалистической точки зрения правильном — понимании сознания этого термина нечего бояться, как и нечего бояться термина «искусство».

Но пока говорится не об «искусстве», а о первоначальной форме, и о форме вообще, которую Лю Мэртен определяет следующим образом — «форма есть смысл (Vernunft) определенных средств, а не определенных идей» (стр. 35). Развитие ее «есть от содержания изолированное... формальное, техническое, производственное развитие». (Стр. 35).

Здесь мы видим у же самую ошибку, то же самое переувеличение материалистической точки зрения, которую видели выше. Лю Мэртен понимает сущность, возникновение и развитие формы (искусства) слишком просто, слишком недиалектически, принимая во внимание только одну линию общественных функций. Совершенно верно, что форма не является смыслом только «определенных средств». Определенное средство само по себе есть форма — естественная форма, но это еще не значит, что оно необходимо должно воспроизводить свою форму, или новую форму. Для этого нужен тот же самый сложный трудовой процесс, который мы охарактеризовали выше. И, таким образом, если мы хотим определить понятие формы, то мы должны это сделать не так, как Лю Мэртен, а приблизительно так: форма есть материальный результат процесса взаимодействия более или менее сложных материальных сил трудового процесса, как диалектического явления. Это будет, по-нашему, более точным, более верным и более марксистским определением. И после такого определения нельзя будет сказать, что развитие этой формы ложного происхождения представляет собой от содержания изолированное, чисто-техническое развитие.

Коренная ошибка Лю Мэртен, с последствиями которой мы встретимся по всей книге ее, заключается в том, что она рассматривает искусство не как сложную совокупность взаимодействия всех общественных сил, а просто как результат производственного процесса. И вот именно таким образом приходит она к формальной точке зрения, считая, что настоящее искусство есть основная форма жизненности определенной общественной эпохи, а все остальное есть только искусственное воспроизведение, искусственное оживление (или опыт оживления) этой основной формы. Придерживаясь этого принципа, она признает только следующие эпохи развития формы (как настоящего искусства): 1) Первоначальная (естественная) форма, возникшая в процессе искания трудовых средств (орудий) в борьбе за существование. Здесь Лю Мэртен еще признает естественное содержание этой первобытной формы, говоря, что: «первоначальная цель всякой формы есть ее содержание. «Картина (первоначальная цель всякой формы есть ее содержание) объекта для наслаждения. И. М.) не представляет собою никакого объекта для наслаждения в смысле искусства. Она есть картина. Цель ее — сообщение» (стр. 31). Эта первоначальная форма становится неестественной формой, т. е. искусством, если она повторяется ради искусственно внесенного в нее содержания. 2) Форма принудительно-коллективного труда (рабства). Такие формы — египетская пластика, материал которой — грубый камень, древне-греческая пластика, пользовавшаяся более изящным материалом (мрамором), восточная конструктивная архитектура и в Финикии движущаяся архитектура (суда). 3) Форма ремесленного труда, т. е. по-нашему средневековое искусство, в котором жизнеспособные формы предыдущих эпох развивались на основах форм иерархического общества и ремесленного труда. 4) Форма начинающегося машинного (фабричного) производства. Последняя

эпоха развития будет, по мнению Лю Мэртен, эпоха формы коллективного труда, форма, которая должна быть такой же естественной и такой же внеклассовой, какой была первобытная форма. Она будет развиваться на основе форм предметов будничной потребности и будет определяться «сознательной формальной диктатурой (Formdiktatur) машин». Все остальные, промежуточные эпохи истории человечества, по мнению Лю Мэртен, не имели самостоятельных форм (т.-е. искусства), а только «формы роскоши», только искусственность.

Чтобы это доказать, ей пришлось отрицать содержание и попытаться доказать, что содержание формы имеет ничтожное значение.

Но в подобном толковании имеется очень большая опасность. Отрицать содержание искусства и выдвигать на первый план формы его, — это значит смотреть на искусство с слишком узкой генетической точки зрения. Это значит не признавать, или отрицать, общественную роль, общественные функции искусства.

Об этом мы еще будем подробнее говорить в связи с вопросом об историческом развитии искусства.

2. Происхождение искусства.

Плеханов, в одной из своих статей («Критика наших критиков») полемизирует с Бюхером, доказывающим, что игра старше труда, искусство старше производства полезных предметов, противопоставляет теорию Г. Спенсера взгляду В. Вундта и делает вывод, что, наоборот, «утилитарная деятельность предшествует игре, и первая старше второй». В другой статье, о Н. Г. Чернышевском, он говорит следующее: «Взгляд на искусство, как на игру, дополняемый взглядом на игру, как на дитя труда, проливает чрезвычайно яркий свет на сущность и историю искусства. Он позволяет взглянуть на них с материалистической точки зрения».

Все это, на первый взгляд, будто бы не имеет никакого отношения к теории происхождения искусств в формулировке Лю Мэртен. Но если мы посмотрим, как понимает Плеханов игру и связь ее с трудом, то получается очень интересное сходство взглядов Плеханова и Лю Мэртен. Плеханов говорит: «Игра порождается стремлением снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы». По форме игра рождается из форм труда, она воспроизводит формы труда, но без содержания их, т.-е. без утилитарности форм труда. Другими словами: когда труд (и форма труда) потеряет свою утилитарную цель, которая является содержанием ее, — останется только форма, как удовольствие, как упражнение. И это есть игра, как «дитя труда», но одновременно это есть и искусство или корень искусства.

Лю Мэртен формулирует это же самое положение следующим образом:

Искусство, или то, что мы называем искусством, не рождалось, а развивалось. «Вначале не было искусства, было только ремесло,

которое проистекло из жизненной цели и необходимости» (стр. 186). Т.-е. сначала была форма, которая являлась «не специальной областью труда, а только средством к достижению самой цели» (стр. 12), она есть результат простого, трудового процесса и выражает жизненность (Vitalität) первобытного общества.

Вот эта первобытная форма становится искусством (или тем, что мы называем искусством) тогда, когда она теряет свое содержание и когда она воспроизводится искусственно не ради своего первоначального содержания или же не ради своей первоначальной цели, а ради искусственно внесенных в нее целей. (Как, напр., магия, религиозная цель или просто украшение и т. д.).

Здесь путь развития тот же самый, что и у Плеханова. Потеряв свою утилитарную цель, труд становится игрой — форма, потерявшая свое первоначальное содержание, становится искусственной формой, т.-е. искусством, о котором Мэртен дальше заявляет, что оно экономически ненужно и что «эта ненужность его есть его формальная вечность» (стр. 264).

Конечно, здесь уже теория Лю Мэртен совершенно расходится со взглядом Плеханова на искусство, и расходится она, вероятно, вообще со взглядами всех марксистов.

Мы должны опять-таки сказать: нельзя разрешать этот вопрос — вопрос возникновения искусства из «первоначальной формы» — столь просто. Решение, данное Лю Мэртен, правильно с формальной точки зрения, приемлемо с точки зрения генеалогии искусств, но, кроме этого, есть еще и другая сторона, которую нельзя игнорировать исследователю-марксисту.

Здесь, относительно перехода, формы в искусство, встает ряд очень важных, очень существенных вопросов, на которые у Лю Мэртен не получаем ясных, четких ответов.

Нам необходимо знать, как, какими общими признаками определяется то новое содержание, которое получает «искусственная форма» (игра, как дитя труда, или искусство). Необходимо также знать, есть ли общественная потребность в этом процессе перехода от утилитарной формы к неутилитарной «искусственной» форме, т.-е. нам нужно выяснить вопрос о запросе, вопрос, который почти совершенно не поставлен и не выяснен Лю Мэртен. В ответе на эти вопросы заключается и ответ на вопрос об исторической роли искусств в идеологии и психологии общества.

Здесь мы должны вернуться к выше выдвинутому нами положению о происхождении формы, где говорилось о возможности и потребности. Там мы поставили вопрос в плоскости более точной формулировки того определения, которым пользуются относительно происхождения искусства Лю Мэртен и вообще создающаяся марксистская наука об искусстве. Здесь мы увидим, какое значение имеет эта точность формулировки по существу.

Повторим наше общее положение, которое говорит: форма есть материальный результат процесса взаимодействий более или менее сложных материальных сил трудового процесса, как диалекти-

ческого явления. Сложность этого процесса заключается в том, что он определяется не только природой неорганической или неживой материи, посредством которой и над которой совершается процесс труда, но и природой той органической материи, т.-е. того человека, который в своей борьбе за существование нуждается как в естественных формах природы, так и в формах, создаваемых им. Для того, чтобы определенная форма вообще возникла, необходимы силы и свойства и той и другой материи. С теоретической точки зрения происхождения, можно считать обе группы сил равноправными, а с точки зрения практики происхождения—равнозначимыми. Но если все это так, то мы никак не можем считать форму, как результат трудового процесса, последним и единственным результатом его, а должны обратить не меньше внимания и на то, какую задачу имеет эта форма в человеческой жизни в момент ее появления, и какую роль выполняет она диалектически, и таким образом мы приходим к вопросу о содержании труда и результатов трудового процесса, на который мы можем ответить таким образом: содержание есть совокупность актуальной, жизненной задачи и исторической роли всякой формы.

Это—одно относительно той первоначальной формы, как это называет Лю Мэртен, или тех результатов первобытных трудовых процессов, которые можно считать родителями искусства.

Теперь дальше; если мы посмотрим на процесс развития искусств из этих первоначальных «форм», то нам придется исходить из той точки зрения, которая руководила нами при рассмотрении происхождения форм и которая требует от нас прежде всего иметь в виду сложность процесса, вырабатывающего «форму».

Человек, пользующийся естественными формами природы и создающий новые формы, делает это ради материального обеспечения своей жизни. Делает он это сначала инстинктивно, под давлением физиологических законов своего тела, потом сознательно, систематизируя эти законы, которыми он регулирует свои отношения к внешнему миру. В этом втором, сознательном периоде, когда уже человеком осознана некоторая закономерность отношений к трудовому процессу, постепенно выдвигается сознание инстинктивного чувства (т.-е. инстинктивных рефлексов) уверенности или неуверенности своего положения. Трудовые процессы жизни первобытного человека таким образом дифференцируются: часть их обслуживает обеспечение человека питанием, а часть идет на дело восстановления известного равновесия между уверенностью и неуверенностью. Роль этого равновесия, конечно, не этическая; оно является просто средством сделать человека более способным для дальнейших трудовых процессов. Оно, это равновесие, есть такое же материальное явление, имеет такое же сначала биологическое и затем общественное значение, как и труд. Они оба являются необходимым средством, формой борьбы за существование. Разница в том, что если труд есть внешний процесс изменения данных форм данного материала посредством определенных движений человеческого

тела и средств, то равновесие есть отражение в человеке, как в живой материальной единице, отношения к результатам труда и к жизненной обстановке его.

Форма труда, как внешнего материального процесса, — движение. Форма равновесия, как результат внутреннего процесса физиологических изменений, есть или определенное сокращение определенных движений (форма пассивная) или повторение определенных трудовых движений (активная форма). Основная пассивная форма равновесия — сон. Основная активная форма его — крик, прыжки и т. д.

Здесь нет надобности подробно установить все первоначальные формы равновесия. Мы установили чисто материальный, чисто-физиологический характер равновесия, который нужен будет нам далее, и теперь можем вернуться к вопросу о происхождении искусств и к вопросу о содержании как первобытного искусства, так и искусств вообще, в плоскости истории развития его.

Лю Мэртен совершенно права, когда она в заключении своей книги заявляет: «Результат исследования происхождения формы, называемой сегодня искусством, показывает, что в начале ее не было никаких представлений об искусстве (Kunstvorstellungen) и никаких идей. Формы происходили из важных жизненных целей (Lebenszwecken), они являлись средством достижения этих целей. Как первобытный, так и совершенный вариант формы происходит из того же самого источника — из труда» (стр. 286). Здесь правильное общее положение. Но дело как раз в том, что мы не можем удовлетвориться обобщенными положениями. Первоначальную форму (первобытное искусство) можно только исторически, а никак не по существу отделить от искусства. В обоих должно быть, кроме развивающейся одной основной формы, что-то, в чем заключается разница между формами простого, скажем — утилитарного, трудового процесса, и формами того, что мы называем искусством. Лю Мэртен не видит и не устанавливает этой разницы, ибо она признает искусством только основные формы общественной жизни, а во всем остальном видит только пустую «самоцельность» (Selbstzweck) без жизненной цели оставшейся внешней формы. Все это потому, что она не видит и не признает содержания этой формы или смешивает ее с темой, которая по-нашему представляет собой в художественном произведении не содержание его, а тоже формальную часть. Вследствие этого Лю Мэртен не может нам конкретно назвать те «важные жизненные цели», из которых происходит искусство.

По-нашему эта «цель» — которая на самом деле не цель, а необходимость — есть содержание искусства, отличающее его от простых форм трудового процесса. Это содержание глубоко утилитарное, и называется оно — равновесием.

Первобытный человек делает определенные движения, чтобы добиться, скажем, еды. Добившись еды, он повторяет эти движения или часть их, когда появляется физиологическая необходимость восстановить равновесие своих мускулов. Первобытный человек, желая дать знак своему товарищу по охоте, произносит определенные

крики. Он повторяет эти крики или часть их и без «утилитарного» содержания, когда в этом появляется биопсихическая необходимость.

И вот мы имеем перед собой те же формы, которые называются вообще первобытным искусством. Разница между двумя формами не в способе их появления, а в содержании их.

Таким образом, мы можем сформулировать наше первое основное положение так: первобытное искусство есть отражение и зафиксирование восстановления, главным образом, физиологического и, помимо этого, и внешнего равновесия первобытного человека. Оно, это искусство, материальное и по форме, которая определяется существующими уже формами трудового процесса, и по содержанию, которое есть объективная физиологическая необходимость. Оно связано самым тесным образом с человеческим трудом не только потому, что форма их тождественна, т.-е. связано не только формально (как это выходит у Лю Мэртен), но и по содержанию, потому, что содержание его (равновесие) определяется качественно и количественно качеством и количеством трудового процесса ¹⁾.

3. Развитие искусства, или «изменение форм».

В ходе исторического развития искусств характер первобытного искусства постепенно еще более усложняется. Это усложнение начинается с того, что содержание, в котором мы в первую очередь рассматривали явления физиологического порядка, в то же время выражает и биологическую необходимость. Второй момент развития — когда инстинкты равновесия, модус достижения его и эмоции, возникающие при достижении его, становятся сознательными. Человек осознает, что определенные движения (в самом широком смысле этого слова) нужны ему, ибо они дадут такие-то чувства радости, т.-е. такие-то успокоительно действующие физические рефлексы. Он старается сохранить возможность этих самых движений, старается сделать их более продуктивными (т.-е. менее утомительными и более приятными), и когда он в следующий раз пользуется ими, он пользуется уже не формами трудового процесса, а сознательно упрощенными или усложненными возможностями формы художественной. Но когда мы можем говорить уже о сохраненных, упрощенных или усложненных формах, то мы имеем перед собой систему форм и содержания их, систему, которая представляет собою результат одновременных, коллективных опытов. И, на самом деле, только с этого момента начинается искусство в полном смысле слова, выражающее уже не только физиологическое равновесие человеческого тела, а общее сознательное стремление людей, живущих в общих внешних (экономических и производственных) условиях, к сознательно желаемому равновесию.

¹⁾ Чем менее утомителен трудовой процесс и чем больше результатов он дает, тем скорее появляется восстановленное равновесие и тем более активные формы оно выдвигает.

Возьмем несколько примеров, на которых доказывает материалистический характер искусства и Лю Мэртен. Первобытный рисунок, по мнению Лю Мэртен, есть просто переживание действительности (Tatsachenerlebniss), простое сообщение о действительных вещах. Пластика — подражание в действительности существующим пластическим формам. Это верно. Но дело в том, почему вообще рисует дикарь, почему сообщает что-то путем рисования и почему рисует как раз то, а не что-то другое. Почему подражает и чему подражает? На эти вопросы мы ответа получить, ограничиваясь только формальной стороной, не можем. Нам нужно знать, какую роль играет в жизни его тот предмет, посредством форм которого он сообщает что-нибудь, что сообщает он и кому сообщает. И мы получаем целую систему чисто материальных, экономических, производственных отношений, состояние которых отражается на осознании своего положения в этой системе. Дикарь рисует, скажем, тигра потому, что этот самый тигр, появляющийся в его жизни, нарушил порядок этой материальной жизни — нарушил его равновесие. Когда он в реальности встречает тигра, он защищается от него. Когда, в известном порядке ассоциации мыслей, вспомнит тигра — он рисует его. Рисует не потому, чтобы символически овладеть им, как это полагается разными теоретиками, а по более простой причине, а именно потому, что чувствует уверенность своего положения, чувствует радость ¹⁾ своей победы над тигром — чувствует свою уверенность. Рисунок тигра как-раз и есть отражение этой радости, радости не индивидуальной, а общей и на высшей ступени развития — общественной, т.-е. рисунок тигра есть отражение определенного общественного равновесия. Оно и есть содержание данного рисунка.

Но мы здесь приходим к более подробной мотивировке характера равновесия, как содержания художественных произведений. Подчеркиваем — равновесия, как содержания художественных произведений. Когда человек занимается производственным трудом в самом широком смысле этого слова, равновесие отсутствует, и труд является средством восстановления равновесия. Но когда он занялся непроизводственным трудом, равновесие восстановлено, и результат этого труда является уже не средством, а предметом зафиксирования (отражения) результатов трудового процесса. Если мы именно так смотрим на взаимоотношения производственного и непроизводственного труда, то, во-первых, не можем отрицать общественную нужность искусства, не можем говорить, как говорит Лю Мэртен, об экономически ненужном искусстве, а, во-вторых, не можем впасть в односторонность формальной точки зрения, которая в искусстве видит только форму, выдвинутую трудом. Но дальше, мы не можем говорить и о том, что развитие искусства — или по терминологии Лю Мэртен «изменение форм» и создание новых форм —

¹⁾ Радость здесь, конечно, не идея, не метафизика, а определенная совокупность движений определенных частей, определенного органа тела.

определяется исключительно диалектикой техники производственного процесса.

Конечно, мы очень хорошо знаем, что искусство появляется в формах, в формальных возможностях, созданных заранее производственным процессом труда — но мы, помимо этого, знаем и то, что эти формы воспроизводятся в виде разных родов искусства не ради внутренней, технической диалектики форм труда, а ради их содержания.

Чтобы привести пример из нашей современности, — чем объясняется, например, художественное направление так наз. неопримитивистов, которые в XX веке решили вернуться к формам первобытного искусства?

Лю Мэртен полагает, что это не есть искусство, а только искусственное воспроизводство форм, наполненных чужим содержанием. Но по-нашему, это не значит научно решить вопрос, а обойти его. Если мы желаем получить положительный, с марксистской точки зрения приемлемый ответ, то нам необходимо придется рассмотреть содержание неопримитивизма. И тогда мы находим, что неопримитивизм является отражением, зафиксированием общественно-идеологического равновесия мелкой буржуазии, которая в силу резко выявляющихся противоречий общественно-экономических интересов мелкой буржуазии и крупного капитала, не находя реальных выходов, ушла от реальности и дошла до мистических уклонов, до Шпенглера, до экспрессионизма, до неопримитивизма. Но, разбирая этот вопрос более подробно и в исторической плоскости, мы найдем кроме того еще нечто. Найдем, что этот самый неопримитивизм, или любое из направлений любой эпохи, органически выделяем из исторической линии развития самих искусств, и найдем в нем те силы, которые диалектически влияют и на следующий шаг в развитии искусств. По мнению Лю Мэртен, влияют они только формально. По-нашему — исторически, т. е. в целом, как совокупность форм и содержания, из которых ни одного, ни другого нельзя исключить из реального хода диалектики.

Возьмем здесь более значительный пример из области литературы. Первоначальная форма литературы есть определенная систематизация названий реальных вещей и внешняя характеристика их, вроде «тигр большой, тигр с ест, у тигра зубы» и т. д. Выходит очень примитивная дидактическая поэма. Следующий этап развития — когда говорится уже о свойствах вещей, например, «тигр злой», потом выражаются и отношения человека к вещи, — получается лирика. Несомненно, что первая форма литературы, примитивная, дидактическая поэзия и последняя — лирика представляют собою два различных вида литературы. Но, спрашивается, можно ли объяснить это развитие только тем, что создались новые слова и что изменился ритм труда или пляски, при которых эти поэмы распевались? Можно ли полагать, что это развитие есть только изменение форм. По-нашему — нельзя. Нельзя потому, что вместе с созданием новых слов и изменением ритма труда изменилось и то

объективное положение человека, при определяющих условиях которого создается общественное равновесие его. Чтобы у него появилась необходимость пользоваться новыми словами или выразить раньше для него не существующие отношения к внешнему миру, нужны не только новые слова и возможность соединения этих слов, но и изменение качества и количества факторов отношения человека к внешнему миру, изменяющих его общее положение, как и уверенность его в них. Т. е., несомненно, имеется налицо качественное и количественное изменение его равновесия. И только диалектическое соотношение изменений форм и содержания порождает «новую форму», новую отрасль, в данном случае — литературы.

Можно было бы еще привести примеры, доказывающие, что развитие искусств есть именно развитие в силу постоянной диалектики формы и содержания, определяемых не только техническим развитием производственных форм, а общим ходом общественного развития — а не только изменение форм, как это полагает Лю Мэртен. Но мы полагаем, что можем перейти к следующему вопросу: к вопросу об общественной необходимости и о потребности.

На самом деле на этот вопрос мы уже имеем ответ, и здесь придется с некоторыми оговорками только формулировать его.

Нужно ли искусство, есть ли в нем потребность не только со стороны создающего его, со стороны художника, но и со стороны воспринимающих — со стороны общества? Если мы подходим к вопросу с формальной точки зрения, то мы можем доказать и нужность и ненужность художественных произведений. Можем доказать, как доказывает Лю Мэртен, говоря о пролетарской драме, что «всякие переходные явления искусства... представляют собой только орудия борьбы, которые так же хорошо, если не лучше, могут пользоваться и другими формами» (стр. 72).

Общественный класс, который в известную эпоху развития добился известных форм своего существования, добился известной системы своего производства, своего экономического положения, государственного (политического) строя и т. д., в зависимости от характера диалектики производственных сил, старается или закрепить, или реформировать, или совсем перевернуть существующие формы общественной жизни.

Как раз в виду того, что в обществе отвлеченных явлений нет, и всякие явления общественной жизни посредственно или непосредственно связаны между собой, и все они в свою очередь связаны с материальным производством, — стремление класса к зафиксированию, к реформам или к революционному перевороту появляется не только в одной области общественной жизни, а закономерно переносится на все области ее. Но если это так, то как может марксист сомневаться в том, являются ли общественно нужными агитационная драма или любое явление искусства. Искусство не пустая форма, а внешнее материальное выявление определенного содержания. Оно отражает как раз это стремление к зафиксированию, к реформам или к революционному перевороту данных общественных резуль-

татов. Это можно доказать на любом примере из истории искусств. Египетская монументальная архитектура, эпика Гомера, готика были отражением желания зафиксировать существующее в данную эпоху общественное равновесие. Драматические произведения эпохи Эврипида и Аристофана, эпоха возрождения в целом, реализм в литературе прошлого века были отражением желания реформировать общественное равновесие. Как пример отражения стремления к совершенной перестройке равновесия, мы можем взять искусство катакомб, натурализм и пролетарское искусство. Все они выполняли общественную задачу, общественную роль, соответствовали определенному общественному запросу.

Это азбука марксистского исследования искусства, которую можно не принять только в том случае, если искусство понимается исключительно как форма, как отвлеченный результат формальных возможностей производственного процесса.

Лю Мэртен права в том, что новые «формы», т.е. новые роды, новые стили создаются не идеями, не человеческим желанием, права в том, что форма изменяется в силу изменений форм производства, но дело в том, что изменяется не только форма, но и содержание. Они изменяются оба, изменяются диалектически, и в этой диалектике получается историческое развитие искусства.

Мы можем здесь еще больше уяснить характер этой диалектики. Этот характер определяется, тоже исторически, взаимоотношением нужности (запроса) и возможности. В эпохи революционного переворота имеется общественная потребность в искусстве, отражающем необходимость перехода к новому равновесию всего общественного строя. Но в виду того, что налицо имеется только еще необходимость, как результат известных противоречий, а нового равновесия, как ликвидации противоречий, еще нет, не могут иметься и формы этого нового равновесия. Таким образом, в искусстве получается то же самое противоречие, которое, в другом виде, имеется и в обществе—закономерное противоречие формы и содержания. По мере осуществления нового равновесия в производстве, в экономическом положении, по мере зафиксирования этого нового равновесия появляются сначала новые материальные формы, потом вследствие этих новых форм равновесие общественной психики и идеологии—и вместе с ними начинают развиваться возможности новых форм в искусстве. Но содержание этих новых форм уже не то, которое было в начале процесса. Здесь есть необходимость и потребность не в отражении стремления к новому равновесию, а потребность в отражении зафиксирования нового равновесия. В этом периоде развития искусство не революционное, а наоборот консервативное, синтетично-классическое. Когда в общественной жизни появляются новые силы (производственные, экономические, политические и т. д., по линии взаимоотношений всех общественных сил), которые возбуждают такие противоречия, ликвидирование которых является возможным и в данных общих условиях, появляется необходимость известных реформ, поправок. Эта необходимость, начиная с форм производства, проходит всю скалу

общественных явлений и, доходя и до психологии и искусства, выдвигает потребность в отражении общественного стремления к реформам известных элементов равновесия. И перед нами третий период развития искусства, для которого характерен как в формальном отношении, так и относительно содержания полусознательный, полуинстинктивный компромисс. Содержание (искусственная поправка равновесия) есть само по себе компромисс, а форма представляет собой такой же искусственный компромисс между разными возможностями уже существующих форм, ради спасения существующих основных форм данного общества или же господствующего в нем класса.

Если мы рассматриваем «сущность» и «форму», т.е. историю содержания и формы в искусстве именно в таком разрезе, мы получаем реальный, объективный базис для нашего отношения к нашей действительности, к создающемуся революционному пролетарскому искусству. И, стоя на этом базисе, нам нечего пугаться термина «искусство», которое не есть «форма», а сложная живая совокупность формы и содержания, сложного, но всегда живого происхождения. Оно есть художественное отражение стремления общества или определенного общественного класса к возможно полному равновесию всех элементов общественной (или классовой) идеологии и психики данной исторической эпохи, отражающих диалектику материальных, производственно-экономических сил данного общества; это художественное отражение, в зависимости от резкости общественных (классовых) противоречий, является или сознательным (активным, революционным, «строительным»), или полусознательным, эмоциональным (пассивным, забавляющим), или, наконец, эмоционально и сознательно уверенным, синтетичным, «познавательным» (классическим).

В этой формулировке искусства мы получаем объективное содержание искусства, выявляющееся посредством идеологических и психологических форм (ем) своего класса и историческими формальными возможностями, определенными материальным производством в целом. Это объективное содержание останется тем же самым во всех видах искусства определенных общественных эпох и меняет только характер своего появления в разных отраслях искусства, зависимо от материи (слово, краска, звук и т. д.), в которой оно формируется. Увидеть и принять это объективное содержание, конечно, никак не значит, принять «вечность искусства» или смотреть на искусство, как на «имманентную способность человечества», как это Лю Мэртен полагает о марксистах-искусствоведах вообще. Но не признать такого объективного содержания, а видеть, с одной стороны, только форму, а с другой, только цель и тему—значит не разбираться ни в поставленной перед собой проблеме, ни в задаче марксиста относительно вопросов искусства, который должен не упразднить идеологические и психологические силы в искусстве, а объяснить как их происхождение, так и развитие их, роль и диалектическое место.

Но к выполнению этой задачи формальный, хотя и материалистически освещенный формальный, метод совсем не пригоден.

Заключение.

Мы постарались подробно выяснить характер диалектического взаимоотношения формы и содержания. Поскольку это нам удалось, мы имеем и решение нашего основного вопроса—решение проблемы формы и содержания в искусстве.

Когда мы говорили неоднократно о том, что нельзя разрешать вопрос происхождения, развития и т. д. искусства так просто, как они разрешаются в книге Лю Мэртен, и когда установили определение труда—формы, как результата трудового процесса и, наконец, искусства, то мы видели, что во всех этих явлениях, кроме того, что называется формой, есть еще что-то, чего нельзя назвать формой. Есть возможность и потребность, естьдвигаемое и двигающее. есть форма и равновесие и т. д. Характерно здесь, что эти элементы выступают вместе, и ни один без другого не может существовать. То же самое, когда мы говорили о содержании. Равновесия, «как такового», конечно, нет. Оно есть, как определенная система физиологических, биологических, общественно-психологических и идеологических элементов, т. е. оно одновременно есть и форма.

Таким образом, если мы все это переведем на язык поставленной нами проблемы, то выходит, что проблема формы и содержания в искусстве есть одновременно проблема того и другого. Они могут рассматриваться отдельно только теоретически, как абстрактные элементы диалектики, но они имеют в реальности одинаковое значение, одинаковую ценность и важность в историческом ходе развития всякого искусства.

Они представляют собою неделимое диалектическое единство той реальной совокупности, которая называется нами искусством—не «имманентной способностью», и не «формой»—а именно искусством.

И. Мана.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О „починке“ тов. Ефимова ¹⁾.

Вместо того, чтобы очистить „от добавочных значений, которые мешают правильно понять и целесообразно пользоваться“ термином „производительные силы“, тов. Ефимов в своем „опыте исследования термина“ еще больше абстрагирует его понятие, чем только больше затуманивается ясность его определения.

„Производительные силы капиталистического общества—это его действующие в производстве рабочие силы“, — так определяет тов. Ефимов „производительные силы“.

На первый взгляд может действительно показаться, что в этом определении есть что-то новое. Между тем, это есть только обобщение того материалистического определения, которое так отчетливо дают т. Бухарин и т. Трахтенберг и в котором нет ни доли искажения понятия „производительных сил“, данного К. Марксом.

Что же такое „действующие в производстве рабочие силы“, о которых говорит т. Ефимов в своем новом определении? Это—сумма сил рабочего, занятого в производстве, и работающей машины—действующих средств производства. Вот на этот момент действия, дающего определенный экономический эффект, в виде прибавочной стоимости, особенно опирается тов. Ефимов. Но разве т. Бухарин, говоря, что „под производственными силами общества мы будем разуметь совокупность средств производства и рабочих сил“, полагал бездействующие машины и безработных рабочих? Машины, технические приспособления, все средства производства есть результат затраты рабочего труда для дальнейшего применения в работе всех средств производства. Это аксиоматично. Конечно, в момент забастовок, приостановления пульса, т. е. временной смерти капиталистического производства, все машины, все средства производства теряют свое значение рабочей силы, как и безработные рабочие. Точно так же и во время кризисов из общего количества производительных сил необходимо исключить неработающие машины и свободных безработных рабочих.

Получается впечатление, что тов. Ефимов ломится в открытую дверь. В самом деле: по определению т. Бухарина, лом в совокупности с рабочей силой—производительная сила, а по определению т. Ефимова „лом сам по себе ничего не производит, к лому надо приложить какую-то силу“. В чем же разница? В результате как т. Бухарин, так и т. Ефимов говорят об одном и том же и одинаково объясняют „производительные силы“. Единственной разницей в определениях т. Бухарина и т. Ефимова является то, что у первого оно ясно и более расчленено, чем у второго.

¹⁾ См. в 13 й кн. „В. К. А.“ ст. т. Ефимова „Производительные силы“.

Из всей статьи тов. Ефимова правилен только вывод, что если Маркс в свое время мог подвести итоги производительным силам, то нам в наше время можно сделать это значительно легче.

А. Каменский.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция не считает краткую заметку А. Каменского исчерпывающей вопрос и даст на страницах журнала место для более основательного изложения проблемы и более убедительного возражения т. Ефимову.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ЛИТЕРАТУРА ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

От Секции Права и Государства.

Секция Права и Государства постановила печатать библиографическую работу т. Я. С. Розанова, пытающуюся дать возможно полный обзор литературы на русском языке по основным вопросам теории права и государства в марксистском освещении, включая и критические или полемические работы принципиальных противников марксизма на эту тему. Это, насколько нам известно, является первым опытом подобного рода и безусловно страдает неполнотой. Но работа все-таки настолько необходима, что мы решили ее не откладывать. Сам автор пишет, что „его работа, как первый опыт, не претендует на исчерпывающую полноту“, но он полагает, что „этой работой будет положено начало библиографии теории права и государства“. И в этом автор, конечно, прав.

Мы не решились внести те или иные мелкие поправки в перечень и группировку авторов, раз эти поправки не могут иметь исчерпывающего характера. Автор понятие „марксистский“ берет в слишком широком понимании и при такой оценке количество работ можно было бы значительно расширить. Зато применяя лишь мерку революционно-марксистскую, мы слишком сузили бы список работ, и нам пришлось бы ограничиться весьма узкою сферой.

Автор проделал еще деление сочинений на 3 группы по следующей формуле: „последовательные марксисты, ревизионисты и примыкающие с теми или иными оговорками и принципиальные противники, по преимуществу из старых академических кругов“ (см. предисловие автора).

Это деление оказалось при нынешних условиях весьма неудачным. То, что мы еще до революции 1917 г. считали марксистским, ныне часто получает антимарксистский характер или оттенок, особенно если те же авторы ныне перепечатывают свои старые работы. С точки зрения революционного марксизма значительную часть работ без звездочки пришлось бы снабдить двумя звездочками. Но раз автор эту работу деления проделал, мы печатаем его работу без изменений, лишь с определенной оговоркой, что мы несогласны с этим делением. И сам автор в препроводительных строчках признает всю трудность „провести грань между тем или иным ревизионистом и обыкновенным буржуазным противником, так что, пожалуй, исчезает и основание их разграничивать“. Но автор все-таки „проводит разграничение с целью показать, что некоторые „бывшие люди“, даже перекинувшись в лагерь буржуазии, не могут уйти от того или иного влияния Марксовых идей“. Тут автор неправ. Он забывает слова Ленина, что „учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создаю и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто призывает только борьбу классов, тот еще не марксист (курсив мой. П. Ст.), тот может оказаться еще выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики и т. д.“ (XIV, 2, стр. 323). Еще в большей степени это относится к „экономизму“ в виде учения об экономических факторах (напр., в уголовном праве) и т. п. Но если и отбросить это деление, работа т. Розанова своей библиографической ценностью не теряет.

П. Стучка.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий указатель является, насколько нам известно, первым опытом систематического учета литературы, посвященной марксистскому освещению основных вопросов права и государства. Едва ли следует особенно распространяться относительно того, насколько назрела потребность в таком указателе. Как первый опыт он, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту; автор подлагает, что настоящей работой будет положено начало дальнейшей библиографизации литературы по теории права и государства.

В настоящий указатель включена литература за период до наших дней, начиная с 1865 г., когда в декабрьской книжке „Русского Слова“ знаменитый редактор „Набата“ П. Ткачев впервые в нашей литературе указал, что историко-материалистический метод Маркса является единственно научным методом, оперируя которым можно вскрыть истинную природу права, коренящуюся в экономических условиях общества¹⁾.

Все авторы распределены по трем направлениям: последовательных марксистов, ревизионистов и примыкающих с теми или иными оговорками и, наконец, принципиальных противников, по преимуществу, из старых академических кругов.

Произведения первого направления не снабжены никакими значками, произведения же второго снабжены одной звездочкой, а третьего—двумя.

Весь приведенный материал трудно уложить в стройную схему с точностью, не допускающей никаких возражений. Приходится иметь в виду, что в некоторых случаях грань между тем или иным „ревизионистом“ и обыкновенным буржуазным противником настолько слабо прощупывается, что, пожалуй, исчезает и основание их разграничивать и, если, тем не менее, это разграничение проводится, то лишь с целью показать, что некоторые „бывшие люди“ даже перекинувшись в лагерь буржуазии, не могут уйти от того или иного влияния Марксовых идей.

Наряду с книжной²⁾ и журнальной литературой, приводятся также и некоторые рецензии, имеющие принципиальный характер, в особенности если они касаются произведений, чем-либо особенно обративших на себя внимание.

Я. Розанов.

10—IV—1925.

¹⁾ О Ткачеве см. у Д. Рязанова: „Очерки по истории марксизма“, стр. 439, 441, 442. *Я. Р.*

²⁾ В отношении некоторых авторов, как, напр., Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, ссылка на то или иное произведение делается только по полному собранию их сочинений, дабы не загромождать указатель лишними данными о тех или иных отдельных изданиях и, кроме того, пользуясь определенным изданием, иметь возможность указать точно страницы, относящиеся к тому или иному вопросу.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹⁾.

1. Авербух, Р. А. Олар и теория насилия. «Печ. и Рев.». 1925. I. Стр. 43—61. (По поводу книги Олара: «Теория насилия и Франц. Революция»). Об этой кн. см. также ст. Моносова «Насилие и французская революция». «Под знам. марксизма». 1924 г. № 8—9. Стр. 272—282.

2. Адоратский, В. О государстве. Изд. Соц. Академии. 1923. Стр. 148. См. рец. Стучки. «Печ. и Рев.». 1923. II. Стр. 204—206.

3. Его же. Рец. на «Революционную роль права и государства». П. Стучки. «Печ. и Рев.». 1923. II. Стр. 186—187.

4. Его же. Научный коммунизм Карла Маркса. Изд. «Красная Новь». 1923. См. гл. IV, § 30. О праве. Стр. 124—133. § 31. О государстве. Стр. 134—138.

5. Аксельрод, Л. Новая разновидность ревизионизма. См. сборник ее статей: «Философские очерки». Третье издание. ГИЗ. 1924 г. Стр. 183—184.

6. Ее же. О «Проблемах идеализма». См. сборник ее статей: «Против идеализма». ГИЗ. Москва. 1922 г. Стр. 21—24.

7. Ее же. Два течения. Сборник. «На рубеже». СПб. 1909 г. Стр. 246—247.

8. Ее же. Иоанн Готтлиб Фихте. См. сборник ее статей: «Против

идеализма». Второе издание. ГИЗ. 1924 г. (О праве на революцию) Стр. 86—89.

9. Ее же. Простые законы права и нравственности. «Дело». 1916 г. I. См. ответ Мартова: «Простота хуже воровства».

10. ** Алексеев, Н. Н. Очерки по общей теории государства. «Московское научное издательство». 1920 г. См. гл. «Государство, как соотношение между социальными группами». Стр. 115—125.

11. Берлин, П. Парламентаризм и рабочий класс. «Образование». 1906 г. IX. Стр. 107—122. X. Стр. 247—265.

12. Его же. К кризису парламентаризма на Западе. Сборник «Вершины». СПб. Изд-во «Прометей». 1909 г. Стр. 249—262.

13. Его же. Парламент и общественное мнение. (Борьба народа с парламентом в Англии). «Образование». 1908 г. VII. Стр. 72—85.

14. Берман, Я. А. Экономика и гражданское право. «Записки Коммунистического ун-та им. Свердлова. Том I. 1923 г. Стр. 28—79. Том II. 1924 г.

15. Берман, Я. А. Основные вопросы теории пролетарского государства. Изд. Наркомюста РСФСР. 1925 г. Стр. 147.

Мысль, Коммунистический Путь, Коммунистическая Революция, Красная Новь. Летопись, Молодая Гвардия, Научные Известия, Научное Обозрение, Образование, Под Знаменем Марксизма, Правда, Право, Пиво и Жизнь, Пролетарская Революция и Право, Путь к Коммунизму, Русское Богатство, Русская Мысль, Слово, Советское Право, Современный Мир, Техника, Экономика и Право, Юридический Вестник.

Перечень использованных журналов: Архив Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Вестник Жизни, Вестник Коммунистической Академии, Вестник Права, Вопросы Философии и Психологии, Дело, Журнал Журналов и Энциклопедическое Обозрение, Записки Коммунистического Университета имени Я. Свердлова, Записки научного общества марксистов, Коммунистическая

16. Бердинский, С. Диктатура пролетариата и экономический базис. ГИЗ. 1925. М. Стр. 76.

17. * Богданов, А. Цели и нормы жизни. «Образование». 1905 г. VII. (То же в сборн. его статей: «Новый мир», изд. «Коммунист»). Стр. 38—89.

18. Его же. Развитие фетишизма норм. См. его книгу: «Падение великого фетишизма». Изд. С. Дороватовского и А. Чарушниковой. 1910 г. Стр. 32—56.

19. Борисов, Г. Диктатура пролетариата. Социально-политическое обоснование. ГИЗ. 1919 г. Стр. 43.

20. * Булгаков, С. Хозяйство и право. В «Сборнике по общественно-юридическим наукам». СПб. 1899 г. Стр. 53—82. Перепечатано также в сборнике его статей: «От марксизма к идеализму». СПб. 1903 г.

21. * Его же. О закономерности социальных явлений. По поводу «Хозяйство и право» Штамплера. «Вопросы философии и психологии». 1896 г. V. Статья эта также перепечатана в его сборнике статей «От марксизма к идеализму». СПб. 1903.

22. Бухарин, Н. Теория исторического материализма. ГИЗ. 1922 г. § 38. Надстройки и их структура. Стр. 167—170. § 47. Революция и ее фазы. Стр. 302—304. § 48. Закономерность переходного периода и закономерность упадка. Стр. 309—312. (Критика Кунова). § 57. Классовая борьба и государственная власть. Стр. 357—360.

23. Его же. Теория пролетарской диктатуры. Сборник его статей: «Атака». ГИЗ. 1924. Стр. 89—114.

24. Его же. Ленин, как марксист. Сборник его статей «Атака». ГИЗ. 1924 г. Стр. 267—270. «Государство. Пролетарская диктатура. Советская власть». (Впервые в «Вестн. Коммунист. Академии», 1924 г. VII. То же отд. изданием, ГИЗ. 1924).

25. Его же. Экономика переходного периода. ГИЗ. 1920 г. Гл. II. «Экономика, государственная власть и война». Стр. 17—26.

26. Его же. К теории империалистического государства. В сборнике «Революция права». Изд. «Ком. Акад.», 1925.

27. В. И. В. Вопросы исторического материализма. (О государстве). «Записки Коммунист. Ун-та имени Свердлова». 1923 г. I. Стр. 21—27.

28. Вегер, В. Очерки государства и общества. Изд. Ун-та им. Свердлова. 1921 г.

29. Его же. Право и государство переходного времени. (Хрестоматия). Изд. Свердлова. Ун-та. 1924 г. Стр. 245. См. рец. И. Луппол: «Под Знаменем Марксизма». 1924 г. № 3.

30. Его же. Рец. на «Революция роль права и государства» П. Стучки. «Советское право». 1923 г., I. Стр. 135—137.

31. Его же. Учение о праве и государстве. Изд. ун-та им. Свердлова.

32. Вегер, В. и Стучка, П. Ленин о пролетарском государстве. С предисловием и примечаниями. Хрестоматия. ГИЗ. 1924 г. Стр. 440.

33*. Вольтман, Л. Система морального сознания. См. гл. «Государство и право». Стр. 276—280.

34. Вольфсон, С. «Современные критики марксизма. Под знам. маркс.». 1924 г. № 8—9. Стр. 246—271.

35**. Гамбаров, Ю. Курс гражданского права. Том I. Часть общая. СПб. 1921 г. См. гл. «Переход от натурального хозяйства к денежному». Стр. 73—78. «Экономическое направление в юриспруденции». Стр. 157—159.

36**. Герценштейн, М. О книге А. Менгера: «Право на полный продукт труда». «Русская Мысль». 1887 г., VII.

37*. Гильдебранд, Р. Из истории права и обычая. «Образование». 1896 г., XII. То же в «Научном обозрении», под заглавием «Эволюция права и нравов». 1898 г. № 2. Стр. 303—314. См. рец. 1) О. Пергамента, «Журнал Мин. Юстиции», 1897 г., III. Стр. 364—369. 2) «Научное Обозр.», 1899 г., X. Критику Гильдебранда см. у Кунова: «Neue-Zeit» XI. Jahrg. Bd. I.

38. Гаммер, К. Социализация права. Изд. «Трибуна». СПб. 1906 г.

39. Гойхбарг, А. Из литературы о государстве. «Печ. и Рев.». 1923 г. Кн. V. Стр. 120—130. (По поводу работ: Я. Магзинера—«Общее учение о государстве», М. Рейснера—«Государство буржуазии и конституция РСФСР», П. Стучки—«Учение о государстве и конституция РСФСР», Е. Энгеля—«Основы Советской конституции».

40. Его же. О браках и разводах. «Пролетарская революция и право». 1918 г. Кн. V—VI.

41. Его же. О советской конституции. «Пролетарская революция и право». 1918 г. Кн. III—IV.

42. Его же. Ленин и государство. «Советское Право». 1924 г. № 6 (12). Стр. 3—23.

43. Его же. Отмена наследования. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 2.

44. Его же. Хозяйственное право РСФСР. ГИЗ. 1924 г. (3-е дополн. издан.). См. «Введение II: Несколько замечаний о праве». Стр. 8—40.

Эта глава впервые напечатана в «Сов. Праве», 1924 г. № 1 (7).

45. Его же. Первый кодекс законов РСФСР. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 7.

46. Его же. Пролетарская революция и гражданское право. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 1.

47. Его же. Кодекс законов о труде. «Вестник Жизни». 1918 г. № 2.

48. Горев, Б. Очерки исторического материализма. Изд. «Пролетарий». Харьков. 1925 г. См. гл. 7 «Государство». Стр. 147—174.

49. Его же. Материализм—философия пролетариата. ГИЗ. 1923 г. См. гл. VI: «Материалистическое учение о классах и государстве». Стр. 83—98.

50. Гортер, Г. Исторический материализм. Перевод и предисловие И. Степанова. Второе испр. издание. «Красная Новь». 1924 г. См. гл. «Право». Стр. 48—54.

51**. Гредескул, Н. Право и экономика. «Право». 1906 г. №№ 40 и 41. То же отд. изд. СПб. 1906 г. Стр. 32.

52**. Гумплович, Л. Основы социологии. Перев. под ред. В. М. Гессена. СПб. 1899 г. См. Отд. III. § 3: «Государство, как организация хозяйства». Стр. 192—200. Отд. IV. § 6: «Право». Стр. 299—302.

53**. Его же. Общее учение о государстве. Перевод И. Неровецкого. СПб. 1910 г. Стр. 516.

54. Гурвич, Г. С. Основы Советской конституции. Издание 4-е, значительно дополненное и исправленное. ГИЗ. 1924 г. Стр. 162.

55. Его же. Парламентаризм. В сборнике «Революция Права». Изд. Коммунист. Академии. Москва. 1925 г.

56. Его же. Право и нравственность с точки зрения материалистического понимания истории. Изд. Комм. Акад. 1924 г. (Вперв. напечат. в «Трудах Белорусск. госуд. ун-та» в Минске. 1922 г. Том I) См. рец.: 1) И. Ильинского: «Красная Новь». 1924 г. № 5. 2) «Молодая Гвардия». 1924 г. № 6. 3) И. Луппол: «Под знаменем марксизма». 1924 г. № 3.

57. Его же. Рецензия на «Общее учение о государстве» Я. Магзинера. «Власть Советов». 1923 г. № 4.

57a. Его же. Вся власть советам. Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918 г.

58. Деборин, А. Фихте и Великая Французская Революция. «Под знам. марксизма». 1924 г. X. XI и XII. Стр. 5—22, 33—49.

59. Его же. Диалектика у Канта. «Архив Маркса и Энгельса». Т. I. См. стр. 73—75.

60. Дембский, Д. Нравственность и право с точки зрения исторического материализма. Изд. «Пролетарий». 1925 г. Стр. 89.

61. Его же. Право и нравственность с точки зрения исторического материализма. Харьков. 1909 г. Стр. 77.

62. Дран, Э. К. Маркс и Фр. Энгельс о диктатуре пролетариата. Перевод с немецкого под редакц. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». 1924 г. Стр. 43.

63. ...ЕВ, Н. Ученое пустомыслие. «Правда». 1904 г. V. (По поводу «Хозяйства и Права». Штамплера).

63а. **Евтихийев, А.** Законодательство и суд в демократии. Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918.

64**. **Еллинек, Г.** Право современного государства. Общее учение о государстве. Перев. с немецкого под ред. В. Гессена и Л. В. Шааланда. Изд. «Общ. Польза», СПб. 1903 г. Стр. 532. См. «Теория силы», Стр. 120—124. (Об Энгельсе). «Хозяйство и государство». Стр. 67—71 и 140—146.

65**. **Ельшиевич, В.** Антон Менгер. «Полярная звезда». 1906 г. № 12. Стр. 28—45.

66**. **Жилин, А.** Учебник государственного права. Часть I. СПб. 1916 г. См. стр. 64—66. (Об Энгельсе и Лориа).

67. **Жуковский, Ю. 1).** Политические и общественные теории XVI в. СПб. 1866 г. См. стр. 15, 154—160.

68. **Зибер, Н.** Право и политическая экономия. См. том II его собрания сочинений. СПб. Изд. «Издатель». 1900 г. Стр. 778. См. особ. гл. IV: Обществ. экономия и право. Стр. 224—304. (Вперв. в «Юридич. Вестнике» за 1883 г. №№ 5, 9 и 10). Гл. V: Мысли об отношен. между обществ. экономией и правом. Стр. 305—369. (Вперв. напеч. в «Слове». 1879 г. II. 1880 г., VI).

69. **Его же.** Очерки первобытной экономической культуры. 1-е изд. 1883 г. 2-е изд. «Издатель». 1899 г. 3-е изд. с предислов. проф. Слабченко. ГИЗ. Одесса. 1923 г.

70**. **Зиммель, Г.** К методологии социальной науки. «Научное обозрение», 1902 г., II. (О книге «Хозяйство и Право», Р. Штаммлера). То же отд. изд. Киев. Изд. Иогансоча.

71**. **Иванюков, И.** Очерки экономической политики. СПб. 1904 г. См. стр. 1—2, 79—82.

72. **Изгоев, А.** Наследование по древнерусск. праву в связи с эконо-

1) Видный сотрудник знаменитого „Современника“ (1860—63 г.г.), а впоследствии перешедший в правительственный лагерь, Ю. Жуковский одно время находился под влиянием Маркса, что и отразилось в напечатанной работе. Рец. о ней см. Ткачева П. в „Русском Слове“, 1865. XII. — Я. Р.

мическим строем. «Научное обозрение». 1899 г. X. Стр. 1851—1866

73**. **Ильин, И. А.** Рец. на книгу Штаммлера: «Хозяйство и Право». «Критич. обозрение». 1907 г. IV.

74. **Ильинский, И.** Общие проблемы права в трактовке советской цивилистики. «Печ. и Рев.» 1924 г., IV. Стр. 100—112.

75. **Его же.** Рецензии на книги: 1. И. Разумовский.—Социология и право. 2. Г. Гурвич.—Нравственность и право. 3. Е. Пашуканис.—Общая теория права и марксизм. «Красная Новь». 1924 г. Кн. V. Стр. 334—337.

76. **Его же.** Обзор новейшей литературы по общей теории права. «Молодая Гвардия». 1924 г., № 6. Стр. 217—220. (О работах: Марксистская теория права—Подволоцкого. Государство и право—Ксенофонта. Социология и право—И. Разумовского. Нравственность и право—Гурвича. Общая теория права и марксизм—Пашуканиса. Классовое государство и гражданское право—Стучки).

77. **Его же.** Право и быт. «Красная Новь». 1924 г. № 7—8. Стр. 199—228. То же отд. изд. ГИЗ. 1925 г. Стр. 49.

78. **Его же.** Право и диктатура пролетариата. «Новый Мир». 1925. III.

79. **Карнер, И.** Социальные функции правовых институтов. Перевод с немецкого под ред. Я. Бермана. ГИЗ. 1923 г. Стр. 142. См. рец. Стучки: «Печ. и Рев.» 1923 г. № 1. Стр. 51—76.

80. **Каутский, К. (и Энгельс Ф.)** Юридический социализм. «Под знаменем марксизма». 1923 г. № 1. Стр. 51—76.

81. **Его же.** Непосредственное народное законодательство и классовая борьба. Изд. Е. Горской. Киев. 1906 г. Стр. 24.

82. **Его же.** Парламентаризм и народное законодательство. Перевод с немецкого. М. Цейнера. Изд. «Демос». 1905 г. Одесса. Стр. 130.

83. **Его же.** Развитие форм государства. Перевод с немецкого П. Берлина. Изд. «Донская Речь». 1905 г. Стр. 50.

84. **Его же.** К критике марксизма. (Антибернштейн). Перев. с немец. С. Алексеева. ГИЗ. Стр. 264—265. (В защиту диктатуры пролетариата). Существует ряд других изданий.

85. **Его же.** Республика и социализм во Франции. Перевод с немецкого с предисловием Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 124.

86. **Его же.** Путь к власти. Перевод с немецкого под редакц. Н. Л. Мещерякова. 3-е издание. ГИЗ. 1923 г. Стр. 99. См. особенно стр. 17—18, 41, 98.

87*. **Его же.** Марксова теория государства в освещении Кунова. Предисловие Л. Рудаша. Перев. с немецкого П. Виноградской. Изд. Соц. Академии. 1924 г. Стр. 70. (Предислов. Рудаша перепечат. в сбор. его статей: «Против новейшей ревизии марксизма», 1924. № 6—7. Стр. 291—293).

88. **Кельман, Е.** Производительные силы и право. «Техника, экономика и право». 1924 г. №№ 4—5. Стр. 150—199. То же отд. изд. Киев. 1925 г. Стр. 54.

89*. **Кистяковский, Б.** Социальные науки и право. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1916 г. Стр. 704.

90. **Кирпотин, В.** Кунов о государстве. «Под знам. марксизма». 1924 г. XII. Стр. 174—184.

90а. **Козловский, М.** Пролетарская революция и гражданское право. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 1.

91**. **Кокошкин, Ф.** Лекции по общему государственному праву. Изд. 2-е бр. Башмаковых. 1912 г. См. § 7: Материалистические теории. § 9: Теория экономического материализма. Стр. 42—62.

92**. **Кольцов, И.** К вопросу об экономике и политике. «Дело». 1881 г., V. Стр. 2—38. (По поводу ст. Н. Зиберы: «Мысли об отношениях между обществ. экономией и правом» и Н. Русанова: «Экономика и политика»).

93. **Корбут, М.** Метод диалектического материализма в работах Н. Ленина по вопросам права и го-

сударства. «Коммунист. Путь». 1923 г. № 4—5. (24—25). То же отд. изд. Казань. 1923 г. Стр. 31.

94**. **Коркунов, Н.** Экономические теории государства. (О взглядах Лориа, Энгельса, Гумпловича). «Журн. Журналов» и «Энциклопед. обозрение». 1898 г. Том II. Стр. 1—3. Том III. Стр. 116, 196—204, 375—382.

95**. **Его же.** Русское государственное право. Том I. Изд. 7-е. СПб. 1909 г. См. § 6: «Происхождение государства». Стр. 80—100. (О воззрениях Энгельса и Лориа).

96. **Корсак, Н.** Общество правовое и общество трудов. См. сборник: «Очерки реалистического мировоззрения». Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова. СПб. 1904 г. Стр. 551—584. (По поводу кн. Штаммлера: «Хозяйство и право»).

97**. **Кохановский, Н.** Экономика и экономический принцип в их отношениях к общей системе социальных наук. Владивосток. 1915 г. См. стр. 495—506. (По поводу кн. Штаммлера: «Хозяйство и право»).

98. **Крыленко, Н. В.** Беседы о праве и государстве. Изд. «Красная Новь». 1924 г. См. рец. А. Прионковского. «Печ. и Рев.». 1925 г. Стр. 232—233.

98а. **Его же.** Революционные трибуналы. «Вестник Жизни». 1918 г. № 1.

99. **Ксенофонт, Ф.** Государство и право. Опыт изложения марксистского учения о существе государства и права. С предислов. Н. В. Крыленко. Юридич. изд. НКЮ. Москва. 1924 г. Стр. 171. См. рец. И. Луппол.—Под знаменем марксизма». 1924 г. № 3. И. Ильинского—«Молодая Гвардия». 1924 г. № 6.

100. **Кунов, Г.** Социально-философские заблуждения. «Научное обозрение». 1899 г. IV. (По поводу кн. Штаммлера: «Хозяйство и право»).

101. **Его же.** Кантовская философия истории и общества. Философия истории и государства Гегеля. См. «Историю философии в марксистском освещении» сост. Б. Столпнером и П. Юшкевичем. Изд.

«Мир». Москва, 1924 г. Том II. Стр. 64—83, 169—188. (О новейшей работе Кунова о государстве см. на стр. 299 настоящего указателя).

102. Курский. Заметки о народном суде. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 2.

103. Его же. Гарантии правосудия и правосудие без гарантий. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 7.

104. Его же. Народный суд. «Вестник Жизни». 1918 г. № 2.

105. Лабриола, А. Исторический материализм. Очерки материалистического понимания истории. Перевод А. Горлина. ГИЗ, 1922 г. См. «О государстве». Стр. 129—134, и о «Праве». Стр. 134—140. То же под заглавием: «К вопросу о материалистическом взгляде на историю». Изд. Н. Берзина и М. Семёнова, СПб. 1898 г.

106. Лавеле, Э. Современный социализм. Пер. с франц. под ред. М. А. Антоновича. Изд. А. Ф. Зандрок. СПб. 1882. См. гл. «Отношение экономики к праву». Стр. 314—336. Автор—идеолог христианского социализма.

107. Лассаль, Ф. Письма к Марксу и Энгельсу с примечанием Ф. Меринга. Перевод с нем. под ред. А. Финна-Енотдаевского. Изд. «Литературное Дело». СПб. 1906 г. См. стр. 328—338.

108. Лассаль, Ф. Сочинения. Изд. Н. Глаголева, СПб. 1905 г. См. Т. II: 1. О сущности конституции. Стр. 5—51. 2. Что же теперь? Стр. 28—51. 3. Сила и право. Стр. 52—56.

Первые две речи вышли также в след. отд. изд. под заглав.: «О сущности конституции». «Что же теперь»—а) Перевод В. Шаха. под ред. П. Берлина, СПб., 1906 г. б) Изд. «Донская речь», 1905 г. в) Изд. «Буревестник», Одесса, 1905 г. г) Перевод Мускаблит, изд. 2-е. Одесса, 1905 г. д) Изд. «Обществен. Польза». СПб., 1905 г.

109. Лассаль, Ф. Сочинения. Т. III. СПб., 1905 г. См. «Система приобретения прав» (В изложении и извлечениях Э. Бернштейна). Стр. 261.

О воззрениях Лассалья на право и государство, см.:

1. Бернштейн, Ал. Основные взгляды Ф. Лассалья. «Под знаменем марксизма», 1924, № 10—11.

2. Бернштейн, Э. Лассаль. Изд. Петросовед, 1919 г. Стр. 28—35.

3. Брандес, Г. Литературные портреты. «Лассаль». СПб. 1896 г. Стр. 91—128.

4. Маркс, К. «Письма к Лассалю». «Под знаменем марксизма». 1922 г. № 3.

5. Маркс, К. Письмо к Браке. См. его «Критика готской программы». ГИЗ, 1923 г. Стр. 54—57, 67—71.

6. Меринг, Ф. История Германск. социал-демократии. ГИЗ, 1922 г. Том II. См. гл. VII: Труд, Лассалья по философии права. Стр. 249—265.

7. Меринг, Ф. Примечания к письмам Ф. Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. Изд. «Литерат. дело». СПб, 1906. См. стр. 348—353.

8. Онкен, Ф. Лассаль. Изд. Н. Поповой, СПб., 1905 г. Стр. 129—153.

9. Энгельс, Ф. Письмо к Марксу 2/XII 1861 г. См. «Письма Маркса и Энгельса». Изд. «Моск. Рабочий». 1922 г. Стр. 101.

10. Энгельс, Ф. Письмо к Бебелю. См.: Маркс «Критика Готской программы», ГИЗ, 1923 г.

11. Франк, С. Новые данные для характеристики культурно-исторических, соц.-политических и филос. взглядов Лассалья. «Вопросы философии и психологии», 1902 г., кн. 65 (V). См. стр. 972—975.

110. Лафарг, П. Собственность и ее происхождение. Перевод с французского. Изд. «Общественная Польза». СПб, 1905 г. Стр. 205.

111. Его же. Собрание сочинений. Том I. ГИЗ, 1925 г., Москва, см.: «Парламентаризм и буланжизм». Стр. 82—92. Рабочая партия и капиталистическое государство. Стр. 293—300.

112. Его же. Происхождение идеи справедливости. Происхождение идеи добра. См. его Экономич. детерминизм Маркса. Перевод под ред. и с пред. Шевердина. Изд. «Московский рабочий». См. стр. 109—138, 141—162. (Каждая из этих

двух статей вышла также отд. изд. в 1906 г.).

113. Ленин, Н. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Собрание сочинений. ГИЗ, Москва, 1925 г., Т. I. См. стр. 69—258 и*отд. изд.

114. Его же. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. ГИЗ, 1923, т. II, см. стр. 81—82. (Критика искажения Марксова учения о государстве, допущенного Струве в его кн. «К вопросу об экон. развитии России»).

115. Его же. О пролетарской милиции. См. его «Письма издадека». Изд. «Московский Рабочий». Москва, 1925 г. Стр. 27—41.

116. Его же. О конституционных иллюзиях. Том XIV. Часть 2-я. Стр. 19—31.

117. Его же. Государство и революция. Собрание сочинений. Том XIV. Часть 2-я. То же в изд. «Красная Новь», Москва, 1923 г. Стр. 160. То же в изд. «Красная Новь», Москва, 1923 г. С тремя приложениями: 1) К истории вопроса о диктатуре. 2) Отрывки из брошюры: «Задачи пролетариата и нашей революции», 3) Тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре.

118. Его же. Один из коренных вопросов революции. 1917 г. Том XIV, Часть 2-я. Стр. 102—109.

119. Его же. Удержат ли большевики государственную власть. Собр. сочинений. Том XIV. Часть 2-я. Стр. 215—257.

120. Его же. О «демократии» и диктатуре. Собрание сочинений. Том XV. Стр. 607—612.

121. Его же. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Собрание сочинений. Том XVI. Стр. 36—52.

122. Его же. Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. Собрание сочинений. Том XVI. Стр. 192—225. (Предисл. к брошюре «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Там же. Стр. 237—241).

123. Его же. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Собра-

ние сочинений. Том XV. Стр. 443—531.

124. Его же. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Собрание сочинений. Том XVI. Стр. 347—356.

125. Его же. Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата. Собрание сочинений. Том XVI. Стр. 439—459.

126. Его же. О диктатуре пролетариата (Черновые наброски и план недописанной брошюры). С введением и комментариями В. Сорина: «Ленинский сборн.». Под ред. Л. Каменева, № 3, 1925 г.

127. Его же. Фальшивые речи о свободе. Собрание сочинений. Том XVII. Стр. 368—382.

128. Его же. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собрание сочинений. Том XVII. Стр. 115—198. См. гл. «Участвовать ли в буржуазных парламентах». Стр. 146—154.

129. Его же. Речь на 2-м Конгрессе Коминтерна о парламентаризме. (2/VIII—1920). Собрание сочинений. Том XVII. Стр. 297—300.

130. Его же. К истории вопроса о диктатуре. Собрание сочинений. Том XVII. Стр. 349—368.

131. Его же. О государстве. Сборник статей и речей, с предисловием Н. Скряпкина. Изд. «Пролетарий». Харьков, 1924 г. (Сюда вошли «Государство и революция», «Пролет. революция и ренегат Каутский». «Удержат ли большевики госуд. власть» и др.).

О воззрениях Ленина на государство, см.:

1. Бухарин, Н. Ленин. как марксист.

2. Гойхбарг, А. «Ленин и государство». «Сов. Право». 1924 г. № 6 (12). Стр. 3.

3. Корбут, М. Метод диалектического материализма в работах Ленина по вопросам права и государства. «Коммунист. Путь». 1923 г. № 4—5 (24—25).

4. Луппол, И. Ленин, как теоретик пролетарского государства. «Под знаменем марксизма», 1924 г. № 2.

5. Нечаев, И. Открытие Лениным учения Маркса и Энгельса о государстве. «Коммунист», 1924 г. № 1 (орган Нижегородского губкома).

6. Пашуканис, Е. Ленин и вопросы права. Сб. «Революция Права», 1925 г.

7. Рязанов, Д. Ленин, как теоретик пролетарского государства. (Доклад в Коммунистической Академии).

8. Стучка, П. Ленинизм и государство. Москва, 1924 г.

9. Его же. Ленин и Революционный декрет. Сб. «Революция права», 1925 г.

10. Стучка, и Вегер. См. хрестоматию «Ленин в Пролетарском государстве», ГИЗ, Стр. 3—16; 127—132 и 307—320.

112. Лукач, Г., И. Адлер. Учение марксизма о государстве. «Вестник Социалист. Академии», 1923 г. Стр. 407—410.

113. Луппол, И. Ленин, как теоретик пролетарского государства. «Под знаменем марксизма», 1924 г., № 2. Стр. 173—195. То же отд. изд. Ленгиз, 1924 г. Стр. 47.

114. Л—л, И. Рец. на «Материалистическую Социологию» Е. Энгеля. «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 11—12. Стр. 292—294.

115. Л—л, И. Рец. на книгу К. Каутского: «Марксова теория государства в освещении Кунова». «Под знам. марксизма», 1924 г., № 6—7. Стр. 291—293.

116. Магазионер, Я. Самодержавие народа. Опыт соц.-политической конструкции суверенитета. Изд. Н. Глаголева, Спб. 1907 г. Стр. 142.

117. Его же. Парламентаризм и его теоретики. «Совр. Мир», 1908 г., VI.

118*. Его же. Общее учение о государстве. Изд. 2-е, переобработанное. Изд. «Кооперация», 1922 г. Стр. 469. Гл. I, § 2: «Классовая теория государства». Стр. 3—9. Гл. II, § 2: Теория патриархальная, насилия и марксизма». Стр. 27—32. См. Рец. «Печ. и Рев.», 1923 г., № 2 (М. Рейснер) «Под знаменем марксизма», 1922 г., № 9—10 (П. Стучка). «Власть Советов», 1923 г., № 4 (Г. Гурвич). «Печ. и Рев.», 1923 г., № 5 (Гойхбарг).

119*. Магеровский, Д. Социальное бытие и наука права. «Научные известия». Сб. I. ГИЗ, 1922 г. Стр. 1—33.

140. Его же. Советское право и методы его изучения. «Сов. Право», 1922 г., № 1. Стр. 24—36.

141. Его же. Государственная власть и государственный аппарат. Изд. «Новая Москва», 1924 г. Стр. 180.

142. Малицкий, А. Диктатура пролетариата и советское право. «Путь к коммунизму», Харьков, 1922 г. X. Стр. 105—129.

143*. Мануилов, А. Хозяйство и право. См. сборн. «Общественно-юридические науки». Спб, 1913 г. Стр. XIII—XX.

144. Марголин, И. К вопросу о государстве переходного времени. «Зап. Научного Общества Марксистов». 1923 г., Книга I (V). Стр. 162—197.

145. Маркс, К. Статьи и письма 1837—1844 г.г. см. Том I. Сочинения Маркса и Энгельса, ГИЗ, 1923 г. Инстит. Маркса и Энгельса, под ред. и с примеч. Д. Рязанова. См. «Философ. манифест историч. школы права», стр. 177—184; «Протоколы шестого Рейнского Ландтага» (Дебаты по поводу закона против кражи дров). Стр. 190—237; «К критике гегелевской философии права», стр. 365—382; «К еврейскому вопросу». Стр. 383—417.

146. Маркс, К. (и Энгельс, Фр.). Святой Макс. (Критика учения Штирнера). Перев. с нем. под ред. и со вступит. ст. «Социальная философия Штирнера»—Б. Гимельфарба, ГИЗ, 1920 г. Стр. 158—163, 172, 173, 186—187, 194—195.

147. Его же. Морализующая критика и критикующая мораль. «Под знам. марксизма», 1923 г., № 4—5. Стр. 21—41. (С некоторым сокращением, вперв. на русс. яз. напечатана во II томе «Литературн. наследия» Маркса и Энгельса). Изд. «Освобожден. Труд», Одесса, 1908. Стр. 511—537.

148. Его же. Ницета философии. Перевод В. Засулич. ГИЗ, 1922 г. См. стр. 27—34, 52, 127, 142 и 155.

149. Его же. Критика гегелевской философии права. «Архив Инст. Маркса и Энгельса». № 3 (готов. к печ.).

150. Маркс (и Энгельс). Коммунистич. манифест с введением и примечанием Д. Рязанова. 2-е доп. изд. Инст. К. Маркса и Ф. Энгельса, 1923 г. См. стр. 64, 78—81, 83, 86—87 и 88.

151. Маркс и Энгельс. О праве. Изд. «Коммунистической Академии», 1925 г., стр. 488.

152. Маркс, К. Перед судом присяжных в Кельне. С предисловием Ф. Энгельса. См. Маркс и Энгельс. Собр. сочинений. ГИЗ, Том III, 1921 г. См. стр. 355—360.

153. Его же. Борьба классов во Франции 1848—1850 г.г. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Том III. ГИЗ, 1921 г. (См. особенно стр. 46—51, 59—60, 82, 104, 107—109, 113, и 119).

154. Его же. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. См. Маркс и Энгельс. Собр. сочин. ГИЗ, 1921 г. Том III. (См. особенно стр. 143, 220, 223).

155. Его же. Письмо к Вейдемейеру. (5 марта 1852 г.). См. Маркс и Энгельс. «Письма». Пер. под ред. В. Адоратского. Изд. «Моск. Рабочий», Москва, 1923 г. Стр. 42.

156. Его же. К критике политической экономии. Четвертое изд., дополн. статьей К. Маркса: «Введение к критике политической экономии». Изд. «Моск. Рабочий», 1922 г. См. стр. 13, 25, 32 и 37—39. («Классическая формулировка понятия «права» как «надстройки»).

157. Его же. Письма к Лассалю. (От 23 июля 1861 г. и 28 апреля 1862 г.). «Под знаменем марксизма», 1922 г., № 3. Стр. 21—25.

158. Его же. Письмо к Энгельсу. (4/XI—1864 г.). (О простых законах права и морали). См. стр. 198—201. См. Маркс и Энгельс. Письма. Пер. под ред. В. Адоратского, 1923 г.

159. Его же. Капитал. Пер. под ред. В. Базарова и И. Степанова, пересмотренный И. Степановым. ГИЗ, 1923 г. (Институт К. Маркса и Ф. Энгельса). Том I. См. стр. 52, 59, 243, 255—256, 275—276, 375—376, 495, 568, 730—731, 755—756. Том III. Часть I, стр. 324; часть II, стр. 330.

160. Маркс, К. Гражданская война во Франции 1870—1871 г.г. С предисловием Ф. Энгельса. Перев.

с немецк. под ред. Н. Ленина. Изд. «Красная Новь», 1923 г. Стр. 57.

161. Его же. Письма к Кугельману. Пер. под ред. Н. Ленина. П. ГИЗ, 1920. См. стр. 114—117.

162. Его же. Замечания на программу германской рабочей партии. («Критика Готского программы»). Со вступит. ст. К. Корша и 4 примеч. Перев. с нем. Н. А. Алексеева. ГИЗ, 1923 г. Стр. 97. (См. «Письма Маркса к Браке»). Стр. 43—75, особенно «Приложение» III. «Письмо Энгельса к А. Бебелю», особенно см. стр. 88—90).

О взглядах Маркса и Энгельса на государство и право, см.:

1. Вольфсон, Ф. Современ. критики марксизма. «Под знам. марксизма», 1924 г., №№ 8 и 9.

2. Дран, Э. К. Маркс и Ф. Энгельс о диктатуре пролетариата. Изд. «Красная Новь», 1924 г. Стр. 43.

3. Каутский, К. Марксова теория государства в освещении Кунова. Москва, 1924 г.

4. Ленин, Н. Государство и революция.

5. Лукач, Г. По поводу «Учения марксизма о государстве» М. Адлера.

6. Пашуканис, Е. Кунов, как интерпретатор Марксовой теории общества и государства. «Вестн. Соц. Акад.», 1923 г., VI.

7. Его же. Общая теория права и марксизм. Москва, 1924 г.

8. Подволоцкий, И. Марксистская теория права. 1923 г.

9. Разумовский, И. Понятие права у Маркса и Энгельса. «Под знаменем марксизма». 1923 г., № 2—3.

10. Рудаш, Л. Против новейшей ревизии марксизма. 1925 г., См. стр. 1—27.

11. Рязанов, Д. Маркс и РКП. (В его «Очерках по истории марксизма»). Стр. 475—482.

12. Его же. Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции». «Архив Маркса и Энгельса». Том I. Стр. 257—261.

13. Степанов, И. Мимо и дальше от Маркса. «Кр. Новь», 1921 г., № 3.

14. Стучка, П. См. его ст. на стр. 309 наст. указателя.

163. **Мартов, Л.** Кант с Гиндербургом—Маркс с Кантом. «Летопись». 1916 г. III, отд. изд. 1917 г. П.

164. **Его же.** Простота хуже воровства. Изд. «Социалист», 1917 г. Стр. 31. (По поводу ст. Л. Аксельрод: «Простые законы права и нравственности» в «Деле» за 1916 г. I и ст. Плеханова «О войне»).

165**. **Массарик, Ф.** Государство и право. См. его «Философские и социологические основы марксизма». Перевод П. Николаева. 1900 г. (стр. 377—388).

166**. **Менгер, А.** Право на полный продукт труда. Перев. с нем. с пред. Н. Рожкова. Изд. «Колокол», 1905 г. Стр. 221. То же, перев. О. Е. Бужанского, Изд. «Просвещение» СПб. 1906, стр. 138. То же, под загл. «Завоевание рабочих его прав», перев. под ред. В. Битнера. Изд. «Вестн. Знан.», СПб. 1906, стр. 80.

167**. **Его же.** Гражданское право и неимущие классы. Перевод А. Лурье. СПб. Изд. «Просвещение». 1906 г., стр. 229.

168**. **Менгер, А.** Социальные задачи правоведения. Перев. Н. Гредескула. Харьков. 1896. То же, под заглав. «Общественные задачи правоведения». СПб. изд. «Международн. Библиот.», 1896 г. То же, изд. С. Иванова. Киев. 1905 г., стр. 24. (См. рец. «Журн. М-ва Юстиц.», 1896 г., VII).

169**. **Его же.** Новое учение о государстве. Перев. с немецкого. под ред. Б. Кистяковского. 2-е изд. Скирмунта. СПб. 1905 г., стр. 357. То же, пер. Л. Жбанькова, изд. О. Н. Поповой, СПб. 1905 г., стр. 320. То же, пер. под ред. В. Шанцера, с предисл. С. Цейтлина. Изд. «Колокол». 1905 г., стр. 264. То же, пер. Р. Маркович. Изд. «Голос». СПб. 1905 г., стр. 288.

О Менгере, см.:

1. Герценштейн, М. «Русская Мысль», 1887 г., № 7.

2. Каутский и Энгельс. «Юридический социализм» «Под знам. марксизма», 1923 г., № 1.

3. Офнер и Зингер. Очерки социальной юриспруденции. СПб. 1896 г.

4. Яковлев. Гражданское право и неимущие классы.

5. Ельашевич, В. Антон Менгер. «Полярная Звезда». 1906 г. № 12. Стр. 28—45.

170. **Меринг, Ф.** Главный труд Лассалля по философии права. См. его «Историю Германск. соц.-дем.». ГИЗ. 1923 г. Том II., стр. 249—266.

171. **Его же.** Примечания к «Письмам» Лассалля к Марксу и Энгельсу. Пер. с нем. под ред. А. Финна-Енотаевского. Изд. «Литер. дело». СПб. 1906 г., стр. 348—353.

172. **Его же.** Примечания к тому «Литературн. наследства» К. Маркса и Ф. Энгельса. Пер. с нем. Е. Гурвича и М. Лунца. Изд. «Мир». Москва. 1907 г. См. стр. 14—16, 19—21, 164—166, 168—171, 289—290 и 310—312.

173. **Мещеряков, Н.** Маркс о государстве и о задачах пролетариата в революции. Сб. памяти Маркса. 1918 г. Выпуск II, стр. 81—92.

174**. **Михайловский, И.** Очерки философии права. Томск, 1917 г. См. гл. «Право и экономическая жизнь». 100—109.

175. **Молочков, А.** Адвокаты—правозаступники—ассистенты. «Пролетарская революция и право», 1918 г. № 7.

176. **Его же.** О юридических отделах при районных совделах. «Пролетарская революция и право». 1918 г., № 2.

177. **Его же.** Поступательный прогресс. (О проекте советской конституции, разработанном коллегией Нар. Ком. Юстиции). «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 5—6.

178. **Моносов, С.** Насилие и французская революция. «Под знаменем марксизма». 1924 г., № 8—9, стр. 272—282.

179. **Нечаев.** Открытие Лениным учения Маркса и Энгельса о государстве. «Коммунист», 1924 г., № 1. Изд. Нижегородского губкома.

180**. **Новгородцев, П.** Об общественном идеале. Изд. 3-е, Киев. «Летопись», 1919 г., см. стр. 200—281.

181**. **Его же.** Политическая теория марксизма. «Труды русских ученых за границей». Том I. Изд.

«Слово». Берлин. 1922 г. См. критику у Стучки «Вестник Социалист. Академии». 1923 г. I, стр. 171—172.

182*. **Офнер и Зингер, Р.** Очерки социальной юриспруденции. Право на труд. Перев. В. Ульриха, с предисл. переводчика. Изд. М. Водозовой. СПб. 1896 г. (Сожж. цензурой).

183. **Пашуканис, Е.** Буржуазный юрист о природе государства. «Красн. Новь», 1921 г. III, стр. 223—232. (О книге Ориу «Принципы публичного права»).

184. **Его же.** Обзор литературы по общей теории права. «Вестн. Соц. Академии». 1923 г., № 5, стр. 227—332.

185. **Его же.** Кунов, как интерпретатор Марксовой теории общества и государства. «Вестник Соц. Академии». 1923 г. VI, стр. 400—411.

186. **Пашуканис, Е.** Общая теория права и марксизм. Изд. Соц. Академии, 1924 г., стр. 160. См. рец. 1) Раузовского «Вестн. Ком. Академии» № 8, стр. 357—365. 2) И. Ильинского «Красная Новь», 1924 г., № 5 и «Молод. Гвардия», 1924 г., № 6. 3) И. Луппола «Под знамен. марксизма», 1924 г., № 3.

187. **Его же.** Ленин и вопросы права. См. Сб. «Революция права». Изд. Коммунист. Акад. 1925 г.

188. **Его же.** Буржуазное государство и проблема суверенитета. «Вестник Коммунист. Академии», 1925 г., X, стр. 300—312.

189. **Пинсон, Б.** Рец. на «Революционную роль права и государства». П. Стучки. «Под знаменем марксизма». 1922 г., № 4, стр. 123—124.

190. **Плеханов, Г. В.** Новые направления в области политической экономии. Собр. сочинен. Том I. ГИЗ. 1923 г., стр. 191—195.

191. **Его же.** Экономическая теория К. Родбертуса-Ягцеова. Собр. сочинен. Том I. Стр. 226—227, 244—245, 277—278, 339—340.

192. **Его же.** Социализм и политическая борьба. Собр. сочинений. ГИЗ. 1923 г., стр. 51, 56, 66.

193. **Его же.** Столетие великой революции. Собр. сочинений. Под ред. Рязанова. ГИЗ. Том IV. См. стр. 56—64, 65—66.

194. **Его же.** К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Собр. сочин. Том VII. 1923 г., стр. 74—80, 80—82 и 175—217.

195. **Его же.** Несколько слов в защиту экономического материализма. Собр. сочин. Том VIII, стр. 198—202.

196. **Его же.** О материалистическом понимании истории. Собр. Сочин. Том VIII, стр. 260—267.

197. **Его же.** Предисловие к «Коммунистич. манифесту». Собр. соч. ГИЗ. Том XI, стр. 315, 317—326.

198. **Его же.** Г-н Струве в роли критика Марксовой теории обществ. развития. См. статьи против П. Струве. Собр. сочинений. Том XI, 1923 г., стр. 146—170.

199. **Его же.** Несколько слов о последнем парижском международном социалистич. конгрессе. Собр. сочинен. ГИЗ. 1924 г. Том XIII, стр. 108—111.

200. **Его же.** Комментарий к проекту программы Р. С.-Д. Р. П. Собр. соч. под ред. Д. Рязанова. ГИЗ, стр. 326—328. (Обоснование диктатуры пролетариата).

201. **Его же.** Речь на II съезде Р. С.-Д. Р. П. Собр. сочин. под ред. Д. Рязанова. ГИЗ, 1924 г. Том XII, стр. 418—419. (О всеобщ. избират. праве).

202. **Его же.** В Амстердаме. С предисл. и примечан. Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь», Москва. 1923 г. стр. 30—31. (Буржуазная республика и рабочие).

203. **Его же.** От обороны к нападению. Москва, 1910 г., стр. 372—374, 515—516. («Экономика и политика», стр. 299—301. («Закон и договор»); стр. 376. («Имущ. отношения»), стр. 508—509. («Закон и обычн. право»), стр. 519. («Право и сила»), стр. 402—516. («О госуд. власти и сокрушении машины»), стр. 401—405.

204. **Его же.** Основные вопросы марксизма. ГИЗ. 3-е издание 1923 г. См. отзыв о работах Р. Гильдебранда, М. Вацкаре, Т. Ахелиса, Лабриолы, стр. 43.

205. **Его же.** В. Г. Белинский. Сборник статей. с пред. В. Ва-

гания. ГИЗ. 1923 г., стр. 15—16. (По поводу гегелевской философии права и теории силы).

206*. **Его же.** О войне. «Совр. мир». 1915 г. № 1, см. стр. 192—196.

207*. **Его же.** Еще о войне. «Совр. мир», 1915 г., № 8, см. стр. 247—252. (О так наз. «простых законах права и морали», см. Л. Мартова: «Кант с Гинденбургом и Маркс с Кантом» и «Простота хуже воровства», а также письмо Маркса к Энгельсу от 4/XI 1864 года).

208. **Поволоцкий, В.** Программные вопросы государственного устройства. Зап. Коммунист. Ун-та им. Свердлова. 1923 г. I, стр. 195—202.

209. **Его же.** Очерки государства и общества.

210. **Подволоцкий, И.** Марксистская теория права. С предисл. Н. Бухарина. ГИЗ. 1923 г., стр. 212. То же, 2-е изд. 1925 г., стр. 184. См. рец. С. Верцинского. «Сов. Право». 1924 г., I, стр. 129—190; П. Стучки. «Печ. и Рев.» 1923 г., VII, стр. 214—216; И. Ильинского. «Молодая Гвардия», 1924 г., № 6.

211. **Покровский, М.** Очерки русской культуры. Т. I, отд. II. Государственный строй. стр. 180—280. ГИЗ, 1921.

212. **Попов, А.** Основные течения марксистской юридической мысли. Изд. Северо-Кавказского отд. Госиздата. Новочеркасск, 1925 г., стр. 56.

213. **Португалов, Г. М.** Революционная совесть и социалистическое правосознание. ГИЗ, 1922 г., стр. 52. См. рец. П. Стучки: «Печ. и Рев.», 1923 г., II, стр. 184—185.

214. **Разумовский, И.** Понятие права у Маркса и Энгельса. «Под знаменем марксизма». 1923 г., № 2—3, стр. 68—97.

215. **Его же.** Социология и право. Изд. Соц. Академии, 1924 г., стр. 29. См. рец.: И. Ильинский. «Красная Новь». 1924 г., № 5; И. Ильинский. «Молодая Гвардия», 1924 г., № 6; И. Луппол. «Под знамен. марксизма», 1924 г., № 3.

216. **Его же.** Возрождение философий права в немецкой юридической литературе. См. сборник «Ре-

волюция права». Изд. Коммунист. Академии, Москва, 1925 г.

217. **Разумовский, И.** Курс исторического материализма. ГИЗ. 1924 г. См. гл. VI, § 5: Госуд. как классовая организация, стр. 143—146 и §§ 6, 7, 8. Стр. 146—157. Гл. VII, § 4: Правовая и политическая идеология. Стр. 168—175.

218. **Его же.** К критике общей теории права. «Вестн. Коммунист. Акад.». 1924 г. № 8. Стр. 357—365. (По поводу книги Е. Пашуканиса. Общая теория права и марксизм).

219**. **Ратнер, М. Б.** Право и мораль в их отношении к народному хозяйству. (Доклад в Киевском Юридич. Обществе 8 февраля 1903 г.). Отчет см. в «Праве» 1903 г. № 10. Стр. 730—736.

220. **Рейснер, М.** Новое право. «Вестник права». 1904 г.

221. **Рейснер, М.** Теория Петражицкого. Марксизм и социальная идеология. СПб. 1908 г. Изд. «Общ. Польза». Стр. 239. Содержание: I. Совр. юриспруд. и учение Л. Петражицкого. II. Теория государства в учении марксизма. (Вперв. напеч. в «Совр. Мире». 1908 г. IX, XI). III. Три правды.

222. **Его же.** Что такое государство и существует ли оно на самом деле. «Вестник Знания». 1911. IV. 1912. I.

223. **Его же.** Государство. Ч. I. Культурно-историч. основы. Москва. 1911 г. Стр. 221. Ч. II и III. Государство и общество. Государственные формы. Москва. 1912. Стр. 290.

224. **Его же.** Право государственное. См. Энциклопедический словарь изд. т-ва «Бр. А. Гранат». Стр. 16. И. «Гранат». 7 изд. Т. 33. Стр. 250—265.

225. **Его же.** Государство и общество. «Итоги Науки». Т. XI, стр. 167—297. Изд. т-ва «Мир».

226. **Его же.** Государственная власть. См. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат». 7-е изд. Т. 16. Стр. 137—174.

227. **Его же.** Основы Советской конституции. Изд. Генштаба. М. 1920 г. Стр. 238.

228. **Его же.** Рецензия на «Революц. роль права и государства» П. Стучки. «Вестник Соц. Академии». 1923 г. I. Стр. 173—182. См. отв. П. Стучки в журн. «Под знам. марксизма». 1923 г. I.

229. **Его же.** Рец. на «Общее учение о государстве» Я. М. Магасиера. «Печ. и Революция». 1923 г. II. Стр. 180—184.

230. **Его же.** Государство буржуазии и конституция РСФСР. ГИЗ. 1923 г. Стр. 417. См. рец. А. Гойхбарга «Печ. и Рев.» 1923 г., № 5.

231. **Его же.** Пролетарская конституция. «Вестник Жизни». 1918 г. № 2.

232. **Его же.** Государство и церковь. Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918 г.

233. **Розанов, Я.** Идея диктатуры пролетариата и новейшая эволюция Каутского. «Коммунистическая мысль». 1923 г. XI. Стр. 39—56.

234. **Рязанов, Д.** Ленин и государство. «Архив Института Маркса и Энгельса». № 3 (готов к печ.).

235. **Рудаш, Л.** Против новейшей ревизии марксизма. Сборник статей. Изд. Коммунистич. Академии. М. 1925 г. См. ст. 1) Кастрированный марксизм. Стр. 1—18 (представляет критику Кунова). 2) «Как Каутский защищает марксизм против Кунова, стр. 19—27 (о брошюре Каутского: «Марксова теория государства в освещении Кунова»).

236*. **Русанов, Н.** Экономика и политика. «Дело». 1881 г. III. Стр. 42—74.

237. **Рязанов, Д.** Маркс и РКП. (В его «Очерках по истории марксизма». Изд. «Московский Рабочий». М. 1923 г. Стр. 475—482. (История идеи диктатуры пролетариата).

238. **Его же.** Ленин, как теоретик пролетарского государства. (Доклад на заседании Коммунист. Академии, посвященном памяти В. И. Ленина).

239. **Его же.** Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции». «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». ГИЗ. 1924. М. Стр. 257—261.

240. **Саврасов, Л.** К вопросу об организации общих мест заключения. «Пролетарская революция и право» 1918 г. № 7.

241. **Его же.** Преступление и наказание в текущий переходный период. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 5—6.

242. **Его же.** Тюремное дело в Советской России. «Вестник Жизни». 1918 г. № 5—6.

243. **Сафаров, Г.** Буржуазный порядок и коммунистическая революция. Изд. Петросовета. П. 1909 г. Стр. 58.

244. **Сережников, В. К.** Учение Канта о праве и государстве. «Советское право». 1924 г. № 319. Стр. 40—50.

245. **Солнцев, С. И.** Общественные классы. 1917 г.

246. **Степанов, И.** Мимо и дальше от Маркса. «Красная Новь». 1921. III. Стр. 177—200. (По поводу: «Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie» Г. Кунова).

247. **Сторожев, В.** Шаг назад в современной науке. (О кн. Новгородцева «Кант и Бебель в их учениях о праве и государстве»). «Образование». 1902 г. IX.

248. **Струве, П.** О книге Л. Гумпловича «Социология и политика». «Русск. Богатство». 1892 г. кн. VI. Стр. 25—30. (Критика воззрений Гумпловича на государство).

249*. **Его же.** Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. 1894 г. См. стр. 46—53. («О государстве»).

250**. **Его же.** Марксова теория социального развития. Пер. с нем. Б. Яковенко. Киев. изд. Б. Яковенко. 1905 г. Стр. 62. Критику см. у Плеханова: Г-н Струве в роли критика.

251. **Стучка, П.** Конституция гражданской войны. «Пролетарск. революция и право». 1918 г. № 3—4.

252. **Его же.** Пролетарское право. См. сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». ГИЗ. 1919 г. Стр. 210—221.

253. **Его же.** Революционная роль права и государства. ГИЗ. 1921. То же. 2-е доп. Изд. Соц. Академии. То же. 3-е пересмотрен. и дополн. Изд. Коммунист. Академии. М. 1924 г. Стр. 140. Критич. отз.: 1) «Правда» 1922. № 229 (А. Френкель). 2) «Коммунальное дело» 1922 г. № 3

(М. П.). 3) «Печать и революция» 1923 г. № 2 (В. Адоратский). 4) «Советское право» 1923 г. № 1 (В. Вегер). 5) «Печать и революция» 1923 г. № 5 (А. Гойхбарг). 6) «Под знам. марксизма» 1922 г. № 4 (Б. Пинсон). 7) «Вестн. Соц. Акад.» 1923 г. № 1 (М. Рейснер). 8) «Путь к коммунизму» 1922 г. № 6—7 (И. Сухоплюев). 9) Подволоцкий. «Марксистская теория права». Стр. 163—187.

254. Его же. Государство и революция. «Сов. право». 1922 г. № 1. Стр. 5—24.

255. Его же. В защиту классового понятия права. (По поводу рецензии Вегера на кн. Стучки «Революционная роль права и государства»). «Сов. право». 1922 г. II.

256. Его же. Заметки о классовой теории права. «Сов. право». 1922 г. III.

257. Его же. Рецензия на книгу Я. Магазинера «Общее учение о государстве». «Под знаменем марксизма». 1922 г. № 9—10. Стр. 230—235.

258. Его же. Марксистское понимание права. «Коммунистическая Революция». 1922 г. № 13—14. Стр. 132—152.

259. Его же. Библиография по теории права и государства. «Вестн. Соц. Академии». 1923 г. кн. I. Стр. 164—172.

260. Его же. В защиту революционно-марксистского понятия классового права. «Вестн. Соц. Академии». 1923 г. III.

261. Его же. Материалистическое или идеалистическое понимание права. «Под знам. марксизма». 1923. № 1. Стр. 160—178. (Отв. М. Рейснеру).

262. Его же. Рец. на кн. «Революционная совесть и социалистическое правосознание» Г. М. Португалова. П. ГИЗ. 1922 г. Стр. 52. «Печать и Революция». 1923. II. Стр. 184—185.

263. Его же. Рец. на «Социальн. функции права» И. Карнера. «Печать и Революция». 1923 г. III. Стр. 218—221.

264. Его же. Учение о государстве и конституция РСФСР. 2-е изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 346.

См. рец. А. Гойхбарга. «Печать и Революция». 1923 г. V. Стр. 130.

265. Его же. Рецензия на книгу Адоратского «О государстве». «Печать и Революция». 1923 г. кн. VI. Стр. 204—206.

266. Его же. Рец. на «Марксистскую теорию права» И. Подволоцкого. «Печать и Революция». 1923. VII. Стр. 214—216.

267. Его же. Классовое государство и гражданское право. Изд. Социалистич. Академии. 1924 г. М. Стр. 78. См. рец. И. Ильинский «Молодая Гвардия». 1924 г. № 6.

268. Его же. Ленинизм и государство. Изд. «Прометей». М. 1924 г. Стр. 172.

269. Его же. Ленин и революционный декрет. В сборнике «Революция права». Изд. Коммунист. Академии. М. 1925 г.

270. Его же. Буржуазная революция и гражданское законодательство. В сб. «Революция права». Изд. Коммунист. Академии. Москва. 1925 г.

271. Его же. Пролетарская революция и суд. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 1.

272. Его же. Конституция гражданской войны. «Пролетарск. революция и право». 1918 г. № 3—4.

273. Стучка, П. и Вегер, В. Ленин о пролетарском государстве. С предисловием и примеч. составителей. Москва. ГИЗ. 1924 г. Стр. 440.

274. Сухоплюев, И. Новое учение о праве. «Путь к коммунизму». 1922 г. № 6—7. Стр. 164—172.

275**. Таль, А. Понятие и сущность хозяйственного права. «Право и Жизнь». 1924 г. № 9. Стр. 15—26.

276. Тарле, Е. Проклятые вопросы и ученые ответы. (О «Курсе госуд. науки» Чичерина). «Новое Слово». 1896 г. VIII. (Май). Тарновский Е. Война и движение преступности в 1911—1916 г.г.

277. Тахтарев, К. Новый теоретик права и государства. (Л. Дюги). «Совр. Мир». 1909 г. III. Стр. 45—58.

278. Его же. Общественная власть и государство. «Совр. Мир». 1909 г. VI. Стр. 93—127.

279. Его же. Современное государство. «Итоги Науки». Изд. т-ва Мир». Т. XI. Стр. 5—167.

280**. Его же. Общество и государство и закон борьбы классов. Изд. «Книга». 1918 г. Стр. 152.

281. Его же. От представительства к народовластию. СПб. 1907 г. Издан. «Библиотеки Обществознания». Стр. 228.

282. Ткачев, П. ¹⁾ Рецензия на книжку Ю. Жуковского: «Политические и общественные теории XVI в.». «Русское Слово». 1865. XII. Стр. 30—40. («Библиографический листок»).

283. Т (качев), П. Рецензия «Гражданское право и общественная экономика» Данкварта. «Дело» 1867, № 4. Стр. 50—71.

284. Его же. Новые книги. «Дело». 1868. X. Стр. 33—47. (См. отзыв о книге «История местного самоуправления» А. Градовского). 1868. XI. (По поводу «Очерков юридической энциклопедии» Н. Ренненкампа). Стр. 26—41.

285. Троцкий, Л. Терроризм и коммунизм. П. ГИЗ. 1920. Стр. 178. То же вошло в его книгу: «Основные вопросы революции».

286. Ферри, Э. Уголовная социология. Пер. с 4 итальянского изд. С пред. к русск. изд. Э. Ферри и Д. Дриля. СПб. Изд. «Просвещение». 1912 г. См. ч. II. «О действительном гегезисе права». Стр. 56—69.

287*. Франк, С. Новые данные к характеристике культурно-исторических, социологических и философ. взглядов Лассалья. «Вопросы философии и психологии». 1902 г. Книга 5 (V). См. стр. 972—975. (По поводу «Системы приобретенных прав». Лассалья).

¹⁾ Знаменитый редактор «Набата» П. Ткачев, восприняв, правда, в упрощенном виде, историко-материалистическую философию Маркса, пытался с ее точки зрения подойти к вопросам права.—О нем см. Д. Рязанов.—«Маркс и Энгельс» стр. 245-я и его же Народничество и марксизм в его «Очерках по истории марксизма». Стр. 439, 441, 442

288**. Чернов, В. Юридические идеи социализма. Правовые идеалы. См. его книгу: «Земля и право». П. 1917 г. Стр. 51—65, 66—75.

289**. Чичерин, Б. Философия права. М. 1900 г. См. стр. 265, 267—269.

290**. Шершеневич, Г. Общая теория права. Изд. бр. Башмаковых. М. 1910—1911. См. гл. VIII. Образование права. § 50. Учение экономического материализма. Стр. 493—498.

291**. Штаммлер, Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Пер. с 2 нем. изд. под ред. и вступит. стат. И. Давыдова. Изд. «Начало». СПб. 1907 г. Т. I. Стр. 404. Т. II. Стр. XXII+344. То же только I том. Изд. Н. Березина и М. Семенова. 1899 г. То же. В виде приложения к журн. «Северный Вестник». 1898 г. Стр. 310. (Т. I).

292**. Его же. Закономерность правового порядка и народного хозяйства. Пер. с нем. Зелинской. Киев. 2-изд. 1905 г. Стр. 29. См. рец. «Образование». 1905 г. VI.

293**. Его же. Сущность и задачи права и правоведения. Пер. с нем. В. А. Краснокутского. М. 1908 г. Стр. 144.

Критику Штаммлера см.: I. Бухарин, Н. Теория исторического материализма. ГИЗ. 1922. Стр. 23—28, 49—50. 2. Кунов, Г. Социально-философские блуждения. «Научное Обозрение». 1899 г. IV. 3. Корсак. Общество правовое и трудовое. В сб. «Очерки реалистического мировоззрения». 1904 г. 4. Н-ев. Ученое пустомыслие. «Правда». 1905 г. XI.

294. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Пер. с нем. Н. А-ского. СПб. 1906 г. Изд. т-ва «Северные книгоиздатели». Стр. XX+334. См. стр. 254—255, 314—315.

295. Его же и (Маркс, К.). Фейербах (идеалистическая и материалистическая точки зрения). С пред. Д. Рязанова. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». I. М. ГИЗ. 1924 г. См. стр. 222, 224, 230—231, 233, 234, 243, 251—253.

296. Его же и (Маркс, К.). Святой Макс. (Критика учения Штир-

пера). Пер. с нем. Б. Гимельфарба. Москва. ГИЗ. 1920 г. См. стр. 172, 173, 186—187, 194—195.

297. **Энгельс, Ф.** и (**Маркс, К.**). Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. 2 доп. изд. ГИЗ. 1923 г. См. стр. 64, 78—80, 83, 86—87, 88.

298. **Его же.** Революция и контр-революция в Германии. См. Маркс и Энгельс. Собр. сочинений. Т. III. ГИЗ. 1921. См. стр. 314 и др.

299. **Его же.** Письмо Марксу (от 2 декабря 1861 г.). См. Маркс и Энгельс. Письма. Пер. под ред. В. Адоратского. Москва. Изд. «Московский Рабочий». М. 1922 г. Стр. 101.

300. **Его же.** Письмо Марксу. (13 апреля 1866 г.). Там же. Стр. 121.

301. **Его же.** Письмо Куно. (24/1 1872 г.). Стр. 211—213.

302. **Энгельс, Ф.** Жилищный вопрос. Пер. с нем. П. ГИЗ. 1920. 96 стр. См. стр. 20—21, 64—65, 75—76, 77—86.

303. **Его же.** Письмо к А. Бебелю от 18/28 марта 1875 г. Помещено в книжке: К. Маркс.—Замечания на программу германской рабочей партии. («Критика Готской программы»). Пер. Н. Алексеева. ГИЗ. 1923 г. Стр. 82—93. См. особенно стр. 88—90.

304. **Его же.** Анти-Дюринг. Пер. с нем. 3 изд. исправленное М. Е. Ландау. Изд. «Московский Рабочий». 1923 г. Стр. 367. См. стр. 111—112, 119—124, 126, 180—189, 203—207, 208—210, 316—317.

305. **Его же.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. Пер. Цедербаума, под ред. Д. Рязанова. Изд. «Московский Рабочий». (С двумя приложениями). 1) «Вновь открытый случай группового брака». 2) «Труд как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку». Стр. 134.

306. **Его же.** Письмо к А. Бебелю. (11 декабря 1884 г.). «О чистой демократии». См. Маркса и Энгельса. Письма пер. под ред. Адоратского. М. 1922 г. Стр. 263—266.

307. **Его же.** Предисловие к защитительной речи Маркса перед су-

дом присяжных в Кельне. См. Маркс и Энгельс. Собр. соч. ГИЗ. 1921 г. Т. III. Стр. 343—349.

308. **Его же.** Людвиг Фейербах. Пер. с пред. и примеч. Г. В. Плеханова. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Стр. 144. См. стр. 70—72.

309. **Энгельс, Ф.** и (**Каутский, К.**) Юридический социализм. пер. с нем. А. Гутермана. «Под знаменем марксизма». 1923 г. № 1. Стр. 51—71.

310. **Его же.** Сила и экономика в образовании Германской империи. Пер. под ред. Н. И. Попова. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 91. См. стр. 17—19, 24, 80—82.

311. **Энгельс, Ф.** Предисловие к английскому изданию его брошюры «Развитие научного социализма», вышедшее на рус. языке под заглавием: «О материализме». П. Изд. «Социалист». 1917 г. См. стр. 13—14.

312. **Его же.** Письмо к Мерингу. (14 июля 1893 г.). См. Маркс и Энгельс. Письмо под ред. Адоратского. М. 1922. Стр. 308—310.

313. **Его же.** Предисловие к его «Статьям 1871—1875 г.г.». Пер. с нем. Изд. Союза Коммунистической области. П. 1919. См. стр. 4—5.

314. **Его же.** Письмо Г. Штаркенбургу. (25 января 1894 г.). См. Маркс и Энгельс. Письма под ред. Адоратского. М. 1922. Стр. 314—317.

315. **Его же.** Введение к «Борьбе классов во Франции» К. Маркса. См. К. Маркс и Энгельс. Собр. сочин. Т. III. ГИЗ. 1921 г. Стр. 16—17, 21, 22—23, 46—48. Об этом введении см.: 1) Каутского «Путь к власти». 2) Плеханова «Предисловие к Коммунистическому Манифесту» и 3) Д. Рязанова в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. I.

316. **Энгельс, Г.** Очерк теории общества и права. 1910 г. См. рец. «Совр. Мир». 1911 г. II.

317. **Его же.** Общество и государство. «Записки Науч. Общества Марксистов». 1923 г. Т. (V). Стр. 126—149.

318. **Его же.** Основы Советской Конституции. П. ГИЗ. 1923. Стр. 248.

См. рец. А. Гойхбарга. «Печ. и рев.». 1923 г. № 5.

319. **Энгельс, Е.** Очерки материалистической социологии. Изд. Л. Френкель. М. П. 1923 г. Стр. 142. См. стр. 68—83, 139—142. См. рец. И. Л.—а. «Под знаменем марксизма». 1923 г. № 11—12. Стр. 292—294.

320. **Яблоньский, А.** Основные начала земельного права. «Пролетар-

ская революция и право». 1918 г. № 7.

321. **Его же.** Конституция труда. «Пролетарская революция и право». 1918 г. № 5—6.

322. **Яковлев.** Гражданское право и неимущие классы. «Образование». 1905 г. XI—XII.

Я. С. Розанов.

(Продолжение следует).

БИБЛИОГРАФИЯ РАДИЩЕВА.

Научная литература о Радищеве ¹⁾.

85. Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений яко-то: Российския посольства въ другія государства, рѣдкія грамоты, описанія свадебныхъ обрядовъ и другихъ историческихъ и географическихъ достопамятностей, и многія сочиненія древнихъ Российскихъ стихотворцевъ; изд. помѣсячно — Николаемъ Новиковымъ. Часть I, январь, Въ Санкт-петербургѣ 1773. На 8-ой нумерованной стр. в списке любителей Российскихъ Древностей, подписавшихся на это изд. в Санктпетербурге, значится: Его благородіе Александръ Николаевичъ Радищевъ.

86. Древняя Российская Идиография, содержащая описаніе Московскаго государства рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладязей, и какіе по нихъ города и урочища, и на какомъ оныя разстояніи. Изд. Николаемъ Новиковымъ. Въ Санктпетербургѣ. 1773 года.

На 6-й нумер. стр. в списке лиц, подписавшихся на эту книгу: Его благородіе Александръ Николаевичъ Радищевъ.

87. [С. F. Ph. Masson]. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Tome second. Chez Charles Pougens. Paris. An VIII (1800).

Стр. 188—191. Биографич. данные. Радищев — издатель «Почты Духов». Сочувственнѣе лучшихъ современников. (Память его дорога всемъ сердечнымъ и разумнымъ людям).

88. То же. 1859. Стр. 229—231. На титульномъ листе указан автор: C. F. Ph. Masson major des grenadiers du grand duc Alexandre.

¹⁾ См. «В. К. А.», кн. 13.

Отзыв: А. И—н. [А. Суворин]. Журн. и библиогр. заметки: не-скольکو слов о Массоне. Русский Инвалид 1868, № 134, 18 мая.

89. I. Castré. Histoire de Catherine II impératrice de Russie. Tome troisième. F. Buisson. Paris. An VIII (1800).

На стр. 72 упоминанія о написанніи «Путешествія» и о судьбе Радищева.

90. Борнъ. На смерть Радищева. (К. г. О. Л. И.). Свитокъ Музъ. Книга вторая: Въ Санктпетербургѣ. При Имп. Академіи Наукъ. 1803.

Стр. 136—144. Стихи на смерть Радищева. Некрологъ с данными о жизни в Илимске.

91. Цвѣтникъ, издаваемый А. Измайловымъ и А. Бенитцкимъ. Ч. II. Въ Санктпетербургѣ. При имп. Академіи Наукъ. 1809. Стр. 271—283. Радищев-писатель: прозаикъ и поэт. (Разбор произведений, помещенныхъ в I т. «Собранія оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. 1807. См. № 40).

92. [Helbig]. Russische Günstlinge. In der J. 9. Gotta'schen Buchhandlung. Tübingen. 1809.

Стр. 457—461. Гл. 104. Радищев. Биограф. данные. Характеристика. (Данные не всегда правильны, например, указано, что умер в Сибиріи). Есть указанія, что экземпляры «Путешествія» были за границей, что перевод некоторых отрывков печатался в „Orakel zu Endor“.

В переводе на русск. см. №№ 114, 180.

93. [С. С. Уваров]. Отвѣтъ В. В. Капнисту на письмо его объ экземплярѣ. Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго Слова. Чтеніе семнадцатое. Въ Санктпетербургѣ. При Сенатской Тип. 1815. Стр. 58—61. О Радищеве-

поэте (Некто г-н Р.). Приведен отрывок о стихосложении из гл. «Тверь».

94. [С. С. Уваров]. Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe. Le Conservateur Impartial 1817, № 77.

Стр. 380. Радищев—теоретик поэзии.

95. Вестникъ Европы, составляемый Мих. Каченовскимъ. Ч. XCV. Въ Универс. Тип. М. 1817, № 17—18, сентябрь, 156.

В отделе «краткія выписки, извѣстія, замѣчанія» перевод из Conservateur Impartial, см. предыдущій №.

96. Памятные Записки А. В. Храповицкаго. Отечественные Записки, издаваемые Павломъ Свинымъ. Часть XX. С. П. Б. В тип. Плавильщикова. 1824. Стр. 235, 237, 238, 243.

Ряд замечаній о появленіи «Путешествія», о примечаніяхъ Екатерины II на книгу, о послѣдкѣ примечаній Шешковскому, о передаче дела в совет. Отрывки из «Записокъ» перепечатаны в Библиографическихъ Запискахъ 1859, XIX, 584. Полностью с примечаніями Г. Н. Геннадіи в чтеніи Общ. Истории и Древн. Россійскихъ 1862. смотр. № 119. С объяснительными указаніями Н. Барсукова по публичной рукописи в 1874, см. № 146.

97. Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи, съ 1649 г. Том XXIII. Съ 1789 по 6 ноября 1796. Печатано въ Тип. II отд. Собствен. Его Имп. Вел. Канцел. 1830. Стр. 168, № 16901. Именной Указ Сенату от 4 сентября 1790 г. о замене Радищеву смертной казни ссылкой в Илимск на 10 лет.

98. Были и небылицы и гражданское начальное Ученіе, сочиненіе Екатерины II. Съ предисловіемъ С. Глинки. М. 1832. Стр. VII. В предисловіи, что ссылка Радищева вызвана настоящими вѣлможа.

99. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, содержащій въ себѣ жизнь и дѣянія знаменитыхъ полководцевъ, министровъ и мужей государственныхъ, великихъ іерарховъ православной церкви, отличныхъ литераторовъ и ученыхъ, извѣстныхъ по участию въ событіяхъ отечественной имперіи, составленный Дмитриемъ Бантыш-Каменскимъ и изданный Александромъ Ши-

ряевымъ въ пяти частяхъ. М. 1836. Часть четвертая Н.-Р. Стр. 258—264. Биогр. данные, как сказано в конце, из биографіи, составленной Н. А. Радищевымъ и хранящейся у кн. II. А. Вяземскаго. Последнее повторяет П. А. Ефремовъ в Русской Старине 1871, III. Там же поправка к этому сообщенію, см. № 454.

100. Митрополитъ Евгений [Болховитиновъ] | Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Изд. Москвитянина. Въ Универс. Тип. М. 1845. Т. II. Стр. 139. Краткіе, биогр. данные. Неправильное указаніе на ссылку в Казань.

101. Вчера и сегодня. Литературный сборникъ, составленный гр. В. А. Соллогубомъ. Изд. А. Смирдинымъ. С. П. Б. 1845. Кн. I. Стр. 63. В письме Г. П. Каменева от 1802 г. о том, что он поедет по станціямъ «где блуждал Р... и мечталъ перомъ своимъ в желчь обманутому давать уроки властямъ».

102. А. Вейдемейеръ. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столетія. Изд. И. Эйнерлинга. С. П. Б. 1846. Ч. II, стр. 120. Краткіе биогр. данные.

103. Сочиненія Имп. Екатерины II. Изд. А. Смирдина. С. П. Б. 1850. Т. III. Стр. 392, 393. В письмахъ к петербургскому главнокомандующему ген.-анш. Брюсу о передаче дела Радищева в Сенат и о принятіи мѣръ противъ распространенія «Путешествія».

104. Справочный энциклопедическій словарь, издающійся под ред. А. Старчевскаго. С. П. Б. 1855. Т. IX. Часть II, стр. 5. Краткіе биограф. данные.

105. А. С. Пушкин. Сочиненія Изд. П. В. Анненкова. СПб. 1855. Т. VI, ч. II, стр. 77. Упомянутое в статьѣ «Мысли на дороге» о полученіи для прочтенія «Путешествія». Стр. 110—примечаніе П. В. Анненкова об отношеніи Пушкина к Радищеву. Т. VII (дополнительный) 1857. Стр. 50—60. Статья: «Александръ Радищевъ» (с пропусками). Биогр. данные, обзоръ литературной деятельности, характеристика. Стр. 60—64. Гл. «Клинъ из «Путешествія». (Перепечатана во всехъ изд. сочиненій Пушкина). Стр. 3—4. В предисловіи П. В. Анненкова о

статье Пушкина и ее значении. Отзывы к статьям Пушкина: 1. Е. Я. (Е. И. Якушкин). Проза Пушкина. (Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта). Библиографические записки 1859. VI. 161—179. С дополненными отрывков из «Путешествия» к статье «Мысли на дороге».

2. А. Станкевич. Сочинения Пушкина. Седьмой дополнительный том. Изд. П. В. Анненкова. Атеней, 1858, II, 79.

3. А. И. Герцен. В предисловии к «Путешествию» в книге «О повреждении нравов в России М. Щербатова и Путешествие А. Радищева». 1858. Стр. 103—106. См. № 41. Перепечатано: Полное собрание сочинений. Под ред. М. К. Лемке. См. № 302.

106. Перепечатано: сочинения Пушкина, под ред. П. А. Ефремова. Изд. Я. А. Исакова, 1881. Т. V, стр. 202—235. Мысли на дороге. (Возражение на книгу Радищева). С выдержками из «Путешествия». Стр. 351—361. Александр Радищев. Примечание П. А. Ефремова.

107. Перепечатано: Изд. Общ. для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Под ред. П. О. Морозова. СПб. 1887. Т. V, стр. 216—241. «Мысли на дороге». Т. VII, стр. 50. Письмо к Бестужеву, стр. 349—359. Александр Радищев. Прим. П. О. Морозова.

108. Перепечатано: Под ред. П. О. Морозова. Книгоиздат. «Просвещение». СПб. Т. VI. 328—365; стр. 388—399. Стр. 650—651 в примечаниях П. О. Морозова: история цензурного гонения на статью «Александр Радищев».

109. Перепечатано: Под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз—Ефрон. СПб. 1911. Т. V. По указателю имен. Т. VI. 1915. стр. 162. письмо в цензурный комитет А. С. Пушкина о возвращении статьи «Александр Радищев». Перепечатано во всех собраниях сочин. А. С. Пушкина.

110. М. Лонгинов. Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев (1749—1802). Со-

временник 1856. VIII (Библиогр. записки XXVI), 147—152. Биогр. данные. Радищев—мартинист. Перепечатано: Сочинения М. Н. Лонгинова. Т. I. (1850—1859). Изд. Л. Э. Бухгейм. 1915. См. № 288.

111. О повреждении нравов в России кн. М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера [А. И. Герцена] London. Trübner et Co. 1858. Стр. V—VII. XIX. Введение А. И. Герцена. О форме и содержании «Путешествия», Радищев и декабристы. Стр. 103—106, предисловие к «Путешествию» его же. О статье Пушкина «Александр Радищев». Перепечатано в полном собрании сочинений А. И. Герцена, 1921 г. (См. № 302).

112. Павел Радищев. Александр Николаевич Радищев. Библиографические и биографические дополнения М. Н. Лонгинова. Русский Вестник 1858, т. XVIII (декабрь, кн. I). 394—432. Предисловие и сообщение в ред. А. Корсунова. Общие биографические данные, замечания к статье Пушкина «Александр Радищев». В предисловии библиографические данные о П. А. Радищеве.

113. Русский Вестник, 1858, т. XVIII, 427. Стихи И. П. Пнина «Гля смерть Радищева», приведены в статье П. А. Радищева, см. предыдущий №. Перепечатаны: А. П. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития. Т. II. См. № 187. Перепечатаны: А. Богумил. Начальный период народничества в русской художественной литературе. 1907. По указателю имен см. № 250. Перепечатано: Н. Даденков. Иван Петрович Пнин. 1912. См. № 267.

114. Современные известия о Радищеве. Библиографические записки. 1858. № 23, 729—735. Из книги Helbig «Russische Günstlinge», см. № 92. Перевод и примечания кн. Н. Голицына. В примечаниях о «Путешествии и значении его». Оттиск. Тип. Селивановского. 1858. 14 стр.

115. М. Лонгинов. Русские студенты в Лейпцигском университете. Библиографические записки 1859,

№ 17, 540—541. Ряд данных о пребывании в Лейпциге. Там же. О последнем проекте Радищева (1802), 541—542.

116. Записки кн. Е. Р. Дашковой, писанные ей самой. Перевод с английского языка. „Trübner et Co“. Лондон. 1859. Стр. 236, 237, 239. Отзыв о «Жизни Ф. В. Ушакова». Сожаление о судьбе Радищева. Перепечатано: Русская Старина, 1906, VI, 512.

117. Я. К. Грот. Несколько ученых заметок во время заграничного путешествия. (Из отчета II отделения Академии). Известия имп. Академии Наук по отделению русского языка и словесности. Т. IX. В тип. Имп. Академии Наук. СПб. 1860—1861. Стр. 151. В списке Лейпцигских студентов и примеч. о «Житии Ушакова».

118. Д. Ф. Кобеко. Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века. Библиографические записки 1861, IV, 110—111. Радищев—сотрудник «Живописца».

119. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины второй; изд. полное с примечаниями Г. Н. Геннади. Чтение в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Моск. Унив. М. 1862. Кн. III. Стр. 226, 227. Содержание см. № 96. Оттиск 1862.

120. Письма Екатерины II к А. В. Олсуфьеву. Р. А. 1863. III. 202; IV. 275. В примечаниях М. Н. Лонгинова упоминания.

121. Летописи русской литературы и древности. Изд. Н. Тихонравовым. Т. V. М. 1863. Отдел II. Материалы. Стр. 6, 43. Новые сведения о Н. И. Новикове и членах Компании типографической. Сообщены Д. И. Иловайским. С предисловием Н. С. Тихонравова. В предисловии упоминание. В донесении Екатерине кн. А. А. Прозоровского, что в числе бумаг Кутузова найдены письма Радищева, из которых 3 препровождены при донесении.

122. Живописец Н. И. Новикова 1772—1773. Изд. 7-е. П. А. Ефремова. СПб. 1864. Стр. 320, 321, 346. В примечаниях П. А. Ефремова,

что Радищев в «Живописце» не участвовал; некоторые данные о «Путешествии».

123. В. Стоюнин. О преподавании русской литературы. Тип. Паулевна и К^о. СПб. 1864. Стр. 232—234. О значении Радищева—писателя и носителя прогрессивных идей. Отзыв: Красов (А. Галахов). Историко-литературные вопросы. По поводу сочинения Владимира Стоюнина «О преподавании русской литературы». С.-Петербургские Ведомости 1864, № 122, 3 июня.

124. Радищев. Чтения в Имп. Общ. Истории и древностей Российских при Моск. Универс. 1865. Кн. III. Июль—сентябрь, отд. V, 67—108. Содержание: 1. Замечания на сочинения его гос. имп. Екатерины II. 2. Вопросы пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву. 3. Ответы на вопросы пункты. 4. Завещание Радищева. 5. В дополнение к завещанию. 6. Еще вопрос и его ответ. Письмо Радищева (Шешковскому) и его разъяснения. 8. Письмо Александра Ушакова к А. Н. Радищеву. Оттиск М. 1865. 42 стр. Отзывы: 1. Михаил Лонгинов. Екатерина Великая и Радищев. (По поводу обнаружения новых документов о Радищеве). Весть 1865, № 28, 9 декабря. 2. А. И.—н. (А. С. Суворин). Журнальные и библиографические заметки. Русский Инвалид, 1865, № 263, 27 ноября. 3. (Б. п.) Радищев и Екатерина II. (Новые материалы для истории русской литературы). Голос, 1865, № 317, 16 ноября. 4. (Б. п.). Новые сведения о Радищеве. Отечественные Записки, 1866, II (т. CL XIV), 75—84. 5. (Б. п.). С.-Петербургские Ведомости. 1865, № 229, 15 ноября. В отделе разные известия и заметки: «Нечто о Радищеве».

125. М. Н. Лонгинов. Новиков и Московские мартинисты. Исследование. Тип. Грачева. М. 1867. Стр. 3, 10, 97, 238, 302, 338, 363. Близость Радищева с А. М. Кутузовым. Посещение Радищевым ложи «Урания». Отзыв: А. Пыпин. Вестник Европы 1867, IV (декабрь), 52.

126. Я. К. Грот. Литературная жизнь Крылова. Приложение к XIV

тому Записок Имп. Академии Наук. № 2. СПб. 1868. Стр. 13. О существовавшем подозрении, что Крылов напечатал «Путешествие».

Там же: Дополнительные известия о Крылове. Стр. 39. О возможном участии Радищева в «Почте Духов».

127. **В. Кеневич.** Иван Андреевич Крылов. (Библиографическ. очерк. Вестник Европы. 1868, II (т. I), 712. О подозрении, что «Путешествие» печаталось у Крылова. Ср. предыдущий №.

128. **В. Андреев.** Иван Андреевич Крылов. Русский Инвалид, 1868. № 31. 2 февраля. Радищева возможно считать издателем «Почты Духов».

129. **А. Пыпин.** Крылов и Радищев. Кто писал в «Почте Духов»? Вопрос из истории русской литературы прошлого века. В. Е. 1868, V, (т. III), 419—436. Радищев сотрудничал в «Почте Духов». Отзыв: А. И.—н. (А. Суворин). Журнальные и библиогр. заметки: Радищев и Крылов. Русский Инвалид, 1868. № 134. 18 мая. Ср. № 253 (П. Е. Щеголев).

130. **Ф. Терновский.** Русское вольнодумство при Екатерине II и эпоха реакции. Труды Киевской Духовной Академии. 1868, VII, 139—141. Книга Радищева запоздала появлением, результат этого—кара.

131. Петербургская Газета, 1868. № 85. 20 июня. Официальные известия от 14 июня: Высочайшее повеление об отмене запрещения на «Путешествие», наложенное 4 сентября 1790 г.

132. Архив Государственного Совета. Т. I. Совет в царствование имп. Екатерины II. (1768—1796). Ч. II. С. П. Б. 1869. Столб. 737. Протоколы Совета. Гл. XXVI. Уголовные Дела. Протокол от 19 августа 1790 г. Чтение гр. Безбородко доклада, поднесенного им Екатерине II о «Путешествии», и резолюция Совета о заслуживании Радищевым наказания, законами предписанного.

133. **А. Шапов.** Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Изд. Н. П. Полякова. С. П. Б. 1870.

Стр. 78, упомин. 98 и 105. Радищев о цензуре.

134. Столетие С.-Петербургского Английского Собрания. 1770—1870. С. П. Б. 1870. Стр. 54. В списке членов за 1774 г. значится А. Н. Радищев.

135. Из семейного Архива села Витебита (Орловской губ., Болховского уезда). Р. А. 1870. IV—V, 932, 934, 937, 939, 945, 947, 950, 953. Сообщил в ред., предисловие и примечания Н. Барышников а. В письме 7-м **Н. Зиновьева** к сыну сведения о возвращении Р. из Лейпцига. В предисловии и примечаниях ряд указаний о документальности «Жития Ф. В. Ушакова» Радищева. Отзыв: Я. Грот. Заметки на письма Зиновьева. Р. А. 1870, 1774.

136. **Ф. К. Шлоссер.** История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи. Изд. 2-е. Изд. книжн. маг. Черкесова. С. П. Б. 1871. Т. VIII. С предисловием М. А. Антоновича. Стр. XXV—XXXVIII. В предисловии: Мировоззрение Радищева, его роль и значение в Екатерин. эпоху.

137. **С. Максимов.** Сибирь и каторга. Часть III. Политические и государственные преступники. Тип. А. Траншель. С. П. Б. 1871. Стр. 125. Перепечатано: Собрание сочинений С. В. Максимова. Т. III. Сибирь и каторга. Тов. «Просвещение». С. П. Б. Стр. 153.

138. Собственноручное черновое наставление Екатерины II для молодых русских, отправленных в Лейпциг для изучения юриспруденции, и современные известия о пребывании их там (22 сентября 1766 г.). Сборник Исторического Общ. Тип. Имп. Академии Наук. 1872. Т. X. стр. 111, 112, 114, 115, 116, 126, 129. Данные об условиях жизни в Лейпциге. Коллективное письмо от 9 июня 1767 г. гр. А. Я. Олсуфьеву о насилиях Бокума за подписью Радищева и др. В письме кн. Белосельского о сроке возвращения Р. в Россию (1771 г.).

139. Письма и рескрипты Екатерины II к Московским главно-

командующим. Р. А. 1872, 427—428. Письмо 16-е к кн. А. А. Прозоровскому от 13 июля 1790 г., отзыв о «Путешествии», запрещение печатать и продавать его в Москве.

140. **Н. А. Радищев.** А. Н. Радищев. Сообщил Н. П. Барсуков. Р. С. 1872, XI (т. VI), 573—581. В статье общие биографические данные; неправильное указание на перевод Монтескье «Рассуждение о величии и упадке римлян». Статья Н. А. Радищева перепечатана: 1. В «Русской поэзии» под ред. С. А. Венгерова 1895, вып. V, 822—825. 2. Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева. Русская классная библиотека. Под ред. А. Н. Чудинова. Вып. XXXII. 1906. В предисловии Н. П. Барсукова, что рукопись найдена в архиве кн. П. А. Вяземского, на рукописи приписка Вяземского, что А. Н. Радищев «кажется» представил в комиссию о составлении законов проект весьма неблагоприятный освобождению крестьян. По поводу приписки Вяземского: О. Миллер. Два запроса. Беседа 1872, XII, 114—115.

141. А. Н. Радищев. 1791. Сообщил Г. К. Репинский. Р. С. 1872, X (т. VI), 436—438. Рапорт Иркутского наместничества в Правительственный Сенат о ссылке в Сибирь от 15 октября 1791 г.

142. **М. Шугуров.** О Радищеве. Р. А. 1872, X, 927—953. История написания «Путешествия». Историческое значение его.

143. Архив кн. Воронцова. Кн. V. М. 1872. С примечаниями П. И. Бартенева. Стр. 220, 221, 223, 375—380, 394, 395—396, 397—400, 401, 402, 403, 405—406, 407—422, 423—429, 430—444. В письмах кн. Е. Р. Дашковой, Е. В. Рубановской, гр. А. Р. Воронцова, Н. А. Радищева (отца Радищева), М. Н. Радищева (брата Р.); г-жи Пиль, Н. Н. Новосильцева, данные о жизни Р. в период ссылки. Со стр. 407. Разбор «Путешествия» Екатериной II. Повинная и вопросные пункты и ответы. Последние перепечатаны в полном собрании сочинений А. Н.

Радищева. Ред. В. В. Каллаша. 1907 г.

144. Записки кн. **Федора Николаевича Голицына.** Р. А. 1874, 1290—1291. О книге Радищева и его судьбе.

145. Русские вольнодумцы в царствовании Екатерины II. Секретно вскрытая переписка. Р. С. 1874, I, 70, 71, 72; II, 261—262, 272, 276; III, 466. Сообщено в ред. А. А. Бородулиным. Все письма перепечатаны: **Я. А. Барсков.** Переписка Московских масонов. См. № 286.

146. Дневник **А. В. Храповицкого** 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографической статьей и обильным указателем Н. Барсукова. Изд. А. Ф. Базунова. С. П. Б. 1874. По указателю имен. В предисловии, (стр. VI), что Храповицкий был наставником Р. в русском языке, содержание в дневнике (см. № 96).

147. **А. Т. Болотов.** Памятник претекших времен, или краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. Изд. П. С. Киселева. М. 1875. Ч. II, стр. 28. Упоминание, что в числе возвращенных из ссылки Павлом I был Р.

148. Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. с.-петербург. унив. И. Н. Березинным. Отд. IV. Т. I. Р.-С. С. П. Б. 1875. Стр. 30—31. Краткие биогр. данные. Б. п.

149. Материалы для истории царского его Имп. Вел. корпуса. 1711—1785. Изд. гр. Милорадовича. Киев. 1876. Стр. 32, 135. Краткие биографические данные, указание на отправку в Лейпциг.

150. **А. Григорьев.** Сочинения. Т. I. Изд. Н. Н. Страхова. С. П. Б. 1876. Стр. 493. в статье «Развитие идей народности в нашей русской литературе»—об отношении Пушкина к Радищеву.

151. Архив кн. Воронцова. Кн. IX. М. 1876. С примечаниями П. И. Бартенева. Стр. 181, 212, 231. В письмах гр. **С. Р. Воронцова** о судьбе Радищева.

152. То же. Кн. X. М. 1876. Стр. 5—6. В письме гр. С. Р. Ворон-

цова радость по поводу возвращения Р. из ссылки.

153. **Н. Прытков.** И. П. Пнин и его литературная деятельность. Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1878, т. III, № 9, 21, 25. Дружба Р. с Пниным.

154. Архив кн. Воронцова. Кн. XII. М. 1877. С примечаниями: **П. И. Бартенева.** Стр. 96, 97, 185. В письмах гр. **П. В. Завадского** к гр. А. Р. Воронцову, что Воронцова и Дашкову считали при выходе «Путешествия» вдохновителями Р.

155. Архив кн. Воронцова. Кн. XIII. М. 1879. С примеч. П. И. Бартенева. Стр. 42, 104, 199—200, 201. В письмах кн. **А. А. Безбородко** к гр. А. Р. Воронцову. Все письма перепечатаны в «Сборнике Имп. Рус. Ист. Общ.», т. 29, 1881. См. № 160.

156. Из записок **Николая Степановича Ильинского.** Р. А. 1879. XIII. 415, 416, 418. С предисловием и примечаниями А. О. Круглого. О службе Радищева в комиссии составления законов.

157. **В. И. Семевский.** Крестьянский вопрос при Екатерине II. Отечественные Записки. 1879, XII, 454—464. Гл. IX. Радищев. О «Путешествии» и «Описание моего владения», как дающих фактический материал по положению крестьян своей эпохи, о проекте Р. об освобождении крестьян и о отражении идей Р. в южном общ. декабристов.

158. **Д. Рябинин.** Граф Семен Романович Воронцов. Р. А. 1879, IV, (т. I), 499, 500. Проект В. о включении Р. в состав предполагаемой экспедиции в Китай (1792 г.). Выдержка из писем гр. С. Р. Воронцова об Р. См. Архив кн. Воронцова, книга IX.

159. Архив кн. Воронцова. Кн. XXIV. М. 1880. Стр. 214. Из письма Иркутского наместника **И. А. Пиля** гр. А. Р. Воронцову.

160. **Н. Григорович.** Канцлер кн. А. А. Безбородко в связи с событиями его времени. Сборник Имп. Русского Исторического Общества. Т. 29. С. П. Б. 1881. (По указателю имен). В письмах и записках Без-

бородко ряд данных об Р. в период процесса и воцарения Павла I (Ср. П. Радищев. А. Н. Радищев. Русский Вестник. 1858). То же. Отдельное изд. Т. II. 1788—1799. Тип. В. С. Балашева. С. П. Б. 1881. (По указателю имен).

161. **А. Веселовский.** Альцест и Чацкий. Вестник Европы, 1881, III, 93—96. 99. Тожественность взглядов на Мизантропов в IV письме Дальновидца в «Почте Духов» 1789 и в «Путешествии» Р. (сон царя).

162. Перепечатано: Этюды о Мольере. Мизантроп. (Опыт нового анализа пьесы и обзор созданной ею школы). Монография. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1881. Стр. 167—171.

163. **В. Я. Стоюнин.** Исторические сочинения. Ч. II. Пушкин. Тип. А. С. Суворина. С. П. Б. 1881. Стр. 365—368. О взгляде Пушкина на Радищева.

164. **В. И. Семевский.** Крестьяне в царствование Имп. Екатерины II. С. П. Б. 1881. Т. I. Стр. 63, 151, 282. Ряд упоминаний.

165. **П. В. Анненков.** Воспоминания и критические очерки. Сборник статей и заметок. Отдел 3. Изд. М. М. Стасюлевича. С. П. Б. 1881. Стр. 253. В статье: «Общественные идеалы Пушкина, упоминания».

166. Рескрипт имп. Павла гр. Самойлову от 23 ноября 1796 г. Сообщил П. А. Ефремов. Р. С. 1882. XVI (т. XXXVI). 499. О возвращении Р. из Илимска.

167. **В. Е. Якушкин.** Суд над русским писателем в XVII в. К биографии А. Н. Радищева. Р. С. 1882. IX (т. XXXV), 457—532. Общий обзор следствия и суда, Материалы из дел Петерб. Уголовной Палаты.

168. **В. И. Семевский.** Крестьянский вопрос при Екатерине II в письмах кн. Д. А. и А. М. Голицыных. 1765—1775 г.г. Р. С. 1882. VIII (т. XXXV), 236. О плане крестьянской реформы Р.

169. **А. Незеленов.** Александр Николаевич Радищев. (Литературная характеристика). Исторический Вестник 1883, III, 5—27. Перепечатано **А. Незеленов.** Литературные направления в Екатерининскую

эпоху. Изд. Н. I. Мартынова. С. П. Б. 1889.

170. Проф. **Н. Аристов.** Афанасий Прокофьевич Шапов. (Жизнь и сочинения). Тип. А. С. Суворина. С. П. Б. 1883. Стр. 159. Приложение: Дума А. Шаповова «Гражданская грусть». (Мотив «гражданской грусти» Радищева в отрицании форм современной ему жизни).

171. **Н. Ф. Хованский.** Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губ. Саратов, 1884. Вып. I. Стр. 39—47. Статья: Александр Николаевич Радищев. Отзыв: Д. Л. Мордовцев. Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губ. Н. Ф. Хованского. Исторический Вестник 1884, XI, 475—478.

172. **Н. М. Карамзин.** Письма русского путешественника. Т. I. Изд. А. С. Суворина. С. П. Б. 1884. Стр. 118.

173. Краткий биографический очерк, прочитанный **Н. П. Боголюбовым** при открытии Радищевского музея в Саратове 29/VI—1885 г. Саратовский Дневник 1885, № 138, 2 июля. Перепечатано: Исторический Вестник 1890, I, 180—182. (Приведена в статье А. Куш «Радищевский музей в Саратове» См. № 464).

174. Проф. **А. Брикнер.** История Екатерины II. Изд. А. С. Суворина. С. П. Б. 1885. Ч. IV. Стр. 640. О примечаниях Екатерины на «Путешествие». Ч. V. Стр. 691—696, 698. Гл. I. Реакция. Радищев и Новиков.

175. Путешествие по северу России в 1791 г. Дневник **П. И. Челищева.** Изд. под наблюдением Л. Н. Майкова. С. П. Б. 1886. Стр. VI, VII. В предисловии, что Челищев был заподозрен в соучастии с Р. по написанию «Путешествия». Стр. 244. В дневнике, что Челищев видел Р. во сне.

176. **В. Е. Якушкин.** Радищев и Пушкин. Чтение в имп. Общ. Истории и Древностей Российских при Московском Унив. 1886, апрель—июнь, кн. II, отд. II, 1—58. Отзыв: А. Н. (Пыпин), «Радищев и Пушкин» В. Якушкина. В. Е. 1887, II, 870—879.

177. Перепечатано: **В. Е. Якушкин.** О Пушкине. Статьи и заметки. Изд. М. И. Сабашникова, М. 1899. Стр. 3—61. Статья «Радищев и Пушкин».

178. Сочинения **К. Н. Батюшкова.** Изд. П. Н. Батюшковым, со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанной Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. С. П. Б. Т. I. 1887; Т. II. 1886. Т. I. (По указателю имен). В статье Л. Н. Майкова о влиянии идей Радищева и его теории стихосложения на «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».

Т. II. (По указателю имен). В статьях **К. Н. Батюшкова** упоминания о намерении написать статью о Радищеве. В примечаниях В. И. Саитова упоминания.

179. **В. Спасович.** Пушкин и Мицкевич у памятника Петра Великого. В. Е. 1887, IV, 783—785. О взгляде Пушкина на Р. в последний период жизни. (Ср. В. Е. Якушкин. Радищев и Пушкин. № 176). Перепечатано: Сочинения **В. Д. Спасовича.** С. П. Б. 1889. Т. II. Стр. 279—281.

180. **Гельбиг.** Русские избранники и случайные люди в XVIII в. Перевод и прим. В. А. Бильбасова. Р. С. 1887, X, 25—28. Общие биографические данные. Отношение Воронцова, Дашковой и современников. На немецком языке. См. № 92.

181. **В. И. Семевский.** Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Тип. «Общественная Польза». С. П. Б. 1888. Т. I. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX в.в. Стр. 213—222, 249—250, 283, 307—308. Гл. XIII. Крестьянский вопрос в литературе. Гл. XVI. Имп. Александр I. Крестьянский вопрос в неофициальной комиссии Гл. XVIII. Пнин и его книга. Посмертное сочинение Радищева. («Описание моего владения»). Т. II. Крестьянский вопрос в царствование Николая. Стр. 258—260. Гл. IX. Крестьянский вопрос в литературе: Пушкин. (Взгляд Пушкина на Р.).

182. К биографии Радищева. Записка гр. **П. В. Завадовского** к Александру I. Исторический Вестник 1889. I, 245—246. Примечания М. И. Сухомлинова. Ходатайство о зачислении Р. в комиссию составления законов и возвращении прав.

183. **Е. Ф. Шмурло**. Петр Великий в русской литературе. Тип. В. С. Балашева. С. П. Б. 1889. (Извлечено из журн. Мин. Нар. Просв. 1888). Стр. 33—34. Взгляд Радищева на Петра.

184. Переработано: **Е. Шмурло**. Петр Великий в оценке современников и потомства. Сенатская тип. С. П. Б. 1912. Вып. I. (XVIII в.). Стр. 84. Небольшие изменения против предыдущего.

185. **А. И. Незеленов**. Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина. (Из рукописей Румянцевского музея). Исторический Вестник. 1889, III, 676, 677, 678, 680. Ссылка в «Бове» Пушкина на Р. Взгляд Пушкина на Р. (Ср. Якушкин. «Радищев и Пушкин». № 176).

186. Из дневника и записной книжки гр. **П. Х. Граббе**. 1859. Р. А. 1889, X, 707. Заметка по прочтении биографии, составленной П. А. Радищевым, см. № 112.

187. **А. П. Пятковский**. Из истории нашего литературного и общественного развития. Монографии и критические статьи. В 2-х частях. Второе дополненное изд. С. П. Б. 1889. Ч. I, 93—94. Статья «Осьмнадцатый век». См. № 46.

Ч. II, стр. 46, 61. Статья: Очерки из истории русской журналистики. Упоминания в связи с деятельностью Пнина, стихи Пнина на смерть Р. Впервые в «Деле» 1868, II, 199; 1869, I, 43.

188. **М. И. Сухомлинов**. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Изд. А. С. Суворина. С. П. Б. 1889. Т. I. Стр. 541—671. Статья: А. Н. Радищев. Оглавление: Юношеские годы Радищева. Литературная история «Путешествия». Появление его в печати. Впечатление, произведенное книгой Радищева. Арест автора и предварительное следствие. Литературные занятия Радищева в крепо-

сти. Мнения, представленные Радищевым в комиссию составления законов. Отношение последующей литературы к Радищеву. Впервые в Сборнике Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. XXXII, № 6. С. П. Б. 1883. 143 стр. Отзывы: 1. А. Незеленов. А. Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Исторический Вестник, 1883, XII, 614—617. Перепечатано: А. Незеленов. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. (Приложение). 2. (А. Н. Пыпин). А. Н. Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». М. И. Сухомлинова. В. Е. 1883, VI, 868—873. 3. А. В. (А. Пыпин). В. Е. 1889, VI, 818.

189. **В. Якушкин**. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Русские Ведомости 1890. № 183, 6 июля.

190. А. Н. Пыпин. История русской этнографии. Т. I. Общий обзор изучения народности и этнография Великорусская. Тип. М. М. Стасюлевича. С. П. Б. 1890. Стр. 25. Гл. Общий обзор изучения народности и результат их в современных понятиях. («Путешествие» как первая яркая картина крестьянского быта). Стр. 205—208. Гл. VI. Александровские времена. Радищев. (Язык Радищева, его взгляды на крестьянский вопрос. Радищев и Карамзин—их народность.).

191. **А. М. Скабичевский**. Очерки по истории русской цензуры. (1700—1863). Изд. Ф. Павленкова. С. П. Б. 1892. Стр. 56—60. Впервые: Отечественные Записки 1882, IV, 480—485.

192. **А. Ляшенко**, Иван Андреевич Крылов. Исторический Вестник, 1894, XI, 498—499. Радищев писал в «Почте Духов»—Дальновид.

193. Пажи за 183 года. (1711—1894). Биографии бывших пажей с портретами. Собрал и издал **О. Р. фон-Фрейман**. Тип. Акционерного Общ. Фридрихгамн. 1894. Стр. 41—44, 858. Неправильное указание на перевод Монтескье «Рассуждение о величии и упадке римлян». (То же у Н. А. Радищева, см. № 140).

194. **Л. Майков**. Историко-литературные очерки. Изд. Л. Ф. Панте-

лева. С. П. Б. 1895. Стр. 7, 36. Радищев—сотрудник «Почты Духов».

195. **А. Н. Пыпин**. Времена Екатерины II. В. Е. 1895, VI, 750, 758; VII, 262, 289, 300, 308—313. В VI кн. упоминания, в VII характеристика мировоззрения, значение «Путешествия».

196. Записки **С. Н. Глинки**. Изд. ред. журн. «Русская Старина». С. П. Б. 1895. По указателю имен. О невинности Екатерины и Потемкина в суровом приговоре. Впервые Русский Вестник 1865, VII.

197. **Л. Майков**. Батюшков, его жизнь и сочинения. Изд. второе, вновь пересмотренное. Изд. Л. Ф. Маркса. С. П. Б. 1896. Стр. 30—33. Впервые в собрании сочинений К. Н. Батюшкова 1887, т. I. Содержание, см. там. № 178.

198. **Н. А. Добролюбов**. Сочинения. Изд. 5-е. О. Н. Поповой. С. П. Б. 1896. Т. I. Стр. 111, 112, 142. Статья: «Русская сатира Екатерининского времени». Впервые: Современник 1859, X. Перепечатано: Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова под ред. М. К. Лемке, т. III. Изд. А. С. Панафиной. С. П. Б. 1911. См. № 265.

199. **В. А. Гольцев**. Законодательство и нравы в России XVIII века. Изд. 2-е. С. П. Б. 1896. Стр. 129, 143—144. О самовластии государя в «Житии Ушакова».

200. Товарищи и птенцы Н. И. Новикова. (Их взаимная переписка). Р. С. 1896, XI, 323—325, 327, 329—331, 333. Перепечатано: Я. А. Барсков. Переписка московских масонов. См. № 286.

201. **В. И. Семевский**. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в. Историческое Обозрение. Сборник Истор. Общ. при С. П. Б. Унив. Изд. под ред. Н. И. Кареева. Т. IX. 1897. Стр. 250—251.

202. **Н. С. Тихонравов**. Сочинения. Т. III. Русская литература XVIII и XIX вв. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1898. Т. III, ч. I. Стр. 273, 279, 280. 1) В статье «Четыре года из жизни Карамзина». (Дружба Радищева и Кутузова). 2) в статье «Киевский митрополит Евгений Болховитинов». (Парал-

лель—митр. Евгений и семинарист из «Путешествия»). Т. II, ч. II, стр. 52. Упоминания.

203. **С. С. Шашков**. Собрание сочинений. Т. II. Исторические очерки. Исторические этюды. Изд. О. Н. Поповой. С. П. Б. 1898. Столб. 290—291. Статья «Русская Реакция». Гл. III. 1762—1796.

204. **П. Милоков**. Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1898. Т. I, стр. 37. В примечании о мировоззрении Р.—философа.

205. (Без автора). Пушкин. Научное Обозрение 1899, VI, 1162, 1171. Взгляд Пушкина на Радищева.

206. **В. А. Мякотин**. Из Пушкинской эпохи. Сборник журнала «Русское Богатство», под ред. Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко. С. П. Б. 1899. Стр. 223, 233—235. О взгляде Пушкина на Р.

207. **П. О. Морозов**. Пушкин. (К столетию с дня рождения). Образование 1899, V—VI, 20. Общность идеалов Пушкина и Р.

208. **В. Якушкин**. Радищев. Энциклопедический словарь. Т. XXVI (полут. 51). Ф. А. Брокгауз—И. А. Ефрон. С. П. Б. 1899. Стр. 79—83. Общие биограф. данные.

209. Проф. **Е. Бобров**. А. Н. Радищев, как философ. Философия в России. Материалы, исследования и заметки. Вып. III. Тип. Имп. Унив. Казань. 1900. Стр. 55—77; 206—255. (Стр. 78—205. Трактат Радищева «Человек, его смертность и бессмертие». См. № 40).

210. **П. Н. Полевой**. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1900. Т. II, вып. V. Стр. 203—210.

211. **П. Мизинов**. История и поэзия. Историко-литературные этюды. Изд. Н. К. Андреева. М. 1900. Стр. 524—525. Статья «Пушкин—сын века». Ср. П. Н. Сакулин. Пушкин. См. № 304.

212. **Юрий Селовский**. Литературные очерки. Тип. А. В. Васильева. М. 1900. Стр. 459, 463—464. Очерк: «Народ и деревня в русской поэзии второй половины XVIII в.».

Влияние народной поэзии на Р. («Бова», «Песни петье» и т. д.).

213. **А. С. Пушкин.** Сочинения изд. имп. Академии Наук. Приготовил и примечаниями снабдил Л. Майков. СПб. 1900. Т. I. По указанию имен. У Майкова об Р. — теоретике поэзии. «Бова» Радищева и «Бова» Пушкина.

213-а. **Ю. А. Веселовский.** Сентиментализм в западно-европейской и русской литературе. Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. Т. XXIX. (Полутом 58). (1900). Стр. 538. Сравнение «Путешествия» Радищева с «Путешествием» Стерна.

214. **Н. К. Шильдер.** Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1901. Стр. 322. Рескрипт гр. Самойлову о возвращении Р. из ссылки.

215. Труды **Я. К. Грота.** Т. III. Очерки из истории русской литературы. (1848—1893). СПб. 1901. Стр. 163. Очерк «Деятельность и личность Карамзина» в примечании, что, после смерти Александра I, Блудов и Дашков в его бумагах нашли записки Р. о законоположении.

216. Сочинения имп. **Екатерины II** на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. Изд. имп. Академии Наук. СПб. 1901. Т. IV. Стр. 236, 241. Приведена программа и аргумент к пьесе «Le procureur arbitre» Poisson, в примечании сказано, что внизу листа программы значится «Composé par le Sr. Tchetchoff écrit le sr. Radichoff». По этому вопросу см. **В. В. Мияковский** и др. Годы учения А. Н. Радищева. Голос Минувшего. III. 14. См. № 280.

217. **В. А. Мякотин.** Из истории русского Общества. Этюды и очерки. Изд. Л. Ф. Пантелеева. СПб. 1902. Стр. 184—248. Статья: «На заре русской общественности». Содержание: Биограф. Р. Литературная деятельность. Сотрудничество в «Почте Духов» и возможность участия в «Живописце». Разбор

«Путешествия». Мировоззрение Радищева—общественника. Р.—философ. «Описание моего владения». Впервые в литер. сборн. «На славном посту», посвященном Н. К. Михайловскому. 1900. Стр. 451—509. Перепечатано: **В. А. Мякотин.** На заре русской общественности. Ростов-на-Дону. 1904. 87 стр. Перепечатано: **В. Мякотин.** На заре русской общественности. «Задруга». М. 1918. 80 стр.

218. **В. Якушкин.** А. Н. Радищев. († 12 сентября 1802). «Русские Ведомости». 1902. № 252, 12 сентября; № 259, 19 сентября; № 268, 28 сентября. I. Учебные годы. II. Служба, семейная жизнь. Начало литературной деятельности. III. Книга Радищева. IV. Следствие и суд. V. Ссылка. VI. Возвращение в Петербург. VII. Судьба книги Радищева.

219. **Н. Энгельгардт.** История русской литературы XIX века. Т. I. 1800—1850. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1902. Стр. 12—16, 19—29. Гл. I. Начало века. (Радищев-писатель. Дровозвоник народного духа и склада в поэзии, Пушкин и Радищев. Возможное влияние «Журавлей» Р. на окончание «Цыган» Пушкина). Отрывок о Пушкине и Радищеве впервые; Чтец. (Н. Энгельгардт), Пушкин и Радищев. Новое Время 1901, № 8984, 3 марта (иллюстрированное приложение).

220. **В. Е. Якушкин.** Учебные годы А. Н. Радищева. (Отрывок из его биографии). «Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Н. И. Стожожко, составленный его учениками и почитателями. М. 1902. Стр. 185—203.

221. **В. Сиповский.** Пушкинская юбилейная литература 1879—1900 г.г. Критико-биографический обзор. Изд. Пушкинского Лицеистского Общества. СПб. 1902. По указанию имен.

222. **А. Л. Официальная** выписка о смерти Радищева. Литературный Вестник. 1902. VI, 13. 9. Выписка из ведомости Волкова кладбища за сентябрь 1802 г.

223. **П. Милоков.** Очерки по истории русской культуры. Часть

третья. Национализм и общественное мнение. Вып. II. Изд. ред. журн. «Мир Божий». СПб. 1903. (Ср. повторные издания). Стр. 377—402. Гл. VIII. Радиализм и реакция. Философские и политические идеи Лейпцигского кружка.— Влияние немецкой университетской философии и французского материализма и сексуализма.— Электизм кружка.— Источники трактата о смертности и бессмертии и неодинаковые отношения Радищева.— Влияние политической жизни Запада; первая борьба.— Отношение к Маблю.— Настроение при возвращении домой и после.— Связь «Путешествия» Радищева с настроением 80 годов.— «Законность» — основной критерий «Путешествия»; бесправие главное зло русской жизни.— Обращение к престолу.— Царь и истина (Сон).— Свобода слова.— Проект социальной реформы (крестьянской и чины), вложенный в уста потомка Екатерины.— Отдаленные перспективы и ода.— Прием книги публичной и отношение Екатерины.— Отношение Екатерины к Франции, двору до революции; ее первые суждения о волнении умов во Франции. Перемена тона после 14 июля.— Тревога по поводу радищевской книги, как проявления оппозиционного духа.— Приговор и произведенное им впечатление. Впервые «Мир Божий». 1902. XI.

224. **В. В. Калаш.** «Рабства враг». Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. Т. VIII, кн. IV. СПб. 1903. Стр. 212—255. Литературная деятельность Радищева.

225. Настольный энциклопедический словарь. Т. VIII. 6 изд. с дополнениями до 1903 г. Бр. А. и И. Гранат. М. 1903. Стр. 4182.

226. **Д. В. Ульяновский.** Среди книг и их друзей. Часть первая. I. Из воспоминаний библиофила. II. Русские книжные росписи XVIII века. (Библиографический обзор). Изд. М. Я. Парделова. М. 1903. Стр. 26, 34, 46. Указания на редкость первого издания «Путешествия». Стр. 56—68. Инцидент А. С. Суворина и П. В. Шапова в

связи с переизданием «Путешествия» в 1888 г. Эпизод из истории перепечатки А. С. Сувориным «Путешествия» из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Отдельный оттиск из I части «Среди книг и их друзей» Д. В. Ульянинского. М. Тип. А. И. Иванова и К^о. 1903. 17 стр.

228. **М. Ольминский.** (М. С. Александров). Из истории дореформенной печати. Правда. 1904, X, 185, 186, 188.

229. **М. Туманов.** Александр Николаевич Радищев. В. Е. 1904. II, 637—703. «Путешествие и его значение в русской обличительной литературе. Историческое значение Радищева. Взгляд Радищева на народную поэзию, преемственность— Пушкин, Гоголь, Радищев и «Союз Благоденствия».

230. Полное собрание сочинений **И. А. Крылова.** Редакция, вступительная статья и примечания **В. В. Калаша.** Книгоизд. «Просвещение». СПб. 1904. Т. II. Стр. 310, 312, 476. Во введении о сходстве в манере письма Радищева и автора писем Выспрепара Астората и Сильфа Дальновидя. Т. III. Стр. 157, 162. В примечаниях сходство с мыслями в «Путешествии».

231. **Б. Глинский.** Конституционные веяния в начале XIX века. (Исторические параллели). И. В. 1905, XII, 961, 964, 972. Историческое значение Радищева.

232. **М. Н. Туманов.** Влияние русской литературы второй половины XVIII века на общественные нравы, законодательную деятельность правительства и государственное управление. Керчь. 1905. Стр. IV, XXI (введение). 5, 40—41, 62—64, 84, 97—100, 109—110, 116—117, 122, 143, 159, 209—210, 228, 230, 231, 243, 306—307, 315, 317, 327, 344, 357, 360, 369, 383, 384, 390, 396, 398, 402, 405, 406, 418, 428, 429, 434, 439, 440, 442, 444, 445. О мировоззрении Радищева, его взглядах на существующий строй и его идеалах. Распространение идей Радищева в высших правительственных кругах Павловской и Александровской эпохи.

233. Путешествие из Петербурга в Москву **А. Н. Радищева**. (Ред. Н. П. Павлова-Сильванского и П. Е. Щеголева). СПб. 1905. Стр. VII—XX. Н. П. Павлов-Сильванский. Жизнь Радищева. Содержание см. Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII—XIX вв. СПб. 1910. № 260. Стр. XXI—XXX. П. Е. Щеголев. Рукопись «Путешествия». Содержание: Заботы Радищева о рукописи перед арестом, «Лживый поступок» Радищева. Показания Радищева о сделанных им изменениях. Вор рукописи. Отделы и главы, вставленные Радищевым после цензуры. Первоначальный конец «Путешествия». Характер мелких поправок и изменений.
234. **Б. Л. Модзалевский**. Пнин Иван Петрович. Русский биографический словарь. Том Плавильщиков-Примо. СПб. 1905. Стр. 137. 138. Упом. о дружбе Радищева с Пниным.
235. **Андреевич. (Е. Соловьев)**. Опыт философии русской литературы. Изд. Т-ва «Знание». СПб. 1905. Стр. 75—79. Гл. II, отд. 3. Борьба с крепостничеством. Радищев. 2 изд. в 1909. 3 изд. Казань. 1922.
236. **С. Г. Сватиков**. Общественное движение в России (1700—1895). Изд. Н. Парамонова. Ростов-на-Дону. 1905. Стр. 40—44, 88—89. Мировоззрение Радищева и его проекты.
237. **В. Якушкин**. Радищев и цензура. «Русские Ведомости». 1905. № 321, 5 декабря.
238. **В. М. Флоринский**. Заметки и воспоминания 1865—1880. Р. С. 1906. У. 307. В заметке от 2 авг. 1880 г. о нахождении в Томской библиотеке экземпляра «Путешествия» с пометками и подписью Пушкина.
239. **Е. Ляцкий**. Радищев и Екатерина II. Эпизод из истории «дерзновенных книг». «Маяк». Литературно-публицистический сборник. Изд. А. Лугового. СПб. (1906). Стр. 237—265. Борьба власти со времени Екатерины II и позже с «Путешествием», основы этой борьбы. Зна-

чение «Путешествия»; историческая роль Радищева.

240. **В. И. Семевский**. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века. (Очерк из истории политических и общественных идей). Былое 1906, I, 19—26, 32. Мировоззрение Радищева в связи с эпохой.

241. **А. К. Бороздин**. Многогранный труд: Путешествие А. Н. Радищева из Петербурга в Москву. Тип. И. Д. Сытина. М. 1906. 32 стр. Характеристика Радищева. Борьба власти с «Путешествием», основы борьбы в содержании книги.

242. **М. Корольков**. Поручик Федор Кречетов. Шлиссельбургский узник XVIII столетия. Былое 1906, IV, 43, 52. Кречетов по духу близок Радищеву. Отзыв Кречетова о Р. по показанию одного из свидетелей по делу Кречетова.

243. **В. Соловьев. (Андреевич)**. Очерки по истории русской литературы XIX века. Изд. 3 исправленное, со вступительной статьей П. Пильского. Изд. Н. П. Карбасникова. СПб. 1907. Стр. XIII, XXIV. Упоминания во вступительной статье. Стр. 3—5. Радищев и скептическое движение в России. (1 изд. 1902. 4 издание 1923).

244. **А. А. Гавриленко**. А. Н. Радищев до ссылки. Биографический очерк. В. Е. 1907. VI, 484—504. Учебные годы Радищева. Служба. Литературные занятия. Участие в «Почте Духов». История написания «Путешествия».

245. **В. И. Чернышев**. Педагогические взгляды А. Н. Радищева. Изд. автора. СПб. 1907. 23 стр. Радищев—сторонник свободного воспитания семейного и общественного, представитель наиболее радикального течения XVIII в.

246. **В. И. Семевский**. Первый политический трактат Сперанского. Русское Богатство. 1907, I, 57—660. Влияние идей Радищева на Сперанского, отзыв Сперанского о Радищеве.

247. **Иванов-Разумник**. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.

Т. I. СПб. 1907. Стр. 4, 29, 30, 34—37, 40, 42, 43, 45, 46, 49. Р.—представитель первой группы интеллигенции—начало преемственной связи русской интеллигентной мысли. «Путешествие»—первое произведение нарождающегося русского сентиментализма. (3 изд. 1911. Изд. 4 дополн. 1914. Изд. 5 дополн. и перед. 1917).

248. **В. Чернышев**. Пушкин и Радищев. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. V. СПб. 1907. Стр. 125—127. Сравнение взглядов Радищева и Пушкина на русскую поэзию. Влияние статьи Р. о Третьяковском на Пушкина.

249. **П. Кропоткина**. Идеалы и действительность в русской литературе. С английского. Пер. В. Батуринского под ред. автора. Изд. тов. «Знание». СПб. 1907. Стр. 32, 35, 36. Краткие данные. Самоубийство, причина его.

250. **А. Богумил**. Начальный период народничества в русской художественной литературе. (XVI—1812). Киев. 1907. Оттиск из Университетских Известий. Киев. 1907. По указателю имен Университетских Известий 1908, II, Гл. IV. Ложноклассицизм. (О настроении, в оде «Вольность» и выдержки из нее). Гл. XII. Радищев, его воспитание. Подражание иностранному и картины положения крестьян. Чего хотел Радищев в социальной жизни? Сон автора. План освобождения крестьян. Утопические мечтания о господстве на земле разума. Критика книги Радищева Екатериной II. Суд, приговор, ссылка. Гл. XVII. Трагическая кончина Радищева и его посмертное произведение. («Описание моего владения»). Статьи, вызванные его смертью. Борна, Пнина.

251. Полное собрание сочинений **А. Н. Радищева**. Редакция, вступительные статьи и примечания В. В. Каллаша. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Т. I. Стр. 9—61. В. В. Каллаш. А. Н. Радищев. (Опыт характеристики).

252. **С. А. Тучков**. Записки. 1766—1808. Под ред. и вступительной статьей К. А. Военского. Тип.

лит. «Свет». СПб. 1908. Стр. VI. Упоминание во вступительной статье. Стр. 42, 43. Радищев—член «Общества Друзей Словесности», поместил в журнале Общ. «Беседующий Гражданин» статью «Беседа о том, что есть сын отечества». Гонение на членов Общ. в связи с процессом Р. Впервые записки С. А. Тучкова в Русском Вестнике 1906, прибавление. Об Р. кн. II, 63—64.

253. **П. Е. Щеголев**. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева. (1789). Минувшие Годы 1908, XII, 191—209. Оттиск 1908, 21 стр. Перепечатано: П. Е. Щеголев. Исторические этюды. 1913. Анализ литературы по вопросу об участии Радищева в «Почте Духов». Радищев не был сотрудником «Почты Духов». Радищев—член «Общества Друзей Словесности», соиздатель журнала Общ. «Беседующий Гражданин», автор статьи «Беседа о том, что есть сын Отечества». (Ср. записки С. А. Тучкова, предыдущий номер). Отзыв: Н. Сидоров. Обзор журналов. Голос Минувшего. 1913, VI, 239—241.

254. История русской литературы под ред. прив.-доц. А. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсянко-Куликовского. Изд. И. Д. Сытина. М. 1908. Т. II, вып. XX, стр. 434—456. А. К. Бороздин. История русской литературы до XIX в. Гл. XXI. На пороге нового века. А. Н. Радищев. (Биогр. данные. Характеристика Р. Причина длительности гонений на «Путешествие». Влияние идей Р. на общественное движение России XIX в. Трактат «Человек, его смертность и бессмертие», Р., как философ).

255. История русской литературы XIX в. под ред. Д. Н. Овсянко-Куликовского. Издание тов. «Мир». 1908. Т. I. Стр. 418. Н. О. Лернер. Проза Пушкина.

256. **В. Сыромятников**. Политическая доктрина «Наказа» П. И. Пестеля. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. Тов. «Печатня С. П. Яковлева». М. 1909. Стр. 681, 684, 700, 704. Идеи Пестеля.

ля, как преемственное развитие идей Радищева.

257. **А. Н. Пынин.** Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. Изд. 4 с 3 дополненного без перемен. Кн-во «Колос». СПб. 1909. По указателю имен. В гл. П. Пушкин. Упоминание в связи с эволюцией мировоззрения Пушкина. В других главах упоминания.

258. **В. И. Семевский.** Политические и общественные идеи декабристов. Тип. первой трудовой артели. СПб. 1909. По указателю имен. Характеристика Радищева. Обзор деятельности. Знакомство группы декабристов с «Путешествием» и другими произведениями Р., влияние его идей на декабристов, «Проект» Радищева и «Союз Благоденствия». Отзыв: Л. Войтовский. Киевская Мысль 1909, № 166, 18 июня.

258а. **А. Евлахов.** Пушкин как эстетик. Киев. 1909. Стр. 25—26, 34—35, 40—43, 47—53, 102—103, 109. Об эволюции взгляда Пушкина на Радищева.

259. **В. В. Данилов.** Юношеская драма В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин». (Очерк из истории народничества в русской литературе). Рус. Филологический Вестник 1910, т. VIII, 57—58, 67—70. О возможном влиянии на Белинского «Путешествия» Радищева. Сравнительный анализ «Дмитрия Калинина» и главы «Городня». По тому же вопросу: (у М. А. Протопопова: «В. Г. Белинский, его жизнь и литературная деятельность». Изд. Ф. Павленкова. СПб. 1891. На стр. 33 упоминание о сходстве фабулы и возможном влиянии. 2. В полном собрании сочинений В. Г. Белинского. Под ред. и с примечаниями С. А. Венгерова. Тип. М. М. Стасюлевича. СПб. 1900. Т. I. Стр. 128. В примечаниях С. А. Венгерова по поводу замечания М. А. Протопопова о самостоятельности творчества Белинского). Оттиск статьи В. В. Данилова. Варшава. 1910.

260. **Н. П. Павлов - Сильванский.** Очерки по русской истории XVIII—

XIX в.в. Тип. М. М. Стасюлевича. СПб. 1910. Стр. 100—150. Статья: Жизнь Радищева. Гл. I. Свободный мыслитель XVIII в. II. Детство и Лейпцигский университет. III. Первые литературные опыты и служба (1771—1790). (Сотрудничество в «Почте Духов» и «Беседующем Гражданине»). IV. Работа над «Путешествием из Петербурга в Москву». (1785—1790). V. Екатерина II и Радищев. VI. Следствие и суд. VII. Трактат о бессмертии. VIII. Возвращение в Россию. IX. Цензурные гонения. Впервые в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. (Ред. Н. П. Павлова - Сильванского и П. Е. Щеголева). СПб. 1905. См. № 66.

261. **Ю. Айхенвальд.** Отдельные страницы II сборник статей. Кн-во «Заря». М. 1910. Стр. 95—104. Статья: О книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

262. **А. Лосский.** А. Н. Радищев. Русский биографический словарь. 1910. Том Притвиц-Рейс. Стр. 382—387.

263. **Н. И. Тургенев.** Дневник и письма 1806—1811 г.г. (I том). Под ред. и с примечаниями Е. И. Тарасова. Изд. Отделения Русского языка и словесности Академии Наук. СПб. 1911. Стр. 64.

264. **Е. Тарасов.** К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А. М. Кутузов. (По неизданным документам). Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб. 1911. Стр. 205—209, 228, 230. Радищев и Кутузов. Развитие личности Радищева.

265. **Н. А. Добролюбов.** Первое полное собрание сочинений. Под ред. М. К. Лемке. Т. I. 1855—1858. Изд. А. С. Панафидиной. СПб. 1911. Стр. 571—576. Статья: Сочинение Пушкина. 7 дополн. том. Изд. П. В. Анненкова. Том III. Статья: Русская сатира в век Екатерины. См. № 198.

266. **А. Веселовский.** Этюды и характеристики. Четвертое значительно дополненное изд. Тип.-лит. Кушнерев и К^о. М. 1912. Т. II. Стр. 141—144. Статья Альцест и Чацкий (см. № 161). 2) Стр. 195. Чувствитель-

ный и холодный (упом.). 3) Стр. 218. Мертвые души. Глава из этюда о Гоголе. (О возможном влиянии «Путешествия» на форму «Мертвых душ»). Изд. 2—1903, 3 в 1907 г. Во втором изд. статья «Три путешествия». (Параллель: «Путешествие из Петербурга в Москву», путешествие из «Евгения Онегина» и «Мертвые души»). В 3 и 4 изданиях не перепечатана.

267. **Н. Даденков.** Иван Петрович Пнин. Опыт его биографии и литературной деятельности. Оттиск из «Известий Историко-Филологического Института кн. Безбородко в Нежине», т. XXIII. Нежин. 1912. Стр. 34—35. Пнин—последователь Радищева. Влияния Радищева на Вольное Общество любителей словесности, искусств и наук.

268. **В. Ключевский.** Очерки и речи. Второй сборник статей. Тип. Рябушинского, М. (1912). Стр. 316, 317. В очерке: «Императрица Екатерина II (1796—1896)», сопоставление с кн. Щербатовым.

269. **А. А. Кизветтер.** Исторические очерки. Тип. А. Левенсон. М. 1912. Стр. 56, 58—59, 67—70, 71, 85, 87. Статьи: 1. Русская утопия XVIII века. (Сравнение мировоззрения Радищева и кн. Щербатова). 2. Иван Петрович Пнин. (Дружба Радищева с Пниным. Пнин—связующее звено Радищев—Рылеев). Ср. № 313г.

270. **В. П. А. Н. Радищев—управляющий С.-Петербургской таможенной. Труды Саратовской Ученой Архивной комиссии.** 1912. Вып. XXIX. 125—128.

271. **Н. Н. Булич.** Очерки по истории русской литературы и просвещению с начала XIX века. 2 изд. С предисловием Н. К. Кульмана. Тип. М. М. Стасюлевича. СПб. 1912. Стр. 57—58, 84—85. Взгляд Радищева на цензуру. Радищев и «Вольное Общ. любителей словесности наук и художеств».

272. **(П. Е. Щеголев).** И. А. Гончаров—цензор Пушкина. Голос Земли 1912, № 20, 29 января. В докладе о сомнительных в цензурном отношении местах 7 дополнительного тома изд. Анненкова 1857 г. заметка к статье «Александр Радищев».

273. **Н. П. Кашин.** Новый список биографии А. Н. Радищева. Чтение в Имп. Общ. Истории и Древностей Российских при Московском Унив. Кн. 2. М. 1912. Отдел III, стр. 1—26. Оттиск. М. 1912. 26 стр. Дополнения к биографии А. Радищева, составленной П. А. Радищевым позже появления ее в Русском Вестнике 1858 г. по двум рукописям, хранящимся в Историческом Музее. (Ср. с первоначальным текстом, приведенным у В. П. Семенникова «Радищев». 1923). Отзывы: 1. Ч. В—ий. (В. Е. Чешин). Новое о Радищеве. Русские Ведомости 1912, № 295, 22 декабря. 2. Н. Сидоров. Обзор журналов. Голос Минувшего 1913, VI, 240—241. 3. В. Мияковский. Новое об А. Н. Радищеве. Научный исторический журнал, 1914, т. I, вып. 2, № 2, 1—6.

274. **В. П. Семенников.** Ранее издательское общество Н. И. Новикова. Русский Библиофил, 1912, V, 39—40, 44, 46. Близость Р. к обществу, старающемуся к напечатанию книг (1773), издание Новиковым перевода Мабли. Отзыв см. № 276.

275. **В. П. Семенников.** К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. Русский Библиофил 1913, I, 65. Об участии Р. в «Обществе друзей словесных наук». Оттиск; Тип. «Сирис». 1913. Стр. 14. Отзыв см. следующий номер.

276. **Его же.** Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. Русский Библиофил 1913, IV (приложение) 9, 13. Перевод «Офицерских упражнений» сделан Р.; ему же принадлежит перевод «Размышлений» Мабли. Оттиск; Тип. «Сирис». 1913. (С прибавлением указателя имен). Отзыв: В. Мияковский. Новое об А. Н. Радищеве. Научный исторический журнал 1914, т. I, вып. II, № 2, 6—9.

277. **Т. Ганжулевич.** Крестьянство в русской литературе XIX века. Тип. «Общественная Польза». СПб. 1913. Стр. 9—25. Гл. I. Крепостной быт в книге Радищева и его позднейшие отголоски.

278. **А. Н. Пынин.** История русской литературы. Изд. 4 без пере-

мен. Тип. М. М. Стасюлевича. СПб. 1911—1913. Т. III. 1911 г. Т. IV. 1913 г. По указателю имен в IV т. В т. III ряд упоминаний. В IV т. Обзор литературной деятельности. 1 изд. 1899 г., 2 изд. 1903 г.

279. **В. М. Мияковский.** Песнь историческая Радищева и „Consideration“ Монтескье. Журн. Мин. Нар. Просв. 1914, III, 236—248. Сравнительный анализ «Песни исторической»: сочетание 2 элементов—заимствованного у западных мыслителей и присущего Радищеву мировоззрения.

280. **В. В. Мияковский.** Годы учения А. Н. Радищева. Голос Минувшего. 1914, III, 5—42. Гл. I. В корпусе пажей 1762—1766 г.: в семье.— В Москве у Аргамакова.— В корпусе пажей.— Пажи и их обязанности во дворце.— Учебные занятия пажей.— Нравы.— Близость к театру.— Программа одного спектакля. Гл. II. Радищев в Лейпциге 1767—1771 г.: Недостаток в образованных людях.— Цель отправления 12 молодых дворян в Лейпциг.— Гофмейстер Бокум. Лейпцигские истории.— Дальнейшая судьба отправленных за границу.— Лейпцигские годы в жизни русских студентов.— Воспоминания В. Н. Зиновьева.— В. Ф. Ушаков.— Чтения в Лейпцигском кружке.— Увлечение философией.— Платнер.— Гельвеций.— Рассуждения Ушакова о любви и о книге Гельвеция.— Политические писатели.— Трактат Беккариа и работа Ушакова.— Увлечение Мабли.— Учебные занятия.— Распущенность.— Дружба с Кутузовым. Учебные годы Радищева. Год. Мин. 1914, V, 83—104. Гл. III. Первый период петербургской жизни 1771—1775. Возвращение в Россию.— Первые впечатления.— Служба Радищева и Кутузова в Сенате.— Судьба других питомцев Лейпцигского университета.— Выход Радищева в отставку.— Дружба с Кутузовым.— Перевод из Мабли.— Примечание к переводу.— Издание перевода Н. И. Новиковым.— «Офицерские упражнения».— Служба в высшем суде.— Занятия Радищева.— Английский клуб.— Связь с масонством.— Во-

прос об участии Радищева в Живописце».

281. **В. Мияковский.** К истории цензурных гонений на сочинения Радищева. Русский Библиофил. 1914, III, 49—59. Оттиск. 1914, II стр.

282. **Е. И. Тарасов.** Московское общество розенкрейцеров. (Второстепенные деятели масонов). Масонство в его прошлом и настоящем. Т. II. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изд. «Задруга» и Н. Ф. Некрасова. М. (1914). Стр. 6, 7, 20, 22. Радищев и Кутузов: их дружба и расхождение во взглядах.

283. **Н. К. Пиксанов.** Н. В. Лопухин. Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изд. «Задруга» и Н. Ф. Некрасова. Т. I. М. (1914). Стр. 231, 240, 242, 250. Противопоставление мировоззрений Радищева и Лопухина.

284. **И. Н. Розанов.** Русская лирика. От поэзии безликой к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. «Задруга». М. 1914. По указателю имен. О влиянии идей Радищева и его теории стихосложения на характер лирики первой четверти XIX в.

285. Проф. **М. В. Довнар-Запольский.** Обзор новейшей русской истории. Изд. 2-е, с исправлениями. Киев, 1914, Том I. Стр. 9—10. Гл. I. Накануне XIX века. 1-е изд. в 1912 г.

285а. **В. П. Семенников.** Русские сатирические журналы 1769—1779 г.г. Русский Библиограф. 1914, III, приложение, 54—55. Об участии Р. в «Живописце».

285б. **В. П. Семенников.** Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основании документов архива конференции Императорской Академии Наук. С. П. Б. 1914. Стр. 85—87. Данные о переводе «Офицерских Упражнений». То же в «Русском Библиофиле». 1914, VI, приложение, стр. 85—87.

286. **Я. Л. Барсков.** Перелеска московских масонов в XVIII в. 1780—1792 г.г. Изд. Отделения рус-

ского языка и словесности Имп. Академии Наук. П. 1915. По указателю имен. В предисловии процесс Радищева и связь его с делом масонов, посещение Радищевым ложи «Урания». Дружба Радищева с Кутузовым и расхождение их взглядов. В письмах А. М. Кутузова, И. В. Лопухина, кн. Н. Н. Трубецкого и И. П. Тургенева сведения об Р. в период суда и ссылки и отношение масонов к Р.

287. Полное собрание сочинений А. С. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз—Ефрон. Т. VI. 1915. Стр. 369, 371. В. Водовозов. Политические и общественные идеалы Пушкина в последний период его жизни.

288. Сочинения **М. Н. Лонгинова.** Т. I. (1850—1859). Изд. Л. Э. Бухгейм. М. 1915. По указателю имен. Статьи: 1. Алексей Михайлович Кутузов и Николай Александрович Радищев. (Впервые: Современник, 1856. VIII. См. № 110). 2. Новиков и Шварц. Материалы для русской литературы в конце XVIII века. Упоминание. 3. Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. (Впервые: Русский Вестник, 1860, т. 25, II, 650). В примечаниях о существовании рукописи «Записки о происшествиях в России 1776—1792», пер. с немецкого, в котором есть данные о выходе «Путешествия».

289. **Ар. Фатеев.** М. М. Сперанский. Влияние среды на составление свода Законов в первый период его жизни. М. 1915. Отдельный оттиск из журн. «Юридический Вестник», 1915, кн. X (II). Стр. 16—18. О возможном влиянии Р. на Сперанского.

290. **В. Боголюбов.** Н. И. Новиков и его время. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1916. Стр. 35, 69, 87, 157, 164—172, 379—380. 406—408. Об идеологии Р. Связь процесса Р. с делом масонов.

291. **Вл. Бурцев.** Пушкинский экземпляр «Путешествия» Радищева с пометками Екатерины II. Биржевые Ведомости 1916, № 15981, 13 декабря.

292. **Вл. Бурцев.** Об изучении рукописей Радищева. Русские Ведомости, 1916, № 259, 9 ноября; № 265, 16 ноября. Общественная и литературная параллель: Радищев—Пушкин.

293. **А. Н. Пыпин.** Исследования и материалы по эпохе Екатерины II и Александра I. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX века. Редакция и примечания Г. В. Вернадского. Изд. «Огни». П. 1916. По указателю имен.

294. **В. П. Семенников.** «Когда Радищев задумал «Путешествие»?». («Отрывок Путешествия в И*** Т*** 1772 г. и «Путешествие из Петербурга в Москву» 1790 г.). Изд. Л. Э. Бухгейм. М. 1915, 46 стр.

Обзор предшествующей литературы по вопросу об участии Радищева в «Живописце». Сравнительный анализ «Отрывка» с главами «Пешки» и «Любань» из «Путешествия» и «Описания моего владения». Радищев—автор отрывка. Отзывы: 1. В. Мияковский. Семенников. «Когда Радищев задумал «Путешествие»?». Голос Минувшего 1916, XI, 239—241. 2. (Б. п.) Журнал Минист. Народн. Просвещения 1916, IV, 342—344.

295. **А. Веселовский.** Западное влияние в новой русской литературе. Пятое значительно дополненное изд. Тип. И. Н. Кушнерова. М. 1916.

По указателю имен. Обзор литературной деятельности, характеристика. Радищев—сотрудник «Почты Духов», стр. 97—109. 1-е изд. 1883 г., 2-е—1896 г., 4-е—1910 г.

296. **Г. В. Вернадский.** Русское масонство в царствование Екатерины II. П. 1917. По указателю имен.

297. **А. Н. Пыпин.** Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. II. Очерки литературы и общественной жизни. Предисловие и примечания Н. К. Пиксанова. Изд. «Огни». П. 1917. По указателю имен.

298. **Д. Н. Анучин.** Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. Кн-ство «Прологомены». М. 1918, 48 стр. Отзыв: Я. Барсков. Новое о Радищеве. Книга и Революция 1920, III—IV, 32—33.

299. **Г. В. Плеханов.** История русской общественной мысли. (1—3 гл. из 4 тома). Посмертное издание. Изд. Петр. Союза Раб. Потр. Общ. 1918. Стр. 55. 88—90. О взгляде Р. на русский народ. О расхождении во взглядах Р. и масонов.

300. **А. Н. Пыпин.** Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. III. Общественное движение. Издание пятое с предисловием Н. А. Котляревского. «Огни». П. 1918. (1-е изд.—1871 г.). По указанию имен.

301. **М. Н. Покровский.** Очерк истории русской культуры. Часть II. Изд. 2-е. Тов. «Мир». М. (1918). Стр. 207—211. Гл.: В. Демократия. Радищев; ода к «Вольности»; источники «монархмахии» Радищева.

301а. **В. И. Срезневский.** Всеподданнейшее прошение А. Н. Радищева. Русский Исторический Журнал. 1918, V, 258—264. Прошение Радищева от 21 декабря 1800 г. Из заметок об авторах коллекции В. И. Яковлева, принадлежащей рукописному Отделению Библиографии Российской Сп. № 56.

302. **А. И. Герцен.** Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемяков. Т. IX. 1857—1859 г. Литер. Изд. Отдел. Н. К. П. 1919. Стр. 270—277. I. № 1086. Из предисловия к изд. «Путешествия» 1858 г. Характеристика Радищева. 2. № 1087. Из того же издания. О статье Пушкина «Александр Радищев». (См. № 105).

303. **М. Гершензон.** Мудрость Пушкина. Кн-ство «Писателей в Москве». М. 1919. Стр. 53, 62.

304. Проф. **П. Н. Сакулин.** Пушкин. Историко-литературные эскизы. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. «Альциона», М. 1920. 75 стр. Отзывы: 1. Р. М. Пушкин и Радищев. Вестник Литературы. 1921, VI—VII, 10. 2. Н. Н. Фатов. Новые книги о Пушкине. Молодая Гвардия. 1923, I, 270—271.

305. **Я. Барсков.** Книги из собрания А. Н. Радищева. Дела и Дни. Исторический Журнал. 1920, I, 397—402. Реестр книг, предложенных Н. А. Радищевым для прода-

жи «комиссии о составлении Законов» после смерти отца.

305а. **Э. Радлов.** Очерк истории русской философии. 2-е дополн. изд. Кн-ство «Наука и Школа». П. 1920. Стр. 11—12.

306. **В. П. Семенников.** Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. ГИЗ. П. 1921. Стр. 49. Указание, что переводы Радищева напечатаны Новиковым.

307. **И. И. Лапшин.** Философские воззрения Радищева. Изд-во «Былое». П. 1922. 39 стр. Впервые в полном собрании сочинений А. Н. Радищева. под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. Т. IV, стр. VII—XXII. Отзыв: П. Ж. Книга и революция 1922. IX—X (XXI—XXII), 57.

308. **П. Н. Сакулин.** Русская литература и социализм. Часть первая—ранний русский социализм. ГИЗ. М. 1922. Гл. I. Ранний русский социализм. (Мировоззрения Радищева, его роли в развитии русской общественной мысли). В других главах ряд упоминаний, см. по указателю имен.

309. **В. П. Семенников.** Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Изд. «Былое». М. 1922, 48 стр. Содержание: I. Происхождение рукописи и особенности ее текста. II. Дополнения к печатному тексту «Путешествия из Петербурга в Москву». III. Обзор рукописи по главам. Первая и вторая главы в «Былом», 1922, XIX, 3—30. Отзыв: Н. К. Пиксанов. Печать и революция, 1922, VI, 277—278.

310. **Густав Шпет.** Очерки развития русской философии. Часть I. Изд. «Кодос». П. 1922. По указателю имен.

310а. **В. Брюсов.** Пушкин и крепостное право. (К 85-летию со дня смерти). Печать и революция, 1922, II (V), 8—10. Об отношении Пушкина к Радищеву.

311. **В. П. Семенников.** Радищев. Очерки и исследования. ГИЗ. М. 1923. XII + 453 + 1 нен. стр. Отглавление: 1. Предисловие.

II. Ода «Вольность» (Очерк ее литературной истории). III. Политический облик Радищева. (Черты характеристики): 1. Мотивы, литературно-общественного выступления. 2. Радищев и французская революция. 3. Пути политической мысли Радищева. IV. Радищев и масонство. V. Радищев в дни Александра I: 1. Радищев в комиссии составления законов. 2. Радищев и гр. А. Р. Воронцов. 3. Вопрос о «проекте» Радищева. 4. Радищев и вопрос о «правах гражданина». 5. Грамота Российскому народу. VI. «А. Н. Радищев». Новая редакция биографии, написанной П. А. Радищевым. VII. Радищев и Пушкин. (В связи с вопросом об историко-литературном и общественном значении Радищева). VIII. Приложение I. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». IX. Приложение II. «Проект Гражданского Уложения» вновь открытый труд Радищева. X. Заключение. XI. Примечания. Отзывы: 1. Н. П. Кашин. Печ. и Реv. 1923 VII, 186—189. 2. А. Я. Цинговатов. Красная. Новь 1924, I, 321—322. 3. В. Н. Сторожев. Каторга и ссылка 1924, I, (VIII), 263—265. Б. Вальденберг. Известия Отд. Русского языка и словесности Росс. Академии Наук. 1924 года. Т. XXIX. Л. 1925. Стр. 406—411.

312. **В. В. Святловский.** История экономических идей в России. Т. I. Классическая школа и ее разветвления. Культурно-просветительный коопер. Тов. «Начатки Знания». П. 1923. Стр. 84—90. А. Н. Радищев. Воззрения Радищева—сложный комплекс взглядов и учений конца XVIII века, но Радищев целостен в своих высказываниях. По указателю имен.

313. **Г. В. Плеханов.** Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Раб. коопер. изд. «Прибой». П. 1923. Стр. 7—8. В статье «14 декабря 1825 г.» (Речь, прочитанная на русском собрании в Женеве 14/27 дек. 1900 года). Радищев первый убежденный последовательный русский революционер из «интеллигенции».

313а. **Г. В. Плеханов.** А. Н. Радищев. (1749—1802). (Посмертная рукопись). Группа «Освобождения Труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Под редакцией Л. Г. Дейча. Сборник № 1. Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова. ГИЗ. М. 1924. Стр. 50—82. Ненапечатанная глава XIII из «Истории русской общественной мысли». О мирозерцании Радищева и его деятельности. На начале разбора журнальной деятельности рукопись обрывается. Со стр. 78 заметки о Радищеве.

313б. **И. Луппол.** Трагедия русского материализма XVIII века (к 175-летию со дня рождения Радищева). Под знаменем марксизма. 1924 VI—VII, 27—49. Радищев—философ. Трактат «О человеке, его смертности и бессмертии».

313в. Проф. **П. С. Богословский.** Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. (Опыт изучения). С приложением материалов о Пермском крае. Пермский Краеведческий сборник. Выпуск первый. Кружок по изучению северного края при Пермском Университете. Изд. Кружка. Пермь. 1924, стр. 1—28.

313г. **И. Луппол.** Русский гольбашинец конца XVIII века. «Под Знаменем Марксизма». 1925, III, 75. 91—92, 94, 102.

314. **I. Polivka.** Alexander Radisečv. Otisk z Českého Casopisu Historického roc. XII. Bez roka.

315. **Prof. Friedrich.** Russische Literaturgeschichte. Verlag von W. Ehrig, Heidelberg.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПО ТЕМАМ.

1. К биографии.

а. Общие очерки жизни и деятельности (1749—1802).

99 (Д. Бантыш-Каменский); 100 (Митроп. Евгений); 102 (Вейдмейстер); 104 (Энцикл. словарь 1856 г.); 112 (П. Радищев); 140 (Н. Радищев); 148 (Энцикл. сл. 1875 г.); 171 (Н.

Хованский); 173 (Н. Боголюбов); 188 (М. Сухомлинов); 193 (Фон-Фрейман); 208 (В. Якушкин); 217 (В. Мякотин); 218 (В. Якушкин); 225 (Энци. сл. Гранат, 1903 г.); 260 (Н. Павлов-Сильванский); 262 (А. Лосский); 273 (Н. Кашин и П. Радищев); 311 (В. Семенников и П. Радищев).

б. Детство, год учения, жизнь до появления «Путешествия» (1749—1790).

85 (Древняя Вивлиофика 1773 г.); 86 (Древняя Идрография 1773 г.); 115 (М. Лонгинов); 117 (Я. Грот); 120 (М. Лонгинов); 134 (Столетие англ. клуба); 136 (Н. Зиновьев); 138 (Сборн. Ист. Общ. 1872 г.); 216 (Н. Пыпин); 220 (В. Якушкин); 244 (В. Гавриленко); 270 (В. П.); 280 (В. Мияковский).

в. Появление «Путешествия», процесс ссылки последние годы жизни (1790—1802).

96 (А. Храповицкий); 97 (Имен. указ. в Собр. Законов); 103 (Екатерина II); 119 (Храповицкий); 121 (кн. А. Прозоровский); 124 (Материалы по делу в Чтении Общ. Ист. и Древн. 1865 г.); 132 (Арх. Гос. Сов.); 137 (С. Максимов); 139 (Екатерина II); 141 (Рапорт/Ирк. Нам.); 143 (Е. Дашкова, Е. Рубановская, А. Воронцов, Н. Радищев, М. Радищев, Пиль и Н. Новосильцев); 145 (А. Храповицкий); 160 (А. Безбородко); 166 (Павел I); 167 (В. Якушкин); 182 (П. Завадский); 167 (В. Якушкин); 214 (Павел I); 222 (А. Л.); 311 (В. Семенников).

2. К литературной и общественной характеристике.

а. Радищев—писатель (прозаик и поэт).

91 (Цветник); 93 (С. Уваров); 169 (А. Незеленов); 190 (А. Пыпин); 210 (П. Полевой); 212 (Ю. Веселовский); 219 (Н. Энгельгардт); 224 (В. Каллаш); 278 (А. Пыпин); 279 (В. Мияковский); 295 (А. Веселовский); 302 (А. Герцен).

б. Радищев—теоретик поэзии.

94 и 95 (С. Уваров); 213 (Л. Майков); 229 (М. Туманов); 284 (И. Розанов).

в. Радищев—философ.

209 (Е. Бобров); 217 (В. Мякотин); 223 (П. Милуков); 251 (В. Каллаш); 254 (А. Бороздин); 260 (Н. Павлов-Сильванский); 305а. (Э. Радлов); 307 (И. Лапшин); 310 (Г. Шпет); 313б (И. Луппол).

г. Общественные взгляды Радищева.

133 (А. Шапов); 170 (А. Шапов); 183—184 (Е. Шмурло); 195 (А. Пыпин); 198 (Н. Добролюбов); 199 (В. Гольцев); 217 (В. Мякотин); 223 (П. Милуков); 224 (В. Каллаш); 232 (М. Туманов); 236 (С. Сватиков); 240 (В. Семейский); 156 (Н. Ильинский); 247 (Р. Иванов-Разумник); 250 (А. Богумил); 251 (В. Каллаш); 254 (А. Бороздин); 260 (Н. Павлов-Сильванский); 271 (Н. Булич); 301 (М. Покровский); 302 (А. Герцен) 308 (П. Сакулин); 311 (В. Семенников); 312 (В. Святловский); 313, 313а (Г. Плеханов).

д. Радищев и крестьянский вопрос.

157, 164, 168, 181 (В. Семейский); 190 (А. Пыпин); 235 (Е. Соловьев); 251 (В. Каллаш).

е. Радищев—законодатель.

140 (П. Вяземский и О. Миллер); 156 (Н. Ильинский); 236 (С. Сватиков); 311 (В. Семенников).

ж. Педагогические взгляды Радищева.

245 (В. Чернышев).

з. К истории журнальной деятельности.

а. Радищев и «Живописец».

118 (Д. Кобеко) 122 (П. Ефремов); 217 (В. Мякотин); 280 (В. Мияковский); 294 (В. Семенников и В. Мияковский); 311 (В. Семенников).

б. Радищев и «Почта Духов».

126 (Я. Грот); 128 (В. Андреев); 129 (А. Пыпин и А. Суворин); 162 (А. Веселовский); 192 (А. Лященко); 194 (Л. Майков); 217 (В. Мякотин); 230 (В. Каллаш); 244 (А. Гавриленко); 253 (П. Щеголев); 260 (Н. Павлов-Сильванский); 295 (А. Веселовский).

в. Радищев и «Беседующий гражданин».

252 (С. Тучков); 253 (П. Щеголев); 260 (Н. Павлов-Сильванский).

4. Радищев и современники.

а. Радищев в изображении современников.

87, 88 (Masson); 89 (I. Castéra); 90 (H. Борн); 92 (Helbig); 96 (Храповицкий); 98 (С. Глинка); 101 (Г. Каменев); 103 (Екатерина II); 114 (Helbig и кн. Н. Голицын); 116 (Е. Дашкова); 118 (А. Храповицкий); 124 (Екатерина II); 139 (Екатерина II); 143 (Е. Дашкова, А. Воронцов, Н. Новосильцев, Пиль, М. Радищев, Н. Радищев, Е. Рубановская); 144 (Ф. Голицын); 145 (см. 286); 151, 152 (С. Воронцов); 154 (П. Завадовский); 155 (А. Безбородко); 252 (С. Тучков); 286 (А. Кутузов, П. Лопухин, Н. Трубецкой, И. Тургенев).

б. Радищев и Екатерина II.

103 (Екатерина II); 124 (М. Лонгинов и А. Суворин); 139 (Екатерина II); 223 (П. Милуков); 239 (Е. Ляцкий).

в. Радищев и масоны.

125 (М. Лонгинов и А. Пыпин); 264 (Е. Тарасов); 280 (В. Мияковский); 282 (Е. Тарасов); 283 (Н. Пиксанов); 286 (Я. Барсков); 290 (В. Боголюбов); 296 (Г. Бернадский); 299 (Г. Плеханов); 311 (В. Семенников).

г. Радищев и А. М. Кутузов.

110 (М. Лонгинов); 121 (А. Прозоровский); 124 (М. Лонгинов); 264 (Е. Тарасов); 280 (В. Мияковский); 282 (Е. Тарасов); 286 (Я. Барсков); 288 (М. Лонгинов).

д. Радищев и гр. А. Р. Воронцов.

143 (А. Воронцов); 154 (П. Завадовский); 155 (А. Безбородко); 159 (И. Пиль); 311 (В. Семенников).

е. Радищев и Общ. Друзей Словесности.

250 (А. Богумил); 252 (С. Тучков); 253 (П. Щеголев).

ж. Радищев и Пнин.

113 (И. Пнин); 153 (Н. Прытков); 188 (А. Пятковский); 234 (Б. Модзалевский); 250 (А. Богумил); 267 (Н. Даденков); 269 (А. Кизеветтер); 313г (И. Луппол).

з. Радищев и общество на печатания книг и Новиков.

274 (В. Семенников); 280 (В. Мияковский).

и. Радищев и Крылов.

126 (Я. Грот); 127 (В. Кеневич).

к. Радищев и Щербатов.

268 (В. Ключевский); 269 (А. Кизеветтер).

л. Радищев и Кречетов

242 (М. Корольков).

5. Отражение и развитие идей Радищева в первой четверти XIX века.

а. Радищев и Вольное Общество Любителей словесности, наук и художеств.

178 (К. Батюшков и Л. Майков); 197 (Л. Майков); 267 (Н. Даденков); 271 (Н. Булич); 284 (И. Розанов).

б. Радищев и Сперанский.

246 (В. Семейский); 289 (А. Фатеев).

в. Радищев и декабристы.

111 (А. Герцен); 157 (В. Семейский); 229 (М. Туманов); 256 (В. Сыромятников); 258 (В. Семейский); 263 (Н. Тургенев); 269 (А. Кизеветтер).

г. Идеи Радищева в законодательных проектах ранней Александровской поры.

232 (М. Туманов); 311 (В. Семенников).

По секции международной политики

1. **Е. Преображенский.**—Экономика и финансы современной Франции. Изд. 1926 г. Стр. 160. Цена 1 р. 20 коп.
2. **Лондонская конференция 16 июля—16 августа 1924 г.** (со вступительной статьей К. Радека). Изд. 1925 г., стр. 102. Ц. 90 коп.
3. **Мировая политика в 1924 г.** (сборник) под редакцией Ротштейна. Изд. 1925 г., стр. 332. Ц. 2 р.
4. **Ю. Ключников.**—Мирные договоры империалистической войны., стр. 166., ц. 1 р.
5. **К. Вейдемюллер.** Современная Италия (печатается).

По секции истории общественной мысли и революционного движения в России

1. **И. Меницкий.**—Революционное движение военных годов (1914—1917 г.г.). Очерки и материалы. т. II. Изд. 1924 г., стр. 314. Ц. 2 р. 50 коп. (разошлась).
2. » —Т. I. Конец 1914 г. Изд. 1925 г., стр. VIII + 444. Ц. 3 рубля.
3. **Легальная соц.-дем. литература в России за 1906—14 г.г.** (библиография) под ред. Г. Бешкина. Изд. 1924 г., стр. 280. Ц. 2 р. 50 к.

По секции научной методологии

1. **Статистический метод в научном исследовании** (сборник). Изд. 1925 г., стр. 211. Ц. 1 р. 50 коп.

По аграрной секции

1. **Л. Крицман.**—Классовое расслоение в советской деревне. Изд. 1926 г. Стр. 192. Цена 1 р. 50 коп.
2. **Н. Осинский.**—Американское сельское хозяйство по новейшим исследованиям. Изд. 1925 г., стр. 146. Ц. 75 коп.
3. **Я. Яковлев.**—Об ошибках хлебофуражного баланса ЦСУ и его истолкований. Изд. 1926 г. Стр. 88+12 таблиц на отдельных листах. Ц. 1 р. (разошлась).

Разные

1. **Библиография периодики.** Выпуск I/IV. Изд. 1923 г., стр. 49+63+32+52. Ц. 1 р.
2. **Н. Лукин.** (Н. Антопов).—Парижская коммуна 1871 г. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Изд. 1924 г., стр. 504. Ц. 2 р. 50 коп.
3. **Теория и практика диалектического материализма** (в избранных отрывках из произведений В. И. Ленина). Составил и снабдил примечаниями Г. Баммель. Изд. 1924 г., стр. 658+VIII. Ц. 3 руб. (разошлась).
4. **Теория и практика марксизма.** Книга для чтения по Ленину. Книга первая. Составил и снабдил примечаниями Гр. Баммель. Второе дополненное издание предыдущей книги. Изд. 1926 г. Стр. 500. Ц. 2 р. 40 к.
5. **Историко-философский сборник** (Труды Инст. Красной Профессуры). Изд. 1925 г., стр. 240. Ц. 2 руб.
6. **Л. Рудаш.**—Против новейшей ревизии марксизма. Изд. 1925 г., стр. 176. Ц. 1 р.
7. **Теоретическая работа коммунистов в 1924 г.** (библиографические материалы). Изд. 1925 г., стр. 41.
8. **В. Волгин.**—Сен-Симон и сенсимонизм. Изд. 1925 г. Стр. 104. Ц. 60 коп.
9. **Д. Кузовков.**—Палоговый фронт и денежная реформа. Изд. 1924 г., стр. 64. Ц. 30 к.
10. **С. Дубровский.**—Об одной разновидности ревизионизма (О теории декапитализации с. х., развиваемой Н. Н. Сухановым). Изд. 1926 г., стр. 40. Цена 35 коп.
11. **Ю. Стенлов.** М. А. Бакунин. 2-е издание (печатается).
12. **Революционное правительство в эпоху Конвента.** Под редакцией Н. М. Лукина. (Печатается).
13. **Е. Преображенский.** Новая экономика (печатается).
14. **Борьба за крестьянство.** Сборник (печатается).
15. **Куинссий и Поздняков.** Раздел общинных земель во Франции (печатается).